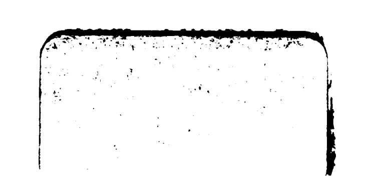
VE RI
TAS



П. А. КУЛИШЪ

МАТЕРІЯЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ

ВОЗСОЕДИНЕНІЯ РУСИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

1578—1630

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“

МОСКВА
Типографія А. А. Гатцука, на Кузнецк. мосту, д. Торлецкаго
1877

МАТЕРІЯЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ

ВОЗСОЕДИНЕНІЯ РУСИ

I

П. А. КУЛИШЪ

МАТЕРІЯЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ

ВОЗСОЕДИНЕНІЯ РУСИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

1578—1630

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“

МОСКВА
1877

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Предметами, которые ранѣе всего, до наступленія позднѣйшаго періода цивилизаціи, подвергаются общественной критикѣ, могутъ быть только вопросы, касающіеся видимыхъ и настоятельныхъ интересовъ общества, т. е политическіе вопросы высшей и неотлагательной важности. Если какая либо нація пріобрѣла въ значительной степени привычку и обнаружила способность свободно относиться къ этимъ вопросамъ и рѣшать ихъ съ осмотрительностью, заниматься политическими дѣлами въ обширномъ размѣрѣ, но безъ всякихъ разрушительныхъ намѣреній, такой націи можно предсказать громадный прогрессъ во всѣхъ отрасляхъ цивилизаціи.

Вальтеръ Беджготъ, *Естествознаніе и Политика.*

Представляемый мною любителямъ исторіи сборникъ имѣетъ двоякую цѣль:

а) сдѣлать общедоступными документальныя выписки, которыми я пополнялъ въ собственномъ умѣ общія историческія свѣдѣнія;

б) разъяснить при этомъ нѣкоторыя недоразумѣнія въ нашихъ понятіяхъ о быломъ, происходящія отъ незнанія однихъ источниковъ, отъ пренебреженія другими, отъ превратнаго истолкованія третьихъ.

Настоящее изданіе является, по этому, и сборникомъ матеріяловъ, и анализомъ такихъ предметовъ историческаго

изученія, которыми въ послѣдовательномъ повѣствованіи было бы неудобно заниматься специфически.

Ни одна часть исторіи русскаго міра не подверглась такимъ вымысламъ и извращеніямъ, какъ эпоха отпаденія южной Руси отъ Польши и присоединенія къ Московскому царству. Тѣ классы, которые въ эту эпоху представляли южнорусское общество или южнорусскій народъ, существовали сперва, какъ отрицаніе общества польскаго, и стремились къ соединенію съ Московскимъ царствомъ, въ силу древнихъ русскихъ преданій. Когда же соединеніе наконецъ совершилось, имъ стало жаль того строя жизни, который они выработали на республиканскій ладъ вмѣстѣ съ польскою шляхтою. Они были не въ состояніи переработать въ себѣ революціонный элементъ козачества, какъ это сдѣлала гражданственность великорусская, и, поддаваясь ему въ упадкѣ лучшихъ народныхъ силъ, пытались, подъ козацкими бунчуками, образовать въ южной Руси православную шляхетчину, то есть возсоздать формы полумонархической и полуреспубликанской жизни, ими же самими отвергнутыя.

Во время борьбы съ Польшею, въ извѣстной части южнорусской интеллигенціи произошли странныя на нынѣшній нашъ взглядъ предубѣжденія противъ гражданственности польской; а въ періодъ попытокъ вырваться изъ подъ опеки царскаго правительства, образовались въ ней еще болѣе странныя предубѣжденія противъ того, что составляло государственный и общественный строй русской монархіи. Въ эти двѣ противоположныя эпохи козацкихъ бунтовъ и общественныхъ переворотовъ, продолжавшихся болѣе полутораста лѣтъ, въ пылкихъ и мечтательныхъ малорусскихъ характерахъ зародилась умственная болѣзнь, которую можно назвать страстью къ перемѣнамъ, и которая выразилась въ народной пословицѣ:

хоть гирше, абы инше. Болѣзнь эта одолѣвала не только южнорусское простонародье, но часто и тотъ классъ южнорусскаго общества, который заключалъ въ себѣ наиболѣе талантливыхъ и предпріимчивыхъ людей,—классъ интеллигентный, или изображавшій собой интеллигенцію, за недостаткомъ въ южной Руси общества, въ самомъ дѣлѣ образованнаго. Она была причиною цѣлаго ряда измѣнъ и мятежей, ознаменовавшихъ политическую дѣятельность козачества отъ Виговскаго до Пугачова, котораго бунтъ состоялъ и въ нравственной, и въ фактической связи съ украинскимъ гайдамачествомъ. Она сдѣлалась у насъ въ Малороссіи, во множествѣ семействъ, наслѣдственною немочью здраваго смысла и, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, отразилась наконецъ, какъ въ беллетристикѣ, такъ и въ исторической литературѣ. Наши малорусскія повѣсти, драмы, поэмы, лирическія стихотворенія, относящіяся къ прошедшему, исполнены дѣтскаго лепета о той славѣ, которою гордились козаки, эти безразсудные и безпощадные опустошители сосѣднихъ странъ, не только иноплеменныхъ, но и родственныхъ имъ по племени и православной вѣрѣ. Владѣя общерусскимъ языкомъ и выработавъ, сверхъ того, такъ названный языкъ украинскій, мы придавали разгульнымъ добычникамъ обоихъ береговъ Днѣпра значеніе патріотовъ или защитниковъ гонимой вѣры, и, сохранивъ еще въ самихъ себѣ дикіе инстинкты родной старины, прославляли какъ нельзя усерднѣе подвиги, не имѣвшіе никакой гуманной цѣли. Въ пылу нашего козацкаго энтузіазма, мы опрокинули къ верху дномъ исторію Польши, сдѣлавъ изъ нея что то невѣроятное и невозможное. [1]) Почти въ та-

[1]) Начало этой фантасмагоріи, болѣе вредоносной, нежели можетъ казаться на поверхностный взглядъ, положилъ, во первыхъ, неизвѣстный доселѣ авторъ такъ называемой Лѣтописи Конискаго („Исторія

комъ же видѣ являлось въ нашихъ писаніяхъ и прошедшее государства Московскаго. Увлекшись дѣтскою гуманностью на счетъ исторической дѣйствительности, мы помѣщали „нашъ народъ" между непріязненныхъ ему націй, какъ мученика и героя среди чудовищъ. Новѣйшія соціалистическія ученія, возникшія на Западѣ, соединились въ нашемъ умѣ съ наслѣдственными воззрѣніями на наше прошедшее, и заставили насъ идеалы настоящаго переносить въ былую жизнь, управлявшуюся совсѣмъ иными нуждами, мнѣніями и стремленьями. Отъ этого въ нашихъ историческихъ и литературныхъ изображеніяхъ нѣкоторыя явленія былой жизни, такія на примѣръ, какъ землевладѣлецъ, крестьянинъ, козакъ, сошли съ принадлежащихъ имъ мѣстъ, соотвѣтственность между такими историческими дѣятелями, какъ церковь, національность, наука, для насъ изчезла, и необходимая для умственнаго удовлетворенія послѣдовательность идей нами потеряна. Въ силу отрицательнаго гуманизма, низшіе классы, подъ именемъ н а р о д а, явились у насъ носителями благородныхъ стремленій человѣка, въ предосужденіе высшимъ, а высшіе стали намъ представляться самымъ зловреднымъ скопищемъ олицетворенныхъ эгоизмовъ, которое, по нашему на него воззрѣнію, давнымъ давно долженствовало бы разрушить гражданское общество, созданное среди политическаго хаоса не кѣмъ другимъ, какъ этимъ же зловреднымъ скопищемъ.

Къ такому анти-историческому взгляду на сѣверную Славянщину писатели украинской школы были приведены, болѣе нежели чѣмъ либо другимъ, превратно понятою эпохою Богдана Хмельницкаго. Въ эту бѣдственную не для одной Польши эпоху мужикъ и мѣщанинъ волею и неволею перестали быть

Руссовъ"), а во вторыхъ, основавшійся на немъ высокоталантливый авторъ „Тараса Бульбы".

въ южной Руси тѣмъ, чѣмъ они были прежде; духовенство очутилось въ положеніи двусмысленномъ; землевладѣльцы прекратили свою хозяйственную и административную дѣятельность, а беземельный [1]) дотолѣ козакъ явился насильственнымъ представителемъ низшихъ сословій, унизительнымъ для православія [2]) протекторомъ церквей и дикимъ владѣльцемъ вотчинныхъ имѣній.

Великимъ несчастьемъ южнорусской исторіографіи было то, что она, начиная съ Самуила Величка, увлеклась фабулою исторіи, и не заботилась ни мало объ исторической критикѣ. Вдохновляясь національнымъ, а иногда просто запорожскимъ антагонизмомъ относительно одной или другой гражданственности, она породила, съ 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія, несогласную съ исторической дѣйствительностію беллетристику и, можно сказать, продолжила существованіе козачества— въ литературѣ. Этимъ она сдѣлала понятный шагъ въ томъ постепенномъ развитіи русскаго самосознанія, которое на Сѣверѣ выразилось трудами Карамзина, Пушкина и представителей созданной ими литературной школы. Этимъ она затруднила уясненіе не только польскорусскаго вопроса вообще, но и москвоукраинскаго въ частности. По милости литературныхъ проявленій нездороваго козакорусскаго ума, въ наше

[1]) Козаки, какъ козаки, владѣли де jure и де facto однимъ только Трахтомировомъ, съ его монастыремъ; прочими же грунтами, полями и угодьями владѣли они, или лучше сказать продолжали владѣть, въ качествѣ шляхтичей и мѣщанъ, вписавшихся въ козацкое войско. Даже Запорожская Сѣчь съ ея лугами, пастбищами, рѣчками и вѣтками, была юридическою собственностью Польской короны.

[2]) Интеллигенція нашей церкви сознавала это во времена гетманщины весьма ясно. Иннокентій Гизель, въ своемъ „Синопсисѣ“ поименовалъ, въ слѣдъ за русскими великими князьями и царями, даже латинцевъ кіевскихъ воеводъ, но прошелъ молчаніемъ всѣхъ безъ исключенія козацкихъ гетмановъ.

время сдѣлалось труднѣе прежняго видѣть реальность мѣстной исторіи, потому что южнорусская интеллигенція, вообще очень еще слабая, въ лицѣ многихъ представителей своихъ, впитала, какъ насущную пищу, ошибочныя представленія о существовавшемъ во времена оны порядкѣ вещей, начиная съ „Тараса Бульбы" Гоголя, и даже мы сами, мы, занимающіеся исторіею при свѣтѣ столькихъ автентическихъ свидѣтельствъ о быломъ, неизвѣстныхъ нашимъ предшественникамъ, только съ большимъ трудомъ отчитываемся—я готовъ сказать открещиваемся—отъ навожденій духа тьмы, обуявшаго южнорусскую исторіографію.

Признаваться въ этомъ передъ публикой не стыдно. Критицизма касательно исторіи русскаго Юга и его международныхъ и междусословныхъ отношеній въ нашей ученой литературѣ такъ еще мало, что даже Археографическая Коммиссія вымышленную прокламацію Богдана Хмельницкаго къ малорусскому народу, извращающую характеръ эпохи, включила въ историческіе документы Западнорусскаго края, изданные ею съ переводомъ на французскій языкъ, для того чтобы сдѣлать ихъ общедоступными во всемъ ученомъ мірѣ. [1]) Имѣя передъ собой столь поразительный примѣръ историческаго заблужденія, я сознаюсь откровенно, что въ первыхъ двухъ

---

[1]) Заглавіе этого роскошнаго quarto таково: „Документы, объясняющіе Исторію Западно-Русскаго Края и его Отношенія къ Россіи и Польшѣ". С.-Петербургъ, 1865. Печатано по опредѣленію Археографической Коммиссіи. Апокрифическая прокламація Богдана Хмельницкаго занимаетъ въ немъ страницы 312—332 и озаглавлена такъ: „1648 г. мая 28. Универсалъ Гетмана Войска Запорожскаго Богдана Хмельницкаго Жителямъ Малороссійской Украйны и Козакамъ, въ которомъ, изображая жестокія утѣсненія, претерпѣнныя ими отъ Поляковъ въ вѣрѣ, чести, имуществѣ и самой жизни, убѣждаетъ всѣхъ соединиться съ нимъ для защиты правъ своихъ вооруженною рукою".

томахъ „Исторіи Возсоединенія Руси“ не могъ еще быть свободенъ отъ ходячихъ у насъ понятій о польскорусской старинѣ. Только новыя, весьма прилежныя изученія дали мнѣ возможность видѣть яснѣе прежняго существовавшій во времена оны порядокъ вещей на польскорусской территоріи и опредѣлить взаимныя отношенія, въ какихъ находились между собою народности, сословія и корпораціи бывшей Рѣчи Посполитой. Для меня было бы истиннымъ благополучіемъ дожить до второго изданія этихъ двухъ томовъ, чтобы многое въ нихъ передѣлать и тѣмъ пріостановить вредъ, который они, съ свою очередь, причиняютъ людямъ, мало свѣдущимъ въ предметѣ моихъ изученій.

Въ искупленіе моихъ недодуманныхъ изображеній былой жизни, я представляю, покамѣсть, мыслящей публикѣ сборникъ старательно проштудированныхъ документовъ, которые намъ, спеціалистамъ украинщины, давно слѣдовало бы извлечь изъ архивовъ и книгохранилищъ. Въ слѣдъ за этимъ I-мъ томомъ „Матеріаловъ“, появится III-й томъ „Исторіи Возсоединенія Руси“, изображающій религіозное, соціальное и національное движеніе въ эпоху Іова Борецкаго (1620—1631 г.) За тѣмъ въ IV-мъ томѣ будетъ изображена мною мало у насъ извѣстная, но весьма важная эпоха 1630-хъ—1640-хъ годовъ. Одновременно съ IV-мъ томомъ Исторіи я надѣюсь издать II-й томъ Матеріяловъ и I-й томъ „Критикобибліографическихъ Работъ для Исторіи Возсоединенія Руси“. Когда же наконецъ этими изданіями будетъ приведена въ ясность государственная, общественная, культурная и номадная жизнь на пространствѣ между Царьградомъ, Варшавой и Москвою, когда мои изслѣдованія устранятъ съ моей дороги нагроможденный литературою громоздъ политическихъ, религіозныхъ, соціальныхъ и національныхъ предубѣжденій,—тогда,

не опасаясь уже, что пишу на непонятномъ для моихъ читателей языкѣ, я займусь картиною безпримѣрнаго разбоя, который разрушилъ республиканскую Польшу, потрясалъ до основанія монархическую Россію, поддержалъ мусульманскій міръ на счетъ христіянскаго, пріостановилъ на цѣлое столѣтіе гражданственное развитіе Сѣверной Славянщины, и до настоящаго времени, чрезъ посредство литературы, оказываетъ вредное вліяніе на успѣхи русскаго самосознанія.

Говоря о „непонятномъ языкѣ", я имѣю въ виду тѣ антиисторическія понятія о международныхъ и междусословныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ воспитано, можно сказать, цѣлое поколѣніе прилежныхъ читателей малорусскихъ книгъ, писанныхъ по русски и по украински. Этими словами я хочу выразить, какъ глухо къ исторической дѣйствительности русское ухо, привыкшее, въ теченіе десятилѣтій, внимать разнообразнымъ повѣствованіямъ о небываломъ въ Польшѣ и южной Руси порядкѣ вещей. Одна только польская, католическая публика, по отношенію къ международнымъ и междусословнымъ столкновеніямъ въ сѣверной Славянщинѣ, превзошла извѣстную часть нашей русской публики своимъ равнодушіемъ къ исторической правдѣ и своимъ пристрастіемъ къ дѣланной исторіи польскорусскаго общества. Самыя безпристрастныя и точныя изслѣдованія наши о польскорусской старинѣ мы пишемъ, очевидно, на непонятномъ для польскихъ католиковъ языкѣ. На такомъ же языкѣ пишется и для извѣстной части русской публики все то, что разрушаетъ литературныя иллюзіи козачества, съ его патріотизмомъ, съ его либерально-народными идеями, съ его религіозностію.

Но, выражаясь объ этомъ предметѣ съ рѣзкостью протеста, я не отвергаю заслугъ той литературной школы, которая, по невѣжественному почину вдохновеннаго козацкими сказками

автора „Тараса Бульбы“, основалась у насъ на изученіи лѣтописныхъ, мемуарныхъ и актовыхъ свидѣтельствъ, безъ исторической критики. Я самъ принадлежалъ къ этой школѣ и много лѣтъ усердствовалъ открытію бытописной истины внѣ научнаго изслѣдованія, внѣ безпристрастнаго изученія и строгаго сопоставленія историческихъ данныхъ. Не могу я сказать, чтобы мои собственные труды въ этой области литературы были не нужны и безполезны для нынѣшнихъ моихъ работъ. Точно такъ не могу отрицать, чтобы писанное моими предшественниками и сверстниками даже и подъ господствомъ псевдолиберальной фантазіи на счетъ критики—не приготовило для меня того пути изслѣдованій, который избранъ мною, какъ болѣе истинный. Множество открытыхъ ими источниковъ и сдѣланныхъ указаній, не выдерживая критики въ приспособленіи оныхъ къ общему ходу русской идеи или русской исторіи, тѣмъ не менѣе поставило меня въ возможность продолжать свободно путь, на которомъ я слишкомъ долго подчинялся ошибочнымъ умозрѣніямъ воспроизводителей польскорусскаго былого. Во многомъ, что не требовало отъ нихъ тенденціознаго соединенія несоединимаго, они оказали исторіи южнорусскаго края услуги незабвенныя. Если я настоящимъ трудомъ моимъ успѣлъ разъяснить предметъ, занимавшій у насъ нѣсколько передовыхъ умовъ и затемненный ими въ слѣпомъ увлеченіи любовью къ такъ называемому своему народу, то всего больше обязанъ этимъ тому, что былъ прилежнымъ, хотя въ началѣ и черезъ чуръ довѣрчивымъ, читателемъ ихъ произведеній. Не имѣя передъ собой трудовъ этихъ заблуждавшихся, но тѣмъ не менѣе достопочтенныхъ людей, я долго, а можетъ быть и никогда, не задалъ бы себѣ тѣхъ вопросовъ, на которые отвѣчаю теперь моими книгами.

Пушкинъ справедливо говаривалъ, что только глупецъ не перемѣняетъ никогда своихъ убѣжденій. Мысль эту надобно дополнить замѣчаніемъ, что, при перемѣнѣ убѣжденій, неизбѣжно чувствуется сперва нѣкоторое раздраженіе противъ того, что мы признавали не подлежащимъ сомнѣнію; но, по мѣрѣ того, какъ мы дѣлаемъ больше и больше шаговъ на новой, обыкновенно трудной, дорогѣ, мы оглядываемся съ участіемъ на піонеровъ, проложившихъ временно полезный для самихъ насъ, но потомъ оставленный нами путь. Въ этомъ участіи таится сознаніе, что и прокладываемая нами дорога для національной идеи, со временемъ, окажется неудовлетворительною, а потомъ и совсѣмъ ненужною. Въ этомъ участіи таится и другое сознаніе: что, исправляя ошибки другихъ, мы неизбѣжно дѣлаемъ новыя ошибки, которыя могутъ быть, покамѣсть, незамѣтны, но рано или поздно будутъ обнаружены.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Стр.

Примѣчаніе Слѣдовало бы указать, подъ какими литерами и нумерами надобно искать въ библіотекѣ графовъ Красинскихъ тѣхъ рукописей, изъ которыхъ извлечены представленные здѣсь документы. Но во время пребыванія издателя въ Варшавѣ ему не представлялась еще необходимость изданія собираемыхъ имъ матеріяловъ для исторіи русскаго возсоединенія: иногда онъ дѣлалъ изъ документовъ только извлеченія, собственно для своихъ текущихъ занятій. Впрочемъ собраніе рукописей этой библіотеки, обязанное своимъ существованіемъ помѣщику Кіевской губерніи Константину Свидинскому (Swidzinski), такъ не велико, что оплошность издателя представляетъ не очень важное неудобство для тѣхъ, кто бы пожелалъ свѣрить его изданіе съ подлинниками.

I.

УНИВЕРСАЛЪ СТЕФАНА БАТОРІЯ,

ПОВЕЛѢВАЮЩІЙ ПРОГНАТЬ СЪ ДНѢПРА ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

1578, апрѣля 4.

Украинные старосты, то есть хозяева королевскихъ имѣній, скрывали у себя низовыхъ козаковъ, которые, по мнѣнію короля, были единственною причиною татарскихъ набѣговъ на польскія владѣнія; не только скрывали, но давали имъ помощь и отправляли въ походы для опустошенія „царской земли", какъ называются въ универсалѣ владѣнія царя перекопскаго или крымскаго хана. Король былъ увѣренъ, что совершенно возможно было бы обезопасить эти владѣнія, еслибы старосты исполнили первый наказъ его: еслибъ они не давали низовцамъ у себя убѣжища и не снабжали ихъ порохомъ, свинцомъ, живностію. Посолъ перекопскаго царя указывалъ королю на козацкихъ предводителей Шаха и Арковскаго, изъ которыхъ одинъ зимовалъ въ Немировѣ, а другой—въ Кіевѣ. Какіе бы король ни посылалъ царю подарки (говорилъ посолъ), но если козаки будутъ вторгаться въ его землю, то онъ не можетъ удержать свой народъ отъ набѣговъ на Польшу. Въ слѣдствіе этого король повелѣлъ Константину Константиновичу князю Острожскому, чтобы онъ, согласно условію своему съ царемъ перекопскимъ, шелъ на Днѣпръ и прогналъ оттуда „низовыхъ разбойниковъ", а кого изъ нихъ захватитъ, каралъ бы смертію. То же самое повелѣлъ онъ и старостамъ украиннымъ, съ тѣмъ чтобы они впредь не смѣли скрывать у себя низовцовъ и снабжать ихъ селитрою, порохомъ, свинцомъ, живностью.

Нельзя здѣсь не замѣтить параллели между богатыми турками, снаряжавшими татаръ для набѣговъ на христіянъ (Ист. Возс. Р.

I, 53), и пограничными панами, снаряжавшими козаковъ для набѣговъ на мусульманъ. Каковы бы ни были дальнѣйшія причины развитія козачества, но первою причиною былъ героизмъ экономическій. Сабля доставляла больше выгоды, нежели плугъ, на татарскомъ пограничьѣ. Сельское хозяйство встрѣчало множество затрудненій. Врожденная человѣку предпріимчивость искала выхода. Правительство между тѣмъ стѣсняло ее для общихъ государственныхъ цѣлей. Украинныя поселенія, изъ кого бы они ни состояли, поставлены были въ автономическое противорѣчіе съ центральною властью. Въ Краковѣ и Варшавѣ чувствовалась настоятельная необходимость подчинить ихъ установившейся при наслѣдственныхъ короляхъ системѣ управленія; но попытки правительства дѣлались только источникомъ вражды полуномадныхъ жителей къ жителямъ осѣдлымъ, промышленнымъ, культурнымъ. Эта вражда, начавшаяся изъ за куска хлѣба, для своего оправданія, пользовалась сословною, церковною, національною и политическою неурядицею въ Рѣчи Посполитой, наконецъ приняла характеръ безнаказаннаго разбоя, противъ котораго Польское, лишенное единовластія, государство оказалось безсильнымъ. Паденіе Польши было намѣчено уже въ самое славное для нея время,—въ эпоху Баторіевскихъ побѣдъ и широкихъ замысловъ.

UNIWERSAŁ KOŁO NIZOWCZOW.

Stephan etc. Wszem wobecz y kazdemu z osobna z starost naszych ukrainnych, a zwłascza Chmieliczkiemu, Barskiemu, Bratsławskiemu, Winniczkiemu, Białoczerkiewskiemu, Czerkaskiemu, Kaniowskiemu, y wszem ynnym wiernie nam myłym, łaskę naszę Krolewską.

Wiernie nam miły! Baczemy tho dobrze, ze nikt inszy nie iesth przyczina thych skod, ktore thymi czassy wzięly pańftwa nasze od Tatar, yedno Nizowi Kozaczy a niektorzy z WW, czo ie po the czassy v siebie przechowiwaly, pomocz ym dawaly y one wyprawoway dla szkodzenia Ziemie Czarskiey: bo, iakosmy bily opatrzily bespieczenstwa krayow tamtych, gdyby WW, zapierwszem pisaniom naszym do nich, nie przechowiwaly bily v siebie Nizowczow any ym dodawaly prochow, ołowu y zywnosczy, pewnieby tamte kraye nie byly

thak iako ssą vskodzone: czosmy thesz y s posła Czara Perekopskiego, ktory sam thymy czassy v nasz był, wyrozumiely, ktory nam mianował wodze Nizowczow Szacha y Arkowskiego, ze ieden s nych w Niemirowie, a drugi w Kyowie zimowały, y tho w głosz nam opowiedział: choczbysmy vpominky naywiętsze Czarowi postąpiły, a nie opatrzily thego, zeby ziemia yego od Kozakow była w pokoyu, ze on trudno ma liud swoy zatrzymacz, kiedy liudzye z państwa naszego do ziemie yego wtargną.

A thak my chcząez themu zabiezecz, aby czy łotrowie yako nasz s Czarem Przekopskym wadzą, zeby przymierza z nim nie wzrussily, rozkazalychmy Jasnie Wielmozuemu Kostantemu Konstantinowiczowi, Xiązęcziu Ostrogskiemu, Woiewodzie Kyowskiemu, aby, czyniącz dosicz postanowieniu, ktore s nim Czar Przekopsky vczynił, na Dniepr cziągnał, a stamtąd the łotry Nizowcze zegnał, a ktorych dostanie aby na gardle karał. Roskazuiemy thesz tedy WW kazdemu s nych koniecznie to po WW miecz chcząez, aby WW Jasnie Wielmoznemu Woiewodzie Kyowskiemu, gdy the łothry z Dniepra spędzacz będzie, pomoczny byly, azeby zaden z WW od thego czasu niesmiał Nizowczow v siebie przechowiwacz any ych bronicz, ani saletry, prochow, ołowiu, zywnośczy ym dodawacz, y owszem zeby WW the łotry, gdy z Dniepru vcziekacz będą, gymały y one na gardlyech karaly, a ynaczey aby WW czynicz się niewazily, pod łaską y niełaską naszą y pod winą contra guerrarum motores w statucie opisaną

Dath z Warszawy, dnia czwartego Kwietnia roku Panskiego MDLXXVIII, panowania naszego roku wtorego.

II.

УНИВЕРСАЛЪ СТЕФАНА БАТОРІЯ

„запорожскимъ молодцамъ“.

1578, іюля 27.

Король изумлялся, что запорожцы уже въ третій разъ вторженіемъ въ Волощину нарушаютъ мирныя постановленія между Во-

лошскою землею, турецкимъ императоромъ и Польскою Короною. имѣя въ виду московскую войну, король совѣтовалъ запорожскимъ молодцамъ искать въ ней чести и славы, и повелѣвалъ вернуться изъ похода, предпринятаго ими въ Волощину. Въ противномъ случаѣ, грозилъ карать ихъ „на горлѣ и имуществѣ". Онъ увѣрялъ козаковъ, что Петръ Волошинъ, котораго они вели въ Волощину, вовсе не сынъ Александра, такъ какъ Петръ давно умеръ, и нѣкоторые изъ королевскихъ дворянъ собственными глазами видѣли тѣло его во время похоронъ.

Вотъ одно изъ указаній, какъ устроилась московская самозванщина. Названный Димитрій нуженъ былъ прежде всего людямъ, которымъ не оставалось другого способа жить, какъ грабежемъ, а потомъ уже за него схватились интриганы политическіе. Документъ IX показываетъ, что запорожскіе козаки всюду искали случая заработать кусокъ хлѣба посредствомъ самозванщины и, такъ сказать, пропагандировали ее въ спокойномъ, установившемся обществѣ. Лишь только прослышали они въ 1604 году про названнаго царевича Димитрія, тотчасъ послали къ нему своихъ уполномоченныхъ порядиться за доставку его въ Москву, какъ люди опытные въ подобнаго рода дѣлахъ. Исторія самозванщины весьма интересна *сверху*; но пока мы не проштудируемъ ее по документамъ „второстепенной важности" *снизу*, до тѣхъ поръ она будетъ лишена истинно философскаго смысла, который заключается во всякомъ экономическомъ соединеніи людей между собою.

NIZOWCZOM.

Stephan etc. Wszem wobecz y kozdemu zosobna Moloyczom Zaporoznym y ych Starszym.

Dzywuiemy się themu niepomału, ze iusz tho po trzeci krocz chodzeniem do Wołoch wazycie się naruszacz posthanowienia pokoyu między Ziemią Wołoską y Czesarzem J. M. Tureczkim a Coroną thą, kthore się sthało za zgodnym wszech sthanow Koronnych zezwoleniem na Seymie. Przeczo nasz y Coronę thę do niebespieczenstwa przywodzyczie.

Przedsięwzięczie tho nasze było, zeszmy wasz miely na posługę

naszę przecziw Moskiewskiemu, s ktkorym woynę zaczynamy, wezwacz, gdzie kazdy z wasz mogłby miecz placz y sercze męskie y dzielnoscz z vczciwszą sławą swą y s lepszem pozytkiem, anizly do Wołoch chodząsave, pokazacz. A thak napominamy wiecz wassę, abysczie themu do Wołoch chodzęniu pokoy dali y nazad się wroczily. Czo gdy vczyniczie, wdzięcznie y łaskawie tho od wasz przyimiemy. A gdziebysczie więcz w przedsięwzięcziu swym thak vporni byli, zebysczie go poniechacz niechcziely, musiałoby do thego nam przyscz, zebysmy wasz miely za nieprzyacioly Corony they y do karania na poccziwosczi, gardlech y maiętnoszczi swemi postąpicz musielibysmy.

A nie dayczie nikomu thego sobie powiadacz, aby then Piotr Wołoszyn, kthorego do Wołoch prowadzyczie, miał bicz sinem Alexandrowym, gdysz tho rzecz yesth pewna, ze Piotr dawno umarł, y yesth na Dworze naszym sługa nasz Dzierzek y innych nyemało, kthorzy pothym yako umarł ciało yego, gdy było chowano, oczywiśczie widzieli. Inaczey abyśczie nieczynily dla łaski naszey, pod srogim karaniem.

Dath ze Lwowa, dnia XXVII miesiącza lipcza roku Panskiego MDLXXVIII, a panowania naszego roku trzeczięgo.

III.

УНИВЕРСАЛЪ СТЕФАНА БАТОРІЯ

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ ПѢШАГО ВОЙСКА.

1578.

Документъ этотъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что развиваетъ въ подробностяхъ законъ о выбранцахъ, изложенный въ Volumina Legum весьма кратко. Организація пѣшаго войска выбранцевъ напоминаетъ организацію войска козацкаго. Король, находясь во Львовѣ для урегулированія козацкихъ военныхъ заработковъ то жалованьемъ, то угрозами, разослалъ изъ этого погра-

ничнаго города настоящій универсалъ извѣстнымъ лицамъ, въ смыслѣ „приповѣдныхъ листовъ“. Выбранцы являются въ его распоряженіяхъ, такъ сказать, ручными козаками, въ противовѣсъ козакамъ дикимъ. Они составляли родъ запасной милиціи, которая вознаграждалась за свою службу освобожденіемъ служащаго и семьи его отъ податей и повинностей, а за границей государства получала жалованье наравнѣ съ прочимъ войскомъ. Секретарь Стефана Баторія, Гейденштейнъ, пишетъ въ своей исторіи, что, послѣ Московскаго похода, значительная часть Баторіева войска, не получивъ жалованья, пошла въ козаки и увеличила ихъ силу. Если онъ разумѣлъ здѣсь и выбранцевъ, то эта милиція должна была внести въ козачество и данную ей Баторіемъ регуляцію, черты которой сохранились у украинскихъ городовыхъ или гетманскихъ козаковъ до послѣдняго времени. Инымъ способомъ Стефанъ Баторій не могъ дать правильнаго устройства козацкой корпораціи, находившейся внѣ реальныхъ предѣловъ королевской власти, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

Изъ этого документа видно, что на сеймѣ было опредѣлено набирать привилегированную пѣхоту не только въ королевскихъ селахъ, но также въ городахъ и мѣстечкахъ. Однакожъ королевскій универсалъ наборъ ея въ городахъ и мѣстечкахъ почему то откладываетъ до другого времени. Постановленіе Баторія о выбранцахъ было возобновлено черезъ 12 лѣтъ и вошло въ Volumina Legum подъ его именемъ, но тамъ уже вовсе не упоминается о городахъ и мѣстечкахъ: тамъ дѣло идетъ лишь о кметяхъ да о пахолкахъ. Шляхта, очевидно, стала уже раскаеваться, что, увлекшись воинственностью Баторія, „отпоясывала (по выраженію современнаго историка) отъ своего бока мечъ и ввѣряла его другому“. Volumina Legum, подъ 1590 годомъ, говорятъ положительно, что вооруженные пахолки, пріобрѣвъ боевую опытность, при всякомъ удобномъ случаѣ переходили въ козацкія купы. Такимъ образомъ обнаруживается связь между двумя различными явленіями польской гражданственности. Она подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что русская шляхта, для подавленія козаковъ, составляла хоругви выбранцевъ у себя въ селахъ, и случалось не разъ, что такіе выбранцы принимали сторону козаковъ. Это не были рекру-

ты, навербованные против ихъ желанія. Самъ Баторій въ универсалѣ о выбранцахъ указываетъ на охотниковъ до военной службы, на болѣе смѣлыхъ и зажиточныхъ между поселянами, которые бы вполнѣ удовлетворяли потребностямъ военной службы. Дѣло, стало быть, состояло въ позволеніи, а не въ принужденіи. Старинное польское и русское выраженіе „крикнуть на охотника" показываетъ, какъ тогдашнія неблагопріятныя для мирныхъ занятій обстоятельства предрасполагали множество людей къ боевой жизни. Лишь только шляхтичъ отпоясывалъ саблю, къ ней протягивалось множество нешляхетскихъ рукъ. Въ этомъ заключалась и сила панской республики, и опасность управленія массою, пріученною владѣть оружіемъ, но лишенною равноправности.

UNIUERSAŁ OKOŁO PIESSYCH.

Stephąn etc. Wssem wobecz y kazdemu z osobna Stharosthom nassym y Dzierżawczom wssy nassych Kroliewskych yakichkolwiek w thych tho nassych wsiach mieskaiączym poddanim nassym y ynnym wssythkym kthorymbi tho wiedziecz naliezało, Uprzeymie y wiernie nąm milym, Laskę nassę Krolewską.

Uprzeymie y wiernie nąm miły! Isz na przessłym Warschawskiem Seymie vchwalona yesth Constitucia, wedlie kthorey, opathruiącz tho, abyśmy w Coronie y w państhwach nassych dosthatek piessych liudzy dla potrzeb woiennych miely, Uchwałą Seymu thego Piesse thak z Miasth, z Miasteczek, yako y wsy nassych Krolewskych, yakychkolwiek wedlie słussney lidzby łanow, zeby tho było besz cziężkośczi wielkiey wyprawiacz roskazacieśmy miely. Thedy iuss therass in vim executionis they tho Constituciei Posiłamy Vrodzonego (пробѣлъ) Mroczka do Woiewodztwa Sędomierskiego ad delectum faciendum thakowych piessych.

A tho thym sposobem: ze we wsiach nassych iakychkolwiek ma obraćz y posthanowicz s kazdych dwudziesthu łanow yednego człowieka, ktory by się sąm do thego miał dobrowolnie, między ynssemy smielssego y dostatecznieyssego y do pothrzeby woienneiy podobnieyssego. A thakowy kazdy na piessego obrany y postanowiony od thego czassu ma bicz y będzye wolien od wsseliakych powinnośczi nassych, yako Czynssu, poboru łanowego, powozow, Podwod y ynnych Onera, Angary

i praeangary, azeby przetho vima yaka w pozythkach nassych y Rzeczypospolitey niebyła, tedy za thego iednego, ze dwudziesthu na piessego obranego, Drudzy dziewięthnaśczie onera zastępowacz y odprawowacz będą powinny. Powinnośćz zasz thakowego piessego każdego będzye tha: w kazdą czwiercż roku do Rothmistrza swego albo Porucznyka iego na to miescze, kthore mu przezeń będzye oznaymione, sthawicz się do monstrowania z Rvsnyczą sswą dobrze narzodzoną, sabla a siekierka, v sukny swey barwy, thakiey iaką mu Rothmistrz albo porucznyk yego naznaczy z ynssemi piessemy podobney. Proch tesz swoy y Ołow ma mieczż, a kiedybykolwiek się traffiło wtargnąćz nieprzyaczieliowi Coronnemu w Ziemię, thedy zawsse kozdy s nych powynien będzye stawicz się do Rothmisthrza swego, tedy kiedy go obwiesczi, i na tho miescze, kthore mu naznaczy, odpor dacż nieprzyaczieliowi w Ziemy nakładem swym. A kiedy nąm pothrzeba będzye wiwiescz piesse te do woyska nassego, thedy my zołd płaczicz będzyem powinny s drugiemy piessemy rowno.

A tho therasz postanowienie pyessych thylko we wsiach nassych czinimy. A czo się thyczę Miasth y Miasteczek nassych, w thych thesz pothym około thego Ordinatią Vczinimy, ktorą exeguowacz y Publicować kazemy.

Roskazuiemy thedy Starosthom y dzierzawczom nassym: Aby then Vniuersal nasz do wsseliakych poddanych nassych, we wsiach nassych Kroliewskych w Sęndomierskym Woiewodztwie mieskaiączych, wiadomośczi przywiedli. Azeby we wsiach nassych Krolewskych wsseliakych Vrodzonemu (пробѣлъ) Mroczkowi Woiewodztwie przerzeczonym piessych obierać postanowiacz nie bronily, ale raczey then Uniuersal nasz s powinnośczi swey do executiei skuteczney przywiedli y wedlie niego się zachowali, i exequować y wedlie niego się zachowacz tym, kthorym tho nalezy, nakazali, pod łaską nassą y pod wyną na niedbałe y Stharosty nieposłussne w Statucie opisaną.

Dan we Lwowie, dnia (пробѣлъ) Roku Pańskiego MDLXXVIII, A Panovania nassego roku Trzecziego.

IV.

УНИВЕРСАЛЪ СТЕФАНА БАТОРІЯ

„ЗАПОРОЖСКИМЪ МОЛОДЦАМЪ".

1579, іюля 6.

Козаки имѣли въ Польшѣ въ разныя времена различныя наименованія, и чѣмъ раньше мы встрѣчаемъ которое нибудь изъ нихъ, тѣмъ больше имѣетъ оно въ себѣ историческаго колорита. До сихъ поръ слово *козакъ* еще ни разу не употреблено въ правительственныхъ актахъ. Volumina Legum знаютъ покамѣсть лишь украинскую вольницу (swawola ukrainna) да низовцовъ. Для насъ интересно, что король Стефанъ, вотъ уже во второй разъ, офиціально называетъ козаковъ запорожскими молодцами. Слово *козакъ* заключало въ себѣ (выразимся по польски) coś rubasznego, то есть неприличнаго для высшаго тона рѣчи. Можетъ быть, потому и наши духовныя лица, въ своихъ книгахъ и письмахъ, избѣгали этого слова. Напримѣръ Кальнофойскій, въ сочиненіи о чудесахъ Кіевопечерской Лавры, охотнѣе называетъ запорожцевъ *дерзкими ребеллянтами*, нежели просто козаками. О Маркѣ Лунчовскомъ, запорожскомъ козакѣ изъ Корсуня, разсказываетъ онъ, что этотъ *жолдакъ* (то есть наемный воинъ, солдатъ), обремененный множествомъ преступленій своихъ, свалилъ съ себя грѣховное бремя при посредствѣ исповѣди, и т. д. Потомъ онъ говоритъ о „неугомонныхъ запорожскихъ *молодцахъ*", и называетъ козаковъ *жолдатами*, какъ бы исключая изъ нихъ волонтеровъ, не получавшихъ жолду, т. е. жалованья. Такъ точно Іовъ Борецкій, въ одномъ изъ писемъ къ московскому царю, говоритъ, что онъ укрылся отъ смерти „подъ крылѣ христолюбиваго воинства черкаскихъ *молодцовъ*" (см. документъ XIII), а въ письмѣ къ кн. Христофору Радивилу (Археогр. Сб. VII, 88): что посылаетъ къ нему „шляхетнаго человѣка, войска запорожскаго *молодца*". Сами козаки, обращаясь къ своей громадѣ, взывали: „панóве *молодцы*"! и въ ихъ пѣсняхъ это слово обозначаетъ отличительное свойство козака. Соціальное происхожденіе его указано въ универсалѣ Сигизмунда III отъ 12

декабря 1604 года, въ которомъ онъ, не обозначая сословій, повелѣваетъ отцамъ семействъ не пускать сыновей своихъ въ козаки и удерживать ихъ отъ соединенія съ запорожцами. (См. документъ IX). Пылкая молодежь, томившаяся подъ режимомъ стараго поколѣнія, или общества, уходила, какъ видимъ, въ козацкія купы и давала козакамъ характеръ людей, не связанныхъ семейными узами (женатый человѣкъ, и въ нынѣшнемъ воззрѣніи украинскаго простонародья, перестаетъ быть *молодикомъ*, хотя это названіе придается и сѣдоусому холостяку). Отсюда можно вывести заключеніе о томъ, какъ вся шляхта и всѣ осѣдлые горожане въ Украинѣ были проникнуты, въ силу своихъ насущныхъ нуждъ, молодецкимъ, юнацкимъ, иначе—козацкимъ элементомъ. Военный нервъ, аргонавтическаго свойства, существовалъ въ каждомъ пограничномъ домѣ, и, можетъ быть, рѣдкій отецъ семейства не козаковалъ когда нибудь въ молодости посредствомъ гонитвы за татарами или заграничнаго добычничанья. Объ этомъ говоритъ Мартинъ Бѣльскій, разсказывая о своемъ дядѣ Орышовскомъ, который, среди мирной жизни въ далекой провинціи, сохранялъ давнишнія знакомства съ запорожцами. На это намекаетъ судебный обвинитель князя Василія, дѣлая его, равно какъ и князя Димитрія Сангушка, давнишними козацкими сотоварищами. Въ названіи козаковъ молодцами есть что то примирительное съ ихъ юначествомъ; потому, можетъ быть, король Стефанъ и употребилъ это имя въ своемъ увѣщательномъ универсалѣ. Ему надобно было разлучить козаковъ съ волохами, и привлечь на службу къ себѣ.

Волохи, нынѣшніе румуны, отличались въ то время непостоянствомъ характера, которое усвоиваютъ себѣ народы, долго находившіеся между молотомъ и наковальнею. Служить въ королевскихъ дворянахъ было у нихъ за обычай, такъ какъ они не были чужды боевого мужества, унаслѣдованнаго ими отъ древнихъ даковъ и развитого борьбою съ мусульманами. Но въ то же самое время они готовы были на все, чтò прельщало ихъ пылкое воображеніе. Сношенія съ запорожцами (окончившіяся такъ бѣдственно для нихъ въ Хмельнищину) поддерживались у нихъ и войною, и торговлею, и частою необходимостью искать убѣжища тамъ, гдѣ каждаго принимали и гдѣ никого не задерживали, то есть на днѣп-

ровскомъ Низу. Волошинъ Лакуста, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ универсалѣ, бѣжалъ отъ короля по какому то фантастическому побужденію, свойственному тогдашнимъ военнымъ промышленникамъ, и, созвавъ къ себѣ низовыхъ добычниковъ, опустошалъ свою родину войною, не извѣстно чѣмъ мотивированною. Въ то время Стефанъ Баторій склонилъ часть запорожскихъ козаковъ къ службѣ подъ начальствомъ черкасскаго старосты. Къ этимъ козакамъ онъ и обращается съ повелѣніемъ преслѣдовать Константина Лакусту.

Настоящій универсалъ важенъ въ томъ отношеніи, что уничтожаетъ принятую многими выдумку, будтобы король Стефанъ регулировалъ запорожское войско и далъ ему то устройство, въ какомъ оно является намъ во времена позднѣйшія. Какъ и когда устроило свои войсковые и полковые порядки запорожское войско, намъ не извѣстно, потому что козаки не любили письменности, Предположивъ, что этому войску далъ извѣстное намъ устройство Стефанъ Баторій, надобно было бы внутренній строй самой Польши его времени поднять повыше; надобно было бы колонизацію украинскихъ пустынь считать совершившеюся, дикія поля, въ которыхъ Зборовскій умиралъ съ голоду, воображать удобно проходимыми, а сообщенія между центромъ государства и такою окраиною, какъ запорожскій Низъ, считать легкими. Ничего этого не было во времена Стефана Баторія; а земледѣліе въ сосѣдствѣ съ дикими полями еще и при Сигизмундѣ III было въ такомъ состояніи, что среди нивъ стояли деревянные срубы, въ которые пахари и жнецы сбѣгались отсиживаться съ пищалями и луками отъ татаръ, которые охотились на людей, какъ на звѣря. (Tagebuch des Erich Lassota von Steblau). При такомъ положеніи края, регулировать козаковъ было Стефану Баторію столько же трудно, какъ Ярославу Мудрому—торковъ и берендѣевъ.

DO NIZOWCZOW O CONSTANTEGO.

Stephan etc. Wssem wobecz y kazdemu z osobna. Moloyczom Zaporoznym y ych stharssym Łaską nassę Kroliewską.

Kiedyssmy przessłego liatha miesskali we Lwowie, Constantin La-

kusta Wołossin s Dworu nassego, thamze ze Lwowa nieopowiednie bess woliei y wiadomośczi nassei, poczichu uczieki, Przysiągssy nąm przedthym, ze thego vczinicz niemiał, y zebrawssy łothrostwa y liudzy sswowolnych niemało s sobą, wezbrał się beł zarazem do Wołoch skodę y rozruch vczynicz, ale pogromioni przess liudzye Wolosskie musiał tham stąnd vstąmpicz, y yakośmy sprawę miely, s państhw nassych miał się ku Moskwie obroczicz.

Therasz nąm wiadomośćz przysła, ze się przeczie w Ziemi nassey na vkraginie bawi, maiącz przy sobie łotrosthwa niemało, s kthoremy zasz znowu wtargnącz pomislia do Woloch, a przymierze y pokoi, kthore Ziemią Wołosską y Panstwi Czessarza IE° M. Tureczkiego vtwierdzone mąmy, wzrussacz. Czemu dla pokoiu Rzeczipos. zabiegaiąncz, Possiłami tham s Dworu nassego [Slachetnego Andrzeia Łozowiczkiego, Comornika nassego], ktori wąm then listh nasz odda, do Stharosth nassych vkraginnych, aby, s nimy pospolu, o Constantim, zebi go poimacz, staranie czinił. Przetho y wąm wssithkim roskazuiemi, zebiśczie Constantemu Thowarzysthwa thakych rozruchow czinicz w Wołossech nie pomagali, ale tak yakośczie się na słussbę nassę udali s powinnośczi wassych, nicz innego niebiorącz przed się, pilnowali thego, zebiśczie nąm y Rzeczipos. słuzeli wiernie, a Starośczie nassemu Czerkasskiemu pod ktoregośczie zwiezrchnośczią we wsem posłussny beli. A gdzie thesz Stharostha nasz Czezkasky, thak iakośmi mu pissali, pospolu [s Comornikiem nassem Łozowiczkim] potrzebowacz będzie pomoczi wassei, naprzeciwko Constantemu, chczemy, abyśczie mu ią dali, y tho czinili, czo wąm iedno thenze Stharostha nasz [y Comornik Łozowiczky] imieniem nassem roskazą; geslyze bi thesz między wamy beli thaczy, czoby nąm słuzicz s drugiemy pospolu niechczieli, a swołolnie Constantemu pomocznikami bicz chczieli, albo beli, Roskazuiemi gim, aby zaniechali vmislu sswego: bo niech thaczy wssysczy pewnie wiedzą, ze za tho na gardlie karany będą, yako gwałthowniczy przymierza y pospolithego pokoyu. Inaczey, s powinnośczi wassych y pod thakiem karaniem, abyśczie nie czinily ynaczey.

Dath w Wilnie, Dnia VI° Miesącza Kwiethnia Roku Pańskiego MDLXXIX, a Panowania nassego roku Trzecziego.

V.

УНИВЕРСАЛЪ СТЕФАНА БАТОРІЯ

ПОГРАНИЧНЫМЪ СТАРОСТАМЪ.

1579, іюля 6.

Упоминаемый въ предыдущемъ универсалѣ Константинъ Лакуста обѣщалъ Баторію оставаться при его дворѣ, но ушелъ тайно и, собравъ купу своевольныхъ людей, вторгнулся въ Волощину. Потерпѣвши тамъ пораженіе, онъ бѣжалъ въ Украину, гдѣ вновь составилъ значительное ополченіе изъ людей, которые, въ глазахъ правительства, были разбойницкою сволочью, съ намѣреніемъ повторить походъ свой въ Волощину. Король послалъ своего коморника Андрея Лозовицкаго къ пограничнымъ старостамъ съ повелѣніемъ изловить Лакусту. а соучастниковъ его преслѣдовать, разбивать и сажать въ тюрьму. Вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ король къ низовымъ козакамъ, чтобъ они не помогали Лакустѣ, и были бы вѣрны службѣ, которую на себя приняли Пограничные старосты должны были, именемъ короля, отвлечь отъ Лакусты, подъ опасеніемъ смертной казни, и тѣхъ козаковъ, которые не брали жолду.

Итакъ вотъ въ чемъ состояла регуляція козаковъ, приписываемая Стефану Баторію. Одни козаки получали отъ него жалованье и, слѣдовательно, становились въ такое къ нему положеніе, въ какомъ былъ Наливайко съ своей дружиною относительно князя Острожскаго. Другіе не связаны были даже и рыцарскимъ долгомъ, о которомъ имѣли своеобразное понятіе, по отношенію къ польскому потентату. Тѣмъ не менѣе король грозилъ каждому изъ нихъ за ослушаніе смертною казнью. Но для исполненія своей угрозы, ему надобно было сперва изловить въ городѣ или настигнуть въ полѣ ослушника, что̀ было трудно при существовавшемъ на Украинѣ положеніи дѣлъ. За всѣ лишенія свои, козаки вознаграждались въ этой странѣ самовластною равноправностію и фактическою независимостію, которую признавалъ за ними не разъ и самъ Баторій. Назначеніе козакамъ *старшаго*, котораго они назы-

вали гетманомъ, было естественно со стороны того, кто платилъ жалованье; но отъ указанія, кто будетъ отвѣтственнымъ лицемъ передъ признанною козаками въ извѣстный моментъ властью, до регуляціи войсковыхъ порядковъ и раздѣленія на полки и сотни— большое разстояніе.

DO STHAROSTH.

Stephan etc. Vrodzoni wiernie nąm mili. Wiesz dobrze W. T. iako przesłego liatha, gdissmi we Lwowie miesskali, Constantin Łakusta Woloszin, nad przirzeczenie, ktore nam bel uzciniel, nieopowiednie, besz woli y wiadomoszczi naszej, s Dworu naszego ziachał, o kthorym pothim, iako od liudzi Woloszkich pogromion bel, thę s nim sprawę miely, ze od Pansthw naszich ku Moskwi obroczicz sie miał.

Theras mami zasz the wiadomoszcz, ze przeczię w ziemi naszey na Ukraginie sie bawi y lotroszthwa zebrał niemało, miszliącz o thim, jakoby znowu utargnął do Woloch rozruch vczinicz y wzruszacz przimierze, kthore (z) ziemią Woloszką y Panstwi Czeszarza Tureczkiego mamy; possilami tham dlia thego z Dworu nasego Andrzeia Lozowiczkiego, Comornika naszego, z Liszthi do Pogranicznich Starosth naszich, aby pilnoszcz wszeliaką czinieli z Lozowiczkim, zeby Constantin pogiman bicz mogł. Drugie. Takze Lothroszthwa pomoczniki iego aby szukali, byli, gromili y wiązali. Do Kozakow thesz Nizowish piszemi, aby mu Thowarzistwa thego nie pomagali, alie sluszbei naszey, na ktorą szie vdali, wedlie powinoszci ych, pilnowali wiernie. Przetho napominiesz ich tesz w thim W. T. y imieniem naszim przikazesz, aby sie nie wazeli thego. Thakze y s tich, kthorzi zoldu nie braly, iezliby kthore Constantemu przedsię wzięcia chcział pomagacz, zakazesz imieniem naszim, aby pod gardlem zaniechaly thego, a porozumiewaiącz ssie z Lozowiczkym y s pogranieznimi Starostami, bęndziesz się W. T. przicziniał do thego y Nizowcze przíwodzieł, aby pokoy w ukragini wczalie zachowąn bel: gdisz wiesz dobrze, iako Rzeczipos. wielie naliezi na thim. Z thym W. T. dobrze zdrową bicz ziczemy.

Dath w Wilnie, dnia VI Miessąncza Kwiethnia Roku MDLXXIX, Panowania roku Trzecziego.

VI.

УНИВЕРСАЛЪ СТЕФАНА БАТОРІЯ

ЧЕРКАССКОМУ СТАРОСТѢ.

1579 апрѣля 9.

Король Стефанъ приглашалъ бѣлогородскихъ татаръ въ помощь противъ московскаго царя. Предполагалось, что ихъ можетъ набраться тысячи двѣ конныхъ. Жалованья на полныя двѣ тысячи конныхъ опредѣлялось 2.000 талеровъ на два мѣсяца. По обычаю, добыча, которую татары получатъ на войнѣ, принадлежала имъ въ собственность. Черкасскій староста, какъ непосредственный сосѣдъ ордынцевъ по пастбищамъ, звѣринымъ и рыбнымъ входамъ, по соприкосновенію областей военнаго и торговаго промысла, зналъ бѣлгородцевъ хорошо, такъ что король пишетъ ему: „Присматривайся, будетъ ли ихъ двѣ тысячи“. Отношенія Стефана Баторія къ наемнымъ татарамъ объясняютъ его отношенія къ наемнымъ козакамъ, которые состояли не изъ однихъ русскихъ людей, хотя русскій элементъ и преобладалъ между ними. Невозможность обнять политической системой громадныя пустыни между Днѣпромъ, Днѣстромъ и Чернымъ моремъ устанавливала антигосударственное начало козачества, которое должно было или погубить государство, или изчезнуть въ немъ само, уступая непреодолимой силѣ гражданственности. Три смежныя политическія системы: татарская, польская и московская, представляютъ три соотвѣтственныя арены козачества. На первой козаки были у себя дома, имѣя даже своего козацкаго царя—хана. На другой—съ ними боролись болѣе благородные элементы жизни, но безуспѣшно. На третьей—эти элементы, сплоченные единовластіемъ, переработали номадное козачество въ культурные классы. Указанныя здѣсь общія черты козацкаго рода жизни, или козацкаго промысла, или, если угодно, козацкой идеи, не исключаютъ менѣе крупныхъ, отличительныхъ чертъ каждаго изъ трехъ сосѣднихъ козачествъ. Народъ, въ которомъ гнѣздились чужеядники, естественно болѣе или ме-

нѣе ассимилировалъ ихъ съ собою, какъ въ сѣверной Руси, или самъ принималъ ихъ дикую физіономію, какъ это случилось въ южной Руси, по выдѣленіи изъ нея полонизованнаго дворянства, или, наконецъ, перерождался въ козаковъ до остатка, какъ это было въ Татарщинѣ.

Этой мысли не противорѣчитъ нисколько фактъ существованія донскихъ и другихъ козаковъ нашего времени. Ихъ устройство, ихъ общественный и гражданскій бытъ, ихъ измѣнившіеся къ лучшему нравы и обычаи, все это—результаты дѣятельности центральной власти, которая у поляковъ оказалась безсильнѣе дикой энергіи козачества Отъ временъ оныхъ въ Россіи осталось только имя козаковъ; по существу своему, они не заключаютъ въ себѣ ничего антигражданственнаго, какъ это было въ Польшѣ и въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII столѣтія.

DO STHAROSTI CZERKASKIEGO.

Stephan etc.

Vrodzony wiernie nam myly! Roskazuiemy W. W. iakoszmi y przed thim iusz piszaly o thim, abisz, iako nawiętsze staranie czinyłi, zeby Tatarowie Białogroczi na thę potrzebę Moszkiewską iachali sz namy. Przipatrzsy szie W. W. iezli ich będzie mogło bicz dwa Thisziącza kony spelna; thedi gim obieczuy od nasz y postanoff s nimi dacz dwa Thiszięncza Taleroff y wedlie zwiczayu korziscz, kthora po Niepzyacieliu dostaną, zeby thego liatha przesz dwa miesiąncza na potrzebie naszey beli w Moszkwi a posługą nąm zaczną vczynily. O czaszie, kiedyby szie tham ruszicz miely, oznaymiemy W. W. pewnie; iedno nam richlo y besz omieszkania znacz daway, czom tam postanowisz sz nimy. S tym WW. zdrową bicz od Pana Boga ziczemy.

Dath w Wilnie IX Aprilis Anno Domini MDLXXIX, Panowania naszego Roku Trzecziego.

VII.

ГРАМОТА ІОАННА IV

О ПОДДЕРЖАНІИ КІЕВОПЕЧЕРСКАГО МОНАСТЫРЯ.

1583.

Московскій великій князь Іоаннъ III заставилъ польскаго короля и великаго князя литовскаго Александра, по перемирію 1503 года, „поступиться" Москвѣ находившейся въ литовскомъ владѣніи „русской земли", которую Іоаннъ III называлъ своею отчиною, именно заставилъ поступиться 19-ю городами, 70-ю волостями, 22-мя городищами и 13-ю селами, подвинувъ такимъ образомъ Московскую границу до Путивля, Рыльска, Моравска. Въ числѣ городовъ, уступленныхъ Литвою Москвѣ, были Стародубъ и Новгородъ Сѣверскій. Въ эти города кіевскіе монахи, по старой памяти, продолжали ходить за сборомъ дани, и такимъ образомъ Кіевъ не разлучался экономически съ древними своими „прибѣжанами". Сохранилось разрѣшеніе кіевскаго воеводы, данное въ 1540 году, кіевопечерскимъ монахамъ для сбора „за границею", то есть въ Сѣверіи, дани, которая „съ *давнихъ* часовъ хожувала къ тому монастырю Печерскому". (А. З. Р. т. II, № 204). Въ настоящемъ документѣ печерскіе монахи возстановляютъ преданіе о милостынѣ, которая издавна давалась московскими государями на Печерскій монастырь, пока не возгорѣлась у нихъ война съ польскими королями. Война прекратилась въ 1583 году, и вслѣдъ за тѣмъ явились въ Москву послы Печерскаго монастыря съ напоминаніемъ о „прежнемъ *преданіи* и обычаѣ". Въ тяжкихъ тогдашнихъ обстоятельствахъ, происшедшихъ отъ подозрительности Ивана Грознаго, Москва сослалась на пожаръ, истребившій старыя книги, въ которыхъ было записано, какая именно милостыня давалась для поддержанія кіевскихъ святилищъ. Печерскій монастырь указывалъ именно на постоянныя даянія московскихъ государей, а она свела дѣло на сѣверскіе города, съ которыхъ шла „милостыня" въ Кі-

евъ къ Пречистой Богородицѣ; но царь все таки не отказался отъ помощи Печерскому монастырю. Грамота 1583 года, признавая за нимъ право на испрошеніе у царя милостыни, служитъ объясненіемъ многочисленныхъ монашескихъ хожденій въ Москву за милостынею по минованіи новой невзгоды, постигшей московскія владѣнія при Борисѣ Годуновѣ и потомъ въ безгосударное время. Если съ одной стороны Кіевъ считался отчиною московскаго государя, то съ другой на Москву смотрѣли, какъ на прибѣжище въ церковныхъ нуждахъ. Слова *давніе часы*, *прежнее преданіе и обычай* были для печерскихъ монаховъ какъ бы нитью, которая не давала имъ потерять слѣдъ къ русскому политическому единству. Въ послѣдствіи, заявленная Іоанномъ III мысль обрѣла въ южной Руси громкій отголосокъ, и тогда старина, преданіе, обычай возымѣли все свое значеніе въ исторической жизни этого края.

Божіею милостію отъ великаго государя царя і великаго князя Іоанна Васильевича всеа Русіи (титулъ) въ Киевъ въ пречестную обитель пречистыя Богородицы и преподобныхъ отецъ Онтония и Феодосія Печерскаго монастыря архимандриту Мелентію еже о Христѣ съ братьею.

Присылалъ еси къ намъ изъ монастыря пана Якова да старцовъ Михаила да Иосиѳа съ грамотою, а въ грамоте своей писалъ еси къ намъ: которая наша милостыня отъ блаженные памяти прародителей предковъ нашихъ дана была на церковь Божію Пречистыя Богородицы Печерскаго монастыря, и за все года та милостына отъ давныхъ часовъ на монастырь давана была, и по тѣ годы, въ которыхъ межь насъ съ литовскими короли валка начала быти, и съ тѣхъ мѣстъ на монастырь вашъ та милостына не давывана, и намъ бы та милостыня по прежнему преданью и обычаю давати велѣти, да и впередъ бы намъ о томъ расказати велѣти. И мы грамоту вашу выслушали і вразумѣли, и то дѣло давное: старые книги въ пожаръ погорѣли, и на Москвѣ сыскать того не могли; и мы о томъ приказали ближние думы діаку своему Ондрѣю Щелкалову про то послать сыскать въ тѣ городы сѣверские,

исъ которыхъ городовъ въ Киевъ къ Пречистой Богородицы въ Печерской монастырь наша милостына давана; и ты бъ для того на зимѣ прислалъ къ намъ человѣка своего, и мы вамъ тольды о той милостине указъ свой учинимъ; а старцовъ вашихъ и слугъ пожаловавъ отпустили есмя къ вамъ; а для монастырския нужи велѣли имъ дати сорокъ рублевъ денегъ а велѣли вамъ отвести.

Писана въ государьствія нашего дворе града Москве лѣта 7092 сентября мѣсяца.

Сверху надпись: Списокъ съ государевы грамоты слово въ слово. 136 г февраля въ 12 день подалъ въ восольскомъ приказе діакомъ путивлецъ Денисъ Олешковъ, а послали де съ нимъ тѣ списки изъ Путивля воеводы.

Относительно выставленнаго здѣсъ 7092 года. надобно имѣть въ виду мартовское, а не сентябрьское счисленіе.

VIII.

УНИВЕРСАЛЪ СИГИЗМУНДА III

ОБЪ ИЗЛОВЛЕНІИ НАЛИВАЙКА И ЕГО СООБЩНИКОВЪ.

1594, ноября 1.

Мѣщане города Брацлава, этихъ Черкасъ подольской украины, были, въ первыя времена козачества, гнѣздомъ и разсадникомъ пограничной вольницы. При Стефанѣ Баторіи не разъ постигали ихъ смертные приговоры. Съ воцареніемъ Сигизмунда III, издавались подобные же декреты. Но, не взирая на грозу королевскаго гнѣва, брацлавляне находили довольно для себя безопаснымъ—оспаривать у королевскаго старосты Юрія Струся принадлежавшія ему права, „производя великіе бунты и заговоры“. Въ 1594 году особенно усилилось ихъ своевольство. То было время дикой славы Наливайка, которому брацлавляне помогали до тѣхъ поръ, пока за этимъ талантливымъ витяземъ анархіи не погнался еще болѣе талантливый витязь порядка, Станиславъ Жовковскій.

Въ настоящемъ универсалѣ король жалуется, что своевольные люди наѣзжаютъ на шляхетскіе дома, разоряютъ и опустошаютъ имѣнія шляхты, отнимаютъ у нихъ документы и самихъ берутъ и убиваютъ; даже королевскіе зàмки и города занимаютъ своими гарнизонами и выламываются изъ послушанія у короля. Все это дѣлалось отъ имени Наливайка, который въ 1594 году уже оставилъ службу у князя Острожскаго и заключилъ мирный договоръ съ его противниками, запорожцами.

Zygmunth trzeci etc. Wielmoznym vrodzonym Łaske naszą krolewską. Wielmozni vrodzeni nam mili! Acz nie raz przedtym, iako mąmy wiadomosc, poddani swowolni z miastha Braczlawia, woith z miesczany, przeciw vrodzonemu Jerzemu Struszowi s Komorowa, braclawskiemu i winniczkiemu staroscie naszemu, wielkie bunty i seditiae czynic zwykli, o czo i na gardła od niebosczyka Krola Stephana, przodka naszego, potym i od comisarzow, takze i naszemi decretami skazowani byli; alie terasz pogotowiu, kiedy tha swawola ich thym wietszą mocz bierze, iako iusz i wziela, o czym skarga nam iesth przelozona od riczerstwa obywatelow woiewodztwa tamtego i wszytkich ziem Ruskich, ze oni, przylączywszy do siebie iescze inszych swowolnych liudzi, domy slacheczkie naiezdzaią, plondruią, maietnosci ich pustoszą, prawa i szamych zabieraią i zabiiaią, zamki naweth nasze i miastha osiadaiącz i s posluszentstwa naszego sie, wylamywaiancz, czemu my nieraz zabiegaiancz, i obawiaiancz sie, aby tho zle pozarem dali by nie slo, dogadzaiancz tesz prozbie obywateliow tamecznych, dla odszukania i wethowania praw, skod i maietnosci, takze pobicia i rozliania krwie ich, uprz. i wier. w. tho zalecamy, ktorych sumnienia, rozsądku i bieglosci dobrze swiadomi iesteszmy abyscie im przed sobą stanąc i thego Nalewaika y inszych swowolnikow stawic kazali i kogokolwiek z nich dostawszy pilną inquisitią o herstach i iesliby iakąkolwiek otuchę i pomocz od kogo mieli, iako nasz tho zachodzi vczynili, a takowych buntownikow swowolnikow wedlug zasług ich karali i karac kazali, czalą mocz maiancz w niebytnosci inszych wyssze ymianowanych, ktorzyby przybyc niemogli prawo i spawiedliwosc swienthą przed oczyma maiancz i takze czo-

byscie rozumieli godnego i potrzebnego nam do odniesienia, zebyscie oznaimiali, a inaczei zebysczie nieczynili pod laską naszą.

Dan w Crakowie, dnia pierwszego miesiacza listopada roku Panskiego MDXC czwartego, panowania krolewstw naszich Polskiego siodmego, swedzkiego pirwszego.

IX.

ДОНЕСЕНІЕ УКРАИНСКАГО ТОРГОВЦА

ЦАРЮ БОРИСУ ГОДУНОВУ.

1604, февраля 2.

Московскіе цари, желая знать, что происходитъ въ сосѣднихъ государствахъ, не ограничивались разсылкою собственныхъ вѣстовщиковъ по чужимъ украинамъ, но содержали на жалованьи для той же цѣли и туземцевъ. Такимъ агентомъ былъ у царя Бориса именовавшій себя литовскимъ торговымъ человѣкомъ Семенъ Волковскій-Овсяный. Его донесеніе вмѣщаетъ въ себѣ копію одного изъ тѣхъ универсаловъ, которые Сигизмундъ III не переставалъ, и послѣ свиданія съ названнымъ царевичемъ Димитріемъ, разсылать въ королевскія и панскія украинныя владѣнія для удаленія отъ него польскорусской вольницы. Въ универсалѣ, списанномъ Волковскимъ-Овсянымъ для московскаго царя, обращаютъ на себя вниманіе слова: „повелѣваемъ, чтобы отцы не пускали своихъ сыновей для козачества къ своевольнымъ людямъ, но удерживали бы и обуздывали“. По донесенію Волковскаго-Овсянаго, запорожскіе козаки, свѣдавъ о появленіи въ Украинѣ такого человѣка, какими были у нихъ претенденты на волошское господарство, прислали къ нему своихъ уполномоченныхъ сторговаться въ цѣнѣ, за которую они вызывались доставить его въ назначенные города Московска-

го царства. Охотниковъ до козацкаго промысла было въ Украинѣ такъ много, что королю надобно было грозить отцамъ семействъ за ихъ сыновей. Не указывая на сословіе, изъ котораго набирались козаки, королевскій универсалъ даетъ намъ понять (и это согласно съ другими историческими свидѣтельствами), что козаки находились всюду, гдѣ молодой человѣкъ могъ сѣсть на коня, или запастись огнестрѣльнымъ снарядомъ, о которомъ также упоминается въ универсалѣ. За подобныя дѣла король грозилъ отобраніемъ имуществъ и смертною казнью. Эта то строгость и показываетъ, въ какой степени развился уже въ Украинѣ анархическій элементъ въ видѣ козачества. Потокъ ничѣмъ не сдержаннаго своевольства увлекъ въ Московщину и тѣхъ которые въ началѣ не хотѣли знать объ ополченіи въ пользу самозванца. (Параллель этому явленію, по Лѣтописи Самовидца, представляетъ Хмельнищина). Беззаконное дѣло сдѣлалось законнымъ, когда у общества не хватило средствъ для обузданія и наказанія преступниковъ. Анархическій наплывъ вольницы, опустошивъ сосѣднее царство, отхлынулъ въ Польшу и продолжалъ бушевать подъ тремя видами: одни своевольники составили грозную для Рѣчи Посполитой московскую конфедерацію; другіе, подъ предводительствомъ Лисовскаго, спущены были благополучно для опустошительной работы въ Германію; третьи, по выраженію Жовковскаго, овладѣли Кіевскимъ краемъ и дѣлали въ немъ что хотѣли. Это были товарищи завоевателей или разорителей Московскаго царства, наши украинскіе козаки. Имя имъ легіонъ; не возможно разложить ихъ на составные элементы; но такія указанія, какія заключаются въ универсалѣ, списанномъ для Бориса Годунова, показываютъ, что это не были собственно хлопы, которые, какъ мы недавно думали, будучи тѣснимы рабовладѣльцами-панами, отстаивали личную свою независимость подъ видомъ козачества, а просто — сборъ дружины изъ людей вольныхъ, преимущественно мѣщанскаго званія. Еслибъ это были бѣглые крестьяне, тогда бы королевскіе коммиссары не могли говорить о козакахъ у Кременчука на Медвѣжьихъ Лозахъ: „lubo większ aich część ludźmi nie będąć stanu szlacheckiego, nie tylką wolnością życia i używaniem maiętności swoich z tym nayprzedniejszym Rzptej stanem porównani byli; wszystek świat na to patrzał i dziwował się, iako

się im w zawzięciach ich długo folgowało". (Niemc. Zbiór Pamiętn. VI, 177).

Донесеніе царскаго вѣстовщика показываетъ, между прочимъ, состояніе торговли въ украинныхъ московскихъ и литовскихъ городахъ. Она ограничивалась немногими предметами, на которые съ одной стороны былъ спросъ, а съ другой—предложеніе, именно: прѣснымъ медомъ, воскомъ, конoплянымъ масломъ и шкурами дикихъ звѣрей. По такому состоянію торговли надобно составлять себѣ понятіе и о людяхъ, ограничивавшихся предметами первой необходимости. Они естественно были бѣдны и жаждали прикрыть свои грубыя одежды тканями, для ихъ быта недоступными, а пищу свою усладить иноземными приправами и питьемъ. Самъ вѣстовщикъ, судя по тому, что владѣлъ землею и подданными, былъ шляхтичъ, но онъ испещрилъ длинную челобитную свою царю безконечными жалобами на свою нужду, на свое убожество, на то, что служитъ московскому царю, рискуя головою изъ за куска хлѣба. Это типъ Котошихинскій. Если онъ и преувиличиваетъ въ своемъ конюченьи невыгоды своего промысла, то самая грубость его назойливости показываетъ, что изображаемое имъ положеніе было общественнымъ и вопіющимъ явленіемъ. Подобный человѣкъ, въ козацкомъ промыслѣ, никакъ не можетъ являться рыцаремъ чести и патріотизма, а развѣ орудіемъ политической идеи для него непонятной. Реальность историческихъ явленій много теряетъ отъ того, что вокругъ ярко озаренныхъ личностей, каковъ, на примѣръ, былъ Борисъ Годуновъ, отъ насъ изчезаютъ въ потемкахъ люди, подобные краснорѣчивому въ своемъ родѣ автору посланной къ нему реляціи и вмѣстѣ челобитной. Я, по крайней мѣрѣ, читалъ ее съ бóльшимъ для себя назиданіемъ, нежели многія дипломатическія дѣла посольскаго приказа или королевской канцеляріи.

Относительно языка этотъ документъ представляетъ ту особенность, что показываетъ современную рѣчь съ весьма малою примѣсью книжнаго или иноплеменнаго языка. Семенъ Волковскій-Овсяный зналъ, какъ видно, только азбуку, не читалъ дѣловыхъ бумагъ и церковныхъ книгъ, вращался вдали отъ высшей шляхты и тогдашней духовной интеллигенціи. Поэтому его донесеніе даетъ намъ возможность представить себѣ, какъ говорили тогда люди на

кіевскихъ, на примѣръ, базарахъ, чего мы никакъ бы не узнали ни изъ „Апокрисиса“, ни изъ „Шкрипта собора Берестейскаго“, ни изъ „Перестороги зѣло потребной на потомные часы“. Я старался сохранить, сколько это удобно для печати, всѣ особенности его домашняго правописанія, въ которомъ буква ъ преизобилуетъ безъ всякой надобности и имѣемъ одно и то же начертаніе съ буквою ь, но за то почти всѣ слова, оканчивающіяся согласною, писаны безъ ъ, такъ какъ послѣднюю букву Овсяный лѣпилъ сверху слова, дорожа мѣстомъ. Донесеніе занимаетъ три съ половиною полулиста бумаги, писано безъ полей, полууставомъ различными чернилами и, какъ видно, стоило писавшему продолжительнаго труда. Въ концѣ приписана еще челобитная на стародубца Мозолевскаго за неуплату шести рублей, и все это адресовано на оборотѣ четвертаго полулиста такъ: Въ посолскиі приказъ пилъно отдат належит.

Лѣта семъ тисяч ста второгонадесят году мисяца февраля второго числа.

Прииѣжжал чоловик моі Осташко Никоновъ с Киева подманастиревскиі на заставу, которого я холопъ твоі государевъ посылал для твоего государева дила въ Киев, и я холопъ твои государевъ издилъ щернигова к Монастыревскому, да распрошу... его про висти, што ся диет у землі королевскоі. И тоі чоловик моі Осташко мини сказал тыі висти: штоі (што той) воръ, которыі прозъвался Дмитриемъ, был уже в короля, и король, кажеть, его тоичасъ от себя отослал и дал, кажеть, ему там гдесь у Полщи помистъищъко на прожитокъ, такъ якъ рядовому чоловику, а не велил, кажет, корол ни паномъ прилучаться, ни шляхти, ни жолниромъ, тулко, кажеть, з нимъ тамъ у томъ помистъску тыи твои царъскиі изминики, што с твоего государева царства въ Литву поперебигали.

Да казал мини холопу твоему мои же тои чоловик, што были козаки запорозъкиі изапопорожа послали своих посъланъцовъ к тому вору, што ся прозывал Дмитриемъ, подымуючися его провадит до Москъвы, а он имъ имал ся у Путивъли за ихъ службы их жаловат. Какъ, кажеть, мене на Путивъль насадите. И корол,

о томъ довидавшися, заразом тых посланъцовъ козацъких поимат казал да у турму посажат. Тое штобъ с тобою, государемъ, миръного постановенъя не нарушили. Да того ж чоловика своего Осташка спрошувал про мор, и вонъ мини казал, што, кажеть, у Литъви и слухомъ про мор нигде не слыхат: усюды в земъли королевъскоі здорово, кажеть; ни жолнировъ нигде никакого зобранъя у земъли Литовскоі нитъ; зо въсих сторонъ далъ Богъ тихо. То слово моего чоловика Осташка Никонова, што вон мини казал.

А панъ Гаврило Кратович, подъписокъ киевскиі, писал ко мъни же холопу твоему государеву тыі вести; которыі слова с того листу я холопъ твоі слово у слово списал и списъ листу королевъского, которыі писан до украинных городовъ, такъ же слово у слово списал да къ тоби государю отсылал. А въ подъписъковомъ листи пишетъ такъ:

Из стороны новин тут на Вкраини оныі вашъмости озънаимую... теж и мы за них шкоденъ не был, тыі сутъ, ижъ, за писанемъ и посланъемъ тутъ на Украину до козаковъ, абы своеи воли тут на Украини не чинили и премиръя изъ зуграничными панъствы не зрушали, але козаки из Запорожъя посылали до того нецъноты господаръчика, абы имъ нагороду дал, а они его на Москву вести подымовалися, которыі имъ то обещая, же, поведа, гды мене до Путывъля принесете, заразъ нагороду кождому дамъ, и с тымъ их отправил. Которыі их посланъци шли за Пороги. Корол его милость, не хотячи при томъ нецноти господарчику быт и за него ся брат, снатъ ся того довидавъши, теперъ дня вчорашънего, у понедилокъ передъ всендъною недилею, февраля втораго числа по новому каландарю, того жъ коморъника своего, пана Мелтелского, з листом своимъ нрислал, гамуючи имъ своволю; которого копию Остапъ вашъмости отдастъ, с которого снадъне вашъмостъ зрозумиешъ, что господаръчику чортъ якиі мысль о немъ маетъ не коро.... атком.

Я холопъ твоі государевъ с того листу королевского зрозумилъ, што за тое корол его милость на козаки отпалився, што к тому вору посылали своих посланъцовъ. А писалъ тыі вісти ко мъни холопу твоему государеву с Киева панъ Гаврило Кратович, под-

писок гродскиі киевъскиі, мисяца февраля третего числа по новому каландару, у волторокъ перед всеидною нєдилею.

Список с копиі листу королевъского, слово у слово списанъ, в которомъ пишется:

Жигимонт третиі з Божеи ласки корол полскиі, великиі князь Литовъскиі, русъкиі, мазовецъкиі, жомотскиі, иолянтъскиі, шведскиі, вандалскиі дедичниі корол.

Всѣмъ вобецъ людем украинным в местечках и мастностях, так наших, яко подданих, ознамуемы. В перъвших уневерсалех наших, презъ коморъника нашего, шляхетного Якуба Метелского, посланных, способы загамованъя своволенства козаков украинных ознамили, давъши теж и о тым листы наши особыі до старостъ и урядовъ вшеляких, аби таковеи своиволи зачасу забежели, то ся намъ за речъ потребную придать еще здало и сурове вамъ всимъ росказать, яко листом нынешним росказуемы, абы отцове сыновъ своих на козацъство до тамътых людеи своволных не выпущали, але е затримавали и гамовали о злученъю се съ тымъ козацъствемъ, которыи покои посъполитии и премиръе с панъстви суседъскими взрушают; до того, бы не важил се заденъ салетри, порохов, олову и иных речи до стрелбы аръматы военъныі належачих предавать и якимъ колвекъ форътелемъ до таковых сво(вол)ников выносить под утраченъемъ маетъности и каранъемъ на горъли.

Дан с Кракова, дня дванадцатого мисяца грудъня, панованья крулестъ наших полского шестънадцатого, шведъского десятого року.

Да еще я холопъ твои государевъ послал того жъ чолокика своего Осташка Никонова у Киевъ для твоего государева дила к тому ж Кратовичу, и приказал я холоп твои государевъ тому чоловику, штобъ тои чоловикъ мои, провидавши, што ся диетъ в королевскоі земъли, да приказалъ я ему, штобъ о зборъномъ воскресенъи конъче сталъ под Манастыревъскиі з вистьми.

Але уже я холопъ твои государевъ достал у черънци постригъся от тых посылокъ, а подакованъя за тое не чую, не такъ нагороды. Да умилосердися, государь, вели того моего чоловика пропустит з Манастыревъского и(зъ) своимъ государевим диломъ у Черъ-

ниговъ, да вели его, государю, зо мъною умисти отпустит щерънигова у Киевъ: атомъ уже, государю, вичне загинулъ. Штомъ у доброго чоловика въ Литви хлибъ бравъ на кабалу, томъ тут у твоем государеви царъстви увесь за посмих безъ потребы не лежачи поивъ, што мене щерънигова ко двору не велиш ты, государь, отпустит, и я, государю, што коло себе мил, то позаклядовавъ да поивъ; да уже государю, и у твоих государевых воевод твоих государевых денегъ чотири рубъли денегъ занялъ; а колибъ не по жаловали, не дали у за(й)мы, з голоду было умерет; и иръжи, государю, тулко уже у мене зостало сто четверъте(й), по чотири гривъни. Колибъ ты̑ дольги оплатит, што теперъ понаидал, а уперед ничого исть. Тут я сидячи у Черънигови голодною смерътю умру, а тамъ у Киеви жонишъко да ре(бя)тишка цо кабали за тоі хлибъ, што я тут поивъ, в турьми сидячи у Киеви, з голоду помруть. Умилосеръдися, государь, вели мене щерънигова ко двору отпустить, не вели мене в Черънигови напрасно голодъною смерътью уморит, штобых я холопъ твои государевъ у конецъ не погибъ и упередъ твоеи царъскои службы не остал. Милостивыі царь государь и великиі князь Борисъ Ѳедорович всея Руси самоде(р)жецъ, смилу(й)ся пожалу(й) холопа.

А ты̑ висти и чолобитную писал я холопъ твои государевъ Сенька Андрѣевъ сынъ Волковъскиі Овъсяныі своею (рукою) и запечатал своею печатью мисяца Ѳевраля сед(мого чи)сла.

И коли мене, государю, торъгом стречают, как побъю чолом о коръму, то Бигд(асть). И теперъ я тут, государю, в Черънигови не за торъгомъ, ани за своимъ диломъ лежу, да и чоловикъ моі не с торгомъ да не з моим диломъ ко мъни с Киева к Манастыревъскому издит: усе съ твоимъ государевым диломъ приежжаетъ; а одначе чоловику моему ковриги хлиба не дадут, а коню моему охапъки сина николи не дадут. А я бъ, государю, за своим хлибишъкомъ, хотя тут в Черънигови хлибъ не платит, ябых и трех днеи тут не лежавъ тутъ; я бых с ким на щоньбудь хлибишко свое зменил, да блудуся: какъ хлибъ замену, а тут долго седитиму, такъ з голоду самъ и чоловик моі умре зо мъною, сидячи на гостином двори у Черънигови. Умилосеръдися, государь, не вели

мене за посмих невинъного чоловика голодною смертью уморит; вели, государь, мене щеръчигова ко двору отпустит. Бо обо мъни помъянуть увызъби тоби государю никому. Какъ самъ не пожалуешъ, не велишъ отписат у Черъниговъ, штобъ мене отпустили ко двору, то тут и умру сидячи, и нихто обо мъни тоби государю не помъянет.... государю от происти, а чимъ и уперед твоеи царъскои служъбы остал.... Милостивыі царь государь и великиі князь Борисъ Ѳедорович всея Руси самоде(р)жецъ, смилу(й) пожалу(й) холопа.

Царю государю и великому князю Борису Ѳедоровичу всея Руси самоде(р)зъцу. Бетъ челом и плачется побидныі холопъ твоі государевъ, которыі с Киева тоби царю служит, Сепка Андрѣев сын Волковъскиі Овсяныі.

Пожаловал ты, государь, мене холопа своего своим царъскимъ жалованъемъ за моі служби, велил мене пропустит з моим хлѣбишкомъ з Монастыревского у Чернигов, и я, государю, теперъ проидаюся от 8 окт(о)бра мисяца от четверътого числа, с тих мистъ по ся миста проидаюся, твоего царъского указу ждучи в Черънигов к твоимъ государевымъ воеводам князю Ивану Анрѣевичу Татеву да князю Петру Миха(й)ловичу Шаховъскому, к твоему государеву дяку к Василю Ѳедоровичу по своих чолобитных, што я холоп твоі государев бил чоломъ тоби государю о своеи нужи о жалованъі и о коръму, и не видаю гораздъ, што мене холопа твоего государева тым стречали у прошломъ сто десятом году, какъ я был на Москви, какъ побъю бывало чоломъ о жаловани и о коръму, такъ мини отказуют в посолском прикази: идъ, кажеть, ты. добрыі чловикъ, с торъгомъ издишъ; на що, кажет, намъ тоби царъскиі кормъ за посьмих дават?

Умилосердися, государь, вели же имъ то росудит у посолскоиъ прикази, повинен ли и торъговыі литовъскиі чоловик тоби государю даромъ служит, да приихавши съ твоімъ государевымъ диломъ у твое государево царство, да пит и исти свое, а сило носит на своеі шиі день и ноч, и що часу кола или виселици ждат на себе в Литви за твою царъскую служъбу? То Богъ может знат, как царемъ служит. Я, государю, чоловик убоги, потомумъ и

нялся такъ великого и тяжкого (дила), тоби государю служит, хотячи ся твоим царъским жалованемъ запомочи, (да) умисто запоможеня, и нечести у земъли королевскоі набыл, и помисти двохъ у выизди Кремъянецъкомъ збыл для твоеи царъскоі службы. Какъ новъгородца сына бояръскаго Чубарова холоп перебиг з Манастыревского, в Литву Васко, так я в ту пору помистья потерял от того Васька, посулачися приказным людемъ да свою голову окупил от непочесной смеръти. А теперъ, государю, от тых поперебигали которыі на мене холопа твоего государева в Литви кажуть, што я тоби государю служу, якожъ так розумию, што и за тыми тыи ж бы висти были, што на мене казать, што я тоби государю служу, которых вони за собою щерънигова в Литву ждали. И я бых, государю, теперъ для торъгу у твое государево царство не ихал, але наболше я, государю, от тых твоих царъских изминиковъ изъихал ис Киева да от того вора, которыі несвое имъя на себе волочет; и я, государю. се голову свою хоронячи изъижал з дому, покул обойдутся мыслю у Литъви на ричи тых твоих царъских изминиковъ, которыі щерънигова и Любечу поперебигали к тому плуту; и я, государю, боячися того плута и тых твоих царъских изминиковъ, суды приихал и хотячи мит твои царъскиі указъ соби, будут ли мои послуги пригодятъся тоби государю уперед, што бых могъ твое царъское жаловалное слово слышит, по чому бы мил на въсякиі год от тебе государя сподиваться соби жалованья за своі службы. А то, государю, день и ноч и на кажъдыі часъ сило на своеи шиі ношу и не въ чести передъ людми у земъли королевъской хожу. и самъ не видаю, за що умираю от тебе, государя. от вулку год жалованя не видал. Есьли, государю, тулко одно, што сеі осени сорочок соболце(въ) да сорок куниць безъ двохъ куниць мене холопа твоего государя твоего царъского жалованья дошло, и то Богъ лучши свидокъ на мене, штом и своего к тому прибавивши да на твое государево дило все выдал. Десят разъ, государю, посылал я холопъ твои государевъ у Киевъ у в Остръ людеі своих для твоего государева дила, хотячи тоби государю прислужится; а въсякая посылка мини холопу твоему государеву в денгах ставилася: которая рубле(й) пять, иная рубле(й) чотири, а и послидня рубле(й) три стала; а не мог я

холопъ твои государевъ и того дождатся к Чернигову з Мосъкви к твоим государевымъ воеводамъ да к даку(sic) в Черъниговъ твоего царъского указу обо мъни холопи твоемъ государевомъ, велишъ ли ты государь уперед мини холопу своему соби служит. Бо коли, государю, в прошлом сти шостомъ году мене холопа твоего государева по твоему царъскому указу твои государеви воеводы черъниговъскиі Өедоръ Иванович Шереметевъ да Андрѣ Яковълевич Изъмаиловъ приводили мене холопа твоего государева к твоему царъскому крестъному цилованъю, и я холопъ твоі государевъ на том тоби государю крестъ циловал, што мини с Киева тоби государю служит, а безъ твоего царъского видома мини с Киева никуды жит ити не велили, а сказали мини именемъ твоимъ царъскимъ, што.... Семенешъко писал к нам царъ государь и великиі князь Борисъ Өедорович всея Руси самоде(р)жецъ, велил теж нам сказат тоби свое царъское жаловалное слово, што, кажет, тулко служи государю вирою, а царъ государь и великиі князь Борисъ Өедорович всея Руси самоде(р)жецъ хочет тебе удвое перед прежънимъ и годовым своимъ царъскимъ жалованъемъ жаловать, а какиі, кажеть, убытки тоби въ Литви станут дла царъскоі службы, и тоби, кажеть, ты убытки царь государь и, велики князь Борис Өедорович всея Руси исполнит.

И я, государю, холопъ твоі государевъ, хотя чоловик убоги, а видиш, государю, какъ на своемъ слове стою и как души своеи стерегу, штобых еи не погубил. Вижу я уже и самъ, што долгол коротко мини холопу твоему государеву придется тило свое гришъно дать на муку в Литви за твою службу, а на слова твоих государевых воевод черниговъских Өедора Ивановича Шереметева да Андрѣя Яковълевича Изъмалова, што вони обецали именем твоимъ царъскимъ, то на ихъ слова ничого за свои службы от тебе государя ничого не вижу,—яково то, государю? и о грамоти такоі, какъ была мини дана во сто пятого году, што было мини холопу твоему государеву повелено за въсякимъ моимъ приииздомъ з Литвы ку Черънигову поволено мини было в сивірьских городех покупат по сороку пудовъ меду присного да по десяти пудовъ воску, да з мене же холопа твоего государева не велено было имать у сиверъских городех зо ста рубле(й) тамъги за всякимъ

моимъ приииздомъ з Литъвы у твою государеву отчину, и то, государю, за велико поставивъши, тую твою царъскую грамоту во сти шостомъ году взяли къ Мосъкви. И я, государю, хоть убогиі чоловикъ, а мини своя голова видится не дешева; а одначеі еи не жалую, што часъ и година сило на своеи шиі ношу и кола на свою голову в Литви надиюся за тое, што тоби государю служу; а одначе я головы своеи не жалую, тулко души своеи стерегу, штобых еи не погубил. Да видиш, государю и самъ, какъ я холопъ твоі пилно и виръно тобі государю служу; а какъ приду у твое государево царство или ксамоі Москви, хоть теж и щернигова пишу чолобитныі в поселскиі приказъ о своеи нужи, то на мое чолобите усе отмовчуются.

Болшее мои служъбы тоби государю не надобъны, што я, государю, от октобра четвертого числа по сямиста проидавъся; а одъначе, не дождавъши твоего царъского указу по своих чолобитных, заплакавъши сило на свою шию зложивъши, ко двору поихавъ, што ничимъ в Литви приихавши приказънымъ людемъ чоломъ ударит, коли кая худоба на мене будетъ за тое, што я тоби государю служу. И такъ то я, государю, завъжды погибаю! Што у добра чоловика в Лить(ви) на кабалу возьму товаръцу да поиду к Мосъкви, или у Черниговъ приихавъши, да пишу чолобитъныі к Москви у посолскиі приказъ, то я холопъ твои государевъ дожидаючися по тых своих чолобитных твоего царъского указу и начаючися по своих чолобитных за свои служъбы твоеи царъскои милости, то, государю, все свое товаришъко поим да заплакавъши завъжды ни щимъ ко двору поиду. И такъ то мене холопа твоего тоби государю не слугою доспиваютъ!

А у Литъву прииду, перъвая: тому ничимъ отдать, у кого товаръ брал, да тут напрасно живучи поеси; другая: скоро к Остру прииду и пану старости подаръки даваи, и самои пани, и слугамъ, и въсякому чоловику добрисъся, штобъ то нихто на мене худого слова не мовилъ про тое, што я тоби государю служу. И к Киеву приихавъши та же бида: усякъ видаетъ, што я тобі государю служу; тожъ всяк приказъныи самъ и слуги ко мъни деруться: вони розумиют, што я у тебе государя безщотно казну беру за свои служъбы. Уже жъ, государю, на пятыінадесятъ годъ минулъ,

какъ я бидныи, тоби государю служачи, тягѣнулся, што куница (на) лисичее пяло. Уже жъ, государю, сила не възяла. Богу да тоби вещаю, што по(иду) с Киева до якого пана служить: бо мини у Киеви безъ твоего царъского жалованъя ничимъ прожить.

Я чоловикъ не торговыі, а я быx дла то(р)гу у твое государево царъство и на вики не поихал, колибъ не дла твоеи царъскои службы, какъ я писал у то(и) чолобитнои, с каких причинъ я почал у твое государево царъство изъдит и тоби государю служит. В тои чолобитнои о въсемъ о томъ писано, што я подавъ тоби государю мисяца октобря двадцать третего числа. Да шлуся, государю, на въсихъ твоих государевыхъ воеводъ черъниговских, при которых я тоби государю служил и тепер служу, а именно шлуся, государю, на князя Петра Ивановича Буносова да на Өедора Ивановича Шереметева, какъ я холопъ твои государевъ тоби государю виръно и пилъно служу.

Милостивы царь государь и великиі князь Борисъ Өедоровичъ всея Руси самоде(р)жецъ, смилу(й)ся, покажи млсть, пожалу(й) холопа своимъ царъскимъ жалованъемъ, вели государь, мои службы сыскать да вели, государь, по прежнему мене холопа своего своимъ жалованьемъ пожаловать за мои службы, вели государь мини дать свою царъскую жаловалную грамоту дать такую, какъ была мини дана сто пятого году, которои грамоты списовъ есть много у посолъскомъ приказе, штобъ я холоп твои государевъ по тои твоеи царъскои жаловальнои грамоти у сиверъских городах торъговал, а твоеи царъскои службы уперед не оставал. А то, государю, какъ теперъ мини почали грамоты дават ик твоимъ государевым воеводамъ у Черъниговъ, то мини по тих никакои корысти нитъ. Во сто десятомъ году дана мини грамота, велено на тридцать рублеи меду купить, и я одно на шесть рубле(й) купил. Тепер, государю, ты государь мене пожаловал, поволил мини на сто рубълеи купит меду и воску и масла конопъланого; и теперъ того ничого у Черънигови нѣтъ. И тамъги ты государь не велил з моего товару зо ста рублеи брат; а тепер, государю, у мене товару такого нѣт, щобы тамъгу брать: с хлиба, государю, з наших з литовъских людеи не бирували тамъги и з отвозу с того товару, што за хлибъный денъги купит товару, и с того товару

твоих государевых пошълин не бирували. А как я, государю, приду у други разъ з Литвы к Чернигову да буду мит товаръ, щого тамгу беруть, такъ мини по тои грамоти не дадуть безътаможъно торъговать; да хоть о ту пору и мед и воскъ и масло конопъланое будет, так мини по тои грамоти ничого упередъ не дадуть купить.

Милостивы государъ царъ и велики князь Борис Өедорович всея Руси самоде(р)жецъ, смилу(й)ся, покажи млсть, пожалу(й) холопа своимъ царъским жалованъемъ, вели, государъ, дать мини такую грамоту у Черъниговъ к твоимъ государевымъ воеводамъ черъниговъскимъ к князю Ивану Андрѣевичу Татеву да князю Петру Миха(й)ловичу Шаховъскому, да к твоему государеву даку к Василу Өедоровичу, штобъ з мене холопа твоего государева за всяким моимъ прииздомъ з Литвы у сиверъских городех не велили тамъги имать зо ста рубле(й), и велили бы мини покупать по сороку пудовъ меду да по десяти пудовъ воску да масло конопъланое, и щобъ, государю, тои твоеи царъскои жаловалъной грамоты не зъвозили щерънигова упередъ для твоих государевых воеводъ и дла приказных людеи и дла моего приизду. А коли, государю, буду я холопъ твои мит такую твою царъскую грамоту, я тебе государа николи.... сти с королевъскои земъли деръжать не иму.... Милостивыі государъ царъ и велики князъ Борисъ Өедорович всея Руси самсде(р)жец, смилу(й)ся, пожалу(й) холопа.

X.

МНѢНІЕ ПОЛЬСКАГО ШЛЯХТИЧА,

НАПИСАННОЕ ДЛЯ СЕЙМИКОВЪ И СЕЙМА

1606 года.

Записка подъ этимъ заглавіемъ была роздана сеймующимъ панамъ въ печатныхъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ сохранился въ варшавской библіотекѣ графовъ Красинскихъ. Въ Император-

ской Публичной библіотекѣ находимъ ее въ рукописи (разнояз. л. Q. отд. 4, № 8). Она, очевидно, сдѣлалась рѣдкостью вскорѣ по напечатаніи, и ее стали тогда же списывать.

Безыменный польскій публицистъ разсматриваетъ оборону государства отъ сосѣднихъ народовъ и справедливость, на которой утверждается общественное спокойствіе. Какъ будто зная, что наступаетъ эпоха рѣшительной борьбы Польскаго государства съ Московскимъ, онъ даетъ своему обществу понять непрочное положеніе своего отечества. Это наилучшій комментарій смутнаго времени Московскаго государства и его торжества надъ напастниками. Дерзкое въ предпріятіяхъ, задорное въ бояхъ, выносчивое въ осадномъ сидѣньѣ, польское общество не имѣло подъ собой обезпеченной почвы, и правильная борьба съ такимъ соперникомъ, какъ общество московское, для него была не возможна.

У Рѣчи Посполитой отъ внѣшнихъ враговъ не было никакой обороны. Чтобъ это доказать, авторъ записки перечисляетъ одну за другою тѣ силы, съ которыми Польшѣ приходилось бороться. Татары, по его словамъ, разоряли Украину такъ часто, какъ это имъ было угодно, и пріѣзжали въ нее, какъ въ собственныя жилища. Въ 1606 году лѣтомъ продано ими христіанъ въ турецкую неволю безчисленное множество. Одной десятины съ полона заплачено ими на заставахъ до 14.000 душъ. Въ Константинополь, по разсказу очевидца, „нагнали ясыру, какъ скота, и едвали въ Содомѣ и Гоморѣ совершались болѣе гнусные грѣхи, какъ то, что̀ дѣлалось тогда у жестокосердыхъ язычниковъ, sine omni sexus discretione“.

Хотя въ Лифляндіи и побѣжденъ князь судерманскій, но это польскій публицистъ приписываетъ не человѣческой силѣ, а высшему промыслу: такъ ненадежны были польскія ополченія; такъ невѣрны были у поляковъ денежныя средства для энергическаго поддержанія войны.

Со стороны Венгріи Польша не была безопасна. Тамъ (говоритъ брошюра) турки и татары живутъ какъ дома. Съ венграми они уже побратались и посватались, и неужели полякамъ дожидаться ихъ посѣщенія?

Прусскую землю безыменный публицистъ проходитъ молчаніемъ,

но говоритъ, что если въ нее глубже всмотрѣться, то найдется тамъ что̀ грызть.

Миръ съ Московскимъ царствомъ, по его мнѣнію, есть не что̀ иное, какъ чудо Божіе. „Но надобно, однакожъ, помнить (замѣчаетъ онъ), что человѣческія желанія перемѣнчивы, et tempora mutantur, et nos mutamur in illis".

Нѣмцы (пишетъ онъ далѣе) изнурены войнами. Съ ихъ стороны мы покойны. Надлежало бы имъ какъ нибудь помочь, да мы и сами не въ силахъ справиться съ этими вшивыми татарами Кожуховскими (т. е. тулупниками).

Нѣтъ у поляковъ обороны границамъ ихъ, потому что нѣтъ внутренняго порядка. Съѣхавшись на сеймики, они только здороваются, а нѣкоторые ссорятся, потомъ пишутъ артикулы, посылаютъ съ ними пословъ на сеймъ и возвращаются домой. Послы, въ свою очередь, дѣлаютъ то же самое на сеймѣ. Съѣхавшись изъ разныхъ воеводствъ, одни строятъ, другіе разрушаютъ. Послѣ разглагольствованія и дракъ, пишутъ постановленія, ни къ чему негодныя, и возвращаются къ своимъ землякамъ съ разсказами о сеймовыхъ ссорахъ. Вся дѣятельность земскихъ пословъ направлена къ тому, чтобы заставить короля одного наградить, а другого постращать; между тѣмъ суммы, издерживаемыя на сеймованье, такъ велики, что еслибъ ихъ обратить на оборону границъ, то это было бы безсмертнымъ подвигомъ. О польскихъ сеймахъ сложилось у сосѣднихъ народовъ мнѣніе, что нѣтъ на свѣтѣ другой земли, въ которой было бы больше словъ и меньше дѣла, какъ въ Польшѣ.

Такъ разсуждали (замѣтимъ кстати) сами поляки о сеймовыхъ транзакціяхъ своихъ. Но мы нерѣдко относимся къ нимъ серьозно, особенно по поводу религіозныхъ споровъ, и красивыя слова русскихъ православныхъ пановъ на бумагѣ принимаемъ за дѣла, совершавшіяся въ дѣйствительности.

По мнѣнію автора сеймовой брошюры, особенное вниманіе слѣдовало обратить на оборону Украины и ея колонизаціи отъ татаръ. Этого можно было достигнуть усиленіемъ пограничнаго войска и запорожскихъ козаковъ. Здѣсь у него явилась мысль объ изгнаніи татаръ за море. Мысль эту возымѣлъ Язловецкій один-

надцатью годами раньше. Одиннадцатью годами позже высказалъ ее весьма конкретно посолъ Рѣчи Посполитой, Ожга, въ переговорахъ съ Искандеръ-башею за Днѣстромъ, а черезъ семь лѣтъ послѣ него горячо взялся за ея осуществленіе сынъ знаменитаго Жовковскаго (Ист. Возс. Р. т. III, гл. XXVII). Но чтобы прогнать за море татаръ, надобно было сперва обезсилить турокъ, которымъ татары служили постояннымъ авангардомъ въ войнахъ съ Польшею. Авторъ брошюры, путемъ Баторія, обращаетъ взоры къ Московщинѣ, разсчитывая на царя, который, можетъ быть, во время печатанія брошюры, уже былъ уничтоженъ заговоромъ Василія Шуйскаго. Рано или поздно, но оттуда должно было прійти спасеніе христіянъ отъ повторенія сценъ, описанныхъ въ началѣ брошюры.

Вслѣдъ за тѣмъ авторъ вспомнилъ о печальномъ положеніи подгорцевъ или подгорянъ. Ни посполитымъ рушеніемъ, ни поборами защитить ихъ отъ вѣчной опасности со стороны татаръ не было надежды. Первая мѣра уничтожилась обычною у поляковъ медленностію,которая дала бы татарамъ возвожность разорить шляхту прежде, чѣмъ она выступитъ въ поле. Турки успѣли бы прислать татарамъ подмогу, и тогда Корона Польская какъ разъ очутилась бы у нихъ въ рукахъ. Размысливъ о посполитомъ рушеніи противъ мусульманъ, авторъ сеймовой брошюры разсчиталъ по пальцамъ, что механизмъ польской государственной жизни не соотвѣтствуетъ такому предпріятію. Здѣсь онъ рисуетъ вѣрную картину нестройности этого механизма, и она даетъ понять возможность развитія козачества въ Рѣчи Посполитой до варварскаго могущества. Она объясняетъ, какимъ образомъ устояли наши мѣщане противъ политики окатоличенія, а слѣдовательно и ополяченія, которая въ теченіе 45-лѣтняго царствованія Сигизмунда III была въ постоянномъ дѣйствіи. Она, наконецъ, вразумляетъ насъ и въ познаніе церковной нашей борьбы съ иновѣрцами, подъ предводительствомъ малочисленной и убогой русской интеллигенціи.

Польское общество состояло, въ громадномъ большинствѣ, изъ домосѣдовъ, которымъ не было дѣла ни до какихъ государственныхъ интересовъ. Шляхетская конституція дѣлала каждаго пана въ миніатюрѣ королемъ. Короли шляхтичи жили разбросанно, от-

дѣльными усадьбами; въ города навѣдывались рѣдко; о томъ, что̀ дѣлается за предѣлами околицы, знали весьма мало, или вовсе ничего не знали. Такихъ обскурантовъ и вообразить въ наше газетное и многодорожное время трудно, какими были тогда поляки; а ихъ лѣнь и пьянство, такъ рельефно описанные поэтомъ XVI вѣка, Реемъ, едвали имѣли себѣ гдѣ либо въ Европѣ что нибудь подобное. Польша XVI и XVII вѣка была захолустьемъ, исполненнымъ мѣстами рѣдкаго добродушія, мѣстами рѣдкаго безчеловѣчія, мѣстами рѣдкой цивилизаціи, мѣстами рѣдкой грубости нравовъ. Она могла бы просуществовать въ полугрязномъ раю безпечности своей тысячу лѣтъ, не заботясь о томъ, что̀ дѣлается у другихъ народовъ, что̀ дѣлается въ ея собственныхъ городахъ и селахъ, что̀ дѣлается при королевскомъ дворѣ и что̀ дѣлается на пограничьяхъ. Но ей не давала покоя римская курія, которой нужно было, во что̀ бы то ни стало, выдѣлать изъ поляковъ орудіе пропаганды своей. Съ другой стороны и въ другомъ смыслѣ, не давали ей покою сосѣди, и всего больше—татары и турки. Заграничная роскошь разбудила въ польскихъ панахъ страсть къ обогащенію, а хвастливая расточительность повергала множество шляхетскаго народа въ крайнюю нужду. Надобно было такъ или иначе спекулировать. Спекуляціею были для шляхты—и война, и колонизація пустынь, и сеймовые съѣзды, и религіозное движеніе то противъ господствующей церкви, то противъ еретиковъ, то противъ насъ, „схизматиковъ". Но въ то время, когда безпокойные характеры вдавались въ предпріимчивость, большинство шляхты оставалось вѣрнымъ своему общему типу добродушной лѣни и эгоистическаго отособленія отъ соціальныхъ движеній. Въ этакой то средѣ людей, или занятыхъ преслѣдованіемъ личныхъ интересовъ, или совершенно апатичныхъ къ общественнымъ явленіямъ, возникла унія, долженствовавшая претворить русскій элементъ въ польскій съ низшихъ слоевъ и до верхнихъ. Мы обязаны нашимъ спасеніемъ отъ полонизаціи не столько мужеству своему, которое насъ не спасло бы, сколько безпорядочности, эгоизму и добродушной лѣни поляковъ, смотрѣвшихъ всегда врозь.

Одна неурядица при собираніи въ Польшѣ поборовъ свидѣтельствуетъ о невѣроятной неподвижности общества, о непостижимой

пассивности членовъ его. Въ росписи такъ называемаго поглавнаго 1590 года, сохраненной отъ забвенія лѣтописцемъ Іоахимомъ Бѣльскимъ, коронный гетманъ поставленъ наравнѣ съ коронными сборщиками пошлинъ (celnicy). Такимъ образомъ безчестность была узаконена, по невозможности справиться съ нею. Авторъ сеймовой брошюры безуспѣшность защиты границъ посредствомъ поборовъ обусловливаетъ невозможностію сохранить денежные сборы отъ утайки сборщиками, и распространяется объ этомъ въ такихъ словахъ, которыя, въ устахъ иностранца, показались бы выраженіемъ вражды къ польской націи.

Главною причиною развитія въ ней казнокрадства и вообще хищничества была усилившаяся со временъ королевы Боны роскошь. Она заразила даже польскихъ мѣщанъ и ремесленниковъ, которые начали въ одеждѣ подражать шляхтѣ. Авторъ видѣлъ кузнеца, ковавшаго лошадей въ курткѣ изъ краснаго бархату. „О польскій безпорядокъ! (восклицаетъ онъ болѣе какъ шляхтичъ, нежели какъ экономистъ) въ другихъ краяхъ съ такого ремесленника содрали бы въ публичномъ мѣстѣ одежду, неприличную его состоянію, и не позволили бы ему носить сафьянныхъ сапоговъ“.

Рядомъ съ этимъ вспоминаетъ онъ объ убожествѣ сельскихъ мужиковъ, на которыхъ падала вся тяжесть поборовъ. „У бѣднаго мужичка (говоритъ онъ) нечего ѣсть съ женой и дѣтками, шкура присохла у него къ костямъ, жену и дѣтей вѣтеръ шатаетъ; нечѣмъ покрыть ему наготы своей, но, не взирая на то, или ксензъ, или панъ беретъ съ него десятину, а Рѣчь Посполитая—поборы, Не достаетъ одного: чтобы мы велѣли мужикамъ еще до разсвѣта сидѣть въ костелѣ и молиться за насъ Господу Богу“.

Кстати указать здѣсь и на другое свидѣтельство о польскихъ мужикахъ, которыхъ движеніе въ Украину объясняется бѣдственнымъ положеніемъ внутри государства. Папскій нунцій Гоноратъ Висконти, въ своей реляціи 1636 года, говоритъ, что ни въ какой странѣ нѣтъ ужаснѣе польскихъ мужицкихъ хатъ, все равно какъ во всемъ свѣтѣ нѣтъ людей бѣднѣе польскихъ хлоповъ“.

Но та же расточительность, которая была причиною угнетенія крестьянъ, повергала и множество шляхты въ крайнее убожество, такъ что, по выраженію Рея, у иного шляхтича не было чѣмъ

выманить кошку изъ за печи. Эти то люди дѣлались воинами и были жестокосерды не меньше козаковъ. Нужда гнала ихъ на службу даже въ Турцію, гдѣ они, по словамъ автора брошюры, становились бродягами и нерѣдко принимали мусульманскую вѣру. Незадолго передъ сеймомъ 1606 года, нѣсколько шляхтичей отправились къ татарамъ, и они то, должно быть, (говоритъ онъ) указывали ордѣ дорогу въ Русь и Подолію. Паны не принимали къ себѣ въ дворскую службу оборвишей. Можно бы помочь шляхетному пролетаріату (по мнѣнію автора) основаніемъ рыцарской школы въ пустынѣ, для отраженія татаръ, о чемъ мечталъ еще епископъ Верещинскій; но польскому обществу (замѣтимъ отъ себя) было не свойственно что либо регулировать, кромѣ развѣ собственныхъ домовъ, изъ которыхъ нѣкоторые представляли высокую степень цивилизаціи. Впрочемъ это были оазисы въ безпутной и безпріютной пустынѣ польской гражданственности.

VOTUM SLACHCICA POLSKIEGO, PISANE NA SEYMIKI Y SEYM ROKU PAŃSKIEGO 1606.

Trzemi rzeczami wszystkie R. P. stoią: Łaską Bożą y prouidencią iego ś. primarie modo; obroną od nieprzyiaćioł postronnych, á sprawiedliwośćią. O pierwszey milczę: táką mamy, ná iáką kto robi. Obrony nic niemász: Tátárowie vkráinę plundruią kiedy chcą; iádą iáko do domow swych. O iáko wiele ludzi chrześciáńskich tego łátá do Turek zágnáli y przedáli! okrom [iáko powiadáią] że Czesárzowi Tureckiemn dźieśięćiny do czternastu tyśięci człeká oddáli.

Słyszałem od iednego Ormiániná, że był ná ten czas w Konstántynopolu, kiedy wielki gwałt więźniow z vkráiny iáko bydłá przypędzono; Jáki płácz y nárzekánie tám było, iákie do Páná Bogá o pomstę wołánie strapionych ludźi, ták narodu ślácheckiego, iáko y pospolitego! Kámienne serce, kogo to nie ruszy; mnie łzy pisáć nie dopuszczżą. Nie wierzę, áby w Sodomie y Gomorze wszetecżnieysze y plugáwsze grzechy znaydowác się onego czásu miáły, iákie teraz v tych okrutnych pogánow, sine omni sexus discretione, znáyduią sie. Coż z tego? Nic!

A w Inflanciéch co: y tám obrony niepytay. Jesli to, że Kśiążę Sudermáńskie porážone, nie chwalmy sie: łaska niebieskiego Páná tám to zwycięstwo dáłá, szczčście y sprawiedliwošc Krolá Je° Mošci A pobożność, czułość, vmieiętność y liberalitas Je° Mśći Páná Stárosty Zmudzkiego. Nie ludzkiey to moci spráwá byłá.

A od Węgier będźiemysz beśpieczni, gdiż tám Turcy, Tátárowie mieszkáią iáko domá: iuż sie z Węgrámi pobrátáli, bá y poswátáli. Nie, Mściwi Pánowie, dla Bogá, Czy ich tu w domách naszych czekáć będźiemy?

Miłczę o Ziemi pruskiéj, w ktorą gdy proiundus weyrzeć będźiećie raczyli, naydziecie w niey co gryść.

Z Moskwą pokoy, á! to mirabilia fecit Dominus in diebus nostris. Pomnieć iednák potrzebá, że volunlates ludzkie odmienne są, et tempora mutantur, et nos mutamur in illis.

Sąśiedźi Niemcy woynámi długiemi vtrapieni, od nich pokoy. Pomocby im by iáko, ále sámi się wszarzom Tátárom Kożuchowskim odiąć nie możemy. Spráwiedliwośći tu wspomináć niechce; ácż y tá iáka iest, sam Pan Bog wie: Co bowiem iedeu Trybunał náprawi, to drugi skáźi. Wspomináć, mowię, niechcę, bo gdźie obrony y pokoiu pewnego niebędźie, spráwiedliwość stánąć muśi. Do czegoż tedy prowádzę tę mowę moję do W. M.? Do námowienia obrony. Ale podobno czekaćie zdánia mego; Więcż powiem co rozumiem.

Mśćiwi Pánowie y Bráćia, w brod mowiąc, Zadney obrony W. M. nie maćie granicom Koronnym. Do obrony trżebá, przy łasce Bożey, rady zdrowey, ludźi Rycżerskich, pienędzy á Hetmáná, w spráwách woiennych biegłego. Rady W. M. posądząć niechce y nie godźi sie, ale wżdy z baczenia swego rozsądźić możecie, iákie consilia wásze. Na Seymik ziáchawszy przywitawszy, a niektorzy paswarzywszy sie, Artyknly popisawszy, Posły z niemi ná Seym wyprawiwszy, do domow wászych wracacie sie. Coż za koniec tego? Nic. Panowie Posłowie bowiem z rożnych Wojewodztw, iedni buduią drudzy rozwalaią, iedni wołaią tak! drudzi nie tak! A bywa y to, że sie do szabel porywaią, y z stąd na wielu Seymiech conclusio nulla, iedno R. P. grauis et periculosissima perturbatio et confysio. Artykuły piszą przez sześć niedźiel; kiedy ku końcowi Seymu przydźie, alić sie ona wszystka praca w drobne robaczky obrociła. Propter apparentiam przecie, iż Seym był, Constitucie wydadzą, w ktorych pobor postano-

wiony, a Constitucia o Nieświeżkiem iarmarku na iednym, o zbiegłego sługę, iż może do urzędu Grodzkecgo pozywać, na drugim. A bywaią y takie, co na nich nic nie postanowiwszy, dla mizernych praktik y szkodliwych w R. P. factiy, roziezdzaią sie. O piękne y znamienite Seymy! Wracaią sie potym PP. Posłowie do powiatow swych, na Seymiky electiy PP. Deputatow nowych, liczbę czyniąć z Poselstw swoych. Coż powiadaią? słow bez miary, excuss dosyć, więc o swarach Seymowych. Item, kto Seym rozerwał. A tenże iest pożytek artykułow, ktorych tak wiele napisawszy, in cassum W. M. na Seym z niemi posyłaćie. Napisał ieden, in nullum agere finem, desipientis est.

O nieszcząeśliwasz to priuata, dla ktorey R. P. tak ćiężko chorować muśi! Coż komu będźie po iego wielkich zbiorach, kiedy mu ie nieprzyiaćiel, nie tylko maiętność, ale y samego Pana za gardło, y żonę, y dzieći weźmie? Słyszałém iednego dosyć bacżnego slachćica, mowiącego to, że rady wasze—abo są po Krolu Je° Mśći, aby temu ktory prośi, y o co prośi, dać racżył, abo przećiwne, aby wymierził y wyswarzył. Sama R. P. abo mało, ábo nic sług nie ma. Porachuyćie W. M. co Seymy kosztuią; Patrzćie na niewczasy wasze, ktore tam miewaćie; Uważciesz conclusie ich. Piorko daley niechce. Ach, rzecż niewypowiedźianego żalu pełna! Byśćie W. M. to dać racżyli na obronę, co W. M. Seymy kosztuią, nieśmiertelną sławę zostawilibyśćie potomstwu waszemu, sami wcżasow swoich y gospodarstwa doma zażylibyście w miłem pokoiu. Nie będę tu wspominal, iaki pośmiech y vraganie odnośi od postronnych ludźi ta zacna Korona nasza. Ktorzy gdy discursi czynią o narodźie naszym—Baczni, widząc co Turek z chrześćiany czyni, żałuią barzo, że consilia nasze do żadnego skutku nie bywaią przywodzone; frantowscy zaśię ludźie śmieią, mowią y drudzy, że niemasz takiey żadney źiemie pod niebem, ktora by więcey słow miała, a skutku nic, iako Polska. Nayduią sie y tacy, ktorzy, per opprobrium, o naszych Seymach comedie sobie czynią.

Jabym beśpiecżnie śmiał perswadować W. M. pro mea conscientia, abyśćie W. M. w tym samym artykule obrony dać racżyli absolutam potestatem PP. Posłom po wszystkich Woicwodztwach. Bo iesli iedni cum absoluta, a drudzy cum limitata potestate przyiadą, vpewniąm W. M. że nic nie postanowićie: Swarow a protestatiy będźié dośić.

A ziachawszy sie cum absoluta potestate, wysadzić potrzeba PP. Deputati do tego samego artikułu namowienia obrony Koronney, tak z gornego koła Senatorskiego, iako y dolnego Poselskiego, Ktorzy taką obronę zaras postanowić maią, żeby vkraina zawżdy w pokoiu śiedźieć, pola osadzać y szerzyć się mogła. Trzeba Tatarom omierźić te incursie ich; Czym? Zołnierzem a Zaporowskiem Kozakiem. Nie źleby ich też nawiedźić. Podobnoć ia tu lada co powiem. Mnie sie zda, że nie przednie wielkiem sumptem, nie tylko odiąć się tym pohańczom ludźiom marnym, ale wygnać ie za morze mogła by Korona Polska. By iedno consultores Regni gorąco o tym pomowić y do skutku mowę swą przywieść chćieli. Do ktorey rzeczy wielkie Kśiążę y Car Moskiewski, będąc w takiey przyiaźni z wami, w iakiey iest, chętnieby pomoc od swych Państw przyległych nie zaniechał. W wielu rzeczach iako ia consideruię, mogł by nam ten Pan bydź potrzebny y pożyteczny, modo nolimus abuti eius facilitate, et in nos animo propenso. Pomoc iego, iż na Tatary potrzebna do wykorzenienia ich, także y do vspokoienia źiemie Inflanckiey, y vkrocenia Kśiążęćia Sudermańskiego.

Na szparze śiedzą niebożęta Podgorzanie. Ale iakosz wżdy temu zabieżeć mamy? Dwoy sposob iest obrony w tey Koronie: Jeden pospolitem ruszeniem, Drugi poborami. Oba mi się nie podobaią. Pierwszy tardum et infinitum chaos: Czemu? Niśliby bowiem do pospolitego ruszenia przyszło, rzecz tak iasna iako Słońce, że Tatarowie, wźiąwszy auxilia Tureckie, splundrowali by Koronę, że gorzey nie rzekę, boday y nie wzięli. Bo ktoż by iey bronił? Trzeba by bowiem pierwey Seymiki złożyć, potym Seym, y tam ie concludować. Na prętką potrzebę, Woiewodztwa przyległe nie ruszą się, bo przećiwko prawu generalnego ruszenia. Czekaiąc, nie rychło: Po obiedźie łyszka. Straćiwszy quod absit Koronę, dopiero radźić o obronie, nie rozum. Praeterea, nie wszyscy poiadą: Bo iedni starzy, drudzy chorzy, drudzy imbelles. Naydzie y takie, ktorzy nie mogą na kura, gdy go rzeżą, patrzyć, a wy mu się bić każećie. Są y tacy, ktorzy bez broniey chodzą; A śiła ich iest, maiąc to sobie za grzech. Nadto co za proportio y aequalitas? Ten co kilka wśi ma, a vtratny iest, sstawi tak wiele koni, iako ow co ich ma do sta, będąc skromny a raczej skąpy.

Pomiary nie wspominać crucifige clamitant. Ba, moi Mściwi PP.

wszystek świat y rzeczy, ktore na niem są, constant numero, pondere et mensura. Pobory zaśię, niśli ie zspraktykuią, śiła od Krola Jego Mśći naobiecować głowom Seymikowym potrzeba, a niektorzy twierdzą, że directoribus tychże Seymikow nie mało się go doztawa. Strach y mowić y pisać, paena to jest peculatus, kto w namnieyszey rzeczy R. P. oszukawa y szkodźi. Nie trzebać bonos cives in R. P. prosić, aby sie składali na obronę: sami maią, z wielką chęćią, y radzić, y dawać, y pomagać, y do zatrzymania Koronnego beśpieczeństwa młodzzym et minus ingeniosis bydź dobrym przykładem. Przydam y to, iż z wielkiem kłopotem te pobory przychodzą y ciężko sie rodzą, a przećie wielka część ich nie tam sie obraca, na co złożone są; ale to większa, iż kiedy do ręku PP. Poborcow prziydą, nie wszystkich wydadzą. Na restach bowiem śiła pokazuią, na delatach, może y to bydź, że sobie niemi pożytek czynią. Coż z stego? Pozowie Pan Instigator ex delatione fisci, czasem się co dostanie ex iuris rigore do skarbu, częśićey nic, wyprzyśięga sie, wimodli, szkody przekłada, a R. P. piskorz. Drudzy zaśie lubo zasłużeni, lubo nie zasłużeni, o takie resti Krola iego Mści proszą, y często otrzymywaią. Takći tę vtrapioną R. P. co żywo skubie. Ominąwszy tedy te dwa sposoby, czegosz sie wżdy trzymac? Trzeba namowić aerarium publicum. Każde Woiewodztwo niech ma swoie, chować ie w nayprzednieyszym Zamku swegosz Woiewodztwa.

Aby ten co kupuie Pszenicę, Zyto, Jęczmień, dał po pułgroszku od korca, od Tatarki, Owsa, Grochu, y inszych zboż po szelągu. Co rozumiećie, iako by ta rzecż wielką summę wyniosła, choć sie tak mała widźi? [korce by wprawdźie po wszystkich Państwach trzeba mieć iednakie]. Takze od każdego achtela piwa na szynk po groszu, od beczki Małmazyey y Wina wszelakiego po złotych dwa [seruata proportione naczynia], od skor szafianowych, od każdey po groszy sześći, od iedwabnych towarow, ktorych już co żywo, nie tylko ludźie narodu szacheckiego, nie tylko mieszczanie vżywaią, ale y na sługi, a co gorsza y na woźnice Panowie iuż barwy iedwabne dawaią. Nie wspominam tu rzemieśnikow, ktorzy, iako ślachta chodzą, szaty Adamaszkami [iuż to podli ktorzy kitayką] podszywaią, w kurtach y żupanach iedwabnych szerzą sie. Wedźiałem onegdy kowala w czerwoney Aksamitney kurćie konie kuiąc. Zaczym iako wszystko drogo

płaciemy, et lippis et tonsoribus ista constant. O nierządźie Polski! w inszych kraiach ,odarto by cie rzemieśniku in loco publico, z takiey odźieży twemu stanowi nieprzystoyney y z baczmak szafianowych.

Byłoby pole inuektiue vczynić na lux polski, a zatym et legem sumptuariam namowić; ale pierwey obrony, moi Mośćiwi PP. trzeba. Także y od łokćia sukna, y od innych rzeczy wielu, od wołow, od skor, łoiow, woskow, towarow leśnych, ktore się wymacać mogą, gdy deputowani Panowie na tym śiedźieć będą. Nuż ruszmy się też sami, przyłożmy się do tego, czyńmy też co dla R. P. nie wszystko po biesiadach ieźdźić, ktore y Pana Boga obrazaią, y zdrowie, y mieszek psuią, czas tracą, vitia mnożą. Daymy tesz co hoyną ręką; nie wszystkich też ćiężarow na vbogie a vtrapione poddane nasze kładźmy. Vbogi chłopek nie ma sam co ieść, z żoną z dźiatkami; skora do kośći na nim przyschła, żonę dźieci wiatr powiewa, a nagośći swey czym okryć nie ma; a przećie dźieśięcinę abo Ksiądz, abo Pan od niego bierze, R. P. pobor. Tylko tego nie dostawa, abysmy ieszcze za dźień kazali im w kośćiele śiedźieć a Pana Boga za nas prośić. Starać owo co mowią: Tu sacerdos ora, Tu Rex et nobilis defende; Tu rustice labora. Mośćiwi PP. boymy sie Pana Boga: oppressia vbogich ludźi po wsiach wielka, ktora, peccatum vnum est ex quatuor clamantibus ad Deum. Nie obćiążaymy nędze więtszą nędzą, Ne vindicta Domini veniat super nos et filios nostros.

Maiąc tedy neruum belli, ludźi dośić iest w Polszcze, y tak wiele, że nie bez żalu wielkiego przypomnieć sie to ma, iż do Turek ślacheckа krew nasza wyieżdzać musi, służby szukaiąc, y tam się poniewieraią, a drudzy Turczą. Y ći co do Tatar wyiachali [iako to twierdzą] snać im przewodnikami byli na vkrainę y do źiem Ruskich y Podolskich temi czasy, po smesći Hetmana koronnego nawiedli ich y naprowadźili. Zła nędza, ktora ex luxu rośćie. Narodziło się w domach slacheckich synow niepospolitych, ktorzy [iż curta supellex domi] pożywić się nie mogą, służyć nie masz na co, chyba by z strawy a z krotkiey sukniey, co ią kurtą zową. Panowie prziymować ich niechcą; A ieśli prziymie ktory, wprośić y wmodlić go potrzeba. Niemasz inszego remedium na syny ślacheckie, iedno szkoła Rycerska, ktora tak potrzebna iest R. P., iako chleb powszedni ludźiom. Czytałem Kśiąszke Biskupa pogranicznego Kśiędza

Wereczeenskiego, iako by ią postanowić bez wielkiego sumptu. Zaprawdę znaydźie tam iako w saydaku wiele rzeczy dobrych y R. P. pożytecżnych do postanowienia tey to szkoły Rycerskiey. Ktora stanąć nie może, ażby pierwey aerarium bogate namowiło y postanowilo się.

XI.

БОРКУЛАБОВСКАЯ ХРОНИКА

1563—1608.

Это заглавіе дано мною домашнимъ запискамъ, извлеченнымъ изъ рукописнаго сборника московской Синодальной, бывшей Патріаршей, библіотеки (№ 790 in 4⁰), съ печатнымъ заглавіемъ на корешкѣ: „Лѣтоиисецъ вкратцѣ". Сборникъ писанъ почеркомъ XVII столѣтія одной и той же руки, съ весьма немногими мѣстами, писанными другой рукою. На оборотѣ 14 листка начинается, безъ всякаго заглавія, современное описаніе синода въ городѣ Берестьѣ 1590 года, занимающее два съ половиною листка. Слѣдуютъ потомъ разнообразныя выписки изъ хронографовъ. Съ листка 112 до листка 237 идетъ непрерывно „Лѣтописецъ вѣры законные жития поганьства и побоженьства князей великихъ рускихъ". Наконецъ составитель сборника перестаетъ списывать чужое и начинаетъ записывать извѣстное ему, какъ очевидцу или современнику; при чемъ онъ включаетъ въ свою хронику н запискн другихъ очевидцевъ или ходившіе въ то время по рукамъ универсалы, письма и т. п.

Это, впрочемъ, не оригиналъ, а копія, списанная съ оригинальной хроники, вѣроятно, по смерти автора. Въ нѣкоторыхъ вставкахъ находимъ анахронизмы, которыхъ никакъ не могъ сдѣлать первоначальный составитель сборника и авторъ Хроники.

Переписчикъ не включилъ въ Хронику упомянутаго мною описанія синода 1590 года, но онъ имѣлъ его въ виду, какъ это можно заключить изъ того, что, упомянувъ объ этомъ синодѣ, онъ остановился и оставилъ страницу недописанною. Я воспользовался его намекомъ и вставилъ въ „Боркулабовскую Хронику" этотъ весьма важный для исторіи церковной уніи разсказъ очевидца о соборѣ, извѣстномъ намъ по однимъ упоминаніямъ. (Вставка моя начинается словами: „На день Святого Іоанна", а оканчивается словами: „Вельми хвалили пастилю, которую почали перекладати на руский языкъ".)

Кто былъ авторъ Хроники, неизвѣстно. Видно только, что онъ былъ житель бѣлорусскаго городка Боркулабова и принадлежалъ къ православному духовенству. Его записки принадлежатъ къ историческимъ источникамъ первостепенной важности. Онъ изображаетъ церковныя братства съ точки зрѣнія русскаго шляхтича, разобщеннаго съ мѣщанскою муниципіей. Онъ видѣлъ собственными глазами пораженіе войска Іоанна Грознаго подъ Могилевомъ и сохранилъ для насъ черты войны Баторія съ московскимъ царемъ, ни откуду до сихъ поръ не извѣстныя. Сообщаемыя имъ свѣдѣнія о колонизаторской и хозяйственной ролѣ польскорусскихъ пановъ очень полезны для установленія правильнаго взгляда на землевладѣльцевъ XVI столѣтія. Замѣтки его о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ церковной уніи по истинѣ драгоцѣнны. Не менѣе важны и его извѣстія о московской самозванщинѣ, поддержанной польскорусскою шляхтою. Но всего интереснѣе въ „Боркулабовской Хроникѣ" изображеніе днѣпровскаго козачества, какимъ оно являлось въ глазахъ людей благочестивыхъ и порядочныхъ.

Различныя сословія, состоянія и народности Рѣчи Посполитой забывали свой антагонизмъ, когда дѣло шло о домашней ордѣ, расторгавшей семейныя и общественныя связи, чуждой установленныхъ вѣками правилъ нравственности, не подчинявшейся ни королевскимъ чиновникамъ, ни сеймовымъ постановленіямъ, ни владычному праву дѣдичей, ни республиканскому суду муниципій, равнодушной къ положенію панскаго подданнаго и тѣснимаго за вѣру мѣщанина, устранявшейся отъ земледѣлія и мирныхъ промысловъ, жившей только военною добычею и добывавшей свой

„козацкій хлѣбъ“ грабежемъ тѣхъ самыхъ людей, изъ которыхъ набирались ея разбойничьи купы. Записки боркулабовскаго жителя начинаются съ 1563 года и оканчиваются 1608 годомъ. Потомъ идетъ пробѣлъ до 1633 года, который обозначенъ лишь нѣсколькими словами, составляющими постороннюю замѣтку. Первый періодъ составляетъ 45 лѣтъ, второй 25. Если авторъ Хроники началъ записывать видѣнное и слышанное на 20-мъ году жизни, то въ 1608 году ему было 65 лѣтъ отъ роду. Въ 1633-мъ (предполагая, что и этотъ годъ обозначенъ въ запискахъ его же рукою) ему было 90 лѣтъ. Во всякомъ случаѣ, для насъ важенъ отзывъ о козакахъ человѣка, очевидно преданнаго православной вѣрѣ и русской народности, но не знавшаго ни Хмельнищины, которая закрыла передъ нами исторію предшествовавшихъ мнѣній польскорусскаго общества, ни войнъ Павлюка, Остряницы, Гуни, изъ которыхъ мы, по почину козацкихъ лѣтописцевъ, создали небывалый міръ польскорусской общественности.

Оканчиваю этимъ замѣчанія мои о „Боркулабовскай Хроникѣ“ не потому, чтобы нечего было больше о ней сказать, но потому, что она сама говоритъ о себѣ выразительно, и что мнѣ, при дальнѣйшихъ сближеніяхъ различныхъ документовъ, придется много разъ обращаться къ ней.

Этотъ историческій памятникъ открытъ, однакожъ, не мною. Въ изданномъ 1858 года Указателѣ рукописей Синодальной библіотеки онъ опредѣленъ библіографически довольно обстоятельно, а X-й томъ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева (стр. 84 по 2-му изд.) показываетъ, что записки неизвѣстнаго бѣлоруссца были у него въ рукахъ. Страницы 101 и 102 во II томѣ „Смутнаго Времени“ Н. И. Костомарова, очевидно, также написаны по этимъ запискамъ; но онѣ тамъ ошибочно названы рукописью, принадлежащею Археографической Коммиссіи.

МОГИЛЕВЪ.

За господаря кроля Жикгимонта, за митрополита Іону, за владыку полоцкаго пана Хребтовича, за держаньемъ пана Стафия Воловича, за старосту его пана Баркулаба Корсака, а панъ Иванъ Чорный былъ городничимъ. А место Могилевъ засели люди прихожие, на Леткове и Печерску идучи, то Вожчичи, Сухочъ, Бутакъ, Андросовичъ около места прихожие люди селяне съ Княжичъ, зъ Головчина, зъ селъ многихъ, которые села за Дубровкою, то букничане и голынчане селяне, также и зъ Радивонковичъ. Бо первей было село Родивонковичи, а потомъ Буйничи, старые села давние. А которые села на слободе на Гривце на берегу окого (около) Кощаваго, коло Десятиныя, продки ихъ зъ Смоленска пришлые смоляне, то есть Гаврило Дристунъ, Иванъ Белякъ, Максимъ и иныхъ много, такъ же и Овтушко Богатый, тые вси зъ Смоленска пришли. Лет(а) 1526 большиий замокъ заробленъ и принято много горы Могилы, на которой теперя замокъ Могилевъ стоитъ, по горце Могиле названъ. Почавши отъ Днепра, идучи подле Дубровны, ажъ и за Печерское, на гетой стороне кгрунты, то все Буйницкого было; а Буйничи село княженье можное державо: князь Крошинский, князь Мосальскій, панъ Баркулабъ, панъ Салтанъ, панъ Филонъ и иныхъ пановъ.

ПОЛТЕСКЪ.

На запусты великие мясные князь Иванъ Васильевичъ московский, царь восточный, градъ славный великий Полоцко взялъ подъ кролемъ Августомъ року 1563.

БАРКУЛАБОВЪ.

По взятьи полоцкомъ за господаря короля Августа, за митрополита Девочку, за владыку полоцкого Варсанофия Валоха, за ласкою господаря кроля, за великие и почтивые послуги, за сильное горлованье, за нелютованіе здоровья и нежалованье маетности у справе рыцерской военной его милости пана Баркулаба Ивановича Корсака, ротмистра и старосту дисенского, на лесе глухомъ,

на кгрунте лесномъ, на врочищу, прозываемомъ Брусъ, закликавши на волю и давши слободы годъ дванадцать людемъ прихожимъ, за волею Божіею и за благословенствомъ людей духовныхъ, заложилъ замокъ, именемъ своимъ Баркулабовъ, року 1564.

Такъ же соорудилъ храмъ Святаго Духа, а другий престолъ Рождества Господа нашего Ісусъ Христа, и посветилъ его року 1668.

За владыку Варсанофия, за митрополита Иону, року 1568, за кроля Августа, за пана Баркулаба и за врядника его Равского, села Вендорожъ, Кубы Ловечы, Будища людьми прихожими засадили, а потомъ въ томъ же Вендорожи, року 1568, во великий постъ церковъ Святаго Покрова сооружена и попу вендорожскому его милость князь Богданъ Соломерецкій тую церковъ отдалъ: бо тамъ была первей парафея баркулабовская, парафея отца Алексея Гавриловича Мстиславца, отца Ѳеодора Ѳилипо̂вича Могилевца.

Року 1570, владыка полоцкий Варсанофий Валахъ переставился у мѣсте Могилеве; похо̂вано альбо погребено его черезъ пана Филона у Святаго Спаса въ Могилеве.

Того жъ року 1570 священника куренского совéршено на владычество полоцкое, именéмъ Ѳеофана.

Року 1576, наехалъ альбо взято Стефана Батуру княжа̀ семигродское на королевство Польское. Тотъ господаръ Стефанъ Батура, княжа семигродское, праве былъ человѣкъ побожный, рыцéрскій, военный, щасливый, правдивый, правый. Того жъ року корону принялъ, а Гендрихъ король съ крольства Польского утекъ до своее земли.

На початку отъ него (Баторія) новый ка̀лендаръ украдоватися почалъ; прето немного летъ и на свете мешкалъ.

Панъ Баркулабъ Ивановичъ Корсакъ, староста дисенский и ротмистръ кролевский, войтъ дисенский, рыцеръ и военникъ добрый, славный, замокъ Дисну, замокъ Вороничи, замокъ Леплю, замокъ Чашники, тые вси замки по взятию полоцкомъ, веспол съ паномъ Романомъ Ходкевичомъ, сами изъ своимъ людомъ позакладали и места поосажали людьми добрыми. А потомъ року 1576 месеца августа 20 дня, въ понеделокъ увечере, дву годинъ въ ночи, панъ Баркулабъ переттавился на старостве дисенскомъ въ замку Дисене,

а погребено честно тело его у месте Виленскомъ, у церкви Святыя Пречистыя Богородицы.

Року 1578, месеца генваря 2, на Стретеніе Господне, князь Янушъ Чорторийский панну Евву Баркулабовну, дочку пана Барлабову, въ станъ малженский за себе взялъ.

Того жъ року 1578, на Святой недели у вовторокъ о полудни, матка пана Баркулабова у Баркулабове переставилася, пани Марья Кгитовтовна, городничая полоцкая, а похована альбо погребено тело ее милости у Могилеве Святаго Спаса у притворе.

Року 1579, господаръ король Стефанъ Батура, кроль польский, княжа седмигродское, подъ княземъ великимъ, московскимъ княземъ Иваномъ Василиевичемъ, Полтескъ замокъ взялъ съ поляцми и литвою.

МОСКВА МОГИЛЕВЪ ВЫЖГЛА ВЪ ПЕТРОВЪ ПОСТЪ.

Року 1580, господарь кроль Стефанъ былъ подъ Псковомъ и взялъ городъ Псковъ; а Москва, то есть Серебреный зъ немалымъ войскомъ, место славное Могилевъ выжогъ. Тамъ же у краи Шкловъ, Копысу села вельми выпустошили, такъ же и около Могилева. На Орши и до Радомли, Мстиславля, тыхъ замковъ не подходила, ани рушила. А въ Боркалубове князь Чарторийский Иванъ съ войскомъ своимъ на тотъ часъ былъ, такъ тежъ и Темрюкъ со тристами войска татарского при немъ былъ у Боркулабове на тотъ часъ, и сторожу у Новоселкахъ московскую поймали; а потомъ Темрюкъ и князь Чарторийский, князь Иванъ, взявши ведомость певную отъ сторожи московское, которую поймали у Новоселкахъ, то есть на имя Ивана (пробѣлъ), и князь Иванъ Чарторийский заехалъ отъ Шупень дорогою великою Шкловскою, до Могилева тягнулъ, а москва подъ местомъ Могилевомъ места жгутъ, а Темрюкъ зъ Боркулабова дорогою Могилевскою на Задубровенья до замку Могилева зъ войскомъ притягнулъ; а войско литовское у Шклове стояло. Теперъ же отъ Могилева почали отпирати съ трехъ сторонъ: Чарторийский отъ Шупень, Темрюкъ зъ Баркулабова, войско литовское зъ Копыси и зъ Шклова москву отъ Могилева отперли, побили, отогнали. Страшно было труну московского гледѣти. Реку

Днепръ сильнымъ трупомъ, язовища загородили, ижъ колько недель днепровое рыбы не ядали и воды не пивали для великого гнюсу трупу московского.

Року 1579, панъ Андрей Гудовский, урядникъ баркулабовский, собравши войско немалое, пешого и конного люду триста, съ паномъ Филипомъ и зъ его милостью княземъ Богданомъ Соломерецкимъ, старостою кричевскимъ, а надо всими тыми войсками люду учтивого, яко шесть тысечей, панъ Андрей Гудовский гетманомъ былъ, подъ Смоленскомъ и Рославлемъ такъ места выжгли, волости, села попустошили; подъ замкомъ Смоленскимъ моцно и охотне штурмъ мели, только не далъ имъ Господь Богъ его достати, альбо выняти; зъ ласки Божое, зъ добычею великою до домовъ своихъ здоровы зъ доброю славою приехали.

ЛИСТЪ ОТЪ ПОСЛОВЪ КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО МОСКОВСКОГО.

Божею милостью царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, володимерского, московского, новгородского, казанского, и царя витариханского, государя псковского и великого князя смоленского, твердского, югорскаго, тримского, вядского, болгарского и иныхъ многихъ, Стефану Божиею милостью королю польскому и великому князю литовскому, рускому, прускому, жомоитскому, мазовецкому, княжати семигродскому.

Што прежей сего, по взятию Полоцка, зсылались наши бояре съ твоими паны понеоднокротъ, и ты о томъ намъ явно знати не далъ, и писалъ еси во своихъ листехъ и паны твои заводнеми и мудрыми речами писали, и того было явно зрозумети нельзе, што по прожнемъ обычаю пословъ своихъ слати не хотели есте. И мы къ тобе послали пословъ своихъ, а ты приказалъ къ намъ нашимъ дворяниномъ Григорьемъ Афанасовичомъ Нащокинымъ рокъ, а къ тому року нашимъ посломъ не возможно было. И мы къ тобе пословъ своихъ отпустили, а напередъ пословъ своихъ послали есмо къ тобе гонца Федора Шимшарова зъ листомъ, жебы ты а нашихъ пословъ зъ войскомъ почекалъ. И ты къ намъ гонца своего отпустилъ еси, а самъ еси не вернулся, идешъ на конецъ землю зъ войскомъ, а посломъ нашимъ россказалъ еси къ собе

ити на спехъ, прагнучи кровъ християнскую и хотячи, видячи кровъ розлияния во християнстве, и написалъ еси у своихъ листехъ, штобы намъ своими послы приказати вси слова, и намъ почому позгинути, што тобе мило альбо любо. А отъ тебе не слышавши альбо которое уставишъ новое дело, чему ся стать нельзе. И мы, передъ Богомъ и передъ тобою змирячися, посломъ своимъ къ тобе ити росказали и на которой мере.

Року 1583, месеца септеврия 8 дня, его милость князь Богданъ Соломерецкий, староста кричевский и луцкий, приехавши зъ войска зъ службы зъ двору его кр. милости зподъ Пскова, по взятию, панну Евву Баркулабовну, старостянку дисенскую, у станъ малженский за себе взялъ; а веселье было у месте Виленъскомъ.

Того жъ року 1583, у постъ Ѳилиповъ, у пущи Сидоровской, его милость князь Богданъ Соломерецкий побилъ лосей десеть великихъ, а вепровъ дикихъ великихъ осмъ, где теперъ село Сутоки и Махова.

Того жъ року Василей Сесковичъ зъ уряду зъехалъ, а панъ Романъ Ревутъ на врядъ баркулабовский наехалъ.

Того жъ року 83, праве о Светомъ Петре альбо на самый день Петра и Павла Святаго у Головчине робили, прудъ сыпали. Якобы о полудни, у месте Головчине, у брони отъ Строговой, сильный и великий громъ забылъ 12 человекъ, а трехъ человекъ не знашли, неведеть где ся подели, если вода снесла, альбо песокъ засыпалъ.

Того жъ року многа множества страшныхъ и великихъ чудесъ Господь Богъ оказати рачилъ, перуны и грады великія, сужость, морозы малъ не черезъ все лѣто были у Литве. Отъ великого морозу на поли у колосьи жито посхло; многие домы пановъ зацныхъ отъ перуновъ великихъ погорели; а зиме зъ морозовъ и метелицы по дорогамъ многое множество людей убогихъ, такъ же и купецкихъ померло; а лете великий жаръ былъ, жито, яри, трава, такъ же ярины огородныя, все погорело. У Литве, извлаща около Менска, около Вильни, люди убогия зъ хлеба на Русь давалися, молодцы, жонки, девки, много на Русь и на Украину понаходило.

Року Божого нарож. 1584, великий князь Иванъ Васильевичъ первей сына своего Федора (Іоанна) посохомъ пробилъ, а потомъ самъ и сынъ его старший умерли.

Року 1599, Стефанъ Васильевичъ (Борисъ Θедоровичъ) Годуновъ на царство Московское коронованъ. На весне великая вода была, у Смоленску у замку швыренъ зрыла. Ставовъ, прудовъ много попсовало.

Року 1585, о семой суботе, Хомутовский, врядникъ пана любельского, села Гарбовичи, Хотетовъ, Следноки и Струпищи, Заболотья, Батунья и иныхъ много селъ побралъ за пана любельского держанья, а первей была волость замку могилевского.

Року 1586, веснѣ у великий постъ, панъ Михайло Гарабурда посломъ на Москву ходилъ; оттоль вывезъ примирье на годъ двадцать; а мешкалъ на Москве ажъ до семои суботы; а приехавши у Литве умеръ.

Того жъ року на Святаго Юрья морозъ и снегъ у колена. Тогды на Θом. недели люди овсы, ячмени, сеяли; а предсе былъ урожай добрый. Того жъ року панъ любельский и панъ троцкий умеръ, а пану Льву Сапезе волость пана любельского досталася.

Року 1583 календаръ новый выданъ.

За кроля Стефана, за митрополита Девочку, за владыку полоцкого Терлецкого ляха: бо передъ тымъ былъ ротмистромъ и векъ свой зжилъ; на тотъ же часъ было великое замешание промежъ панами и промежъ людьми духовными, такъ же и людьми про́стыми, было плачу великого, нареканья сильного, пѡхвалки, пѡсварки, забуйство, грабежи, заклинания, видячи, яко новые свята установляли, празники отменяли, купцомъ торги альбо ярмарки поотменяли; праве было начало пристья́ Антихристова у такомъ великомъ замешанью. Того жъ часу почали у во Львове, у месте Виленскомъ, у Берестью школы науку выдавати, брате́рство якоесь установляти и тымъ законъ и веру утвержати. За патриархи не кажуть Бога просити, ани его успоминати, только за папежа. Теперъ же почали сеймы, соборы чинити и до нихъ изъежчатися.

Року 1586, месеца іюля, на Святаго Бориса и Глеба, въ месте Могилевскомъ церковъ Святыя Богородицы сооружена и черезъ владыку посвячона.

Того жъ року 86 было посту Петрова 5 недель. Того року

ячмени, овесъ сеяли на десятой недели; предсе былъ урожай великий, добрый. Жита мера была грошей по 14, а чверть жита по грошей полчварта.

Того жъ року 86, о Святомъ Духу, на Москву ехалъ и на Орши былъ Еремея, патриарха антиохийский. Зъ своее земли до Москвы ехалъ рокъ. Тогда на дорозе въ него вси слуги отмерли. А мовилъ языкомъ антиохийскимъ.

Року 1586, месеца декабря 4 дня, часа 9 о полудни, великий король польский Стефанъ Батура и княжа семигродское переставился, а поховано у Кракове.

Року Божого нарож. 1588 взято на кролевство польское кролемъ кролевича швецкаго.

Року 1587 зима была вельми снежная, морозы сильныя, метелицы великие. Такъ же и весна вельми неуставична была: редкий день минутъ безъ снѣгу, ажъ до Святаго Юръя, а Юрей Святый 2 недели по святе; а потомъ на четвертой недели по святе вночи были немилостивые страхи: великие дожды кгвалтовные домы подрывали, верхи позносили, яко черезъ всю тую ночъ не засыпали люде. По полямъ у пастуховъ статки градомъ побило, а въ лесе деревьемъ. У князя Головчинского много стиртъ зъ житомъ перунъ пожогъ. По селамъ статки мало не вси побивъ градъ по полямъ.

Того жъ року 87 на весне пшеницы переводни на 5 неделе, ярицы на 7, овсы, ячмени на 8 и на девятой, але не увошли отъ великихъ морозовъ. Еще съ первое Святыя Пречистыя почалися. Гречихи не косили, а хотя кто и косивъ, не много пожитку мелъ. Того року жита жали на Покрову Святыя Богородицы; овсы и ячмени жали на 3 недели по Покрове. Тотъ рокъ 87 вельми былъ на все згола неврожайный и голодный.

Року Божего нарожения 1587, месеца июня 7 дня, послы шли московские до Варшава (sic) кроля обирати на кролевство Польское по смерти кроля Стефана: бояринъ и намѣстникъ коломенский Стефанъ Василиевичъ Годуновъ; бояринъ и наместникъ коломенкий Федоръ Михайловичъ Троекуровъ ярославский; печатникъ и ближний диякъ господарский Василей Яковлевичъ Щолкановъ; думный диякъ Дружина Панътелеевъ Петелинъ.

На томъ же сейму варшавскомъ ничо́го доброго не усеймовали: бо межи панами была великая незгода. Поляки вотовали на Максимиліяна, цесаря християнского; Литва вотовала на князя московского; кролевая вотовала на кролевича шведцкого, и за тымъ розъехалися, не постановивши ничо́го доброго. На томъ же зъезде были немилостивые посвары и забойства. Вылячили на томъ сейме невинне забитыхъ семъ сотъ головъ.

Были тежъ на томъ сейму зъ многихъ и далекихъ зе́мель, то есть отъ царя турецкого, отъ князя московского Ивана Васильевича, отъ Максимилияна, цесаря християнского, отъ кроля шведского. Всихъ тыхъ было зъ разныхъ украинъ пословъ двадцать.

Конвокация сентября 20 дня. Пана Кишку послали послы по кролевича шведского Жикгимонта Третего. Съ которымъ кролевая сама послала двору своего выбраного люду ко́ней пятсотъ.

Року Божого нарож. 1588, взято на кролевство Польское кролевича шведского Жикгимонта Третего; а короновано у Кракове на Вознесение Христово. Того жъ часу и тело кроля Стефана поховано.

Прето, што ся почнетъ не зъ благословенства Божого и старшихъ пановъ господарей нашихъ, а за призволеньемъ белыхъ головъ, не много Господь Богъ помагаетъ и грады множитъ альбо покой даруетъ. Теперъ же, за держанья кроля пана нашего Жикгимонта Третего, явилася промежъ панами великая немилость; показалося отщепенство и великое гонение у святой вере на церквы Христовы, а наболей на веру каѳолическую, на веру християнскую. Оставивши голову, Христа Спасителя нашего, показуютъ и становятъ на то местце старшимъ головою Петра и насветшаго папежа. Были войны розные великие зыкгимилемъ (зъ Мокгалемъ) волоскимъ, зъ кролемъ шведскимъ, съ козаками запорозкими. Праве згола якобы не пуста земля была. Такъ же у збожью неурожаи, голоды великие, до́рожъ сильная, поветрие, моры, лета непогодные, неврожайные; праве на все не добро и не споро было́ стало.

Року 1587, месеца октобря 1 дня, за Жикгимонта Третего, за владыку полоцкого Ѳеофана, за митрополита Девочку, на Вендорожи посвящено храмъ Покровъ Святыя Богородицы черезъ Фе-

дора Ѳилиповича, священника баркулабовского, за благословениемъ Ѳеофана, владыки полоцкого.

Летъ две тысечи безъ закону предъ потопомъ. Летъ две тысечи зъ закономъ со обрезаниемъ. Летъ две тысечи зъ Евангелиемъ, то есть християнство.

Року 1588, после Петра Святаго, былъ на Орши патриарха, цариградский именемъ. Тотъ на Москву ехалъ до князя Федора Ивановича, а зъ нимъ три владыки. Всихъ было при немъ коней 50. Тотъ бо на соборъ до места Виленского листы писалъ до митрополита и до всихъ епископовъ.

Того жъ року 88, у месте Виленскомъ, тамъ у тыхъ краяхъ, такъ же у Киеве и на многихъ странахъ великий моръ былъ.

Того жъ року 88, отъ семое суботы ажъ до Рожества Христова вельми великая была непогода и неуставичность. Въ лете дожду не было, а у восень снегу не было, только ветры а дожды. У восень, о Святомъ Покрове, вельми поводокъ великий былъ, ажъ по лугомъ пошла (вода); праве яко на веснѣ, велика была; а до Рожества Христова у Днепре вода прибывала и зъ береговъ выливалася.

Року того жъ, месеца генваря 18, после Святаго Аѳанасія на третий день, дожды великие были, ажъ снегъ согнало. Праве было, яко на веснѣ. Пастухи на боръ съ статками погналися на паству. А потомъ за недель три знову зима великая.

Того жъ року архиепископъ Ѳеофанъ, владыка полоцкій, господинъ благоверный, у Полоцку преставился. Тамъ же погребено тело его честно.

Того жъ року 88, совершено на владычество полоцкое Афанасия Терлецкого, за кроля Жикгимонта Третего, за митрополита Михаила Рагозу.

Року того жъ, отъ господара кроля выслано напервей до Орши енералы, то есть надъ дванадцатьми возными одинъ енералъ местце старшое маетъ, Богданъ Биряленокъ, якожъ предъ тымъ у тыхъ краяхъ не бывало.

Року 1589, месеца мая 30 дня, по запустахъ Святаго Петра и Павла, у пятницу, ее милость княжна Богдановая Соломерецкая, княгиня Евдокия Баркулабовая Корсаковна, у замку Кричевскомъ,

за старо́ства князя малжонка своего, породила сына, именемъ Исакия Долматского, по прозвищу князь Богданъ, а крестилъ его старецъ убогий.

Того жъ року 89, панъ Кгрикгоръ Вилянтъ у закупе Боркулабовъ держалъ годъ три. Онъ уволоки месние роздавалъ.

Тотъ рокъ 1590, яко въ лете сухость, тякъ зиме морозы сильные, великие. Было такъ, ижъ ляда у восень палили.

Року 1590, были козаки запорозкие: Матюша съ полкомъ, Голый съ полкомъ. У Могилеве ажъ до Минска приставъство по волостяхъ брали, а кривды, шкоды не чинилы (sic); только жоно́къ охочихъ, тыхъ намовляли и закликали, абы зъ ними на Низъ ишли, и взяли зъ собою жоно́къ и дево́къ яко двесте поголовъ.

Року 1592, о мясопустахъ, его милость князь Богданъ Соломерецкий, староста кричовский и олучицкий, Буйничи, Тайки откупилъ и уволоки поволочивъ (sic). А предъ тымъ было (то) многихъ розныхъ пановъ: князей Соколенскихъ, князей Мосальскихъ, князей Крашинскихъ, пана Ѳилона и далей.

Того жъ року 92, его милость князь Богданъ Соломерецкий, староста кричевский и олучицкий, слободы осадилъ: село Махова и Сутоки.

Того жъ року 92, сталося великое и немилостивое замешанье у вере отъ римлянъ на святую веру восточную и греческую. Почали соборы помесные чинити, то есть у месте Виленскомъ братство навчоныхъ людей до себе на порятунокъ прибавили зъ места Львовского Григория Рогатинца, Стефана Зазания. Тые сильную и великую войну зъ рымляны мевали, не только на ратушахъ и при рынку, по дорогахъ, но и посредку церкви святое войну, потарчку великую мевали; яко́жъ имъ Господь Богъ противу ихъ упоровъ великихъ и змышленыхъ уставовъ и законовъ нико́ли не помогъ и не поможетъ. Теперъ же почали отъ господаря кроля до архиепископовъ съ прозьбами и грозьбами листы фалшивые писати и посылати по всихъ градехъ.

Року 1590, месеца июня 29, у Берестью Литовскомъ, на Рожество Іоанна Предтечи былъ соборъ, за митрополита Рагозу, а за владыку полоцкого Терлецкого; нижли на томъ съезде ничо́го доброго не вчинили. На который соборъ и его милость князь Бог-

данъ, староста кричевский і олучицкий, посылалъ попа своего боркулабовского Федора Филиповича.

На день Святаго Іоанна Рожества въ понедѣлокъ.

Въехалъ отецъ нитрополитъ (sic) въ место Берестко. Службы тогды при немъ было архимандритовъ, то есть именемъ зъ намостыра Супресля, на имя отецъ Исаия, великая борода, зъ Битенино (sic) монастыра пана Тризны игуменъ Паисей, дияконъ Игнатей, архидияконъ Калистъ, архимандритъ лаврешовский Гедионъ Бролиницкий, архимандритъ Городенский, архидияконъ Осифъ, господина нитрополита дворный Григорей Ивановичъ, протопопа Нестеръ зъ Ѓородна, иныхъ много множество архимандритовъ, игуменовъ, протопопъ (sic), поповъ. Того жъ дня была читана (sic) козанье отъ владыки володимерского Патея о рожествѣ Иоанове душе полезно. По казанью зошлися того дня. Митрополитъ былъ на обеде въ отца Патея. Во второкъ службы Божие не было, только поведалъ казанье той же владыко володимерский Патей о пастырехъ: Азъ есмъ пастырь добрый, душу свою полагая(й) за овца. Владыко Луцкий видитъ волка грядуще и прочие. Того жъ дня владыко луцкий приехалъ со братие(ю) своею.

Того жъ дня, на томъ же козанью, коли пыталъ владыка володимерский тутъ всехъ стоящихъ во церкви, мовячи: если добре есть читано, альбо зле? весь соборъ рекъ: Добре.

Тутъ же стоячи то жъ слово рекъ владыце володимерскому наочо некто Волериянъ Палиоевъ, ижъ дей, отче владыко, ты читаешъ зле, то естъ противу себе читаешъ.

Въ тотъ часъ и того жъ дня было во церкви великое забуренье и замешанье ажъ полисве тако (Полиоева того) вонъ съ церкви вивести (вывели). Того жъ дня по обеде козали Велирияна поставити средъ номостыра предъ собою весь соборъ и пытали его тыми словы: Што ты за потребу мелъ мовити до мене во церкви? Мовъ ты со мною теперъ. Тогды Валериянъ, принявши благословенство отъ всего збору, рекъ:

Ото, чесный светый архиепископе, и твоя светыне насъ добре учишъ, а́ самъ зле чинишъ. Малыхъ робятъ неразумныхъ у попы ставишъ, а отъ нихъ по осми копъ берешъ.

Въ тотъ часъ был(о) посредъ монастыря великое замешанье и

по́сварка, ажъ Валирияна, бивши и мардовавши, во богадельню въ ланцугъ козали посадити. Во среду, скоро по завтрени козали звонити на зборъ, собравшимсе святымъ отцемъ во церковъ, напервей отчинили царские врата, заполили свечи, поставили налой на онбоне, положили Евангелие разгорненое.

Митрополитъ селъ на особливомъ месте, владыки наособно, архимандриты на особливомъ месте, также архидияконы, протопопы, игумены, свещенницы братства на особливомъ месте. Такъ же панове: бо ихъ мало было; слышали, ижъ римляне будутъ.

Напервей рекли аминь; потомъ рекъ архидияконъ велегласно: Встанте, встанте, встанте! Падши ницъ, молитву, молитву мовити о пришествию Святого Духа на соборъ сей и на люди сия! По семъ питали владыки всехъ, мовячи: На што ся тутъ собрали альбо зъехалися? Тутъ еслибы были иноверцы, тутъ же бы почали о вере годатися.

По опыте о немъ, ижъ се не было съ кимъ годатися, ту показывали кривды свои, кому отъ кого деется, потомъ подавали листы и жалобы братства на владыку львовского Болобана. Потомъ, тутъ же во церкви стоячи, далъ жалобу владыка володимерский Ипатей на владыку львовского Болобана, ижъ дей позвовъ отъ нитрополита посланыхъ не принялъ и попа посланнаго до него козалъ збивши втопити. По семъ львовяне и виленско братство право свое братское тужъ покладали, яко они братство моцне маютъ и где школы братские маютъ мети. Потомъ листы отъ многихъ пановъ до нитрополита и до всехъ владыкъ писаныхъ подавали такъ жалобныхъ. Потомъ былъ вечеръ; хлеба ести розошлися. Во четвертокъ тую справу справовали. Которые листы на кого показывали, на который бы мели вырокъ отдати и ихъ проклятию поручити.

Въ пятокъ вырокъ выдалъ (выданъ), ижъ маемъ волю проклятии владыку львовского,. также архимандрита и поповъ его. Того жъ дня поданъ былъ листъ отъ арцыбискупа Станислава з (Г)незна, абы мы сами, такожъ и вы соборовъ жадныхъ не чинили безъ бытности его кор. мл. Въ тотъ часъ было забуренья и плачъ всемъ великий.

Въ суботу постановленье творили, церковное правило, яко се́

маютъ справовати во церквахъ, и со крестами за Муховецъ реку до монастыря вси отцы ходили. Тамъ же было дивно зрети. Въ недѣлю по службе Божой было выволанье и проклинанье владыки львовского, такъ же и архимандрита его, што страшно слышати и жалосно вельми тое поведати, яко се тамъ деяло. Тутъ же седячи, отецъ Михайла митрополитъ показывалъ листъ, писаный отъ вельможного княжати Соломерецкого черезъ посланца его.

Въ понеделокъ духовное право было зъ великимъ жалемъ, ижъ маютъ ехати весь соборъ до его кор. мл. о всехъ справахъ.

Второкъ рокъ, розъехалися зъ Берестья. Митрополитъ ехалъ до монастыра Супресля.

На переносе кланятисе до земли.

Тутъ падати, коли поютъ святъ, святъ, святъ Господь, Апокали. гл. 7.

Также победную песнь—падати до земля (sic).

Сущую Богородицу—великий поклонъ.

Служба Божия—отъ прославления.

Прикладъ, коли Авраамъ сына своего Ісаака на слу(ж)бу привелъ, тогды все готово было: огень, дрова, веревки, то есть агнецъ Божий коли священникъ заложитъ.

Патриарха повеле только въ суботу и въ недѣлю службу Божию служити, а тые дни часы пети и слово Божие проповедати. Тако мовилъ, ижъ де хочу одинъ (одно) козанье мети и проповедати, нижли пять обеденъ пети.

Три чины про(ро)чески и апостольски проповедникъ.

Три чины противу того: патриарси, митрополиты, архимандриты, попы.

Запелы (sic) Пресвятая Богородице, спаси насъ. Отверзу уста моя.

Владыко премышьский отцу нитрополиту далъ на себе листъ на томъ, ижъ скоро на владычество воступивши, тогды жону оставити мелъ, у черницы постричи, а такъ нынѣ зъ нею живетъ; далъ на себе обликгъ подъ виною и проклятьемъ.

Въ Новогородку речка Братянка, где ся новокрещенцы понураютъ. Тамъ же пани Жабиная понурила съ челядью своею.

Вельми хвалили пастылю, которую почали прекладати на руский языкъ.

Року 1592. Жикгимонтъ Третий (титулъ).

Ознаймуетъ тымъ нашимъ листомъ всемъ посполите, каждому зособна, кому бы новинъ (нынѣ) ведати належало и напотомъ будучимъ.

Ижъ мы господарь, видячи быти прихильныхъ ку поровнанью у вере светой архиепископовъ релiи греческое Ипатия, луцкого епископа, львовского и холмского, которые до насъ господаря съ тымъ прислали, хотячи подъ зверхность и благословенство одного пастыря светейшаго отца нашего папежа римского быти, ему старшенство и зверхность признати, заховавши въ себе вцале вси справы и церемонии въ целости во церквахъ Божиихъ; што мы господарь видячи предсявзятье ихъ потребно до речей збавенныхъ, то отъ нихъ зъ вдячностью приймуемъ. А ижъ бы за таковую хуть свою ласки нашее господарские были вдячны и певны, тогды то имъ тымъ листомъ нашимъ привилеемъ, имъ самимъ и ихъ потомкомъ, по нихъ всихъ епископомъ, и всему епископству церкви восточные римские варуемъ и упевняемъ, и словомъ нашимъ господарскимъ прирекаемъ и обецуемъ сами за себе изъ яснейшими потомствы нашими кролевства Польского. И хотя бы на тыхъ речоныхъ епископовъ подати і листу привилья отъ патриарховъ и митрополитовъ якихъ же кольвекъ причинку неблагословенства были на нихъ вынайдованья, клятвы выглошены и выдаваны, ижъ то имъ епископомъ самымъ и всему духовенству ихъ намней николи ни въ чомъ щкодити не маетъ, обецуемъ и словомъ нашимъ кролевскимъ для вшелякого оскарженья и клятвы и оглошенья, бы и добре противу станомъ ихъ водлугъ справъ духовныхъ и светскихъ было для всихъ причинъ каковыхъ духовенствовъ, владычествъ, на которыхъ оны мешкаютъ зъ данины продковъ ихъ и отъ насъ, того отъ нихъ не отоймовати и при ихъ животахъ и нашимъ (иншимъ) особомъ не давати, але ихъ заховуемъ вцале, съ примноженьемъ ласки нашея и вывышеньемъ учтивости во упокою на тыхъ владычествахъ, яко верныхъ подданныхъ и богомольцевъ нашихъ, поки остатнего живота ихъ ставати будетъ; и еще на тое имъ кождому, хто бы ся до таковое едности порядку прихилили, свободы, вольности по тому жъ, яко ихъ милость духовные римские маютъ, такъ же и они маютъ и будутъ мети.

Што мы обецуемъ еще иншими привилеями нашими имъ надавати съ примноженьемъ ласки нашея господарския. А то все обецуемъ мы господарь за насъ и за потомки наши тымъ помененымъ епископомъ Кириле Терлецкому, владыце луцкому, Гедиону Болобану, владыце львовскому, Леонтию Пелчиццому, владыце пинскому, Збаражьскому, владыце холмскому, Гермогену, владыце полоцкому, вцале держати до ихъ животовъ. И на твердость тое речи дали есмо имъ сесь нашъ листъ привилье, подписавшися рукою нашею королевскою, до которого печать нашу коронную притиснути есмо велели.

Писанъ въ Кракове, месеца марта 11 дня року 1592.

Року 1592 июня по старому 11 дня въ неделю.

Была брань великая, вельми страшная. Почавши отъ западныхъ краевъ, замковъ украинныхъ, Черниговъ, Гомель, Любечъ, Белая Церковъ, Переяславль, Стрешинъ, Речица, Рогачовъ, Кричовъ и иныхъ многихъ местъ и замковъ, съ тыхъ всихъ по селахъ и местахъ и местечкахъ немало збожа попсовала градъ и буря великая; а на бору на лесе и по лугомъ со пчолами дерева бортное на воде угляды (?) згола штось троха зостала буря великая поламала, якѡжъ на тотъ часъ давали справу и жалосно поведили, ижъ дей увъ одного мужа северскаго бортного дерева сто поломило, у другого двесте, у третего триста, ижъ страшно о томъ слышати было. А дороги каждый отъ села до села волостью прочищали. Нѧветъ и теперъ на местехъ на бору и по болотахъ поламатые выдети много.

Якѡжъ тотъ рокъ 92 былъ урожайный; жита, овса, гречихи, хотяжъ не рѡсла, але дѡбра; пшеницу иржа побила. Цена житу была таней: чверть по грошей пяти; мера жита по грошей двадцать.

Того жъ року по Ѳеофане владыце совершено на владычество полоцкое Наѳанаила Терлецкого, начальника новому календару без(з)акон(н)ому сго(?)даному и безыменному. Какъ того зовутъ, кто то подалъ? ни Моисей, ни Христосъ. И то было вельми скрыто, по тайнѣ межи собою хѡвано ажъ до року 96.

Того жъ року 92 далъ Господь Богъ видимый знакъ, ижъ у во-

сень о Покрове на дереве листъ не опалъ и былъ зеленъ у восень, такъ якъ на весне; а на другихъ деревехъ такъ и зимовалъ.

Року 1594, на весне, заложена церковъ у Могилеве Святого Спаса у монастыри была, вельми иконами украшена. Потомъ настало якоесь братство отъ Святого Спаса; по месту ходили, новые церемоние чинили не ведлугъ уставу святыхъ отецъ; на осляти по кольку рокъ ездили. Згорела церковъ Святого Спаса; жеребя волкъ заевъ; дитя, которое седело вместо Христа, ослепло. Того жъ року, весне, у Могилеве заложенъ костелъ Святого (пробѣлъ) на селищу Овтушка небожчика богатого: бо передъ тымъ у Могилеве польскихъ костеловъ не бывало.

Року 1594, за кроля Жикгимонта Третего, за митрополита (пробѣлъ), за владыку полоцкого Аѳанасия Терлецкого, за стараньемъ и великою пильностью его мл. пана хрестиянского, его милости князя Богдана Соломерецкого, старосты кричевского и олучицкого и за христолюбивою жоною его мл. княгинею Евдокиею Баркулабовною, а за урядниками ихъ милости, паномъ Федоромъ Глетивскимъ, сооруженъ и посвященъ бысть храмъ Святого Великомученика Георгия черезъ священника боркулабовского Ѳедора Филиповича, и бысть поручена или подана во служеніе действования службы божественныя везати и решити детей духовныхъ отцу Тимофею Алексеевичу.

Заметъ заметано около церкви, и келия постановлена, и монастыръ заложенъ, чернцы. Отца Аѳанасия его милость князъ Богданъ благоверный упросилъ, абы братия при немъ была.

Былъ у Берестю соборъ року 1594.

Того жъ року панъ Островинский умеръ. Тотъ рокъ вельми былъ мочливъ, бурливъ, студенъ; на збожье мерный былъ урожай.

Того жъ року 94, месеца декабря 17 дня, во второкъ, по ранной службе, у Буйничахъ, принявши тѣло Христово отъ рукъ своего духовника у светлицы буйницкой, ее милость пани Борколабовая Паланея (sic) Крошинская, того жъ часу по приятию святыхъ духовныхъ таинъ побожне, богобойне, зъ великимъ набоженствомъ принявши святыя тайны, душу свою Господу Богу предала. Якобы съ полгодины на рукахъ духовника своего была и преставися.

И пoxoвaнa тoгo жъ poкy, мѣсяца мая, въ недѣлю середопустную, въ церкви баркулабовской; вышей криласа левого гробъ ей бысть.

Того жъ року 94, по святе велебномъ, Нафтанаилъ Терлецкий, владыка полоцкий, съ того света переставился. Жилъ на свете своего живота летъ шесть (sic). Тотъ помаленьку уводилъ новый календаръ: бо былъ родомъ полякъ и мовилъ по польску.

Лета Божого нароженья 1595, мѣсяца ноября 30 дня, въ понедело(къ) за тыдень передъ святымъ Николою, Северинь Наливайко. При немъ было козаковъ 2.000, делъ 14, гаковницъ (пробѣлъ). Мѣсто славное Могилевъ, мѣсто побожное, домы, крамы, острогъ выжгли; домовъ всехъ яко 500, а крамовъ зъ великими скарбами 400. Мещанъ, бояръ, людей учтивыхъ, такъ мужей, яко и жонъ, детей малыхъ побили, порубали, попоганили; скарбовъ тежъ незличоныхъ побрали съ крамовъ и зъ домовъ.

Тутъ же войско литовское пана Радивила троцкого, гетмана литовского, до Могилева у погоню за козаками притегнули, люду рыцерского конного збройного татаръ 4.000, литвы 14.000. Надъ тымъ людомъ былъ гетманомъ на имя Миколай Буйвидъ. Въ той часъ Наливайко лежалъ у Могилеве две недели. Услышалъ о томъ Наливайко, ижъ гетманъ зъ великимъ людомъ и зъ делами до Могилева тягнетъ, тогды Наливайко зъ могилевского замку на гору Илинскую, где теперъ церковъ Святаго Георгия стоитъ, бо на тотъ часъ не было, выехалъ. А такъ войско литовское на поли буйницкомъ, именью вельможного его мл. князя Богдана Соломерецкого, старосты кричевского и олучицкого, на войско Наливайково вдарили и кругомъ оступили. Тамъ же зъ ранку ажъ до вечера, якобы вже къ вечерни звонити часъ, межи собою битву мели; якожъ литва зъ войскомъ великимъ натискали на войско Наливайкино. Предсе одинъ другому войску мало шкоды учинили: бо армату, такъ дѣлъ и гаковницъ, пулгаковъ, вельми при собе множество мелъ; такъ же людъ свой отаборивъ коньми, возами, людомъ шолъ моцно. Якожъ зъ дела съ табору Наливайкины козаки пана зацного, пана Григория Анюховского, забили. Первей коня подъ нимъ застрѣлили, а потомъ, выпавши съ табору, козаки его самого розсекали. Теперъ же литва, отъ козаковъ отступивши, до

Могилева на большший лупъ поехали; а козаки на всю ночъ ехали до Быхова ажъ на Низъ. Литва за козаками гналася ажъ до Рогачева, да ничого згола не вчинили козакомъ; а литва и татары рушилися до Менска, до Новагорода и до Вильны, набравшися тутешнего краю лупу.

По выѣханью козаковъ и Литвы было зиме, ни зима, ни лѣто, ни осень, ни весна. Ажъ до месеца мая, до Святаго Аѳанасия снегу не было.

А ижъ козаки Наливайкиного войска почали творити шкоду великую замкомъ и паномъ украйного замку, того жъ року 95 зъ войскомъ литовскимъ погонивши, въ селе Лубны, на реце Суле козаковъ побили. Первей Савулу стяли, Панчоху чвертовали. А Наливайка Северина поймавши, по семой суботе до кроля послали. Тамъ же его замуровавши, держали ажъ до осени Святого Покрова. Тамъ же его чвертовано.

Рокъ 1596. После Духа Святого поставленъ на владычество полоцкое Григорей протопопинъ виленский. Названъ бысть на владычестве Гермогеномъ.

Того жъ року 96, за митрополита Рагозу, за Жикгимонта Третего, за канцлера Льва Сапегу, у Берестью правдиво на соборе владыка луцкій, владыка володимерский, владыка полоцкий (и) иныхъ мало не вси приступили и подписалися до нового календару. Того часу почали Бога просити за патриарху Гавриила константинопольского 1596.

Лета Божого нарож. 1596 было благовещеніе въ пя(то)къ великий. Тотъ годъ вельми былъ недобрый: были хоробы, болести розмаитые многие великие; зима была люта, снежна; на санехъ ездили по святе велебномъ недели две; почали орать пашню по святе на пятой недели, и то вельми было грязно и вода вельми велика была, шкоду великую низкимъ местомъ и дворомъ, прудомъ починила, плоты, такъ же и струбовъ много порозносила. Жита чверть купили по гр. 12; овса чверть по гр. 5. Ярицу, овесъ того року починали сеяти на девятой недели; досевали овесъ и ячмень на 13 недели. Того року было Петрова посту недель 5. Тогды позная ярица высыповалася за недѣлю предъ Святымъ Ільею, а предсе увошла; умолотъ былъ средній, ни лихъ, ни добръ.

Слѣдующій документъ въ подлинной Хроникѣ вписанъ не на своемъ мѣстѣ, съ ошибочною цифрой года. Онъ напечатанъ въ IV-мъ томѣ „Актовъ, относящихся къ Западной Россіи" по ветхому, прерывистому и невѣрному списку, въ которомъ не доставало почти цѣлой второй половины.

Былъ сенодъ у Берестью гоку 1593 (1596) месеца октовриа 16.

Такъ же дѣяло на день зьезду зложоно октобра (проб.) по старому, а 10 по новому. Сходилися духовенства и рыцерства послы и панове засесть и духовенства до господы княжати его милости воеводы киевского, до каменицы пана Раского, отколь посылали до митрополита двохъ особъ отъ духовныхъ, а двохъ съ кола рыцерского, ознаймуючи, ижъ се зъехали на сенодъ, абы ознаймилъ местце, на которое бы ся сходили съ ними для намовъ, тому часови належачихъ. Онъ отказалъ, ижъ еще не намовилися о местцу, але до заутрешнего дня четверга 7 октобра отложилъ, и прибита была карта отъ него въ церкви соборъной мурованой, тамъ местце схоженью ознаймуючи. Въ томъ часе мелъ быти ему данъ позовъ духовный отъ отца Никифора, ексарха, посланого на то отъ Гавриилия, патриархи констентинопольского, абы передъ нимъ становился на заутрее для усправедливепья въ таковыхъ выступкахъ. Въ чомъ будучи отъ когось перестереженый, митрополитъ и владыка крылися у господе ксендза бискупа луцкого. Того дня нерано у середу прибылъ до Берестья его милость панъ воевода троцкий, и заразъ былъ у его милости княжати воеводы киевского, который повѣдилъ, ижъ естъ послове отъ его крол. мл. на тотъ сенодъ зъ его милостью паномъ канцлеромъ и паномъ подскарбьимъ, которыхъ же немашъ, абы се тымъ его мл. не ображалъ. Тую обмову его милость, кгды княжа въ коле поведилъ, тымъ вси были ображени людскимъ поводженьемъ, же ихъ милость знати не дают и не давали, и стерегли уплыненье ся часу сыноду. Сынодъ зачали того дня; на самымъ року маршалка обрали духовные, такъ же посельствъ съ кильку поветовъ. У четвергъ завитали княжа воевода киевский изъ сыномъ княжатемъ воеводою волынскимъ, вельми рано на свитанью до его мл. пана воеводы троц-

кого; а были тамъ годинъ зекгарковыхъ большъ пяти подъ полудень. Втымъ приехалъ панъ канцлеръ съ подскарбьимъ и шли просто до воеводы троцкого, где и князя застали. И знову только часъ немалый стравили. Отъ себе слали пословъ до митрополита, шести особъ съ кола рыцерского, 6 особъ духовныхъ, 6 пословъ зъ места, давши до него мовенье и на письме доложивши въ немъ, абы часу не зволочилъ, а зъ ними сышолся и намовилъ. Кгдыжъ тотъ зъѣздъ только народу рускому зложонъ, дознавши его быти и тыхъ владыковъ отщепенцами, оныхъ за пастыровъ не мети, а иныхъ обрать, а ихъ зложить старатисе будутъ, если о собе справы певное не дадутъ публице, если при старой вере и благословенстве патриарха стоятъ.

Тыхъ пословъ поткало княжа; вжо ехали до митрополита. Тые паны митрополита застали вже въ пановъ сенаторовъ менованыхъ. Которому кгды такъ посельство веселое прочитали, просили о цедулу тую; одно ей имъ не дано. Тыи вси прошли отъ митрополита безъ отказу, обецуючи своихъ послать, яко заразу и прислали пана Прецвица, кашталяна каменецкого, пана Шуйского, третего Каменицкого, инстикгатора. Тые до княжати его милости шырокими словы речъ учынили о томъ посельстве, ижъ то зъ господы восмъ ровне, яко отповедь або декретъ, якимъ былъ, пославъ до митрополита, ображаючисе тымъ о то, ижъ имъ того тамъ письма не зоставили: кгдыжъ они по того зьезде местце его кр. млсти поведаючисе быть конклюзыи оной одное справы безъ ихъ милости быти не могла. Княжа учинилъ обмову, ижъ тамъ былъ у ихъ мл., однакъ, держачи то отъ ихъ мл. всихъ, же што кольвекъ чинили, то бачне чинимъ, и при нихъ стоитъ и стояти будетъ. Потомъ розвелися троха зъ речу до плачу, же се то они ничимъ ображаютъ. Мы вси маемъ ся тымъ ображати отъ тыхъ здрайцовъ нашихъ, которые то наварили, и отъ тыхъ, хто имъ того помогаетъ, вжды терпливе зносячи якую крывду, на Бога помсту и оборону положивъ. Потомъ поведилъ панъ Гулевичъ, человекъ досыть добре годный, маршалокъ обраный, ижъ княжа его мл. естъ яко одна персона. Если ихъ милость и оные послы поведели, жехмы не до васъ посланы, але до ихъ милостей княжатъ; до новокрещенцовъ и евангеликовъ не ме(е)мъ жадное справы. На

тотъ часъ где они будуть, тамъ ничо́го слушного постановлено быти не можетъ. Онъ тежъ поведилъ: Я тежъ васъ не прошу, абысте який отказъ чинили отъ мене. Княжа тежъ, отповедаючисе вобецъ, же ничого безъ нихъ въ той справе чинити и мовить безъ ихъ милостей не хочетъ. Потомъ по малой хвиле прислали ихъ милость, же сами хочутъ быти у княжати; и приехалъ панъ воевода троцкий, панъ канцлеръ, панъ подканцлерий, и шли на упокой до княжати. По годинѣ маютъ бытъ у княжати, прислалъ до кола, ижъ хочутъ ихъ милость быти у вмс. (вашмостей); а то вже было смеркшисе. Чека́ли на нихъ килька годинъ. Втомъ образившисе тымъ вси, ижъ такъ долго на нихъ чека̀ютъ, кгдыжъ не вемъ о чомъ намовы сами зъ собою чинятъ. Зде идетъ о всихъ насъ и суменья нашого. Прирекши у пятницу о 14 години зберались и речи зачат(ыи) кончити, и розъехалисе, а гурмомъ, зъ нареканьемъ. И то могли сенаторове слышать добре: бо были окна на улицу; а гукъ немалый тыжъ бы(лъ) людей. Назавтрее въ пятницу по мене прославъ панъ подскарбий и иныхъ собравъ до себе, тамъ напоминалъ. А што ведать, якую съ того потеху обецуючы на потомные часы, ведучи до згоды, чего анико́ли въ насъ не могъ зъеднати зъ отказу, же мы не хочемъ быть таковыми отщепенцы. Онъ мне отказалъ: вмс. (вашмость) не смеешъ пана воеводы смоленского. И на томъ заплатилъ: жемъ не отъ его милости приехалъ, але самъ отъ себе. Потомъ зъехались мы до кола до братии. Тамъ же была инструкция посельствъ, читаныхъ зо всихъ зе́мель и поветовъ земли Волынское, съ Подоли, съ Подгорья, зъ Руси и зъ Литвы, зе Львова, съ Киева, съ Перемышля, съ Пинска, же много ихъ плачо̀мъ были порушо̀ны. У пословъ самыхъ привилевъ браты ихъ; указовано колько постановеныхъ порядковъ патриархи костентинопольского, а по тымъ часе отъ кр. ихъ мл. конфѣрмованыхъ доводовъ. Засе на письме што ведать, якъ много указалосе на митрополита, якъ писалъ до людей листовъ зашитыхъ и отвористыхъ, упевняючи ихъ, ижъ не ведаетъ, ани мыслитъ о томъ отщепенстве. За тымъ реченье мовены были не быти имъ послушнымъ. Отъ духовныхъ тежъ декретъ на письме былъ наготованъ, коли панъ каменецкий и зъ нимъ княжа̀ воевода волынский отъ пановъ пословъ его крол. мсти, абы съ

кола рыцерского было высажено депутатовъ чтыри, а зъ духовныхъ чтыри. Такъ же много они своихъ, не ведаючи, ижъ до добрыхъ речей хочутъ, чого далися намовити, еднакъ не инде и на иншомъ месте, одно тамъ же, гдесмы заседали въ другой избе, вароважши собе тожъ, абы ихъ депутаты въ жадную се речь, безъ ведомости всего кола не вдавалися, але поданые отъ нихъ слышавши до кола принеслы. Тамъ панове сенаторове дали невинне нашимъ латине. А потомъ скоро казанье вчынилъ на две године княжа. Наши кильку посланцовъ слали, зовучи своихъ до себе. Што обачивши сенаторове, казали му кончить. И пришли наши; тожъ, штосмы розумели, принесли намъ: ижъ хочутъ згоды, абы папежа головою признати, календаръ приняти. На то собе не дали наши речъ ани слова; отказали до нихъ черезъ пана Древинского и пана писаря володимерского, ижъ на то зезволити не могутъ зъ многихъ причинъ на тотъ часъ, ажъ не всимъ порадкомъ тако верячы и неслушнымъ поступкомъ зачалися о направе въ речахъ духовныхъ, съ такъ малою частью людей духовныхъ ничого становити не могутъ; але папежъ нехай съ патриархами о томъ намовитъ, або, поразуменье вчинившы, сенодъ зложатъ и о томъ становятъ, а мы безъ старшихъ своихъ духовныхъ о томъ и мыслити не хочемъ. Тыи принесли орацыи до нихъ, жалосно учинено, упорными зовучы; за тымъ декретъ отъ того наместника патриархового оферованъ. Втомъ ночъ зашла. Въ суботу, скоросмысе зешли до кола, декретъ патриаршый и проклятство на митрополита и владыки было по руску читано, переложоно зъ кгрецкого барзо словы пiенкными и досыть жалосными. Втомъ панъ канцлеръ литовский прислгвъ до мещанъ виленскихъ, зовучи ихъ до себе. Которые пойти не хотѣли до ихъ згоды. Тотъ же имъ отповедалъ, ижъ того зъ жалемъ и со клопотомъ уживете. Што они светчили въ коле, ижъ есте, панове литва, стратили. Тымъ преводимъ немало панства до Польски. Втомъ заразъ отъ пана канлера и отъ пана подскарбего пришли до княжати воеводы киевского инъстикгаторъ Каменский съ кильку слугъ ихъ, припоручаючы у тридесяти тысячей золотыхъ опого екзарха, посла патриаршеского, зовучи его шпекгомъ збелъгор (зъ Белгорода) и до того Стефана и поповъ, зовучы ихъ выволанцами, На што княжа имъ отказалъ: ижъ не только

ве тридесети тысечей золотыхъ, але и въ кильку кроть сто тысечей приймую и на сейме ихъ становити буду, а тамъ се откажемъ (окажетъ), если то слушне заслужилъ, на того не выдаютъ. А коли колько былъ а вказувано на то и грека, тотъ отецъ Никифоръ Азаръ Протасый, сей якобы первоседальникъ по патриарсе, пыталъ, што то за кголкъ (zgiełk), повѣдалъ му погрецку, ижъ его припоручаютъ, и вставъ на лаве упросивши, поведилъ, ижъ тотъ самъ здрайца, хто мене здрайцою подоймоваетъ для набытья мастности, але и свое отстрадалъ для имени Христова. Але тые сами суть здрайцами, ижъ крадутъ християнъ, подмовляютъ. розные причины найдуютъ. И вказалъ привилеи своихъ всихъ чтырехъ патриархъ, посланныя его въ тотъ край зо всякою моцью, якобы самъ патриархъ былъ, добровольного приеханья на сейме обецуючисе ставити, яко и ставитъ. Такъ же княжа̀ его милость, жалемъ будучи порушоный, вказалъ до пана канцлера и до пана подскарбего, ижъ нехай королемъ его милостью не грозятъ: бо онъ весть, яко повинности и веру пану своему хова(ти), и его фамилия стародавня, не новотна; але нехай ихъ милость мовятъ: мне грозятъ сами собою. Если што маютъ до мене, ставлюся ихъ милости всюды, гдемъ кажутъ. Потомъ прислали князя Шуйского изъ другимъ якимсь лешкомъ, ижъ въ насъ згода доходитъ въ костеле, если воля вмс (вашмостямъ) быть тамъ зъ собою помочъ быти. Поведилъ, же заразъ пошлемъ. Десять человѣкъ съ кола рыцерского, десять зъ особъ духовныхъ, десять пословъ мещанъ выправлено, або (абы) протестацыи осветченье вчинили, (же) на то не зезволятъ. И возные были зъ княжатемъ и енераловъ килька. Которые кгды приехали до косгела, тамъ ихъ до фортки гайдуки пана подскарбего и пана воеводы троцкого и слуга не пустили. Они тежъ ехали назадъ зъ великою жалостью. А то̀ было въ суботу вже нерано. Того дня княжа̀ воевода волынский, волынцовъ и подолянъ мело быть не мало у пана педскарбего на обеде, и не были тамъ, будучи тымъ барзо обрайжоны. Протестацый не принято въ замку нѣякихъ нашихъ. Митрополита и владыковъ праве кгвантомъ слыше примушано до присяги. Они просили для Бога на отложенье до сейму; але арцыбискупъ львовский бискупъ луцкий, панъ канцлеръ ихъ упевняли ласкою к. его

мл., обецуючи то имъ, привели ихъ до присяги. А тамъ же митрополитъ зъ четырма владыками присягнулъ на старшинство папежу, на календаръ и на артикулъ, ижъ Духъ Святый отъ Отца и Сына походитъ, и на едность костела. И заразъ въ неделю езуита въ соборной церкви служилъ ишму; а Скаркга казанье поведалъ; а Потей службу служилъ въ костеле въ рожейского олтара. Тамъ же у олтара руского, где служилъ римлянинъ, въ келиху вино у кровъ барзо шпетную, смродливую обернулося, же тотъ езуита не поживалъ; а въ олтара римского у Потея вино обернулосе у прѡстую горкую воду. Тамъ же у Берестью нашолся былъ человѣкъ якийсь прѡстый, который великие речи мовилъ, же страхъ словъ его людей преникалъ: бо Письмо все на память знаетъ, штось дивного, певне не тотъ, што мелъ у голову заходити, и напоминалъ, абы люде своей веры моцно держали. Тыхъ лотровъ, митрополита и владыкъ, не видали: бо ихъ не пустили римляне. Того жъ дня въ суботу заразъ зъ костела панъ воевода троцкий приехалъ до княжати, пожегналъ, жалуючи незгоды, и ехалъ до Чернавчичъ. А мы въ неделю вси разъехалися, заварши то и запечатовавши, и подписавшисе; до того письмомъ альбо универсалу его кр. мл. послалисьмы. Ужили пана Гулевича маршалка а пана Еламолинского и пана Броневского, людей годныхъ. Праве два евангелицы, а третый (зъ) новокрещенцовъ.

Року 1596. Никифоръ великий протосинкгелъ и экзархъ патриаршего престолу, отъ всихъ четырехъ посланный престола константинопольского со всихъ соборомъ.

Понеже святая Божая апостольская кафолическая церковъ, сиречъ престолъ константинопольский, отверженію конечному предасте митрополита киевского Михайла Рагозу и нѣкоторыхъ еще съ нимъ епископовъ его, яко отступниковъ и разорителей церкви соборное, сего ради, силою и властию Святаго Духа, подаемъ всѣмъ благочестивымъ іереемъ, диякономъ, иже наше мудрствующимъ обычае и догматы на власти имети, іерейская совершати невозбранно во всехъ епархия(хъ) и где еще ключими будутъ, отцу Радиону, протопопе менскому, со всеми дѡ владзы его належачими, поминающе имя Гавриліа, донелѣже ими вместо

отверженыхъ поставленны будутъ епископовъ, примати приходящихъ ку соборной церкви нашой, ижъ хранитъ божественная истинная обычая и догматы, явѣ извѣстно исповѣдающихъ. Тако убо повелеваемъ усѣмъ. По семъ благодать Божая и неизреченная милость да будетъ со всими вами, иже наше мудрствующими. Писанъ у Берестью на сыноде, року Божого нароженъя 1596, месеца октобра 10 дня.

Тутъ подписъ по грецку: Никифоръ первоседальникъ престола великого костантинопольского.

Гедионъ, епископъ львовский, власная рука.

Кирилъ, митрополитъ сербский, власная рука.

Епископъ премысский, власная рука.

Никифоръ Туръ, архимандритъ киевский монастыря Печерского, власная рука.

Року 97. Во великий постъ его мл. князь Богданъ, именемъ Исакий, у месте Боркулабове началъ учитисе по руску грамоте и по кгрецку; а былъ бакаларемъ панъ Лаврентий Зизаний, человѣкъ нáвченый, зъ места Виленского прибавленый. А родился его мл. князь Богданъ въ року 88.

За господаря кроля Жикгимонта Третего, за канцлеромъ Льва Сапеги, за митрополита Михаиломъ Рагозою, за владыкою полоцкимъ Гермогеномъ, за новымъ календаромъ, за смирениемъ и благословенствомъ преосвященнаго святейшаго вселенского патриархи киръ Рафаила, а за архиепископа его Гедеона Болобана, владыку ильвовского, такъ же и за духовника своего отца Федора Филиповича, священника боркулабовского,—благоверный панъ его мл. князь Богданъ Соломерецкий, староста кричевский и олучицкий, на власномъ кгрунте своемъ Панковскомъ и Новосельскомъ, на реце, прозываемой Дашковце, на селе пущи сыромъ корени, закликавши и давши слободы альбо вольности людемъ прихожимъ на годъ петнадцать седети, вольно медъ сытити, пива варити, горелку курити, заложити рачилъ именемъ своимъ мѣсто Богданово. На тотъ же часъ и церковъ, то есть храмъ Святаго (пробѣлъ) заложити рачилъ на томъ же именью своемъ, именованомъ

Богданове,—такъ же именемъ и сына своего князя Богдана место Богданово.

Року 1598. Того року были хоробы, болести многие розмаитые. Зима была мала, снежная, а предсе рано стало, запоромъ зишла.

Того жъ року пану Сапезе Льву, канцлеру литовскому, досталося староство могилевское въ держанье; а отъ него урядникомъ былъ на Могилеве Голубицкий, хору(н)жий полоцкий.

Року 1599, у вилию Рожества Христова по старому, рачилъ быти на чести у Баркулабове, у его мл. князя Богдана Соломерецкого его мл. панъ Левъ Сапега зъ многими зацными паны вельможными у месте Боркулабове.

Того жъ року 99, месеца генваря 6 дня, у волторокъ, князь Петръ Жижемский, староста речицкий, рачилъ заручити панну Кристину у его мл. князя Богдана Соломерецкого, старосты кричевского и олучицкого; а веселье было року тысяча 1600, по Светомъ Крещеніи въ неделю.

Року 1599. Тотъ рокъ былъ вельми меженский альбо голодный, жито куповали чверть по талеру, а мера жита по две копе безъ двадцати грошей; а предсе здоровый на люди; а куповати збоже было везде много, такъ у домахъ, якъ и въ торгу, только дорого.

Року 1599, месеца мая 27 дня, праве въ семую суботу съ полудня, у месте Баркулабове пришла до церкви Боркулабовское дочка жидовки Марьямки, арендарки боркулабовское, именемъ Стирка, и пильне, слезне упадала и просила священника боркулабовского Федора Филипович, для Бога, абы была прекрещена у веру християнскую. Якожъ, порадившее съ паны постронными, зъ боярами, земянми, зъ шляхтою и зъ урядникомъ боркулабовскимъ, паномъ Федоромъ Плетнинскимъ, наупоминаючи Письмомъ Святымъ и приводячи ее до памети, если правдиве маешъ тотъ умыслъ християнкою быти, ни для малженства, абысь мела за которого человѣка християнского замужъ пойти, альбо для лакомства маетности; але правдиве оная жидовка, именемъ Стирка, тыми словы отповедала, стоячи передъ церковъю передъ всѣми зацными паны и предъ народомъ християнскимъ: ижъ дей я, панове мои, вже давно зъ молодости моее, а правдиве дей вже полтора рока, яко

сама ся на то позволила, просячи со слезами Госпбда Бога и кладучи честный святый крестъ, ложачися и вставаючи, на лицы своемъ, аби мне далъ то видети, християнкою зостати. Съ хутью и зъ великою радостью того прагну, Христову веру мети. Якожъ назавтрий, въ день Сошествия Святаго Духа зъ народомъ Божимъ и много множество пановъ шляхты, людей учтивыхъ, такъ мужей, яко и жонъ и детей, яко ярмарочного часу прещена (крещена) была, у ваннѣ погруженна, и названо во святомъ крещенiи именемъ Елена. Того жъ дня матка ее Марьямка съ крикомъ и плачемъ для Бога просечи приходила тутъ же до крестильницы, падаючи просила, абы ее не крестивши пустили, обецуючи за то великий поклонъ и подарокъ дати. Якожъ нѣкоторые мещане видели многое чарованье оное Марьямки, што она поганскими чарами египетскими дочце своей чинила. Яко была везена до ихъ милостей князей до Буйничъ, оная Марьямка, улезши у лазню студеную, голову открывши, волосы распустивши, печку розметала, чаровные поганские слова говорила, проклинала, обема руками назадъ кидала, ноги свои везала, иного много зла поганства творила, проклинала, абы жива не была.

Тотъ рокъ 99 былъ вельми урожайный, добрый, здоровый, погодный, на всемъ добрый. Жито куповано у верхъ по грошей петнадцать, а мера по 40 гр.; овса чверть по 4 гроши; мера овса гр. 17. Жито, гречиха, овесъ, пшеница, на то на все былъ урожай добрый.

Року 1600. Того року была зима люта и снежная. Благовещенiе было на Святой недели въ (пято)къ. Почали орати по святе на четвертой недели.

Того жъ року месеца апреля у понеделокъ на Святаго Мартина папы римъского, взявши зъ науки отъ Лавреитьтия, заразъ дано до науки латинския, до пана Максима Гарасимовича Смотрицкого.

ЛИСТЪ ОТЪ ПАНА НЕКОТОРОГО, ЗЪ РОКОШУ ВЫПИСАНЫЙ, О НОВИНАХЪ РОКОШОВЫХЪ.

Новины вм. ознаймую которые ми въ тую пришлую среду, праве вседаючому на рокошъ съ Подляша мене дошли. Преписъ

зъ листу словъ власныхъ, до мене писаного, вм. выписую, нещасливые новины моему милостивому пану ознаймую, же наши битву зъ рокошаны програли, што королевской милости пришло людей тридцать тысечей чужоземского на помочъ; который надею великую маючи, а до того рады злое услыхавши, легце собе важачи пановъ рокошанъ, которыхъ не было большъ надъ пять тысечей, хотѣвъ ихъ стерти; але они плацъ отримали. Хотя зъ обу сторонъ немало пало, але еднакъ стороны нашей чужоземского люду немцовъ не мало пало. То уже битва была по выезде моемъ съ подъ Вислицы. За чимъ тутъ наши мазурове и подляшане и иншихъ воеводствъ бегутъ зараземъ зъ ознайменьемъ отъ тамъ толь отъ пановъ депутатовъ, якъ на кгвалтъ, яко перепись универсалу тые новины отъ понеделка 8 дня октобра на выезде моимъ тые новины принесены.

Слѣдуютъ: 1) „Универсалъ рокошовый року 1606 месеца сентября 5 дня“ и 2) „Року 1606, Ассекурація, то естъ вольность“. Эти документы извѣстны въ польскомъ оригиналѣ.

Року 1600. Панове волынские, панове литовские, такъже козаки запорозкие, змовившися и знявшися вси вкупе волохи отгамовали, войска Могилево побили, армату отняли. Воевода мултянский втекъ изъ Мигалемъ. Троха не поймали, и много за нимъ гонили, ажъ до границы мултянское. Трохи ся было успокоило. За то была дана козакомъ лежа у Киеве. Гетманомъ былъ Самуель Кошка. Лежали у Гомли, въ Речицы, въ Рогачове, у Баркулабове на пристанство ажъ у ждали (sic).

Року 1600, месеца августа 8 дня, съ понеделка на второкъ, панъ Левъ Сапега, канцлеръ великого князства Литовского, староста могилевский, альбо тежъ за росказаньемъ его мл. слуга его мл. панъ Голубницкій, врядникъ печерский, Янъ Рожновский, Требухи до замку могилевского привернули; а тое именье было отъ вековъ на монастырь Печерский Святыя Богородицы надано отъ княжатъ Буйницкихъ; по самую реку Дубровню, то все буйницкий кгрунтъ былъ

Року 1600. Того року было благовещеніе на Святой недели у во второкъ.

Року 1600, месеца септевріа 18 въ че(тверто)къ, панъ Янъ Варшавский, такъ же его мл. панъ Левъ Сапега, канцлеръ литовский, староста могилевский, на Москву до царя восточного, князя Василия (Бориса) Годунова, послами ходили; изъ ними княжатъ пановъ зацныхъ множество; и мешкали на Москве недель 20. Тамо жъ приняли примирье на годъ 20.

Того жъ року 1600, октов. 7 дня, Гермогенъ, владыка полоцкий, если за грехъ свой, альбо зъ Божого допущенья, первей того хоревъ у Полоцку, потомъ у месте Виленскомъ лекарство поживалъ, тамъ едучи зъ Вильни, въ дорозе съ Моркгойнехъ, тамъ же смертью ганебною животъ свой скончалъ, смерть претерпевъ. Яко былъ на пастырство дирею влезъ, такъ же въ дири въ дорозе зле животъ скончалъ.

Того жъ року у самую у восень, не по обычаю, месеца сентемрия 17 дня, у волторокъ, отъ западу сильный великий громъ былъ въ насъ и по всимъ сторонамъ вельми сильно гримелъ; такъ же и блисканье молоньи было; а въ ночи морозъ и ветеръ былъ. А тое было прознаминование: на предѣ будешъ читати рокъ Христа 602, 603. Великие болести, хоробы, такъ же войны великіе, голодъ, неврожай сильный; было поветрие альбо моръ на людий перехожихъ. Множество на Низъ идучихъ; около тысещъ 4 зъ голоду мужей и жонъ, детей пошло; такъ ижъ страшно было видети, ижъ на улицахъ, по дорогахъ, по гумнахъ, у ровехъ псы мертвыхъ многихъ тела ели.

Року 1601 великая война была у Вифлянтехъ съ кролемъ шведскимъ за Жикгимонта Третего.

Того жъ року запорозкие козаки у Швецыи были, да ничого не помогли, только великую шкоду господарю вчинили: бо место славное, место богатое Витебскъ звоевали, мещанъ побили, скарбы побрали, многое множество людей порубали, незличоные скарбы побрали.

Того жъ року 1601, по волости могилевской гайдуковъ до Вифлянтъ выбранцовъ выбирали.

Того жъ року 1601, за господаря кроля Жикгимонта Третего, за митрополита Потея отщепенца, за вселенского патриарха киръ

Рафаила, постановлено на владычество Гедиона; а первей звано его Миколаемъ. И тотъ отщепенецъ.

Того жъ року 601, месеца августа пятого дня, преставился священникъ юрьевский, отецъ Тимофей Алексеевичъ; а справовалъ ерейства своего годъ 4. Парафея его была полместа, село Билевичи, Ходутичи, Липовка, Панковичи, Новосели, Тризнина слобода, село Лежнево, Богданова слобода.

Року 1601, Тотъ былъ неуставичный, то есть почали жито на хлебъ жати голодные люде предъ Усѣкновениемъ Главы Святого Іоанна Предтечи, а въ копы почали жито жати на Святаго Симеона Столпника; и то было зѐрня вельми мякко; а дождали жита передъ Покровомъ за 2 недели: бо дождъ уставично шолъ недѣль 12. Яръ почала высыпатися о Святомъ Петрѣ, а по Святомъ Покрове за две недели почали яръ жати; и то было зелено. А потомъ, после Святаго Симеона Столпника, ок. 4 дня, снегъ великий выпалъ. Прето, што было пашни, ярицы, овса, пшеницы, ечмень, горохъ, бобъ, то все снегомъ напало и великую яри шкоду учинило. Згола было всему недобро, якъ збожью, такъ же и людемъ. А предсе цена збожью средняя была. Якожъ и знакъ тому упадку збожью: въ року 600 было зле; громъ гримевъ у восень по Воздвижению Честнаго Креста.

Того жъ року 601 были у Швецыи козаки запорозкие, люду четыре тысечи. Надъ ними былъ гетманомъ Самуель Кошка. Тамъ же того Самуйла убито, а поховано у Киеве. Нижли тамъ у Швецыи козаки запорозкие ничого доброго не вчинили, ани гетманови и пану королю жадного ратунку не дали, только зъ Швецыи утекли, а тутъ на Руси Полоцку великую шкоду чинили, и место славное и великое Витебскъ звоевали, злата, сребра множество побрали, мещанъ учтивыхъ порубали, и такъ шкоду содомию чинили горше злыхъ неприятелей альбо злыхъ татаръ.

Того жъ року 1601, месеца октобра десятого дня, целую неделю снегъ, снегъ сильный и кгвалтовный ишолъ; выпалъ до полголени; такъ же и буря сильная была. Тогды пшеницы ярицы, овесъ, гречиху, горохи и вси овощи, великое множество ярицы на поляхъ непожатые, такъ же и копы жатые снегомъ позаметала метелица, ижъ было жалосно и страшно гледѣти и выповедити

уздыханья и плачу людей убогихъ, пашниковъ немаетныхъ. А такъ лежалъ тотъ снегъ 2 недѣлн ажъ до Дмитровы суботы. Якожъ зъ великихъ морозовъ река Днепръ былъ замерзъ, и ездили по немъ яко середъ зимы. А потомъ, за ласкою всемилостивого Господа Бога для плачу и великого уздыханья, снегъ росталъ, и река Днепръ росплынулся; а потомъ почали жати-горовати по снегу у стужу. Были тежъ морозы великие. Огнѣ клали, сами грелися, ижъ страшно и жалосно было гледѣти. Три-два человѣка на день ледво сноповъ 40 нажнутъ овса альбо ярицы: бо вельми къ земли (поприлягало). Люди убогие ярь на весне жали-горевали; але вже только для статку: а того много статками на весне сами господари свое збожье травили. Маки, горохи, бобы, проса, репа, то все зголa погинуло. А которые молотили ярь, зѐрня только знакъ, а коли змелетъ, спечетъ, то у печи не печется, а зъ лопаты у печъ не зложитъ, съ печи ажъ ополоникомъ выбираетъ. Такъ же и жито вельми было неумолотно. А коли муку житную у хлебе спекутъ, то тесто печеное солодко, а за скорину хотя ложки клади, а въ печи не печется. У восень роли (орали) и жито сеяли; которые старымъ житомъ, то предсе ни во што; а которые житомъ новымъ сеяли, тые ни жали. Якожъ две доле тыхъ людей было, которыхъ (нивы) ораны и несеяны были. На лето куповали жито чверть по грошей 35, яры по гр. 40; пшеницу куповали чверть 40 грош., овесъ по гр. 40, конопель чверть 20 гр., горохъ чверть 20 гр. А тотъ гневъ Божий былъ и непогода почавши отъ Менска до Полоцка, къ Витебску до Орши, до Мстиславля, до Пропойска, до Рогачева, Могилева, Любошаны. Потомъ у Речицы, въ Лоеве, въ Киеве, ажъ на Волынь, добрый врожай былъ. А такъ потомъ много множество людей убогихъ зъ голоду на Низъ зъ жонами и детьми и зъ семьею, што ажъ страшно было не только видети, але трудно было и выписати,—то есть зъ Верху, зъ волости зъ шкловское, зъ Друцка, зъ Дубровны, зъ Круглы, зъ Бобря, зъ Витебска зъ подъ Полоцка, съ подъ Минска и зъ иншихъ многихъ украинъ.

Того жъ року была зима злая, снеги великие, и сильные были морозы. Многимъ людемъ поморозило, кому ногу, кому пальцы, другому видъ, уши, носъ; а другие зъ морозу померли.

А коли вже была весна, въ року 1602, тотъ находъ людей множество почали мерти; по пятеру, по тридцати у яму хворыхъ голодныхъ, пухлыхъ многое множество. Страхъ видети гневу Божого. А такъ при великихъ местахъ человѣка по едному у яму ховали, священники проводили. Тамъ же которые ишли на Низъ, тые вси тамъ померли; мало се зостало. А такъ мерли одны при местахъ, на вулицахъ, по дорогахъ, по лесахъ, на пустыни, при роспутияхъ; по пустыхъ избахъ, по гумнахъ померли. Отецъ сына, сынъ отца, матка детки, детки матку, мужъ жену, жена мужа покинувши, детки свои, розно по местахъ, по селахъ розышлися; одинъ другого покидали; не ведаючи одинъ о другомъ, мало не вси померли. А коли тотъ находъ у воротъ альбо въ дому у кого стоячи хлеба просили, отецъ зъ сыномъ, сынъ зъ отцемъ, матка зъ дочкою, дочка зъ маткою, братъ зъ братомъ, сестра зъ сестрою, мужъ зъ жоною, тыми словы мовили, сильне слезне горко мовили такъ: Матухно, зезулюхно, утухно, панюшко, сподариня, солнце, месецъ, звездухно, дай крошку хлеба! Тутъ же подле воротъ будетъ стоячи зъ рана до обеда и до полудня, такъ то просячи, тамъ же другий и умретъ.

Того жъ року куповали жита чверть 40 грош., пшеницы чверть 50 грош., овса чверть грош. 38, гречихи чверть грош. 40, гороху чверть грош. 40, конопель чверть 50 грош., капусты ведро кислое 3 грош., ушатикъ капусты кислое 24 гр., ячмень чверть грош. 70.

А коли варива просили, тые слова мовили: Сподариня, перепелочко, зорухно, зѐрнетко, солнушко, дай ложечку дитятку варивца сырого!

Того жъ року 602, зъ ласки Божей, весна почалася, нижли до Святаго Юрья ледве штось жито посееное почало зъ земли являтися, а другое сусходити; и то потросе почали орати на Страстной недели, а нѣкоторые до Свята потросе маку, пшеницы посеяли.

Того жъ року на Страстной недели во среду громъ загримелъ вельми грозный зъ дождемъ и зъ бурею немалою. А то былъ знакъ недобрый и праве злый: бо на десятой неделе того жъ року 602, въ четвертокъ Великий, страшный былъ морозъ. Што было

цветовъ, то все поморозилъ. Правда, початокъ былъ грозный, а остатокъ плачливый. Што было огородныхъ речей: капуста, ботвины, цыбуля, маки, горохи, ячмень, ярица, то все морозъ побилъ; чого зъ великимъ плачемъ было видети тихъ людей голодныхъ, которые только огороды были засеяли, а жита ни починали. У восень цена всему збожью была такова, якъ въ року вышъ описан(омъ).

Того жъ року 602 увосень жито посеяное вельми было уродилося. Зъ ласки Божей, осень была погодлива, и вдячно глядѣти было, вельми зѐлено. Такъ же сейба позная добра была.

Того року 602, веснѣ и летѣ, на люди были, зъ Божого допущенья, хоробы великие, горючки, бегунки; по местахъ, по селахъ много малыхъ детокъ померло.

Того жъ року 602, за кроля Жикгимонта Третего, за митрополита Патея отщепенца, за владыку полоцкого Гедеона, за святейшаго патриархи киръ Гедиона, месеца сентебря 7 дня, зъ олторка на среду о полночи, канонъ Рожества Святыя Богородицы, славный панъ християнски(й), панъ побожный, церкви Божой миловникъ, князь Богданъ Соломерецкий, во святомъ крещении называемый Алимпей, его мл. староста кричовский и олучицкий, на старостве своемъ во граде Кричеве переставился, въ добромъ сумненью и памети; а погребено при славной памети пану Иване въ Соломеричахъ, въ церкви Святого Покрова. Того жъ року князь Иванъ Соломерецкій у Высоцку переставилъся.

Року Божего нароженья 1603. Были козаки запорозкие, неякий гетманъ на имя Иванъ Куцковичъ. При немъ было люду козацкого яко 4 тысечи. Брали приставство зъ волости боркулабовской и шупенской, то есть грошей копъ 50, жита меръ пятьсотъ, яловицъ полтораста, кобановъ 50, салъ свиныхъ 100, меду пресного пудовъ 60, масла пудовъ десять, куровъ пять сотъ, сена возъ триста.

Того жъ року 603, въ месте Могилеве Иванъ Куцка здалъ зъ себе гетманство козацкое, для того ижъ у войску великое своволенство: што хто хочетъ, то и бро́итъ. На то́тъ же часъ былъ выеждый отъ его крол. мсти и отъ пановъ и радъ; напоминалъ, грозилъ козакомъ, ижъ бы они никоторого кгвалту въ месте (и) по

селахъ не чинили. Передъ того жъ выеждчого отъ его крол. мсти приносилъ одинъ мещанинъ на рукахъ своихъ дѣвчину у шести летехъ змордованую, зкгвалченую, ледвей живую; чого было горко плачливе страшно глядети. На тое вси люде плакали, Богу сотворителю молилися, абы таковыхъ своевольниковъ вечне выгладити рачилъ.

По томъ по Иване Куцку былъ гетманомъ Иванъ Косый. Тые козаки брали приставства у Полоцку, у Витебску, на Орши, у Мстиславлю, у Крычове, у Могилеве, у Головчине, у Чечерску, у Гомли, у Любечу, у Речицы, у Быхове, у Рогачове и по всихъ местехъ.

А на Волыни, на Подолю, у Киеве, тамъ на тотъ часъ жолнери лежали, которые зъ Волохъ выехали, яко десять тысящъ. Въ тыхъ всихъ краехъ приставство брали. Такъ же у Менску и по всей Литве, тамъ жолнери-татарове, которые выехали зъ Швецией, по тыхъ местахъ приставство брали.

Якожъ въ тыхъ рокахъ 600, 601, 602 великие сильные были незрожаи, такъ же голоды, поветрее, хоробы: бо въ летехъ тыхъ бывали лѣтомъ великие морозы, сильные грады. У Могилеве жита чверть куповали по грошей 40, ячмень грош. 50, пшеницу гр. 50. А около Головчина, Полоцка и Витебска куповали жита чверть по грош. 60, ечменю чверть по грошей 70. Такъ же гречихи конопель знаку не было: все морозъ побилъ. Тогды всего того насенья въ Киеве (и) на Волыню куповали, и то потросе. Ледве можный (человѣкъ) огородъ засеялъ, и на поли по лядахъ, по нагнояхъ нихто не бывалъ, альбо редкий сеялъ: бо насенья ярнаго каждый мало мелъ.

А коли козаки запорозкие назадъ на Низъ отсоля выеждчали, теперъ же великую, сильную шкоду по селахъ, по местахъ чинили; жонки, девки и хлопята зъ собою много брали; такъ же коней много зъ собою побрали; одинъ козакъ будетъ мети коней 8, 10, 12, а хлопятъ трое, четверо, жонки альбо девки две альбо три.

Того жъ року 603. Народъ Божий зъ Низу до домовъ своихъ назадъ пошолъ, великое множество мужей, жонъ, детей. Но еще больши тыхъ было, которые на Низу померли.

Року 603. Весна вельми была студена, морозлива ажъ до недели Ѳомины. Того року былъ Святый Юрей во Великую суботу. А предсе з ласки Божое, на весне и у восень жито на поли зелено было, якожъ съ тою зеленъю и зацвило на 7 недели по Святе, а никакожъ пожовкло. Почали ярь сеяти до Великодня, а досевали яри на 7 недели. Хто сеялъ на третей недели, тые загорели; а хто сеялъ на 7 недели, того яръ добра была. Житу добрый урожай и вмолотистый чисто. Жито почали люди голодныя (жати) до Ильи Святого, а дожинали въ копу за тиждень по Ильи. Тотъ ротъ 603 вельми былъ сухий, жаркий. Якъ былъ дождъ о Дусе Святомъ, потомъ о Десятой пятницы, а потомъ на Святаго Илию. Того року напалъ снегъ месеца ноебра 5 молодика, и оттоле стала зима за две недели до запустъ Филиповыхъ, а потомъ морозъ, снегъ, метелица великая была отъ Юрья Святаго ажъ до Крещения. По Крещению Святомъ колько недель великая неуставичность. Такъ было: если настанетъ месецъ молодый, то снегъ, дождъ, буря, метелица, морозы, гололедици, ковзóта, студень, ижъ трудно было выповедати. Потомъ недели третей въ постъ Великий у вовторокъ вночы былъ дождъ сильный, ажъ снегъ согнало и весна стала.

Того жъ року 603. Въ месте Виленскимъ, въ Менску, у Радошковичахъ, на Орши, у Шклове и по инших многихъ замкахъ было повестрее великое въ постъ Филиповъ. А въ которыхъ замкахъ повестрее не было, въ тыхъ местахъ по дорогахъ, по улицахъ стражъ великую день и ночъ мевали ажъ до Рожества Христова; а предсе Господь Богъ тыхъ въ целости здравыхъ заховалъ. А потомъ зъ ласко (sic) Божое было по всимъ странамъ здóрово.

Теперъ же, зъ ласки Божое, урожай на все добрый былъ. Жита мера копа гр.; ярицы мера копа грош.; овса мера грошей 50; гречихи мера грошей 60. А за таковое милосердие и великую его ласку честь и хвалу Господу Богу воздавали, пили и ели; а которые померли, тыхъ упоминали, плакали, жаловали и паметку творили за тыхъ душъ, и за грехи ихъ Господа Бога просили, абы Господь Богъ не поменулъ греховъ ихъ.

Теперъ же радость великая была, ижъ мужъ жену въ далекихъ странахъ знашолъ, отецъ сына, матка дети, дети матку, приятель

приятеля, ближний ближнего своего; а где который умеръ, о тыхъ одинъ одному поведалъ, где похованъ.

Року 1604, на Василия Святаго, то есть новаго лета, была зима вельми добра, погодлива до Великого посту; а потомъ, на пятой недели Великого посту, снеги, дожды великие были, ажъ Днепръ ростекся, а снегъ согнало. Прежде весна непогодная была. Тогды жито у цвету морозъ побилъ; такъ же огурки морозъ у цвету побилъ, якожъ на тотъ часъ у господарстве мало хто бы ся мелъ огурками похвалити, хотя жъ ихъ гораздо и добре кукóбили. Ягодъ, яблокъ, иныхъ овощовъ мало ся зостало, для великихъ дождовъ, морозовъ, градовъ; только грибовъ а бабковъ въ лѣте вельми много было зродило, ижъ каждый человекъ по двакроть у грибы на день ходилъ. Такъ же, за великими дождами, около Великихъ денъ травъ ни троха сена не косили. Вода великая стояла по Святомъ Петре тыждень. А коли почала вода вешная спадывать, якобы три дни было; потомъ большая вода дожчевая нашла. И такъ поведали, якобы середъ лѣта на Москве снегъ великий и морозъ былъ, колько недель на санехъ ездили. Въ насъ на низкихъ местахъ у вогородехъ капусты, цыбули, яри згола потопило, и стояла вода малъ не до Ильи Святаго. Зима была вельми суха, людемъ купецкимъ вельми шкодлива: бо снегъ малъ былъ. Житà, гречихи, пшеницы, овесъ, ечмень, горохъ въ той цене былъ, яко въ року 603: бо тотъ рокъ вари мало было; только грибы, ледники, опенки ели; а рыбъ вялыхъ мало было, для великихъ поводковъ. На люди, зъ ласки Божое, было здòрово.

Року 1605. Весна, зъ ласки Божей была добра. Снегъ заразомъ согнало. Жито, на зиму сееное, якъ было зелено у восень, такъ же было зелено и на веснѣ; съ тою зеленостью и зацвило. Предсе житу сухость была вельми зашкодила. Дожду мало бывало. У цвету, яко у жите, такъ и яръ морозъ, сухость зашкодила. Двои были у сходы. Гречихи добрый урожай былъ, и пленна была. Того року куповали жита чверть 8 грош.; овса чверть грошей 4; пшеницы чверть 16; конопель чверть гр. 6. Маку не было ни троха, ни цибули; чоснику, и того было вельми малый урожай.

Того жъ року 605. У Баркулабове за Лахвою уволоки перезано, черезъ урядника пана Ѳедора Плетинского.

Того жъ року 605. Якийся знашолъ у краю низовомъ, а звлаща у дворе князей Вишневецкихъ, якийсь Димитръ Ивановичъ; якожъ, бывши при дворе ихъ милости пановъ радныхъ и, собравши войско немалое люду низовского и козаковъ запорозкихъ, такъ же люду руского множество, съ тымъ людомъ поехавши, Стародубъ, городъ московский, узялъ, лысты (sic) по всей Москве разослалъ, поведаючи себе быти царя Димитра Ивановича московского, которого еще малого якобы мелъ Годунъ стратити, нижли страшно и до царя Годуна принесено, але не оного Димитра Ивановича,—въ него место малое дитятко, а его давно было ссховано и на Украину низовскую было вывезено. Якожъ о того Димитра Ивановича животе и мешканью и о бытности его, обычаехъ и поступкахъ и мешканью его дивне и плачливе и трудно было выписати. Якожъ история о немъ есть написана по достатку у другихъ летописцахъ. Якожъ не по маломъ часе оный Димитръ Ивановичъ зъ людомъ, взявши градъ Стародубъ, и Москву оселъ, а Годуна съ царства своего Московского согналъ, и не ведати, где ся Годунъ поделъ. Якожъ Димитра Ивановича познавши его Москва по давныхъ знакахъ царскихъ, былъ корунованъ царемъ вместо отца своего Ивана, царя московского на Москве. А хотяжъ и короновали его, предсе не мели со собою доброе и зуполное згоды. Одна москва приймовала его за царя, а другая не приймовала. Тутъ же промежи ними была сильная и великая незгода и посварокъ, и вельми о немъ штось дивне радили хитре, мудре, скрыте, молчкомъ радили, о чомъ напередъ услышите.

Року Божого нарож. 1606. Тотъ рокъ, зъ ласки Божей, былъ здоровъ, на всемъ добрый, нижли рокъ мокрый. Жито, яри плохи были, а предсе цѣна была, яко въ року 1605 описано. Предные поводки были частые; сеновъ мало было статку. Зъ ласки Божое, было здорово такъ же на люди.

Того жъ року 1606. Димитръ Ивановичъ, будучи ему коронованому царемъ на Москве, не порадившися, ани пытавшися сыновъ боярскихъ, по своей ему воли, по своей мысли пославъ (пословъ) и змовивши панну зацную за себе у пана (пробѣлъ), воеводы сондомирского въ Польщи, якожъ иные послы, змовивши панну, привезли на Москву, и самого сондомирского воеводу, такъ же зъ нимъ много множество добрыхъ, зацныхъ пановъ и паней и па-

нянекъ зацныхъ шляхетныхъ. Якожъ того року 606 было веселье на Москве, и было при томъ веселью литвы, руси и поляковъ-волынцовъ, поведали, яко семъ тысящей выбранцовъ, коштомъ великимъ выбраныхъ, въ злате и сребре, въ жемчугу, въ каменью дорогомъ, ижъ того умъ человеческий сказати не возможетъ. Якожъ по томъ веселью, за колько дней альбо недель москва вся, зобравшися и змовившися межи собою, вночи безъ вѣсти, безпечне грозно вдарили на палацъ самого царя Ивановича и на весь почетъ его, такъ литву, русь и поляки, и на пана сондомирского. Въ тотъ часъ побито отъ москвы много множество почту царя Дмитра Ивановича люду зацного, люду служалого, рыцерского, пановъ зацныхъ шляхетныхъ, такъ же зацныхъ паней, паняновъ. Тимъ всимъ великое насильство, посмеванье, што ихъ злый умыслъ мыслилъ, починили. Плачливе и страшно было слышати о таковой злой пригоде тыхъ людей учтивыхъ. А самого царя Дмитра не ведати, где ся онъ поделъ. Одни поведали убитъ, а другия поведали живъ, утекъ. О томъ нихто на тотъ часъ певное ведомости не мелъ. А самого пана сондомирского не згубили и зъ дочкою его до вязенья посадили. А которыхъ на тотъ часъ пановъ не побили, тыхъ множество люду служалого, яко убогихъ, такъ и богатыхъ, полупивши, шаты добрые зъ нихъ содравши, брони по отнимавши, нагихъ, босыхъ за границу выгнавши, попускали. А то за великие прикрости литовские и насмѣванье польское сталося имъ. Ижъ былъ збудовалъ царь Дмитръ ку воли жоне своей на Москве костелъ польский, и мниши служили службу Божую, а зъ руских церквей великое насмеванье чинили, поповъ московскихъ уруговали, зъ нихъ ся насмевали, мели то собе за великую кривду и великое зелживости своей, не хотячи у царстве своемъ, абы, была вера ляховитинская: бо въ нихъ того отъ вековъ не бывало, ани хотели того во царстве своемъ мети; прето ихъ побили, помордовали и съ царства своего Московского прочъ выгнали, а соби на царство царемъ помазали Щуйского (Шуйского).

Потомъ того жъ року 606 господарь кроль польский Жикгимонтъ третий послалъ гонца своего о томъ до Москвы, пана Яна Кгенсевского. И того тамъ же на Москве посадили, и седелъ тотъ гонецъ много.

Того жъ року 606, месеца июня 5. Почался починати якийся рокошъ. Тамъ же на тотъ рокошъ зъеждчалися пан̂ове рускиe, пруские, жомоитские, мазовецкие, подляские, волынцы, литва, поляки, згола отъ всихъ землей и поветовъ пан̂ове вельможныи, пан̂ове зацные всякихъ веръ, всякихъ языкояъ. И стоялъ тотъ рокошъ у Сондомиру месецей шесть. Як̂ожъ тамъ тотъ край выгубивши, выпаливши, спуст̂опивши, отъ Покривницы две миле, и не учинивши и не постановивши нич̂ого доброго, у восень о Святой Покрове розъехалисе прочъ.

Тотъ рокъ 1606, зъ ласки Божей, добрый былъ; только на фребру было хворыхъ. А збожью была цена: жита мера по гр. 24; овса мера гр. 14; гречихи мера гр. 20; ечмена мера гр. 20.

Той же рокъ 606 вельми дивный былъ, а то въ томъ, ижъ вода все лето такъ была велика, яко праве весне; не только летомъ, но и о запустехъ Филиповыхъ. Разъ упадетъ, потомъ прибудетъ, и зъ береговъ выливалася. Прето сена вельми мало косили.

Року 1607. Тотъ рокъ, зъ ласки Божей, былъ здоровъ на люди; такъ же и врожай збожу середний былъ. Такъ же и цена збожу была: жита чверть гр. 8; пшеница чверть грошей 6; овса чверть грош. 5; гречихи чверть гр. 4.

Нижли того року 607 великая была незгода и замешанье кролю съ панами, пан̂омъ съ кролемъ, зъ рокошанами, великий бунтъ, забитье, кровопролитье, отъ господаря кроля на домы насыланье, шляхте шкоду великую чиненье. Вельми страшно было слышати, альбо тымъ, где се то деяло, видети. Як̂ожъ и конституцыя были выдали релии греческой, а потомъ за великою (негзодою) и дивными справами розорвалося, на томъ такъ не постановилося; только великое забийство, мордерство, кровопролитство поделали рокошаномъ. Як̂ожъ о таковомъ постановенью рокошанскомъ тутъ же въ томъ року 1606 естъ вышей описано.

Въ томъ же року 607 было великое на християне и немилостивое жолнерство, лупежство. По местахъ, по селахъ жолнеры берестейские, жолнеры кгроденские, тые по волости кролевской капщизну брали, а на панскихъ и княжскихъ приставство на подданыхъ вытегали. Къ тому зась особливе жолнеры Лисовского, жолнеры Кгроденского, тые по подданыхъ кролевскихъ и князскихъ,

панскихъ, шляхецкихъ великое и немилостивое приставство альбо стацию по волостяхъ брали, яко збожьемъ, такъ же и пенезьми.

Того жъ року 607, месеца мая, после семои суботы, ишолъ со Шклова и зъ Могилева на Попову Гору якийсь Дмитръ Ивановичъ. Менилъ себе быти онымъ царемъ московскимъ, который первей того Москву взялъ и тамъ же оженився. Бо тотъ Дмитръ Нагий былъ напервей у попа, шкловского именемъ, дети грамоте училъ, школу державъ, а потомъ де Могилева пришолъ, такъ же у священника Өедора Сасиновича никольского у селе дети училъ; а самъ оный Дмитръ Нагий мелъ господу у Могилеве у Терешка, который прóскуры заведалъ при церкви Святаго Миколы, и прихожувалъ до того Терешка часъ немалый, кождому забегаючи, послугуючи. А мелъ на собе оденье плохое: кожухъ плохий, шлыкъ баряный; въ лете въ томъ ходилъ. А коли были почали познавати оного Дмитра Нагого, въ тотъ часъ зъ Могилева на селе Ониско́вича Сидоро́вича ажъ до Пропойска увышолъ. Тамъ же у Пропойску были его поймали, во вязенью седелъ. А потомъ панъ Рагоза, врядникъ чечерский, за ведомостью пана своего его мл. Зеновича, старосту (sic) чечерского, оного Дмитра Нагого на Попову Гору, то естъ за границу московскую, пустилъ, со слугами своими его попровадилъ. А коли приехалъ до москвы, то отъ Поповы Горы, тамъ же его москва, по знакахъ царскихъ и по писаныхъ листахъ, которые онъ, утекаючи зъ Москвы по замкахъ написавши давалъ, черезъ тые уси знаки его познали, ижъ онъ естъ правдивый, певный царь восточный Дмитръ Ивановичъ, праведное солнце. Тутъ же почали радоватися, въ шаты, убіоры коштовные одели. Потомъ конного люду семъ сотъ до него прибегло. Тутъ же почалъ листы писати до Могилева, до Орши, до Мстиславля, Кричева, зо Минска и до всихъ украинныхъ замковъ, абы люде охотные до онаго Дмитра Нагого прибывали, гроши брали его. И заразомъ съ Поповы горы оный Дмитръ Нагий, сей мнимый царь московский, оселъ московский замокъ Стародубъ. Теперъ же почалъ ся людъ гулящий, людъ свовольный; скоро Дмитро, то и молодцы. Якийсь наймитъ зъ Мстиславля до него пришолъ. На тотъ же часъ на Москве царемъ князь Андрей (Василий) Шуйский. Тогды собравши войско Дмитрашъ, и почалъ войну творити

зъ Москвою и зъ княземъ Шуйскимъ. Нижли одны москвичи признавали его царемъ быти и самая Москва и вси большые бояре и иные многая москва, которая первей его добре знала быти царемъ московскимъ; ино дей якийсь воръ московский; а другие поведали быти и называли его такъ: плутъ. И такъ до оного Дмитра Нагого москва писала быти его такимъ — царь воръ, Гриша Отреничъ, рострига. Потомъ зась явился другий царь на Москве, именемъ Недведокъ. Тогъ Недведокъ зъ людомъ немалымъ самъ передался на Москву царю Андрею Шуйскому. Теперъ же почали войска до царя Дмитрия прибывати, войска великие, войска сильные. Отселя зъ Литвы Руцкий зъ ротою, Лисовский, Велемовский Сапега и иныхъ много, а зъ Низу роты великие: князь Вишневецкий зъ ротою, князь Ружинский зъ ротою. Тамъ же волынскихъ, подольскихъ пановъ зацныхъ зъ ротами; а съ Польщи панъ Стадницкий зъ ротами великими. Тамъ же на Москве въ тотъ часъ Богъ ведаетъ, што ся тамъ деяло. Места, замки малые выплендровали. Але подъ столицею все лето стояли, много штурмовъ утратили, не достали. Тамъ же купцы шли многие зъ горелками, иные великую шкоду Москве делали. Хотя купцы, и тые жолнерами себе поведали быти. Якожъ оные жолнере и вси купцы которые тамъ на Москве были, чудно и вельми дивно о царе Дмитрие поведаютъ: якось дивне у войску справуетъ, ижъ дей у ночи не спитъ, только, убравъшися во платье леда каковое, то (слѣдуетъ строкъ на десять пробѣлъ).

Року 1608, летомъ великие и сильные войска ишли на Москву до царя Дмитра, а намъ въ томъ краю сильную, великую шкоду починили у статку, а набольшей у коняхъ. Тыи то ишли жолнере, имена ихъ описаны въ року 607.

Того жъ року 608 разгневанье Божее было: много псовъ устеклыхъ псовалося. Коней и людей много покусали, и померли.

Того жъ року 608 патриарха вселенский киръ Рафаилъ переставился. Того жъ року на местце его былъ посвященъ вселенскимъ патриархомъ именемъ киръ Неофата.

Того жъ року 608 лето было мокрое. Поводки были частые. Мало хто при рекахъ великехъ сена косилъ: бо и до восени поводки великие были.

Того жъ року 608 много детокъ малыхъ зъ воспы померло-(Слѣдуетъ пробѣлъ строкъ на пять).

Король Владиславъ ишолъ подъ Смоленскъ въ року 1633. Шеинъ на тотъ часъ зъ войскомъ великимъ подъ Смоленскомъ былъ и кролю Владиславу поклонился. И делы его, што Смоленскъ добывалъ, королю Владиславу досталися, меновите напервей: 1) Однорожецъ, сажний три и болей; 2) Кгранатъ, сажний четыре; 3) Гладки, сажний три; 4) Кречетъ, сажний три; 5) Волкъ, сажний три; 6) Царь пушка, сажний три и болей; 7) Коваль, сажний три; 8) Юрей, сажний три; 9) Пасынокъ, сажний три и болей. При тыхъ и инших делъ малыхъ припроважено зъ Смоленска числомъ всихъ (на этомъ словѣ рукопись прекрывается, но внизу страницы нарисована киноварью звѣздочка.)

XII.

ПОСОЛЬСТВО ПЕТРА САГАЙДАЧНАГО

къ царю Михаилу Ѳедоровичу.

1620, въ февралѣ.

Днѣпровскіе козаки были извѣстны своимъ единовѣрцамъ, сѣвернорусcамъ, еще въ XVI столѣтіи, какъ „люди дикіе, необузданные, не имѣющіе страха Божія". (Чт. Общ. Ист. и Др. Р. 1863, II, 269). Изъ документа IX мы знаемъ, что они промышляли самозванщиною въ Россіи именно въ этомъ характерѣ. Вторгнувшись въ московскую Сѣверію, они ограбили сдавшійся мнимому Димитрію Черниговъ, прежде чѣмъ самозванецъ успѣлъ вступить въ него, такъ что шляхетные спутники самозванца увидѣли въ городѣ „только порожніе короба передъ домами". (Русск. Ист. Библ. I, 369). Въ 1609 году они воевали въ пользу поляковъ,

по выраженію современника, „аки зли волцы скачуще и яко злiи аспиды шипяху“. (Тамъ же, т. II, осада Железопольской Устюжны). Подвиги самого Сагайдачнаго въ 1618 году описаны, какъ вопіющій разбой, сидѣвшимъ отъ него въ осадѣ жителемъ города Михайлова. (Черн. Губ. Вѣд. 1854, № 33.) Москва разореніе земли своей приписывала всего больше запорожскимъ козакамъ, изъ которыхъ многіе находились въ составѣ лисовчиковъ и донцовъ, какъ это видно изъ помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ документовъ. Въ Москвѣ справедливо смотрѣли на козаковъ Сагайдачнаго, какъ на враговъ Россіи. Вдругъ козаки присылаютъ 15 посланцовъ къ путивльскимъ пограничнымъ воеводамъ и съ ними нѣсколько татарскихъ языковъ, для отправки къ царю. Путивльскіе воеводы, по заведенному порядку, спрашиваютъ у царя, какъ поступить съ козацкими посланцами, но, не дождавшись царскаго указа, отправляютъ ихъ въ Москву. Держать козаковъ съ татарскими языками въ Путивлѣ до царскаго указа воеводы почему то „не смѣли“. Изъ Москвы между тѣмъ указано дать козакамъ царское жалованье отъ себя въ Путивлѣ и отпустить во свояси, удержавъ доставленныхъ ими языковъ; но козаковъ не возможно было вернуть съ дороги. Въ отвѣтъ на донесеніе, что козаки находятся на пути къ Москвѣ, воеводы получили царскій выговоръ, что они „отпустили запорожскихъ черкасъ къ Москвѣ собою, невѣдомо какими обычаи“. Впередъ имъ указано такъ „не глупить, такихъ великихъ дѣлъ не дерзать и своею глупостью царскимъ дѣламъ порухи не чинить“.

Благодаря оплошности воеводъ, мы знаемъ, какъ третировали въ то время на Москвѣ Запорожское Войско. Москвичи думали о козакахъ, какъ о людяхъ дикихъ, и раздражить этихъ дикихъ людей дурнымъ пріемомъ, очевидно, считали они дѣломъ безразсуднымъ. При свиданіи, царскіе бояре давали козацкимъ посланцамъ руку, а въ переговорахъ старались возстановить старинныя отношенія днѣпровской вольницы къ Московскому государству, которое не разъ принимало къ себѣ на службу козацкія дружины, помогало запорожцамъ вооружаться противъ басурманъ и посылало даже своихъ людей вмѣстѣ съ ними для военнаго промысла надъ непріятелями.

Между прочимъ, пребываніемъ „запорожскихъ черкасъ“ въ Москвѣ воспользовались теперь для опредѣленія отношеній этого единовѣрнаго войска къ польскому королю, который былъ извѣстенъ своими стараніями объединить все населеніе королевства посредствомъ церкви. Предложенный козакамъ вопросъ думнаго дьяка Ивана Грамотина: нѣтъ ли какого посяганья на ихъ вѣру? не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ. Слово *вѣра* означало въ то время и религію, и землю. (На прим. въ невольницкой душѣ поется: „Ты, зéмле Турецька, ты, вѣро бусурманська, ты розлуко християнська“!) Но тѣмъ не менѣе для насъ важенъ отвѣтъ козаковъ Сагайдачнаго: что посяганья на нихъ отъ польскаго короля „ни котораго не бывало“.

Козакамъ, стало быть, не было дѣла до того, что̀ происходило въ Бѣлоруссіи, и Грековичъ, намѣстникъ уніятскаго митрополита, утопленъ ими, подъ Выдубицкимъ монастыремъ, не въ качествѣ мстителей за посягательство на православную церковь, а по найму или подговору. Еслибъ раздраженіе монаховъ, священниковъ, мѣщанъ и мелкой украинской шляхты противъ уніятской іерархіи было общимъ чувствомъ козацкаго войска, то представители его въ Москвѣ имѣли хорошій случай заявить себя христіянскими воинами, высказавъ хоть какую нибудь сенсацію въ пользу религіи, гонимой католическимъ правительствомъ. Но козаки, предлагая царю свои услуги, ни единымъ словомъ не намекнули на свое разновѣріе съ королевскимъ правительствомъ, и царь, посылая Конашевичу-Сагайдачному отвѣтную грамоту, игнорируетъ вопросъ о вѣрѣ совершенно; а въ переговорахъ съ царскими сановниками козаки говорятъ единственно о своемъ военномъ ремеслѣ, и даже на прямой вопросъ дьяка Грамотина о религіозмомъ посягательствѣ поляковъ отвѣчаютъ отрицательно. Все это тѣмъ замѣчательнѣе, что въ Москвѣ гостилъ тогда іерусалимскій патріархъ Өеофанъ, который вскорѣ появился въ козацкой Украинѣ и находился подъ охраною козаковъ Сагайдачнаго.

Очевидно, что козаки грабили въ 1592 году Межигорскій монастырь (акты Меж. мон. № 2), помогали въ 1595 году печерскому архимандриту Никифору Туру отнимать у пановъ монастырскія села (Археогр. Сб. I, 200), казнили въ 1618 году уніята

Грековича и чествовали въ 1620-мъ іерусалимскаго патріарха не въ качествѣ корпораціи, а въ качествѣ отдѣльныхъ отрядовъ козацкаго войска, которые можно было поднять и на все доброе, и на все дурное. На примѣръ, въ 1593 году Наливайко съ своею козацкою дружиною сражался противъ запорожцевъ (Tagebuch des Erich Lassota), потомъ предлагалъ свои услуги Сигизмунду III противъ единовѣрныхъ ему охотниковъ до козацкаго промысла (Hr. Boröl-Plater, Zródła do Dz. P.), потомъ сражался противъ короннаго войска вмѣстѣ съ запорожцами, а черезъ восемь лѣтъ побитые подъ Лубнями наливайковцы принялись работать вмѣстѣ съ разгромившею ихъ шляхтою надъ разореніемъ Московскаго государства. Съ такими людьми дьяку Грамотину нечего было говорить въ 1620 году объ интересахъ православія въ южной Руси. Разговоръ оборвался на первыхъ словахъ. Между тѣмъ изъ словъ дьяка Грамотина видно, что вопросъ о южнорусской церкви занималъ московское правительство по старому, какъ и во время Іоанна III. Онъ говорилъ: „Здѣся въ Російскомъ государствѣ слухъ былъ понесся, что польскій Жигимонтъ король учинился съ Турскимъ въ миру, а на вашу вѣру хочетъ наступить, и вы бы про то объявили нынѣ: какъ король польской нынѣ съ Турскимъ и съ папою, съ цесаремъ, и на вашу вѣру отъ нихъ какова посяганья нѣту ль“?

Когда мы вспомнимъ, что патріархъ Ѳеофанъ, на прощаньи съ козаками, далъ имъ наказъ не ходить войною на Москву (чего, впрочемъ, они не исполнили, и въ 1633—1634 году, въ числѣ 15.000 отборнаго войска, помогли Владиславу IV отвоевать у Москвы Сѣверію); когда сообразимъ, что кіевская митрополія была возстановлена Ѳеофаномъ по возвращеніи изъ гостепріимной Москвы; когда примемъ во вниманіе, въ какихъ интимныхъ отношеніяхъ съ царемъ и патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ находился посвященный имъ Іовъ Борецкій,—невольно является вопросъ: не въ Москвѣ ли слѣдуетъ искать почина великому по своимъ послѣдствіямъ дѣлу? Захарія Копинстенскій, въ своей „Палинодіи“, говоритъ, что Ѳеофанъ разсказывалъ въ Кіевѣ о „мудрыхъ людяхъ и православныхъ богословахъ“, находящихся въ Москвѣ. (Списокъ Рум. Музея, листъ 377.) Не этимъ ли мудрымъ людямъ и пра-

вославнымъ богословамъ (которые, по отзыву Ѳеофана, знали и греческій языкъ) слѣдуетъ приписать программу возстановленія православной митрополіи, выполненную въ Кіевѣ подъ эгидою страшнаго столько же варшавянамъ, какъ и москвичамъ, Петра Конашевича Сагайдачнаго?

1.

Пріемъ посланцовъ Сагайдачнаго.

(Лѣта 7128) февраля въ 26 де(нь), въ суботу на масленой (недѣ)ле по государеву цареву і великого князя Михаила Федоровича всеа Русиі указу, были въ посольской палате у дьяковъ у думнова у Івана Грамотина да у Савы Раманчюкова запорожские черкасы Петръ Одинецъ съ товарыщи.

А посылалъ по нихъ на подворье приставъ ихъ, сотникъ Яковъ Бѣсковъ; а черкасы шли въ городъ пѣши.

(А) какъ керкасы были у дьяковъ, и въ то время стояли въ городе стрельцы въ чистомъ платье бесъ пищалей.

И какъ черкасы пошли въ посольскую палату, и посольской думной дьякъ Іванъ Грамотинъ спрашивалъ черкасъ: здорово ли дорогою ѣхали, и нѣтъ ли какие нужи въ кормѣхъ?

И черкасы били челомъ на государеве жалованье на корму, и говорили, что имъ нужи нѣтъ ни которые.

И дьяки говорили черкасомъ: Писали къ царьскому величеству изъ Путивля воеводы, князь Иванъ Борятинскій да (Ни)кита Оладьинъ, что вы приѣхали (къ) государю ото всего Запорожского Войска съ крымскими языки, и путивльские воеводы васъ отпустили сь языки къ царьскому величеству, и они бъ ныне объявили, о чемъ Войско Запорожское прислали ихъ къ царьскому величеству бити челомъ, и гдѣ у нихъ съ крымскими людьми былъ бой, и сколько давно и сколько онѣ поимали языковъ.

И Черкасы Петръ Одинецъ говорили: Прислали ихъ все Запорожское Войско, гетманъ Саадачной съ товарыщи биті челомъ го-

сударю, объявляя свою службу, что онѣ всѣ хотятъ ему великому государю служить головами своими по прежнему, какъ онѣ служили прежнимъ великимъ росиіскимъ государемъ и выхъ государьскихъ повелѣніяхъ были, и на недруговъ ихъ ходили, и крымские улусы громили, а ныне они по тому жъ служатъ великому государю: ходили изъ Запорогъ на крымские улусы, а было ихъ съ 5.000 человѣкъ, и было имъ съ крымскими людьми дѣло по сю сторону Перекопи, подъ самою стѣною; а было татаръ у Перекопи съ 7.000 человѣкъ, а на заставе было ихъ съ 1.000 человѣкъ; и Божиею де милостию и государевымъ счастьемъ татаръ они многихъ побили, и народъ крестьянской многой изъ рукъ татарскихъ высвободили, і съ тою службою и сь языки присланы онѣ къ государю, і въ томъ воленъ Богъ да царьское величество, какъ ихъ пожалуетъ. А татаръ они отдали прежъ того А они вмѣстѣ головами своими хотятъ служить его царьскому величеству и его царьские милости къ себѣ ныне и впередъ искать хотятъ.

И думной диякъ Іванъ Грамотинъ говорилъ черкасомъ: То они дѣлаютъ добро, что они царьские милости къ себѣ ищутъ и служить ему государю хотятъ, и до царьского величества бояръ тѣ ихъ рѣчи, что у нихъ слышитъ, донесетъ; а объ нихъ царьского величества бояре и до царьского величества донесутъ, и что на то будетъ царьского величества повелѣнье, и имъ отвѣтъ на то будетъ.

Думной же диякъ Іванъ Грамотинъ говорилъ черкасомъ, что здѣся въ Росиіскомъ государьстве слухъ былъ понесся, что польской Жигимонтъ король учинился съ Турскимъ въ миру і въ дружбе, а на ихъ вѣру хочетъ наступить, и они бъ про то объявили ныне: какъ король польской ныне съ Турскимъ и съ папою, цесаремъ, и на ихъ вѣру отъ нихъ какова посяганья нѣту ль?

И черкасы говорили: Посяганья на нихъ отъ польского короля ни которово не бывало, а съ Турскимъ въ миру, и на море имъ на Турского людей ходить заступлено изъ Запорогъ, а не съ малыхъ рѣчекъ: съ рѣчекъ имъ, опричъ Запорогъ, ходить не замирено. А про цесаря имъ и про папу ничего невѣдомо, и отъ нихъ тотъ край отдалѣлъ. А на Крымъ имъ ходить не заказано. А на

весну всѣ они по(ѣ)дутъ певне въ Запороги, а царьскому величеству о томъ они всѣ бьютъ челомъ, чтобъ ихъ государь пожаловалъ, якъ своихъ холопей.

А говоря діяки съ черкасы и сказавъ имъ государево жалованье, въ стола мѣсто кормъ, отпустили ихъ на подворье.

2.

Наказъ объ отпускѣ посланцовъ Сагайдачнаго.

Какъ черкасы войдутъ въ полату къ бояромъ, и объявитъ бояръ діакъ Сава Раманчюковъ а молытъ:

Великиі государь царь і великиі князь Михайло Өедоровичъ, всеа Русиі самодержецъ и многихъ государьствъ государь и обладатель, велѣлъ вамъ быти на своемъ государеве дворѣ своего царьского величества у боярина и намѣстника коломенского, у князя Дмитрея Михайловича Пожарского, да у дьяковъ у думного посольского діака Івана Курбатова сына Грамотина да у Савы Романчюкова.

И бояре черкасомъ дадутъ руки, а давъ руки говорити имъ рѣчь:

Одинецъ съ товарыщи!

Пришли есте къ великому государю нашему къ царю і великому князю Михаилу Өодоровичю, всеа Русиі самодержцу, отъ гетмана Петра Саадашного и ото всево Войска Запорожского съ листомъ и съ послугою, съ крымскими языки; а въ листу своемъ къ царьскому величеству гетманъ і все войско писали, что они, памятуючи то, какъ предки ихъ прежнимъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ росиіскимъ повинность всякую чинили и имъ служили, и за свои службы царьское милостивое жалованье себѣ имѣли, такъ же и они царьскому величеству служити готовы противъ всякихъ его царьского величества неприятелей; а ныне были они подъ Перекопью и многихъ бусурманъ побили и живыхъ поимали, и полонъ многой крестьянской вызволили, и того погрому прислали съ вами къ царьскому величеству крымскихъ дву человѣкъ тотаръ. И что писали къ царьскому величеству гетманъ

Петръ і все Запорожское Войско въ своемъ листу, и царьскому величеству то все извѣстно. І великиі государь нашъ царь і великий князь Михайло Өедоровичъ, всеа Русиі самодержецъ, гетмана Петра и все Войско Запорожское за то, что царские милости и жалованья къ себѣ поискали и его царьскому величеству служити хотятъ, похваляетъ, и въ своемъ царьскомъ милостивомъ жалованье гетмана вашего і все Войско Запорожское имѣти хочетъ по тому жъ, какъ и предки его великие государи цари і великие князи росиіские, дѣдъ его царьского величества блаженные памяти великиі государь царь і великиі князь Іванъ Васильевичъ всеа Русиі и дядя его великиі государь царь і великиі князь Өедоръ Івановичъ всеа Русиі прежнихъ запорожскихъ гетмановъ і все Войско Запорожское въ своемъ царьскомъ жалованье держали. А въ томъ бы вамъ не оскорблятца, что есте его царьского величества очей не видали, потому что есте пришли къ Москве предъ постомъ, і въ постъ у великого государя нашего никакие послы инозецы не бываютъ; а ныне царьское величество молитца по святымъ мѣстомъ. І велѣлъ васъ великиі государь нашъ отпустиіь къ себѣ, а съ вами велѣлъ его царьское величество послати своего государьского жалованья къ гетману и ко всему войску деньгами три ста рублевъ, а на отпуске жалуетъ васъ царьское величество своимъ царьскимъ жалованьемъ деньгами и комками, и таѳтами, и сукны, и шапки.

И отпустить на подворье да сказать имъ въ стола мѣста кормъ.

3.

Память о подаркахъ посланцамъ Сагайдачнаго.

Лѣта 7128-го марта въ 10 де(нь), по государеву цареву і великого князя Михаила Өедоровича всеа Русиі указу, память казначѣю Микиѳору Васильевичу Траханиотову да діакомъ Ждану Шипову да Булгаку Милованову. Указалъ государь царь і великиі князь Михайло Өедоровичъ всеа Русиі дати своего государева жалованья черкасомъ запорожскимъ, которые приѣхали ко государю изъ Запорогъ ото всего Запорожского Войска зъ грамотою и крым-

скими іазыки: атаману Петру Одинцу камка добрая да сукно доброе лундышъ, шапка лисья въ четыре рубли; товарыщемъ его лутчимъ семи человѣкомъ по таөтѣ по доброй, по сукну по доброму жъ, по шапке лисье, по полтрете рубли шапка; достальнымъ семи жъ человѣкомъ по сукну по доброму да по шапке лисье, по полутора рубли шапка. И по государеву цареву і великого князя Михайла Өедоровича всеа Русиі указу, казначѣю Микиөору Васильевичю Траханиотову да діакомъ Ждану Шипову да Булгаку Милованову тѣ камки и таөты, и сукна, и шапки лисьи, что дать государева жалованья запорожскимъ черкасомъ, велѣти изготовить, а изготовя прислать въ посольской приказъ къ дьякомъ, къ думному къ Ивану Грамотину да къ Савѣ Раманчюкову.

4.

Царская грамота Петру Конашевичу Сагайдачному.

Божиею милостию отъ великого государя царя і великого князя Михаила Өедоровича, всеа Русиі самодержца и многихъ государствъ государя и обладателя, запорожскихъ черкасъ гетману Петру Конашевичю и атаманомъ, и сотникомъ, і ясауломъ, і всему войску наше государьское милостивое слово. Въ нынешнемъ во 128 году присылали есте къ нашему царьскому величеству ото всего своего войска посланцовъ своихъ Петра Одинца съ товарыщи зъ грамотою, а въ грамоте своей къ нашему царьскому величеству писали есте и рѣчью нашего царьского величества приказнымъ людемъ тѣ ваши посланцы говорили, что вы, памятуючи то, какъ предки ваши запорожские гетманы і все войско прежнимъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ росиіскимъ повинность всякую чинили и имъ служили, а за свои службы отъ нихъ государей милость и жалованье къ себѣ имѣли, въ той же повинности ныне нашему царьскому величеству быти хотите і, за Порогами будучи, службу свою къ намъ оказывати хотите противъ всякихъ неприятелей нашихъ; и ныне ходили есте на татарския улусы и многихъ татаровъ побили і въ полонъ поимали, и того своего полону прислали есте къ намъ съ послан-

цы своими дву татариновъ, и просите того у нашего царьского величества, чтобъ намъ васъ пожаловаті, послуги ваши и тѣхъ полонениковъ велѣти милостиво принять, и пожаловати бъ васъ за ваши службы нашимъ царьскимъ жалованьемъ; а вы і впередъ нашему царьскому величеству прямо і вѣрно служити будете. И мы великиі государь тебя гетмана Петра і все войско за то похваляемъ, что вы нынешние государские милости къ себѣ поискали и службу свою къ намъ великому государю оказуете і вперетъ намъ службу свою и радѣнье хотите оказываті, и языковъ крымскихъ у посланцовъ вашихъ велѣли есмя приняти, а посланцомъ вашимъ велѣли есмя быті у нашихъ бояръ и у приказныхъ людей и посольства ихъ велѣли есмя выслушати милостивно і впередъ васъ въ нашемъ милостивомъ жалованье имѣті хотимъ; и, пожаловавъ посланцовъ вашихъ нашимъ царьскимъ жалованьемъ, велѣли есмя отпустити къ вамъ, а съ ними послали къ вамъ ныне лехкое наше жалованье три ста рублевъ денегъ, а впередъ васъ бъ нашемъ жалованье забвенныхъ не учинимъ, смотря по вашей службе. И ты бъ гетманъ Петръ і все Запорожское Войско наше жалованье приняли; а на крымские улусы ныне васъ не посылаемъ, потому что крымской Джанъ Бекъ Гирѣі царь на наши великие государьства і царевичи і князи и мурзы не ходятъ и людемъ нашимъ шкоты не чинятъ ни которые, а наши люди по томужъ крымскимъ улусомъ шкоты ни которые не дѣлаютъ.

Писанъ въ государьствия нашего дворѣ царьствующего града Москвѣ лѣта 7128-го мѣсяца апрѣля 21 дня.

5.

Царскій выговоръ путивльскимъ воеводамъ.

Отъ царя і великого князя Михайла Ѳедоровича всеа Русиі въ Путивль воеводамъ нашимъ князю Івану Михайловичю Борятинскому да Миките Васильевичю Оладьину. Декабря въ 3 де(нь) писали есте къ намъ, что генваря въ 16 де(нь) приѣхали къ вамъ въ

Путивль запорожскихъ черкасъ посланцы Петръ Одинецъ съ товарыщи пятнатцать человѣкъ, и вы, давъ имъ кормъ и подводы, отпустили ихъ къ намъ къ Москве, а держать ихъ въ Путивле до нашего указу не смѣли. А напередъ сего генваря въ 26 де(нь) вы жъ писали къ намъ съ толмачомъ съ Титкомъ Труѳановымъ, что сказывали вамъ въ вестяхъ рыляне торговые люди и литовские купцы, что Саадачной шлетъ къ намъ ото всево войска черкасъ съ крымскими языкі, и будетъ черкасы въ Путивль съ крымскими языкі придутъ, и вамъ бы объ ихъ отпуске и корму и о подводахъ велѣти намъ указъ учинить. И нашъ указъ посланъ къ вамъ съ рылениномъ съ Яковомъ Смоловымъ генваря въ 28 де(нь), а велено вамъ тѣхъ черкасъ поставить ихъ у себя въ Путивле за острогомъ и, роспрося ихъ и давъ имъ отъ себя наше жалованье, отпустить назадъ, и съ языки къ намъ къ Москве отпускать ихъ не велено. И ныне вы тѣхъ черкасъ отпустили къ намъ, не дождався нашего указу, собою, і вы то учинили невѣдомо какимі.... обычеі мимо дѣла, а писавъ къ намъ объ указе, да не дождався нашего указу, черкасъ отпустили, и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бы впередъ такъ не глупили, безъ нашего указу такихъ великихъ дѣлъ не дерзали и тою своею глупостью (нашимъ царскимъ) дѣламъ порухи не чинили. А только впередъ такъ учнете дѣлать, и вамъ быть отъ насъ въ великой опале.

XIII.

ПИСЬМО КНЯЗЯ ХРИСТОФОРА ЗБАРАЖСКАГО

къ королю

о запорожскихъ козакахъ.

Около 1623 года.

Послѣ Хотинской войны козаки сдѣлались своевольнѣе, нежели когда либо. Смерть Конашевича-Сагайдачнаго, въ 1622 году, развязала имъ руки окончательно. Они варяжничали на морѣ, не обращая никакого вниманія на старанія Польши упрочить миръ съ Турціею, а съ московскимъ царемъ сносились, какъ люди, не зависящіе отъ короля и Рѣчи Посполитой. Въ 1623 году назначена была коммиссія для приведенія козацкаго войска въ такіе размѣры, при которыхъ для правительства было бы возможно внушать имъ страхъ и повиновеніе. Она состояла изъ множества русскихъ землевладѣльцевъ, во главѣ которыхъ стоялъ Ѳома Замойскій. Каждый членъ этой военносудной коммиссіи былъ сопровождаемъ болѣе или менѣе многочисленнымъ почтомъ вооруженныхъ людей съ артиллеріею и походными возами. Всѣ почты вмѣстѣ составляли армію, и во многихъ почтахъ шли противъ непокорныхъ козаковъ козаки наемные. [1]) Предполагалось, что коммиссары соберутся въ назначенное мѣсто съ такими почтами, которые заставятъ козаковъ принять новую регуляцію для Запорожскаго Войска. Коммиссіи поручено было употребить omnes rationes, подъ которыми разумѣлась и ultima ratio, для удержанія козаковъ отъ морского похода и приведенія ихъ въ безопасное для общества состояніе. Но, по словамъ сеймового постановленія 1624 года, эта

[1]) См. роспись wolontaryuszów военносудной коммиссіи, состоявшейся наконецъ въ 1625 году подъ начальствомъ Конецпольскаго, у Нѣмцевича въ VI-мъ томѣ Zbioru Pamiętników o Dawnej Polsce.

коммиссія, przez zatrudnienie spraw Rzeczyrospolitey, do effectu swego przyść nie mogła. Назначена была новая коммиссія, съ присовокупленіемъ пункта о преслѣдованіи той шляхты, которая содѣйствуетъ козацкимъ походамъ своими достатками. Но какъ трудно было выполнить сеймовое постановленіе, видно изъ нижеслѣдующаго письма князя Збаражскаго.

Онъ говоритъ, что на эту службу коммиссары должны ѣхать, какъ на самую опасную и убыточную войну. А надобно было ѣхать, потому что козацкое своевольство, по его словамъ, было для турокъ все равно, что febris pestilentialis, въѣвшаяся въ сердце. Для ея излеченія, готовы они сдѣлать даже самыя убыточныя для себя уступки персамъ и другимъ злѣйшимъ врагамъ своимъ Такимъ образомъ отвратить войну съ Турціею надобно было во что бы то ни стало. Но въ такомъ случаѣ Польшѣ предстояла опасная война съ рабами, bellum servilis, потому что козаки никогда не доходили еще до такого своевольства, какъ въ послѣдніе годы, пренебрегая верховною властью и законами Рѣчи Посполитой, заключая и нарушая союзы съ сосѣдними владѣтелями. Не безъ того (прибавляетъ князь Збаражскій), чтобъ и русскіе попы не надмевали ихъ. Кромѣ численной силы, козаки, по его мнѣнію, выросли отъ явнаго и тайнаго содѣйствія со стороны всей кіевской Украины и Бѣлой Руси. Помогали имъ и королевскіе города, и частью панскіе дома, одни явно, другіе тайно, считая ихъ освободителями отъ притѣсненій, которыя эти дома претерпѣвали отъ своихъ враговъ. Все это (заключаетъ князь Збаражскій) вмѣстѣ съ навыкомъ владѣть оружіемъ, съ военными удачами и неудачами, а также съ пріобрѣтеннымъ ими богатствомъ, внушаетъ разбойникамъ самыя дерзкія надежды.

LIST XCIA J^O MCI PANA KONIUSZEGO KORONNEGO DO KROLA JE^O MCI Z STRONY KOZAKÓW ZAPOROSKICH.

———Racz WKM sam Miłosciwie considerowac to, ze na te posługę, tak trzeba iechac, iako na naywiętszą y naypotęznieyszą woynę, przysposobiwszy się nieiako co do woyny nalezy, a y na zywnosć samą, gdysz zyc z samoszedzkie° (sic) z gromadą ludzy stanąwszy nie-

godzi się y niebespieczno dla kłopotow prawnych, do czego na przygotowanie czasu niemałego potrzeba.——Licentia kozacka iest wielka, ktora woynę Turecką znowu za sobą wiedzie per necessitatem y iest Turkom iako febris pestilentialis w sercu, dla ktorey ulecenia y ratowania się nie bedą, moim, zdaniem drodzy conuenire z Persem y z naywiętszemi nieprzyiacioły swemi cum maximo suo damno. Z grugiey strony imminet Panstwom WKM belli servilis periculum nigdy iawnieysze y podobnieysze, iako tych lat, gdzie spernere poczęli Maiestatem et iura WKM y Rzeczyp. y iako aequales WKM przymierza brac poczęli y wzgardzac z Pany postronnemi——Tę iednak arrogantią dwie rzeczy w nych principaliter zrodili. Perwsza może nostri gentis immoderata incomia laudis po Chocimskiey woynie. Druga, ktora z teyze zawziętosci posła, niezwycząyna ich moc y gromada, takze iustum exercitum, iako to WKM wiedzieo raczysz excedunt plebs praesumptio, złączona cum tanta potentia, czego vczynic nie smieią et quos ausus non meditantur? Nie iest bez tego, zeby ich y Popy, genus sceleste hominum, nie mieli nadymac, y wiele inszych, ale to iest accessorium, iako wiec owe bywa u dostatnich a młodych Paniąt, gdzie wiec czeladz comites pereuntium patrimonimorum wiedzie ich do utraty y zbrodni. Ta moc kozacka nietylko ze w tym zgromadzeniu łotrowskim iest tak mocna, ale nadto ma dwie rzeczy, posłuszenstwo niecnot swych wielkie y favor iawny y pokryiomy ledwo nie wszystkiey Kiiowskiey Ukrainy y Białey Rusi, takze miasta WKM, prywatne domy slacheckie, iedni iawnie, drudzy oculte, propter mecum, fauent et uotis prosequuntur y onych samych liberatores w ucisku swym kładą et non desunt falsis augurys y siebie samych y onych demensniącz obostrzaiąc. Co wsitko auget spem et animos latrorum. A nadto wszytko przystępiło cwiczenie w uzywaniu broni y dział Rycerskich, częstego sczęsia y niesczęsia woiennego z bogactwem pewnie dosc znaczrzym.——

XIV.

СОСТОЯНІЕ ТУРЕЦКОЙ ИМПЕРІИ

ЗАПИСКА, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ КНЯЗЕМЪ ХРИСТОФОРОМЪ ЗБАРАЖСКИМЪ ПОЛЬСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ.

Около 1623 года.

Въ виду того, что войны съ Турціею приписывались поляками козацкимъ вторженіямъ въ турецкія владѣнія, и что колонизація Украины не могла идти быстрѣе по причинѣ татарскихъ набѣговъ, направляемыхъ турками, а не меньше и въ виду того, что татарскій ясыръ былъ живою струею, подкрѣплявшею силы Турціи,—интересно намъ знать этотъ край отъ такого современника-очевидца, какъ просвѣщенный князь Збаражскій, польскій посолъ въ Царьградѣ.

Во II-мъ томѣ „Исторіи Возсоединенія Руси“ представлены мимоходомъ слабыя стороны Турціи, объясняющія возможность успѣховъ козацкихъ на морѣ и сопротивленія Польши войску Османа II на сушѣ. Записка князя Збаражскаго изображаетъ дезорганизацію поработителей Греческой имперіи въ такомъ видѣ, что надобно только дивиться, какъ ничтоженъ былъ духъ современной христіянской Европы, которая не умѣла пользоваться весьма удобнымъ и весьма продолжительнымъ моментомъ для сокрушенія такъ называемаго оттоманскаго могущества.

Князя Збаражскаго прежде всего поразило въ Турціи отсутствіе книжной образованности и аристократическаго начала. Не понималъ онъ, глядя на движеніе турецкой администраціи, какъ могла она справиться съ своимъ дѣломъ безъ этихъ двухъ элементовъ гражданскаго общества. Но намъ представляется дѣло нѣсколько иначе. Еслибъ онъ взглянулъ нашими глазами на ту образованность, которая процвѣтала въ XVI и XVII вѣкѣ въ Польшѣ (см. Ист. Возс. Руси, томъ III, гл. XXIII), то турецкая малограмотность не казалась бы ему столь рѣзкимъ контрастомъ, и, можетъ

быть, онъ поискалъ бы источниковъ умственной энергіи турокъ внѣ тѣхъ жалкихъ рессурсовъ, какіе доставляла Польшѣ схоластическая наука.

Онъ упустилъ изъ виду свободу предпріимчивости, которая въ турецкомъ обществѣ страдала гораздо меньше отъ башей и серальскихъ чиновниковъ, нежели въ Польшѣ отъ панскаго можновладства и отъ того безсудья, на которое самъ же онъ указываетъ въ предыдущемъ документѣ. Смѣсь населенія, происходившая отъ постояннаго притока невольниковъ, усердно обращаемыхъ въ мусульманъ, усиливала энергію турецкой крови, и вмѣстѣ съ тѣмъ не давала составляться традиціоннымъ факціямъ, которыя постоянно дѣлали своимъ игралищемъ польское общество. Это послѣднее обстоятельство замѣтилъ и князь Збаражскій. Онъ описываетъ удивительное для него равнодушіе ренегатовъ къ христіянской вѣрѣ, забывая, что она въ тогдашней католической Европѣ стояла не выше обрядности, и всю силу Турціи приписываетъ пріемышамъ ислама, этимъ *потурнакамъ*, которыхъ наши темные кобзари называютъ, въ своихъ думахъ, *бутурлаками*.

Плѣнныя христіянскія дѣти предназначались въ Турціи для занятія высшихъ должностей, такъ какъ деспотизмъ султана охотнѣе ввѣрялся людямъ безроднымъ. Они воспитывались весьма заботливо, подъ именемъ султанскихъ дѣтей. Это воспитаніе традиціонно основывалось на развитіи въ юныхъ потурнакахъ нравственныхъ силъ и боевого мужества. Каждый юноша долженъ былъ пройти всѣ степени возвышенія по службѣ, чтобы, стоя на вершинѣ власти, имѣть опытность во всемъ, что относится къ обязанностямъ подчиненныхъ. Воздержность отъ всяческихъ излишествъ и строгая субординація служили основаніемъ жизни того мусульманскаго общества, которое проявило столь грозно свое могущество въ столкновеніяхъ съ христіянами. Янчаръ Полякъ, писавшій свои записки около 1500 года, даетъ намъ вѣрное понятіе о томъ, чѣмъ собственно были страшны турецкія войска для войскъ европейскихъ.

Но послѣ султана Солимана I наступилъ въ Турціи почти безпрерывный рядъ султановъ безхарактерныхъ. Государственные должности сдѣлались въ ней не наградою за личныя достоинства

и заслуги, а товаромъ, продававшимся тому, кто дороже заплатитъ. Торговля должностями производилась при посредствѣ любимыхъ женъ султана, которыя составляли себѣ такимъ образомъ богатства и предавались безобразной роскоши среди бѣднѣющей имперіи. Старшіе начальники продавали мѣста по службѣ младшимъ, и дѣло дошло наконецъ до того, что воины начали откупаться отъ походовъ. Все турецкое общество, по словамъ князя Збаражскаго, имѣло видъ купцовъ и ремесленниковъ. Самые янычары переродились подъ вліяніемъ коммерческаго духа, водворившагося въ администраціи. Янычарскіе начальники продавали военныя званія людямъ промышленнымъ, которые покупали ихъ ради янычарскихъ привилегій, для удобнѣйшаго грабежа беззащитныхъ жителей. За преступленія, каравшіяся прежде смертною казнью, стали въ Турціи брать окупъ. Визири, выступая въ походъ, собирали охотнѣе деньги, чѣмъ людей: за извѣстную плату, каждый освобождался ими отъ похода. Въ имперіи появились бунты, которыхъ усмирять было некому. Предводителей мятежа, вмѣсто кары, старались обратить къ послушанію повышеніемъ. По смерти Османа II, послѣдовавшей за позорнымъ для турокъ Хотинскимъ походомъ, монархическая власть ослабѣла больше прежняго, и, какъ она была главнымъ основаніемъ правительственной силы, то безпорядки дошли до послѣдней крайности. Пьянство, публичный развратъ, расточительная роскошь, грабительство, фальшь и обманъ обуяли правовѣрное общество.

Преемникомъ Османа сдѣланъ ни къ чему неспособный идіотъ. Государствомъ правила его мать. Законные наслѣдники султана не подавали никакихъ надеждъ на улучшеніе императорского правительства въ будущемъ. Два только человѣка, по мнѣнію князя Збаражскаго, способны были для опеки и совѣта, великій визирь да начальникъ флота; но одного не любили и боялись, какъ человѣка строгаго, а другой былъ слишкомъ мягокъ для той роли, которую слѣдовало бы ему играть въ управленіи государствомъ.

Къ довершенію дезорганизаціи общества, янычары находились въ непримиримой враждѣ со спахами, населеніе столицы тянуло частію къ однимъ, частію къ другимъ, смотря по имущественнымъ интересамъ. Гдѣ бы ни повстрѣчались внѣ столицы янычаа-

ры со спахами, тотъ часъ убивали, кто кого осилитъ, и каждый хвалился, что „убилъ Османа".

Провинціи относились къ столицѣ изчужа и высказывали свое отчужденіе отъ столичанъ не стѣсняясь: „Пусть они сидятъ тамъ съ своимъ султаномъ; мы не хотимъ ничего знать о нихъ". Нѣкоторыя области перестали присылать установленную дань; другія подняли знамя возстанія. Гражданская война угрожала имперіи, а войска въ распоряженіи правительства было весьма мало.

Янычаръ во всѣхъ турецкихъ владѣніяхъ считалось не больше 40.000, да то—только по числу окладовъ. Самъ Османъ II могъ собрать для похода едва 9.000 янычаръ, существуюшихъ въ дѣйствитедьности. Джегаировъ, называвшихся въ Турціи варварскими полками, считалось 12.000; но они на войну не ходили. Ружья у янычаръ были плохой работы; порохъ весьма дурного качества; военному искусству они вовсе не обучались. Это былъ народъ мелкій и изнѣженный; командиры янычарскіе не имѣли никакой опытности. Сипаевъ или спаховъ считалось гораздо больше въ Турціи, но князь Збаражскій узналъ съ достовѣрностью, что въ войскѣ Османа ихъ не было больше 120 или 130 тысячъ, включая въ то число и другія войска, смѣшанныя со спахами. Эти были вооружены еще хуже, такъ что ружье имѣлъ развѣ тысячный человѣкъ, и то (говоритъ князь Збаражскій) изъ нашихъ ренегатовъ.

Европейскія войска въ Турціи были все-таки выносчивѣе и лучше азіятскихъ. Но тѣ и другія сторонились войны, отговариваясь убожествомъ; азіятцы же, сверхъ того, питали крайнее отвращеціе къ походу въ Европу. Между тѣмъ, безъ азіятскихъ войскъ, сопровождаемыхъ верблюдами и мулами, турки не могли имѣть въ походѣ тѣхъ принадлежностей комфорта, которыя, въ слѣдствіе долговременной привычки, сдѣлались для нихъ необходимыми.

Населеніе турецкихъ владѣній было такъ скудно, что не могло выставить значительной арміи. Въ Азіи считалось у турокъ не болѣе 70.000 семействъ, платившихъ подати; а Европейская Турція была до того пустынна, что путешественники (польскіе послы) въ теченіе сутокъ не встрѣчали деревушки, и часто бывали принуждены ночевать въ полѣ. По этому безлюдью шлялись янычары

да спахи, довершая разореніе края своими разбоями и грабежемъ. Побережья Чернаго моря опустѣли даже независимо отъ козацкихъ набѣговъ. Князь Збаражскій утверждаетъ, какъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію, что Османъ не привелъ подъ Хотинъ больше 150.000 человѣкъ войска, а дезертировъ у него было такъ много, что, по словамъ капуданъ-баши, стоявшаго у переправы, палачи не успѣвали вѣшать пойманныхъ.

Вотъ съ этакимъ то войскомъ вели паны войну, которой, по словамъ ихъ Ѳукидида или Тацита, „ничего подобнаго не сохранила человѣческая память" и т. д. (См. Ист. Возс. Руси, II, 400).

Лошадей, по словамъ князя Збаражскаго, не было во всей Турціи, кромѣ тѣхъ, которыхъ греки, армяне и волохи доставляли туркамъ тайкомъ изъ польскихъ владѣній. На Бѣломъ (Средиземномъ) морѣ турки не въ состояніи были содержать болѣе 50 галеръ, а на Черномъ—больше 20, и то въ самомъ дурномъ состояніи, такъ что ни на одной галерѣ не бывало больше 100 человѣкъ, часто только по 60 и по 70, да и тѣ были затащены въ службу насильно. Никакой науки эти моряки не знали, и даже противъ козацкихъ чаекъ выступали весьма трусливо. Все это были большею частью цыганы, греки и разная вовсе не воинственная сволочь, напущенная въ турецкое войско, путемъ подкуповъ, для коммерческихъ занятій. Приморскіе за́мки снабжены были подобными же гарнизонами, и то въ недостаточномъ количествѣ.

Обработанной земли мало было видать даже и въ окрестностяхъ Царьграда: до того рабочій народъ былъ разоренъ и разогнанъ. Съѣстные припасы доставлялись въ столицу преимущественно Чернымъ моремъ; гораздо меньше—Бѣлымъ. Во время Хотинской экспедиціи, когда флорентинскія и испанскія галеры крейсировали съ другой стороны, въ Царьградѣ былъ голодный моръ, такъ какъ столичане оставались беззаботны на счетъ заготовленія съѣстныхъ припасовъ, полагаясь на свой портъ. При такихъ обстоятельствахъ война съ Польшею, по словамъ князя Збаражскаго, была самою тягостною для турокъ, и миръ съ ними можно было заключить надолго. Только Дунаемъ подвозились въ Турцію съѣстные припасы. Перейдя Дунай, турки должны были углубляться въ голодную пустыню.

Такъ изображаетъ положеніе дѣлъ въ Турціи современникъ, котораго соотечественники вѣчно вопіяли о неизбѣжности турецкой войны изъ за козацкихъ походовъ на море. Не турки были на умѣ у русскопольскихъ землевладѣльцевъ, а козаки. Этотъ анархическій элементъ польскаго общества мѣшалъ ему устроить въ Украинѣ житницу, которая кормила бы хлѣбомъ все государство. Но чтобы подвинуть земскихъ пословъ внутреннихъ воеводствъ къ подавленію козачества общими силами, надо было безпрестанно твердить имъ о турецкой войнѣ. Особенно послѣ Хотинскаго похода перестали турки быть опасными Польшѣ. Скудость военныхъ и съѣстныхъ припасовъ дома, пустынность задунайскихъ странъ, обѣдненіе казны, суровость нашего климата, дознанныя подъ Хотиномъ чрезвычайныя потери, понесенныя войскомъ Османа, недостатокъ воинственности между башами, нищенство воиновъ послѣ бѣдственнаго похода, усилившаяся въ воинскомъ сословіи склонность къ торговлѣ, овладѣвшая высшимъ классомъ страсть къ роскоши, пьянству и притѣсненію беззащитныхъ жителей: все это польскій посолъ изображаетъ въ своей запискѣ съ убѣдительностью наблюдательнаго очевидца. И, не смотря на картину полнаго безсилія и дезорганизаціи еще недавно страшной мусульманской державы, онъ боялся, чтобъ козаки не довели турокъ до рѣшимости вновь предпринять войну, которая, по его собственному разсказу, была для нихъ не мыслима. Козаки представлялись панскому обществу врагами, опаснѣйшими самихъ турокъ, и—при внутреннемъ неустройствѣ Польши—они дѣйствительно были для нея опаснѣе всѣхъ внѣшнихъ враговъ. Послѣ Хотинской войны козаки страшно выросли. Они выросли бы еще больше, въ случаѣ новой войны съ турками. Тогда русскокозацкій элементъ какъ разъ воспреобладалъ бы въ Рѣчи Посполиной надъ польскошляхетскимъ, и Польша, нѣсколькими десятилѣтіями раньше превратилась бы въ „Руину“.

Итакъ турки не были страшны Польшѣ; но польскій политикъ опасался татаръ, которымъ нечѣмъ было жить безъ набѣговъ, и которыхъ набѣги были неотразимы при безпорядочности общественнаго механизма Рѣчи Посполитой. Онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на усиленіе мурзы Кантемира, предводителя бѣлогородской орды, и

на расширеніе его кочевищъ. Онъ опасался, что турки станутъ направлять его въ Польшу, такъ какъ имъ крайне нуженъ былъ татарскій ясыръ. Всѣ почти работы производились у нихъ подданными Рѣчи Посполитой; все море было наполнено ими; жены и лучшая челядь у турокъ происходили не откуда, какъ изъ польскихъ же владѣній. Самыя стада разводились у нихъ не столько дома, сколько получались готовыми изъ польскихъ областей, чрезъ посредство татаръ, которые брали въ Польшѣ скотъ, какъ въ собственныхъ фольваркахъ, не обнажая сабли.

Опасаясь усиленія татарскихъ набѣговъ, князь Збаражскій совѣтуетъ завести соотвѣтственное войско, вмѣсто кварцянаго, которое, по его словамъ, скорѣе можно назвать полкомъ, чѣмъ войскомъ, и обратить всѣ силы не на подавленіе мусульманъ, а на усмиреніе козаковъ, чтобъ они не подняли турокъ на новый походъ своими морскими грабежами. Впрочемъ онъ предвидитъ въ скоромъ времени такой упадокъ Турціи, что тогда останется только нанести ей послѣдній ударъ.

Имѣя въ виду такое призваніе Польши, онъ совѣтуетъ обуздать, но не уничтожать козаковъ, и этимъ даетъ понять, что обузданіе козаковъ было труднѣе ихъ уничтоженія, такъ какъ для перваго требовалось преимущественно мужество гражданское, которымъ въ Польшѣ отличались немногіе, а для послѣдняго нужно было мужество военное, которое поляки явили много разъ, выступая побѣдоносно съ небольшими сравнительно силами противъ многочисленнаго непріятеля, въ томъ числѣ и противъ самихъ козаковъ.

STATUS TERAZNIEYSZY MONARCHIEY TURECKIEY,

iakie subiecta, Siły Ziemskie y Morskie, y czego się spodziewać z tego Przymierza możem.

Było się pewnie czemu zadziwowiać porządkowi y Magnificentiey Monarchey Tyreckiey, biorąć miarę z teraznieyszych czasów, ktore cieniem ledwo są przeszłych, trudno moim zdaniem rzec kto może, aby ich własnych porządkow dostąpić mogł [iako to wiedzieć y widzieć się może w inszych Panstwach]: bo na pismie nic nie maią,

wszytko in obzeruatione et traditione. W samich pomieszaniach rodzaiow y narodow, z roznych części swiata, roznych ięzykow, roznych wiar, gdzie nully splendor Maiorum, ani cognitio parentum, żadne peregrinatie. ani exercitia animi, żadna zupełna sława, ktora ludzie do wszystkiego wzbudza [bo cognomen iest v rzadkiego] per mutatie et metamorphoses fortunae: z ogrodnika, z zapaśnika zaras krol, Monarcha, y z onego znowu ladakto. To rozum wszytek przewyszsza, iż to co w inszych kraiach psuie, tam conseruat: Bo we wszytkich Monarchiach Tyrannici Dominij okolicznych choc iakie podobienstwo z sobą maią, daleko iednak w silu rzeczach diferunt. Przedziwny sąd spraw Bozych vpatrować się muśi, iz on tę Monarchią stworzywszy, inakszą nadewszytkie formą ex contrarijs mnoży y zatrzymywa. Hrzescianie, ktorzyby mieli być innati hostes wiary ludzi Tureckich, iąko swoich Tyranow y occupatorow, ci, zapomniawszy Boga y wiary swoiey, mieszkaiąc y patrzaiąc na kośćioły wiary swey vstawicznie, zapomniawszy przyrodzenia swego: bo własnych Oycow y rodzicow swych dręczą y Tyraniduią. Na Ojczyznę y wolność swoię, w ktorey się porodzili, nie wspomniawszy, duszą y żywotem wszczepiaią się w ich zakon y porządki. I nie Turcy, ale hrzescianie y ich pokolenie, bases ef firmamenta są Imperij y Panowie. Wszytkie Narody w usciech to maią y miewali, ze tak dulcis locus patriae, że nie tylko człowiekowi, ale bydlęciu go trudno zapomnieć. Natalia et Imagines maiores animusz wynoszą; wiara raz poięta rzadko się zapomni. To wszytko tam nie waży: bo adulti y zacnych domow casu wpadszy w niewolą albo też z swoiey woli, wiedząc o wszytkich początkach swoich, są naygorsi y nayzapamiętalszy, y nigdy się y podobienstwem nie wracaią do iakich dobrych zamusłow. W podziwieniu ia ten discurs tylko zostawię, iako y drudzy; ale co mi się mogło dostać wiedzieć y zroznmieć, skąd takie porządki w tey Monarchey były y skąd oraz [iako się nam zda] takie perturbatie się stały.

Dwa stany tylko w Turcech są y były, lubo pod tymi rozne gradus y rozdziały są: ieden Pan, a inszy wszyscy niewolnicy. Tego Pana absolutum Dominiam y od niego iako od Boga Ziemskiego bona et mala pochodziły, ktore ganic w animuszach ludzkich a prima Institutione, nefas et religio. Ten Pan Basis et fundamentum był wszytkiego. Miedzy niewolnikami successiey żadney niemasz, honorow ani

patrimonia bez woli Cesarskiey; dla tego żadne factie, żadne związki nie następuią: bo dziś iutro nie syna swego ale Cesarza będzie miał successora; parem fortunam z kożdym w tym maiąc, w Urodzeniu wywyszszenia niemasz, ani w cnotach niewolniczy syn lepszy, y dla tego też connubia żadne firmamenta, ani związku zadnego nie czynią. Kogo Pan wywyszszy, ten pro tempore splendet; skoro znizy, zaras zgasnie. Ztąd też miedzy niemi przyiazni niepewne, odia y emulatie vstawiczne, ieden na drugiego się mieysce ciśnie, y wszytkie arcana Panu otwiera. Ato nie mnieysza, ze kto in Magistratu, ten roskazuie, y ten in honore zrzucony wszytko traci y nikt go nie obserwuie. Po Dobrodzieystwach y karaniu według woli swoiey, nie mnieysze zatrzymanie y porządkow Panstwa, Institutia y cwiczenie saraiowe było; a s tego wszytkie Magistratus były, ktore zaś, iako Seminaria iakie, przykładem po wszytkiey ziemi były. Wybierano per delectum Syny hrzescianskie, ktorych wedłyg vigorem et ingeniam do roznych operatiy dawano. Tich jednak, ktorych ad seruitia Principum admonować miano, wysoko cwiczono, pisma im iako nagłębsze wykładano, w skrowność, wstrzemieźliwość y obserwantią wszelaką. Tamże i exercitia wszelakie Militaria nie zaniechywali; tym pierszy gradus był; v Cesarza słuzba bliszsza, iako łuk, strzały, szable, buzdygan nosić, potrawy, napoy, balwierstwo, szat chowania etc. Z tych dobrze się im przypatrzywszy, wychodzili na mnieysze vrzędy, iako to być abo Sokolnikiem starszym, abo nad iego psy, nad iego myślistwem, potym na Porucznikowstwu Janczarow, stamtąd na Janczarostwa, potym na Basztwa Azyatyckie, Europskie, gdzie kiedy się dobrze rządzili, dopiero na ostatnie Wezyrstwa, aby się przypatrował postępkom y tak per gradus postępował, az do pirzego, gdzie rzadko był zrzucany, az za iaki wielki exces, y dla tego longus Dominatus ich authoritatem narodow przynosiła, y on sam pomnazaiąc się we wszelaką sławę, splendida też opera y aedificia czinili, ktore wielce Panstwo ozdabiali y pozytki czynili. Pod tym siła się subiecta cwiczyło, Ktore zapodaniem ocasey na iego mieysce następować mogły godnie. Ci też Institutią, ktorą sami mieli, swoie dwory cwiczyli, y tak seminarium kożdego stanu zamnazało się; ieden drugiemu motum do cnot dodawaiąc, y rzadko za dawnych Panow inszą drogą do wielkich stanow przzchodziło. I to chwała była naywiętsza, ze wy-

branieć czerwonych vbiorow aze z saraiu w tym że Saraiu dodawali im siła do apparenciy y do stroiow pochopu, ktore to mieli w sobie, że y Panu splendor byli, y vilec animi ztakiego vrodzenia y roznych pokrzyw tak się wynosiły. Militia zaś taki swoy ordinem miała nieprzerwany, że naprzod, od stroiow począwszy, kozdy swoy miał, iako gradum, tak y sposob, y zaden nie mieszał się do cudzego. Płacy y insze nagrody nie były wielkie. Tywiary, to iest Folwarki, pomierzone, że zaden nad dwie szabli zemi, s ktorey służył, nie trzymał. Ato też nade wszytko, obedientia wielka, y s trzevwością proznowania się strzegli, ale zawsze gdzie woiewali, gdyż to zawsze z ich pożytkiem było. Ten sznur tak pięknie spleciony V iednego mistrzą, to iest v Pana samego, był w ręku. Poki sami tego porządku doglądali, dobrże było, wszytkię strony nie mdlały.

Po Sulimanie ledwo aż nie do tego czasu nastapili Panowie ieden po drugiem ladaiacy y proznuiący, mianowicie Mechmet y Achmet, ktorzy magnitudinem suam admirati, iako to vroslo, y omnibus artibus nie patrzyli. Popsowali naprzod ordinem Magistratus, że nie onym porządkiem dawali bene meritis, ale kto dał więcey pieniędzy, a tego nawiętszą przyczyną byly żony Cesarskie, ktore, maiąc gratią v mężow swoich, za pieniądze promotią czyniły y tym się bogacily. Ci, ktorzy vrzedy knpowali, żeby y sami się vbogacili, y swoie wybrali, te też beneficia, ktore im do rąk przychodziły za pieniądze przedawali, a owi zas podleysi niszszem, tak że ad gradanos milites przyszło, że się y ci wykupowali z powinności, żeby na woynę nie chodzili [iako oni zową] oturakami. Drudzy zaś mieysca na syny swe kupowali, y tak nomen militiae zostało, ad caetero kupcami abo rzemieślnikami barzey pachnęli. Vstał y Delectus Janczarow: bo starszy vrzędnicy Janczarscy za pieniądze mieysca Janczarskie przedawali, ktorzy się wkupowali dla Insotentyi y szarpaniny ludzi vbogich y tey pereminentij, ktorą maią Janczarowie przed inszymi. Miasto wybrancow wsi depactowali, a ci też woleli zkupować na Syny swoie. Nastąpiło za tym łupiestwo częste y wielkie, ktore Panstwo popsowało, także y występki, ktore pierwey gardłem karali, pieniędzmi v swoich starszych odkupowali. Nagrody bene meritiae z Pałacu szły; et potior pars circa vrbunos ostawała; kto co dał, ten wziął, y non merito, ale szczęściem. Zaczym barziey się starał kożdy pograniczny v białey

głowy albo Ewnucha iakiego o łaskę, niż o sławę, albo Hetmana swoiego łaskę. Wezyrowie na woynę idąc barzey pieniądze niż ludzie zbierali, biorąc od zołnierzow okup. I tak w owych, co zostawali w domu, wkradł się luxus stroiow samych siebie y białychgłow, poczęło się piianstwo zawadzać; secuti exemplum y drudzy, o tym barziey niż o woynie myślili. Z takiey choroby prędko się effecty złe pokazały. Naprzod pod Egrem przy oczach Panskick ladaiakie męstwa. Dodomu przyiachawszy, bunty na kochankow Cesarskich, brata teraznieyszego Halil Basze y Podskarbiego, ktorych musiał dać poscinać Cesarz y głowy wyrzucić. Rebellie potym w Asiey małych ludzi, a potym większych Baszow, do ktorych mało contenci y ci, ktorzy się czuli być wzgardzeni za zasłngi swoie, cisnęli się. Skąd wielka desolatio tamtych kraiow nastąpiła. A iż ich znieść nie mogli, rzucili się ad artes, znosząc ich largitiami, daiąc vłafy więtsze, opatrzenia nie po dawnemu y przeglądaiąc ich wszelakie występki. Ztąd Edicta Cesarskie y obseruantia Magistraty ginąć poczęła. A iż za tymi largitiami, a za splondrowaniem kraju, skarbowi dochodow się vmniejszyło, a siła też s tego skarbu wychodziło na stroie Sarayskie, nie częsta ich vłafa dochodziła. Zaczym, kiedy przyszło do wojny [iako mi sam Halilbasza, co w Deosycy woiował, powiedał] pierwey się o vłafy swarzyli, arroganter tractuiąc Hetmani, nim do bitwy przyszło. I to s tego vrosło, że w niedostatku pieniędzy poczęli dawić bogatszych za leda przyczyną; więc y suspicia za ladaiakąścią Panow y zniewaga panowała, za ktorą co znacznieyszych y rzezwieyszych znoszono, y tak siła subiecta wyginęło. Po tych nastąpił barziey feruidus, aniżeli rozumny Pan Osman, rozumieiąc, ze mu wszytkiego dostaie, iako y onym pierszym, ieno seueritatem trzeba, ktorey dziad y ociec iego nie miał, nie słuchaiąc ieno assentatorow, począł starszych znieważać, tych inszych topić o Excessy y chcieć wszytkę militią po tey woynie odmienić. Ta go seueritas non pro tempore do smierci przyprawiła, a onych desperatio, iż widzeli, żeby chleb y żywot stracili. Iż tedy ta wszytka Monarchia na słabym fundamencie iedney samey głowy stała, y na iego Saraiowey szkole, tam za tym fundamentem to wszytko się rozstrząszszy, wraca się ad suum naturale principium, chłopow bez obyczaiow, bez zacnosci zgromadzonych, w Hatłas tylko vbranych, v ktorych iż niemasz rodzaiow, ani familij, splendorow, niemasz

też y tego, żeby miał być respectus na to y reuerentia; tak że poza te osm miesięcy po zabiciu pierwszego ledwie umbra iakaś apparentiy została, zaden ordo nie został w swoiey zacności, ani własności bez Contamminatiey. Nastąpiły miasto cnot wszytkie vitia, pianstwo srogie, wszeteczenstwo otworzyste, luxus, wydzierstwo ,fałsz y obłuda.

To wszytko iest irremediąbile z domu samich Panow: bo teraznieyszy Pan iest po prostu szalony insensatus et inhabilis do wszytkiego, tak że iuż y Matka w nim desperuie, przy ktorey wszytkie rządy. Ale iż sub praetextu przecie Cesarza miedzy ludźmi tak popsowanymi z wielkim strachem to odprawuie, y nie iakoby iaką mądrością abo porządkiem, ale właśnie pieniądzmi, ktorych niestaie, a coraz in apertum szaley Cesarski wychodzi. Proximi successores po niem są cztery: iednemu Muratowi lat 12; drugiemu ośm abo dziewięć, y insi ieszcze mali. Ma ten Murat defecty rożne, mianowicie [a wiem od ieszcze zaprzednieyszego Archatra Araba] iakies drżenie podobne opętaniu, y stąd etiam lucidum interualla rękę iedne suchą. Ma też matkę białogłowę ieszcze młodą y wystawną, prodigam barzo, y ta pewnie akuczkie albo y gorsze rządy bedzie miała. Ten drugi melior snać od tamtego, ale ma miedzy łopatkami pęcherz, ktory in immensum crescit y aetas inconueniens. Miedzy starszemi zaś, ktorzyby do opieki albo rady należeli w Constantinopolu, niemasz ich ieno dway: ieden iest teraznieyszy Wezyr, drugi iest Halilbasza, Capitan Morski. Ten teraznieyszy pierszy pewnie iest człowiek, ale z nim nie wytrwaią: bo się go boią y rządow ego; zrzucać go nie będą, ale zabiią pewnie. Halilbasza poślednieyszy iest et minoris authoritatis w rozumie, y miękki człowiek. On też subterfugit y nie chce tego, nawet Derbiszem chciał zostać. De caetero drudzy żadnego rozumu y żadney authoritatem nie maią; zową ich miedzy sobą bydlęty. W Azyey nieiaki Wafisbasza ma iakiś pogłos, ale snać człowiek zeszły iuż barzo. Jest też y Budynski, lecz ten nieprzyiedzie, iako y sami o nim powiadaią: bo tam dosyć sibi firmavit. Dominium także teras go dopiero było vczyniono Manzułem, ale zołnierze niechcieli go puscić, y tamtego co przyiechał mało nie zabili. De caetero o żadnym niesłychać, ale y miedzy sobą maią te dissidia in vrbe.

Naprzod Janczarowie z Szpahami, nad ktorymi Janczarowie przewodzą w Miescie: bo ich więcey y pieszym łatwie. A owi zaś potem

grożą im, gdzie też więcey Szpahiow. Zacnosć iednak et consilia przy Szpahach się opieraią. Insolentią pewnie sobie pares. Janczarowie miedzy sobą maią też niemnieysze odia: bo do tych starych przymieszano extra delectum 15 tysięcy, ktorychby oni chcieli wyrzucić, y owi też tych. Jest Sarayska factia, do ktorey należą. Iczogłanowie, Bostandziowie, to iest Ogrodnicy, y ta multitudo rzemieśnikow Sarayskich, do klorych się wiążą Hogiowie, Żacy y Seminaristowie, ktorych iest nie mało. Szpahowie zaś maią miedzy sobą fomitem zwady, iż nierowno Tymary trzymaią: chcieliby się chudzi bogatszemi podzielić; druga, iż miedzy sobą maią się sami dzielić duchownymi dobrami y wyderkafowemi, ktora iest kosć twarda do zgryzenia. Extra zaś w Azyi gdziekolwiek Szpah Janczarzyna naydzie, y Janczarzyn Szpaha, tam się zabiiaią, powiedaiąc ieden na dzugiego, iż Osmana zabili. Przeciwko Constantinopolskim odium summum, acż ich morze rozdzieliło y dalekość, powiedaią, żeby Constantinopolscy sobie siedzieli z swoim Cersarzem, a oni o tym wiedzieć niechcą. Z Mysym, z Alkayru dań nie przyszła y nie przyidzie. Arabowie czarni wzięli sobie za wielką krzywdę, iż ich wyrzucono prawie ze wszytkich vrzędow po Osmanie i że ich actemnunt. Safogłu y Manogłu nieiaky iuż tam dali się słyszeć z woyną. Babilon occupowany iest od nieiakiego Bekier Baszy. W Uzrumie tam Habbasza Basza też także, wysiekszy Janczary, vszedł. Naiazd y rozboie wielkie bez przestanku. Tego y w Europie spodzewali: bo się iuż też to zaczynało. Jeśli to zechcą armis hamować, to iuż civile bellum miedzy niemi pewnie. Moc teraznieyszey Monarchey Tureckiey iest w słowie raczey niż w rzeczy. Nalepszą tego probą Osman był, przy ktorym iako przy Panie, wszytkie głowy były y dostatki. To iest rzecz pewna, nieomylna, iż oni kładą sobie mieć czterdziesci tysięcy Janczarow po wszytkich Panstwach, iuż to kładąc z Adzanogłamy y z Jopczycami, y wierzę, że to może być ratione płacey y defraudatiey, ale non in esse: bo Osman, ktoryby był rad z Ziemi woysko wywiodł, niemiał iedno 9 tysięcy. W Azyey mniey Janczarow: bo tam delectum niemasz, więcey w Europie. Zamkow Ugranicznych Węgierskich dla strachu Sąsiedztwa, Cesarza J. Mci nie zwiodą: bo y oni też sami trzymaiąc się zwiczaiow nie poydą, iako y z Osmanem nieszli. Tu zaś około Constantynopola rzadko to widać: bo Zamkow niemasz. W Constantynopolu samym powiedaią o dwudziestu

tysięcy. Ja tego zadnym sposobem nie conceduię nikomu, com widział, y ze wszytkiemi tymi, com ich piérwey wspominał, nie rozumiem, aby ich było osm albo 9 tysięcy. Barbarskich, iako to oni Dzezairem zową, dwanascie tysięcy liczą; ale ci z niemi nigdy na woynę nie chodzą, y teras Basez, ktorego był Cosarz posłał, nie przyięli; przy mnie się wrocili.

Jacy zaś ci chłopi Janczarowie. Naprzod od broni pocznę. Maią Janczarki, ktore niesłychanie targaią, że od gęby nie strzeli, abo musi z ramienia zemknąć. Prochy barzo złe, a nadewszytko ćwiczenia nic a nic; drobiazg wielki; brody długie, ktorych oni iako swiątośći szanuią. Chlopi Jałowici y pieszczeni. Ci zaś co iemi rządzą nullius experientiae ludzie. Jeszcze coś się barzo starych y iuż prawie decresatos zawiia. Nowotny zaden z nich kilku Niedzel, nietylko mięsięcy, na Janczaragstwie nie wytrwa, iako żyw pierwey nie wiedząc co iest woyna. A to teraznieyszy balwierzem był v Osmana, tego iuż odmieniaią; na iego mieysce dadzą iakiego ogrodnika znowu. Szpahowie zaś drugi ordo militiae na wielką liczbę się kładą, ale takem tego pewnie doszedł, że z Nieboszczykiem Osmanem nad sto dwadześcia abo 30 tysięcy nie było, y to rachuiąc nie tylko samych Szpahow, ale y inszych, ktorzy też pod niemi są. Same iednak Szpahiskie vires rozdzielaią się na Europskie y Azyatyckie, y iest ich starszych, ktorych zową Bułuki, siedm. Chorągiew iedna naprzednieysza czerwona, prawą rękę Cesarską trzyma; tam iest y mieysce naresciwsze, y naprzednieyszy zołnierz. Teyże chorągwi kożdy przy swoiey trzcinie ma y proporzec dla vczciwosci y znaku zacnego. Druga Chorągiew żołtą, ktora lewą stronę trzyma, iuż podleyszą, y insze bez miary podłe, y nie są iuż po tych znakach tak zacne. Genera armorum takie są, że się ledwo nie wszyscy chwycili, a mianowicie za Osmana, Dzid; kopiy barzo mało y ladaiakich vżywaią. Sami tylko Albanczykowie y tamta niektora vkraina tey broni vżywa, tak że to de certo constat, iż z Osmanem piąciu tysięcy kopiy więcey nie było. Łukow też zazywaią, ale barzo zrzadka y ladaiakim sposobem; rusznica v tysiącnego, chyba v ktorego z naszych renegatow. Genus to broui Dzid, nie iest sposobne do wstępnego boiu, hyba do harcu: bo trzeba się rozsypką bić, y na lekkich koniech; dla tego też nie zażywaią zbroy, ani Pancerzow. Ewropscy ludzie lepsi niz Azyatyccy y trwalszy na wszytko.

Azyatyccy dostatnieyszy w konie bywali, lecz teraz y to się sniszczyło, y tak sobie woynę vprzykszyli, że Europscy vbostwem się wymawiaią, iakoz iest. Azyatycy nie tylko vbostwem, ale y tym, ze do Europy na woynę iść nie chcą, by ich powiada z skory mieli łupić. Bez bydląt Azyatyckich potęzna Furopska woyna być nie może: bo te Impedimenta ich, ktoremi się iuż barzo obciążyli, wszytkie commodidates y splendory z sobą woząc, wielkiey liczby wielbłądow y mułow potrzebuią, a tych y tam iuż nie dostawa.

Nie może iednak być większy document wielkości woyska y dostatku, iedno z osiadłości Panstw, ktore są wszytkie puste. W Azyey 19 kroć sto tysięcy zapewne familiey było, ktore płaciły Trybut; teraz nad 70 tysięcy coś kładą. Europa wszytka pusta. Ci co iezdzą aż do Budzynia, powiedaią, że gęsto po polach stać muszą nie nalazszy wsi. Tu też od Constantinopola ku Dunais, aż gdzie woyska Cesarskie szły, Dobrydz wszytka pusta, zniesiona. Tedy ku Vryszczykowi, gdzie nie tak daleko zasięgli, nietylko licząc gdziesmy stali, ale gdzie oko mogło zayzrzec, nad 70 Miast, Miasteczek, Wsi nie naliczyliśmy więcey, wielkie y małe licząc. Teraz zaś za tym nierządem extremum excidium przyszło: bo vstawicznie włuczą się Szpahowie, Janczarowie, y kto chce ieno, po prostu kray psuiąc, gdzie hrzescianie mieszkaią, iedząc, piiąc y biorąc, o Insolentiach na żony, na dzieci ich nie wspominaiąc. Przyczyniło się do tego niemniey y powietrze, ktore mniey hrzescianom szkodziło, z łaski Bożey, anizeli Turkom, a gęsto wsi Twieckie prawie zniosło. Nad czarnym morzem zas wszytko to padło, y Excursie na to Kozackie nie pomogły, częscią dla strachow, częścią dla szkod ludzie się ryzykowali. Owo to pewna y nieomylna, że do pułtora kroć sta tysięcy Osman ludzi nie przychodzill, a ludzi iuz tak na głowę zbiwszy, y do tego tak teraz vciekali, że sam kapitan Basza, ktory na przepawie stall, powiadał, iż rąk katom nie stawało wieszaiąc ich. A ieśli s takim Panem rzezwym y młodym nie poszli z łaski y z musu, daleko mniey trzeba się coras spodziewać. Koni prawie wszytka ziemia nie ma: bo stąd w Europie nie widać, y te podiezdki, ktore są [a tych nawięcey] tedy z Polski, za dobrym porządkiem naszym, Grekowie, Ormianie y Wołosza dodaią.

Morskie gaś ich Siły. Białego morza iuż po kilka lat nie mogą

więcey nad 56 Galer armować, a tego roku, mniey się ieszcze spodziewaią, tak ze ledwo coś nad 40 kilka liczą. Na czarne morze nieomylnie 20, kiedy się przesadzą, nie będzie. Te zaś Galery same przez się są ladaiakie; opatrzność barzo licha: bo na żadney galerze, oprocz Capitaniey, niemasz więcey nad sto zołnierzow; gęsto 60 y 70; y ci gwałtem są wrzuceni, lubo na tychże powinnościach siedzą. Miedzy tym stem 50 albo 60 rusznic więcey niemasz. A to na białym morzu; na czarnym ieszcze gorzey. Cwiczenia zaś żadnego, iako y tamci, nie maią, a tak męzni, iz ci ledwo nie na brzegu zdychaią, co przeciwko kozakom maią iść. Owi zaś na białym morzu gęsto to pokazali, ale y tak rok iawnie, że ich 50 Galer z szęścią Honcutiskich bić się nie chcieli, y własnie ledwo od nich nie vciekli. Dzieie się ta vilitas w oboygu tey militiey niepomału też y z tego, iz, chybiwszy onych dawnych zwyczaiow, napuścili miedzy zołnierze siłą Cyganow, Grekow y inszey imbellem multitudinem za pieniądze y fauory. Nie stawa im dołapać robotnikow: bo ci nad brzegiem mieszkaiący Grekowie y insi Narodowie, ktorzy byli powinni do łopat, zniszczeni są od Capitanow Morsckich, od powietrza; drudzy się też powykupowali. Wszytka rzecz była y iest na Niewolnikach Polskich, ktorych barzo siła pomarło, y lud iest słaby na niewczasy morskie.

Pienędzy tez na tak wielkie y srogie wydatki za takim splondrowaniem niedostaie, iako się to łatwie y teraz widzało, iż ledwo iednę galerę naprawić mogli. Zamki wszytkie Morskie są ladaiakiemi ludzmi opatrzone y nie wiele praesidia: bo do tych się cisną albo barzo starzy, albo ci, ktorzy się woyny boią, w ktorych iako mało serca było w polu, takież zostaie y w Zamku. Za opustoszeniem, iakom powiedzał, Zemi, nie wielka też robota y zasiewek koło Constantynopola, zaczym wszytka zywność do Constantynopola tu czarnym morzem biezy; białym barzo nie wiele, chyba z Egyptu, y to nie wiele Ryżu y Jarzyny; ale tego na wszytkich nie stanie. Dało się to widzeć za Osmana, gdze czarne morze było zawarte y Dunay dla tey woyny; a tu tez Florenckie Galery y Hiszpanskie na morzu wałęsały się; był chleb tak drogi, że zdychai od głodu: bo oni żadnych prouisiy niemaią, na Port się spuściwszy.

Pokoy teraznieyszy vczyniony nie wielkie Fundamenta, izby się mogł długo zatrzymać: bo to rzecz iest pewna, iż oni cię gorszey woy-

ny niemaią, iako do Polski, dla zywności, ktorą muszą na grzbietach konskich nosić, a tey trudno dla pustyń wielkich dostać. Więc zywności trzeba nie tylko dla siebie, ale y dla koni: gdyż koń Turecki bez ziarna niewytrwa. W swoiey ziemi niemasz ktorędy wieść, chyba iednym Dunaiem; ale od tego odstąpiwszy, trudny iuż na taką wielkość przewoz. Więc y z swoiey Zemi co maią brać, kiedy niemasz? In priuato mieć y przez Dunay nie mogą. Publicznę zaś Cesarską płacąc, wielkich pieniędzy trzeba. Więc samo powietrze nasze, yle niewczasy, ktorym się oni nie zzwyczaili, dobrą im experientią dały. Niezmierny koszt tey tak dalekiey y sine commoditate woyny na exhaustam gasam y pustą Zemię trafiwszy, retardować musi. Panowie iuż sami nie po temu są y będą. Miedzy Baszami Rycerskich ludzi y chcących woyny niemasz: wolą się teraz o fauory Pałacowe starać dla iawnego zysku bez niebezpieczenstwa. Sami tez zołnierze zvbozeli woyną Chocimską: bo im koni niezmierna rzecz pozdychała; wdali się w kupią, ktora rzecz ocium potrzebuie. Luxus ich y piianstwo niezmierne. Tyra co w Constantinopolu i po miesciech gębować dopusci, ale nie woiować. Owym zaś vkrainnym, ktorzy dalsi od tych seditij, nie zechce się nastawiać nullo praetio, y że iemu pierwey przyidzie na pograniczu zginąć, y dla owego się zastawiwszy pokoiu barziey będzie zyczył; iakoż y tak iest, że Turcy vgraniczni z wiekszą vczciwością Posłow tey Rzeczypospolitey przyimuią, szanuią y pokoiu pragną.

Przeciwne zaś są rzeczy temu pokoiowi. Pirsza rzecz iest kozacy fundament tego wszytkiego, ktorych trzymać bez woyska y tak małą pracą iest to v P. Boga, a nie v ludzi vwaznych podobna. Ci iesli na morze będą chodzić, wzruszą pewnie; lecz y w tym ledwobym im nie vpewnił, że za takiemi rzeczami, ktore powiedzał y ieśli się daley continuować będą, długiey cierpliwości zazyią, żeby znowu wszytkę molem na nas ruszyć mieli. To iednak pewnie będzie, co się bylo teraz iuz za mię nagotowało, ze Tatary spuszczą y tych sąsiad, ktorzy się teraz ozywali: bo, iako w swoich rzeczach opatrzni, nie odepchnęli ich, ale pogłaskali z nadzeią. I ci, wiedząc nasze nieporządki, prędko się spodzewaią, iż wykonaią swoie desiderium. Drugi Impediment, iż miedzy nimi starszych głow rozumnych nie masz, ktorzyby zmiedzy nich za wezyrstwa następowali; ato co test więtsza, żeby mieli byó przyiazni Rptey. Taki człowiek

nierossądny y niechętny, a w tak wielkiey Monarchiey przez takie Instrumenta prędko może co złego vczynić w niegotowośći naszey.

Trzecia iest przyczyna, ktora się zadnymi ratiami znieść nie moze y napewnieysza, Tątarowie. Ci są dwoiacy: iedni są Białogrodzcy, barzo bliscy; Drudzy są pod Carem Perekopskim krymscy. Białogrodzkim roskazuie Kantymir, y nie zniosą go pewnie, az się dobrze assecuruią w tuteyszym pokoiu od kozakow; ale y znieść go pod takie turbacie per ragion destato nie będą mogli aż arte. Ten Kantymir siła pustego pola osadził Nahayskimi Tatarymi, iako sam iest, y zmocnił tę stronę y zmocnia, iż co perwey 5 abo 6 tysięcy było, pewnie dwadześcia będzie. Począł był iuż y w Wołoską ziemię leść, y iesliby taka szarpanina była od kozakow, dopuszczą mu pewnie aż do Dniestru sadzić. Ten Kantymir poiednał się iuz z Carem; zaczym iedne koczowiska y voluntates z sobą maią, y tym pewnie za szarpaninami kozackiemi nam oddawać będą. Ale połozywszy iey kozacy przyczyny niedadzą, oni przecię wytrwać zadnym sposobem nie mogą. Może być ze Kantymir, że Caz y Gałga niepoydzie, ale mutatis nominibus woyska wielkiemi kupami urywać się będą. Edycta teraznieysze Cesarsza Tureckiego iuz były w samym Constantinopolu tak słabe, ze tabaku aby nie pili po vlicach vbronić im niemogł, y są w posmiewisku. Daley ieszcze będą w gorszey wzgardzie. Tym zaś dalszem y postronnym, nie tylko w zniewazeniu, ale w porzuceniu y w zapomnieniu. Necessitas zaś sama, by nawiętsze prawa były, Tatarow przymusi: bo z tego wielka zywność; inaczey by pozdychali. Commoditas zaś sama y facilitas tak mieysca, iako złey opatrzności prędkiego do Turkow zbycia towarow by nalepszego by zepsowała, nie tylko potrzebnego łotra. Niebarzo y Turcy bedą się o to frasować, ani się na ich sprawiedliwość spuszczać: bo y ieszcze co rzekę, że radzi temu bedą: ledwo bez tego żyć mogą y wytrwać; choć de praesenti obiecuią. Wszytkie prawie roboty, wszytko morze pełne są poddanych tey Rptey. Nawet żony y co pięknieysza czeladz niskąd iedno stąd. Kiedy od Tatarow coraz swiezych nie będzie [a tych się vmnieysza przez rozne casus], skąd ratunek y dostatki swoie, ktore z rąk więzniow maią [gdyż tam chłopow v nich niemasz] miec będą? A iżem powiedzał, że pusta zemia y w bydło y w stada, s Polski się to wszytko przez Tatary napełnia. Głosem iuż o tym y sami mowili, ze trudno

bez tego im wytrwać. Vpominaiąc się zaś sprawiedliwości, słowy tylko y barzey zebrząc, iako miseri, niz prosząc, vilipendium tylko coraz więtsze tey Rptey przybywa. A ieslim ia, Posłem od jego K. Mci wielkim będąc, niemogł tego otrzymać, iako to będą mogli otrzymać tłumacze y Gońcowie, ktorych tam mniey będą ważyć? Więc y to niepodobna karać y ile czynić swoiey krwi własney, y tym, od ktorych bogactw y wszelakich swoich deliciy dostawaią. A iż ci Tatarowie iako w swoich własnych folwarkach impuni biorą, szabli niedobywszy, więtszego serca Turkom dodadzą [iakoż y stąd było Osmanowe porwanie na woynę] że y zniewazą nas y sprawiedliwości zadney, tylko słowy zwłaczaiąc, nie vczynią, nie maiąc tego necessitatem: bo to wiedzec kozdemu trzeba, ze Turcy lubo przysięgaią y obiecnią na Boga zywiącego, ktorego wszyscy chwalemy, maią iednak pod tym dwoch Begow, dla ktorych więcey czynią, necessitatem et pecenniam, y inaczey iuż teraz słowa nie trzymaią, że albo trzeba przymusić, albo kupić. Tym tedy to concludnię: ieśli na insze strony hrześcianskie woyna Turecka y Tatarowie się nie obrocą, Wolnego Tureckiego woyska bać się nie trzeba, ale Tatarow y tego com powiedział nie omylnie z tey strony zwyczayney. Z drugiey zaś strony, iesli to do Executiey przyidzie, co iuż postanowiono, żeby Kantymir ze trzydziestu tysięcy Wołochow y Multanow dwa tysiąca ludzie z Budzynia y z Kanyza pod Regimentem Imbraim Basze iednego Pięczuyskiego y Hercogowskiego Baszy szli na pomoc przeciwko Casarzowi Je° Mści. Zaczym, obawiać się trzeba, aby przez Polskę Tatarowie iść niechcieli; ale choćby gdzieindzey przeszli, pewna to iest, wiadomość, iż sedem belli na Słąsku chcą vczynić. A kto tak potężnego Nieprzla na pomoc wzywa, non est in ipsius arbitrio roskazować mu, ani obracać gdzie on chce. Odkryta tedy Polska pewnie ztąd będzie.

Na to się tedy woysko nie spuszczaiąc, gdyż to się iawnie teraz dało znać, iz oni poty fidem trzymaią, poki iem trzeba. Woyska Rptey potrzeba nie kwarcianego, ktore nie woyskiem, ale Pułkiem się raczey zwać może, ale proportionalnego, ktoreby, za Bożą pomocą, iuz rospuszczonym wszelaką niezwagą Tatarom odpor dało, za ktorym Succesem, iesli Pan Bog da, y za ostroznością [ktorej oni teraz sobie nic nie ważą] oniby się zatrzymali, y dalszyby strach w tych, co nas sobie nizacz nie ważą z reputatią tey Rptey, cizby Kozakow in officio

zatrzymali. A sprawiedliwość nieomylnąbyśmy v Turkow odnosili, y Factiy sąsiedzkich byśmy się nie bali, kiedyby, widząc słabość swoię, y mieszaniny widzeli, iż ta Rpta stylum odmieniła, y gotowa iest secundare ich vpadek. Alias to opowiadam y donoszę tak W. K. M. iako y Rptey, iż ieśli nie gorsze, tedy takież znowu calamitates et aerumnae nastąpią.

Zyczę i tego, aby kozacy zatrzymani byli, ale nie zniesieni, żeby nie irritowali Panstw Cosarza Tureckiego: bo to żadnego pożytku nie vczyni, ale gotowali się scitu Reipublicae, gdzieby dalsze miedzy Turkami mieszaniny nastąpiły y zamnożyła się niewykorzeniona swawola miedzy niemi, za ktorą in partes iść muszą mocą potężną za podaniem occazyey na morze, non animo praedandi, ale Pana Boga wziąwszy na pomoc, znosić armatę słabą tę czarnego morza, ktorą znioszszy [co iest rzecz nie podobna, iakom wyżey vkazał], gniazdo wszytkiey potentiey Constantinopole, zdaleka straszne, zbliska słabe, prędkoby et nullo negotio dalibog w ręku ich było. O czym iz nie czas y nie moiey conditiey mowić, obiter to tylko przeymuię, nieomylnie rozumieiąc y widząc, iz P. Bog żadnemu Narodowi nie dał commoditates podobnieyszych do przeyścia samych vitalia tego Panstwa, ieno tey samey Rptey. A za nadzeią iuż tego ostatniego Boga prosic będzem y nieopuszczać się, nie pychą, ani wyniosłością, ale pokorą a męskim sercem zechcem na occazye patrząc być sposobnemi. Tey Rptey Pan Bog tamte kraie obiecall. Czego by się dały większe rationes, ktore się teraz in ipso desiderio niech konczą.

XV.

ТРИ ЧЕЛОБИТНЫЯ ВЪ МОСКВУ

ОТЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ АРХІЕРЕЕВЪ, ВОЗБУДИВШИХЪ ВОПРОСЪ О ПРИСОЕДИНЕНІИ МАЛОРОССІИ КЪ РОССІИ.

1622—1624.

Въ то время, какъ строители Польскаго государства соединяли въ одно цѣлое разноплеменные элементы его, дѣятели иного рода работами тутъ же надъ возсоединеніемъ русскаго міра. Возникшая въ ихъ умахъ великая, по своимъ послѣдствіямъ, мысль вытекала изъ самыхъ простыхъ побужденій. Они желали, чтобы оставалась неприкосновенною церковь, утвердившаяся на Руси много вѣковъ тому назадъ. Они заботились о сохраненіи въ ней апостольскихъ сѣдалищъ своихъ, на которыя были возведены обществомъ вѣрныхъ подъ страхомъ той судьбы, какая постигла первыхъ апостоловъ христіянства. Они, наконецъ, хлопотали объ удовлетвореніи первыхъ житейскихъ потребностей тамъ, гдѣ иновѣрная власть отдала ихъ кусокъ хлѣба отступникамъ. Эти люди составляли убогую и подавленную общину въ виду торжествующихъ папистовъ, которые самымъ убѣдительнымъ аргументомъ достоинства іерархіи своей выставляли ея богатство, ея свѣтскую власть; но ихъ православная идея, опиравшаяся на русскихъ предковъ и старину, оказалась могущественнѣе всѣхъ преимуществъ латинской іерархіи. Отвергнутые высшимъ сословіемъ иноки являются, въ своемъ гоненіи и убожествѣ, прямыми послѣдователями апостоловъ, которые, занимая смиренное положеніе среди римскаго міра, покорили его себѣ въ будущемъ.

Протестъ нашихъ іерарховъ противъ папской власти на древней русской почвѣ оправдался грядущими событіями. Они, можно сказать, были пророками нынѣшняго русскаго единства. Ихъ просительныя посланія къ московскому царю, съ указаніемъ на гонителя южнорусской церкви, Сигизмунда III, слѣдуетъ разсматривать, какъ

историческія свидѣтельства совершившагося уже въ ихъ умахъ присоединенія Малой Россіи къ Великой. Устами этихъ людей говорила та масса, которая не удовлетворялась идеаломъ феодальной республики и въ „восточномъ царѣ“ видѣла власть болѣе для себя симпатичную.

Кажущіеся намъ нынѣ излишними реторическія украшенія, которыми южнорусскіе архіереи обременяли свои славословія московской царственности, въ то время были сладостною для южнорусскаго уха пѣснью. Уже самый актъ восхваленія царя православнаго, среди приверженцевъ или рабовъ папизма, былъ тогда живою струею русской народности, подавляемой польщизною. Въ этихъ восхваленіяхъ высказывался энтузіазмомъ русской идеи, которая въ хранителяхъ нашихъ древнихъ преданій, лицахъ духовныхъ, проявлялась гораздо сознательнѣе, нежели въ какомъ либо иномъ классѣ общества. Притомъ же надобно имѣть въ виду, что московскій царь являлся въ то критическое для кіевской митрополіи время единственною нравственною силою и единственнымъ источникомъ помощи въ ея неравной борьбѣ съ внутренними и внѣшними врагами. Въ архіерейскихъ челобитныхъ выразительно говорится: „не имамы къ кому прибѣгнути: царей и князей и бояръ благочестивыхъ не имамы; *вси* отступницы отъ благочестивой вѣры нашей: едины ляхи, другія уніяты, третіи сынове еретическіе“.

Эти слова повторяютъ приговоръ Іоанна Вишенскаго надъ панами, которые *вси*, въ его глазахъ, были еретиками еще и тогда, когда грозили королю выставить 15 и 20 тысячъ войска на защиту православія. Чтобы согласить съ другими письменными данными столь рѣшительный отзывъ о сословіи, которое продолжало агитировать на сеймахъ въ пользу древней русской вѣры, достаточно принять къ свѣдѣнію, что ни въ одной современной протестаціи и суппликаціи нѣтъ рѣчи объ утвержденіи Борецкаго и его товарищей на ихъ каѳедрахъ. Только петиція, поданная правительству (по свидѣтельству Льва Сапѣги) отъ имени Запорожскаго Войска, слѣдовательно продиктованная самимъ Іовомъ Борецкимъ, ходатайствовала объ этомъ. Паны агитировали въ пользу православія изъ своихъ особенныхъ видовъ (о чемъ бу-

детъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ), игнорируя православныхъ іерарховъ въ ихъ бѣдственномъ положеніи. Какъ члены феодальной республики, они тяготѣли къ ея центру даже и въ своихъ междоусобіяхъ. Отысканіе иного центра политическаго тяготѣнія принадлежитъ панскимъ отверженцамъ.

Первымъ изъ православныхъ южнорусскихъ архіереевъ, возбудившихъ вопросъ о возсоединеніи Руси, былъ Исаія Копинскій, авторъ строго православнаго сочиненія, которое дошло до насъ въ рукописи, подъ заглавіемъ, свидѣтельствующимъ, какъ относилась къ автору его иноческая публика: „Лѣствица духовная по Бозѣ Жительства Христіянского, трудолюбнѣ составлена и въ ползу душевную усердствующимъ и внимающимъ посническому житію написана преподобнымъ отцемъ нашимъ Ісаіемъ Копинскимъ, иже постничествова и безмолвія путь проходя при пещерѣ преподобнаго отца нашего Антонія, иже въ Кіевѣ, послѣ же бывша митрополитомъ того же богоспасаемаго града Кіева“... (Рум. Муз. лит. У, №550). Исаія Копинскій провелъ свою молодость съ 14 лѣтъ въ Антоніевой пещерѣ. Въ 1615 году начальствовалъ въ Богоявленскомъ братствѣ, и по его то внушенію представительница готоваго перейти въ католичество дома пановъ Ложекъ, Анна Гулевичевна, пожертвовала для помѣщенія братской школы нѣсколько зданій и дворъ на Подолѣ. Его стараніями возстановленъ близъ Прилукъ древній Густынскій монастырь, обезпеченъ представительницею другого увлекаемаго въ католичество дома, княгинею Вишневецкою, устроенный имъ Мгарскій Лубенскій монастырь, а равно и новый Ладинскій скитъ, съ тѣмъ чтобы послѣдній былъ женскимъ монастыремъ,а игуменьею въ немъ была сестра Копинскаго, Александра. Онъ же былъ игуменомъ и Межигорскаго монастыря, нуждавшагося въ его строительномъ и дѣятельно-благочестивомъ подвижничествѣ. Изъ игуменовъ Межигорскаго монастыря Исаія Копинскій посвященъ, въ 1620 году, іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ въ епископа перемышльскаго. Но это „владычество“ сдѣлалось давно уже достояніемъ архіереевъ, признавшихъ единство русской церкви съ римскою, или унію. Въ нижеслѣдующемъ посланіи своемъ къ московскому царю Копинскій называетъ православныхъ архіереебъ изгнанными отъ ихъ столицъ епископскихъ;

и дѣйствительно въ Перемышлѣ не нашелъ онъ, среди остатковъ православной паствы, безопаснаго пристанища. Паны Четвертинскіе, Пузины, Тишкевичи дѣятельно отстаивали на сеймахъ греческую религію въ Польшѣ, и не могли охранить ея апостола въ древнемъ русскомъ городѣ отъ противодѣйствія уніятовъ. Какъ члены правительства, они имѣли право шумѣть предъ „лицемъ республики", и какъ члены того же правительства, они опускали руки передъ уніею, возникшею якобы законно. Разлученный съ своею паствою епископъ началъ было жить въ Межигорьѣ; но строгость его правилъ вооружила противъ него братію. На сторонѣ Исаіи оказалоеь только 12 иноковъ. Съ этими аскетическими подражателями 12-ти учениковъ благаго Учителя перешелъ онъ въ убогую Густыню. Въ Ладинскомъ скиту, вмѣстѣ съ послушникомъ Геннадіемъ, выкопалъ онъ своими руками пещеру, построилъ кельи и другія принадлежности. „Тамъ наипаче жительствовати обыче на уединеніи (говоритъ Густынская лѣтопись): не хотяще бо ни въ чесомъ братіи (густынской) отягчати своимъ клиросомъ и самимъ собою". Но, нищенствуя лично, Копинскій находилъ средства строить храмы во всѣхъ трехъ „сѣверскихъ монастыряхъ", о поддержкѣ которыхъ ходатайствовалъ и у московскаго царя.

Челобитная Исаіи Копинскаго выражаетъ, однакожъ, не все, чѣмъ полна была душа его. Посланцамъ своимъ поручилъ онъ объявить путивльскимъ боеводамъ на словахъ, въ качествѣ „экзарха Малой Россіи, земли Кіевской", какъ титулуетъ онъ себя въ своемъ писаніи, о готовности православныхъ признать надъ собою власть московскаго царя. Воеводы донесли объ этомъ царю Михаилу Ѳедоровичу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „...пріѣхали въ Путивль изъ Литовской земли изъ Лубенъ два чорные старца; одинъ сказался чорной попъ Гедіонъ, а другой старецъ Левонтій, и сказали, что послалъ ихъ въ Путивль изъ Лубенъ архіепископъ Исаія Капинской, а въ тайнѣ де велѣлъ намъ въ Путивлѣ сказать, что крестьяномъ отъ поляковъ утѣсненья; поляки де крестьянскую вѣру хотятъ тѣснить вскорѣ, и намъ де отъ ихъ гоненія главы приклонить негдѣ. Отецъ де ихъ епископъ Исаія съ братьею послали его въ Путивль, чтобъ де о томъ отписали воеводы объ указѣ къ тебѣ, великому государю царю и

великому князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи, и ко отцу твоему, къ великому государю къ святѣйшему патріарху Филарету Никитичу московскому и всеа Русіи: поволятъ ли де отцу нашему Исаію со всею братьею отъ гоненья вѣры крестьянскія къ себѣ? А братьи де насъ полторасто человѣкъ; да и всѣ де, государь, православные крестьяне и запорожскіе козаки, какъ имъ отъ поляковъ утѣсненья будетъ, многія хотятъ ѣхать къ тебѣ, государю царю и великому князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи". (Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла малор. св. 1-я, 1622 г.)

Хотя Исаія Копинскій сдѣлалъ этотъ достопамятный наказъ отъ своего имени, но очевидно, что вопросъ о присоединеніи Малороссіи былъ дѣломъ общимъ въ той партіи южнорусскаго духовенства, которая вела свои строгія преданія отъ печерскихъ иноковъ Антонія и Өеодосія. Въ его челобитной говорится о „нѣсколькихъ святительскихъ особахъ, укрывающихся (отъ гоненій) въ маленькомъ кутку, тѣснясь на Украинѣ въ землѣ Кіевской", и всѣ три челобитныя, писанныя въ теченіе полутора года, протестуютъ одинаково противъ иновѣрнаго государя, Сигизмунда III

Второе, по хронологическому порядку, мѣсто въ этомъ протестѣ принадлежитъ Исакію Борисковичу, епископу луцкому и острожскому, такъ же какъ и Исаія Копинскій, вытѣсненному уніятами изъ ослабѣвшей, по милости русскихъ пановъ, православной паствы на Волыни. Борисковичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ представителей православнаго движенія, которые своими симпатіями не были похожи на нашихъ Смотрицкихъ да Саковичей и не имѣли ходу въ панскомъ обществѣ. Подъ конецъ XVI вѣка, когда дѣло церковной уніи зрѣло еще въ умѣ Скарги и Сигизмунда III, Борисковичъ поступилъ послушникомъ въ Печерскую лавру, и здѣсь, подобно многимъ противникамъ западной науки, вдохновился желаніемъ искать религіознаго просвѣщенія въ восточныхъ патріархатахъ. Сперва поступилъ онъ тамъ въ услуженіе къ александрійскому патріарху Мелетію, при которомъ находился около семи лѣтъ. Отъ него принялъ онъ посвященіе въ діаконы, и былъ имъ посыланъ въ Іерусалимъ къ патріарху Софронію; оттуда ѣздилъ въ Антіохію къ патріарху Іоакиму, а по воз-

вращеніи къ Мелетію, засталъ его уже на смертномъ одрѣ и видѣлъ его кончину въ день Воздвиженія Честнаго Креста. Отъ преемника его, Кирилла Кандійца, бывшаго въ послѣдствіи патріархомъ константинопольскимъ, Исакій Борисковичъ посвященъ въ пресвитеры. Потомъ онъ удалился на Святую Гору, какъ называется издревле Аѳонъ, и, проведя тамъ болѣе десяти лѣтъ, явился, подъ конецъ жизни, на родину, для того, какъ объясняетъ онъ въ челобитной къ царю, чтобы видѣть братію свою, бѣдствующую въ ляхійской землѣ, и вмѣстѣ съ нею бѣдствовать за святое благочестіе. Здѣсь имя его встрѣчается намъ впервые въ 1617 году, на 1-мъ листкѣ „Каталога“ новоучреждавшагося луцкаго братства. Исакій былъ поставленъ тогда въ игумены находившагося возлѣ Луцка (на островѣ рѣки Стыри) Чернчицкаго монастыря, на мѣсто схимонаха Григорія Микулича, бывшаго первоначальникомъ того братства. Спустя три года, онъ посвященъ патріархомъ Ѳеофаномъ въ епископы луцкіе и острожскіе; но не могъ оставаться среди ввѣренной ему паствы. Онъ былъ принужденъ отказаться и отъ настоятельства въ Степанскомъ монастырѣ, предоставленномъ ему княземъ Янушемъ Острожскимъ. Такимъ образомъ вѣчный странникъ возвратился въ Украину, откуда былъ родомъ, какъ бы только для того, чтобы православная церковь не пала безъ протеста, безъ вопля, безъ громогласнаго свидѣтельства о своей праведности. Восточные іерархи, каковы бы они ни были подъ игомъ турокъ, вырабатывали у себя людей, способныхъ сносить убожество, въ виду выгодной продажи себя иновѣрцамъ, и подвергаться гоненіямъ, не дѣлая никакой уступки гонителямъ. Нѣсколько такихъ личностей окружало Іова Борецкаго, и сія то апостольская община сохранила на югѣ идею возсоединенія Руси въ самое трудное для южнорусской церкви время.

Епископъ Исакій, въ февралѣ 1625 года, исполнилъ весьма важную функцію, выпавшую въ нашей исторической жизни на долю южнорусскому духовенству: онъ объявилъ московскимъ боярамъ, уже какъ малорусскій посолъ, ту мысль, которую Исаія Копинскій, въ декбрѣ 1622 года, наказалъ сообщить путивльс воеводамъ. (Объ этомъ см. Ист. Возс. Р. Ш, гл. XXVI.) Заявляя

въ челобитной своей, что важнѣйшаго не возможно ввѣрить бумагѣ, Исакій Борисковичъ даетъ намъ понять, что переговоры между представителями южнорусскаго правительства о присоединеніи Малороссіи предварительно шли въ изустныхъ сообщеніяхъ, которыхъ начало восходитъ, можетъ быть, еще къ пребыванію іерусалимскаго патріарха Ѳеофана среди москвичей.

Зная дѣятельныя сношенія Іова Борецкаго со многими лицами въ Москвѣ, куда онъ посылалъ иногда по тринадцати писемъ за однимъ разомъ; зная также, что бумагѣ ввѣрялись имъ только общедоступныя свѣдѣнія, мы не должны думать, что актъ возстановленія въ Кіевѣ православной іерархіи послѣдовалъ внезапно. Съ другой стороны, нельзя предполагать, что московскіе цари, вмѣняя себѣ въ обязанность поддерживать кіевскія святилища по прежнему преданію и обычаю, повиновались только религіозному чувству, тогда какъ ихъ думные бояре при всякомъ важномъ случаѣ именовали Кіевъ отчиною своего государя. Посланцы за милостынею на церковное строеніе, очевидно, были вмѣстѣ съ тѣмъ и дипломаты. Кіевская Лавра, считавшая всѣ украинскіе монастыри своими печерскими обителями, придавала себѣ замѣчательный титулъ *царствующей* Лавры. Не таится ли въ этотъ титулѣ мысль о нераздѣльной русской царственности? Если Москва во времена Грознаго твердила польскимъ посламъ о находящейся въ рукахъ у поляковъ царской отчинѣ, то Кіевъ, представляемый преимущественно своимъ духовенствомъ, какъ метрополія самой Москвы, долженъ былъ, съ своей стороны, желать возврата къ древнему русскому единству. Эпоха Іова Борецкаго была такова, что русская идея должна была или погибнуть въ Кіевѣ, или восторжествовать надъ польскимъ элементомъ. Она восторжествовала; слѣдовательно русскія мнѣнія предшествовали русскимъ поступкамъ, и такой поступокъ, какъ рѣшимость возстановить православную митрополію въ виду уніятской, нельзя иначе разсматривать, какъ результатъ предварительной умственной работы не въ одномъ Кіевѣ, но и въ Москвѣ. Какъ бы то ни было, по Іовъ Борецкій является главнымъ дѣйствующимъ лицемъ по вопросу о соединеніи двухъ частей русскаго міра. Вся его дѣятельность проникнута

этой мыслью. Младшаго сына своего Андрея отправилъ онъ на службу къ царю вмѣстѣ съ племянникомъ, и остался въ Кіевѣ только для того, чтобы удержать за православіемъ свой трудный и опасный постъ до конца. Его челобитная къ царю была предшественницею посольства, которое въ слѣдующемъ 1625 году явилось въ Москвѣ отъ имени людей, наиболѣе страшившихся у себя дома преслѣдованій, — посольства о присоединеніи Малой Россіи къ Великой. Въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сохранился только отвѣтъ царскихъ бояръ на посольскія рѣчи. За утратою бумагъ, относившихся къ знаменитому акту, представляемыя здѣсь три челобитныя являются тѣмъ болѣе важными памятниками тогдашняго русскаго движенія въ Кіевѣ по предуставленному издавна сліянію великой націи во едино.

1.

Благочестивому и христолюбивому великому князю и великому царю восточному, самодержцу Великия Росии, Москвы и иныхъ земель многихъ государю царю, великому светилу росийскому, Михаилу Ѳедоровичю, содержащему скиѳетръ царствия.

Благословения Божия благоденствия, мира, здравия, многолѣтствия державе твоеи от Господа Бога Вседержителя недостойный рабъ твой и бгомолецъ теплейшиі присно желаю.

Исаия Копинский милостию Божиею епискупъ и ехзарха Малои Росии земли Киевскои, рабъ твой и богомолецъ, тебѣ державному великому государю, царю восточному московскому, ниско до земли челомъ бью и со умилениемъ молю твое благородие, просячи о жалованье, о святую милостыню: сотвори намъ убогимъ и зело оскуднымъ богомолцомъ своимъ, понеже не имамы хъ кому прибѣгнути: царей и князей и боляръ благочестивыхъ не имамы. Всѣ отступницы отъ благочестивые вѣры нашей. Едины ляхи, вторыи униаты, третиі сынове еретичестиі. Отовсюду обстоятъ ны скорби и гонение на благочестие наше и церковь сионскую восточную, матку нашу, хотяще ны растерзати аки звѣри дивиі, и аки львы ры-

каютъ на христоименитыхъ людей, хотяще поглотити. И нигдѣ не имамы отъ нихъ упокою, только всѣ мы благочестивыі въ маленькомъ кутку теснимося на Украине въ землѣ Киевской колько насъ особъ святительскихъ благочестивыхъ, которыхъ посветилъ на степень святительства всесвятѣйшиі патриархъ ерусалимскиі кѵръ Ѳеофанъ, который былъ і въ вашеі велицѣй державе.

Сея ради вины ко твоему благородию прибегаемъ и о жалованье просимъ; не имамы ни одкуду инуды жалованя и казны: бо азъ, недостойныі рабъ твой и бгомолецъ, сожительствую на пограничной твоей землѣ, въ державе великого короля польского. Отъ града державы твоея Путивля верстъ пятдесятъ, въ вмѣсте Лубнахъ, на пущі, надъ рекою Сулою новозаложилемъ будовати святую обитель Преображения Господа нашего Іисуса Христа на Мгару. И другую имамъ обитель давныя за градомъ Прилукою Святои Живоначалнои Троицы; зовома Густині. Въ сихъ менованныхъ обителехъ еже о Христе братія иноцы общежительно сожительствуютъ и отъ своихъ трудовъ себѣ снискаютъ потребное, не имуще откуду что восприяти.

И сего ради посылаю ко твоему благородию посланца моего, недостойнаго раба твоего, священноинока Гедиона Слобыну, со послушникомъ монахомъ Леонтиемъ, просячи отъ насъ твоего благолѣпия великого государя царя восточного московского, да сотвориши намъ милостыню Христа ради, якоже рече Писание: блажени, рече, милостивиі, яко тиі помиловани будутъ. Дающаго, рече, рука не оскудѣетъ, но исполненна благодаті. За што язъ, недостоиный рабъ твой епискупъ Исаия, со всею еже о Христѣ братиею моею, причетники церковнымі, схиеромонахи, иеромонахи, иеродьяконы, со старцы и послушникамі монастырскимі, числомъ сто пятдесятъ, за тебя, великого князя и великого государя царя восточново московского, благовѣрные земли державца и прочихъ многихъ земель самодержца, и за твои князи и думные головы сыновъ боярскихъ и прочаго народу христолювиваго державы твоея, всегда повиненъ Господа Бога Вседержителя просить въ молитвахъ і во проскомидиі. И по семъ худоумномъ начертеніі моемъ, со всею еже о Христе братьею моею, тебѣ, благочестивому и христолюбивому царю восточному, раби твои присниі до земли челомъ бьемъ.

Начертана сия грамота въ богоспасаемой обители Мгарской Лу-

бенской Преображения Господа Бога і Спаса нашего Іисуса Христа, въ лѣто отъ созданія миру 7130, а отъ вочлощенія Господа нашего Іисуса Христа 1622, мѣсяца декабря 4 дня.

2.

Всесвятѣйшему и блаженнѣйшему о Христѣ отцу отцемъ, господину господину кѵръ Филарету Божіею милостію патриарху московскому и всея Великои Россіи.

Должное поклоненіе, яко верховънѣйшему пастыру, красные ночи, благовѣствующія намъ миръ благочестія святого восточного, и благая духомъ благоговѣнне облобызаемъ, дивнымъ Божего смотрѣнія таинъствомъ хранимому и на высочемъ апостолъскомъ престолѣ вѣнъчанному, и многими пречистые Матере Божое и угодниковъ его чюдодѣйствіи сіяющему, отъ начла просвѣщенія великимъ спасителъного крещенія свѣтомъ просвѣщшеся, благочестивыми цармы и великими кнезями и святителъми паче солнца чювъственаго сияюще, нынѣ же паче и паче Божія благодать възсия въ державномъ царствіи доброцвѣтущаго скѵптра пресвѣтлаго царя и великого кнезя Михаила Θеодоровича, отъ тебе, свѣтлой зорѣ и отрасли възсиявшей, самодержца всеа Россійстеи земли.

Тѣмъ же, всечестнѣйший отче и пастыру добрый, азъ, смиренный и недостойный, Божіею милостію и молитвами обрадованнои пречистои Богородици, естъ есми смиренный епископъ луцки і острозки православный, възведеный на престолъ епископъский и хиротонѣсаный отъ святѣйшого патриархи іерусалимского Θеофана, въ сіе время обрѣтающийся при освященъныхъ обителехъ печерскихъ купно съ преосвященнымъ митрополитомъ киевскимъ Борецкимъ Іовомъ. Понеже навѣтницы и супостаты и враги креста Христова унѣтове и отступници вѣры святои восточнои съ царемъ ихъ и гонителемъ на благочестіе наше, изгнаша насъ отъ столицъ нашихъ епискъпскихъ и посадиша своихъ законопреступныхъ, и жити намъ въ благочестіи не допускаютъ, крови христіанскіе проливаютъ, церкви Христовы разаряютъ и отдохнути намъ въ благочестіи не допускаютъ, якоже и услышано есть не единою твоимъ святымъ ушамъ

пастырскимъ. Да увѣси же, святѣйшая главо, о моемъ окаянствѣ, жесмися тутъ въ той земли родихъ, ино ученикъ есмъ приснопамятнаго небожчица (sic) святѣйшого Мелетія, патриарха александрийского. Седмъ лѣтъ въ послушаніи ему послужихъ, и діаконский степенъ отъ святою руку его въсприяхъ, и къ святому Іерусалиму отъ него посланъ бѣхъ, и при святомъ Софроніи патріарсѣ едино лѣто сътворихъ, и оттоль взыдохъ въ Антіохію вѣдѣти святѣйшого патриарху Іоакима, и паки възратихся къ приснопамятному Мелетію, и только жива его обрѣтохъ, иже при моихъ очехъ успе на день Въздвиженъя Честного Креста. По семъ приемникъ его бѣ престола апостолъского александрийского Кирилъ Кандийчикъ, съ Кандіи родомъ, иже нынѣ вселенъскимъ патриархою естъ, отъ которого на презвитерский степенъ освященъ бѣхъ, и въ Святей Горѣ пятнадесятъ лѣтъ сотворихъ, и оттоль придохъ съгдядати братію мою, у ляхийской земли бѣдствующую отъ законопреступныхъ унѣтовъ. И съ ними и азъ бѣдствую и гонимъ есмъ за святое благочестіе.

И тако одолѣваютъ намъ законопреступници, и не имѣюще свободного мѣстца, гдѣ жити въ святомъ благочестіи, да не погубимъ въ старости бѣдной трудовъ своихъ, щосмыся мало были потрудили въ молодости лѣтъ своихъ. Теперъ нестерпимые бѣды терпимъ; только радость маемъ, же за святое благочестіе, якожъ отци наши за вѣру умроша, и терпѣніемъ течаху, взираючи на начальника своего Іисуса. А понеже помыслъ свой предъ себе взяхомъ, помощію Христовою и молитвами пресвятыя Богородици, якоже къ второму Іерусалиму, тако къ святому царскому богоспасаемому граду, въ немже живеши, отче, и на томъ святомъ и чюдотворномъ мѣстѣ, аще благословити будетъ святая душа твоя, прославити Бога въ Троици единого желаемъ и твое лице апостолъское, якожъ иногда Мелетіево, любви святое и благословенія сподобитись усердствую, и жалованиемъ парстырскимъ отеческимъ милосерднымъ помилованъ быти и пущенъ свободне въ святый царствуючий градъ съ слезами молю, да не будетъ трудъ нашъ тощъ, и сѣдины наши да не посрамлены будутъ отъ враговъ нашихъ. А нуждънѣйшее потребы, еже ми естъ вручено, не естъ мощно писанъю предати, якожъ свѣдителствуетъ ми книга преосвященъно-

го митрополита нашего Борецкого, господина и отца Іова, аще ти Богъ повелитъ успокоити старость мою жалованьемъ своимъ господскимъ и паки отпустити мя съ миромъ Божіимъ, и пожалованъемъ своимъ къ своимъ людемъ, въжделѣючимъ приходъ мой вскорѣ видѣти отъ твоего святого апостолъского лица, и успокоиши старость мою, да тя упокоитъ царство небесное и лоно Авраамово съ всѣми святыми, аминь. Молитвамъ ся святымъ и благословенію апостолъскому поручаемъ.

Писанъ въ Киевѣ, въ монастыри Святого Золотоверхого Михаила Архистратига. Мѣсяца августа 22, року 1624.

Твоеи святителскои милости зверхнѣйшого пастыря нашего и благодѣтеля недостойный рабъ и бгомолецъ присный Ісакий, смѣренный епископъ луцкий і острозский низко чоломъ биетъ долъ земли.

3.

Пресвѣтлому и благочестивому православному и всеславному превеликому милостію Божіею великому князю Михаилу Θеодоровичу московскому, всея Россійскія земли владателю и самодержцу и многихъ иныхъ государствъ, и царствъ многодержавному цару государу и нообладателю, своему премилостивому владыце и благодѣтелю.

Смиренный и недостойный бгомолецъ Іовъ Борецкий, милостію Божіею архіепоскопъ митрополитъ кіевский и галицкий, твоему пресвѣтлому царскому величеству и Богомъ украшенному образу и богосіятельному лицу смиренія своего нижайший до пресвѣтлыхъ царскихъ стопъ и до самого лица земного поклонъ, съ молитвами къ владыцѣ Христу непрестанными, припадъ, отдаетъ.

Пресвѣтлый и богоукрашенный царю! якоже нѣкогда Иосифъ прекрасный, сынъ патріаршъ, отъ патріархи, смотреніемъ Божиимъ, въ чужду краину братіями своими въ землю Египетскую проданный, господинъ и владыка всему Египту поставленъ о прокормленію въ богопопущенную казнь не токмо Египту, въ немже начальникъ явися, и прочіимъ странамъ и языкомъ, но и самому роду, племени и братіямъ, ими же продася, послѣжде и прелюбезному ро-

дителю не скупъ, токмо не пшеницопродавецъ, но и зѣло щедръ и премилостивъ, и тѣмъ же, имижъ продася, единоотечнымъ братіямъ, предателемъ своимъ, родитель второй и благодѣтель богатъ поставися и о всѣхъ милостивнѣ памятствова и единоутробнаго Веніамина благоутробнѣ съ слезами пріятова: тако и твое пресвѣтлое царское величество, царь отъ царей сый, отрасль и племя великихъ всея Россія самодержцовъ, Божіею волею и его всесильнымъ мановеніемъ не въ чужду заведенъ краину, но свою отъ заведенія свобождаяй землю, десницею Вышнего царскую въспріялъ еси діадиму и Российской великоя державы увѣнчеся венцемъ и облеченъ бысть порфирою, яко да въ первыхъ ратныя отъ твоея державы отчныхъ силою креста ту безъ бѣды сотвориши, таже да благочестивыхъ родъ и церковъ православныхъ въ плузѣ работы въ злочестивыхъ и безбожныхъ агарянъ озлобленіи обретающіися, щедротами ти царскими утѣшити, послѣди же и о насъ, росийскаго ти племени единоутробнымъ людемъ державы ти и твоему самому царскому величеству родомъ плоти и родомъ духа единоя святоя соборноя апостолскія церкве людехъ же и градѣхъ, отъ нихже банею пакибытія въ прародителехъ ти языческую оттрясъ слѣпоту, свѣтомъ богоразумія просвѣтися и въ порожденіи отъ воды и духа сыноположенія даръ пріятъ, глаголю, послѣдиже о святѣй родителници церкви въ насъ обрѣтающейся и о насъ юнѣйшихъ ти братіяхъ, да памятствуеши и хлѣбъ прекормленіемъ щедротами ти милости и промысломъ о свободѣ обою, да родитель тѣмъ благоволеніемъ Божіимъ явишись, о нихже Владыку Христа и твою пресвѣтлую царскую державу смиреніемъ припадающе умильно молимъ, яко да хлѣбомъ державы ти препокоени, возвеличимъ возвеличившаго тя имя Бога нашего.

И сего ради убо, пресвѣтлый царю, сія къ пресвѣтлому твоему и нищелюбивому царству и се о Христѣ братъ и captслужитель смиренія нашего, боголюбезный епископъ луцкій и острозскій, восточного православія рукоположенымъ купно съ нами отъ святѣйшого патріархи іерусалимского, господина и отца Өеофана, странствующаго отъ пресвѣтлое державы ти московскіе господинъ и отецъ Исакіе, желаяй царского ти великого милосердія поиде къ вамъ: понеже здѣ въ державе великого короля польского, государя

Богомъ попущеного надъ нами, умножившеися злочестивои уніятскои отъ апостатовъ церкве святоя восточноя ереси, иже поклонишась тому, емуже никогдаже отцы наши не покланяхуся, и измениша прародительную отеческую восточную вѣру въ латинскую западнюю новотнину и отступиша отъ преданий отецъ святыхъ, и сопротивишася истиннѣ, и всячески гоненіе на православныхъ, не хотящихъ послѣдовати нечистотамъ ихъ, воздвигоша, наипаче же насъ, православныхъ епископовъ, отъ престолъ, отъ мѣстъ и отъ обителей нашихъ изгнаша и до крове на святую православную вѣру въоружишася, олтари Господни осквернища, церкве православные въ латинскую прелесть превратиша и просто рещи—всесилнѣ и королевскою державою мечъ на православныхъ обостриша. Тѣмже мы, помняще реченное: укрийтеся въ малѣ, дондеже мимо идетъ гнѣвъ, се здѣ крыющесь подъ крилѣ христолюбивого воинства черкаскихъ молодцовъ, восхотѣхомъ посещати и великодержавное владычество ти, и молимся преславному царствію твоему, да сподобиши и сего свободна прийти ко своему пресвѣтлому лицу, яко носяща благословеніе отъ святѣйшого престола митрополіи кіевской ірусалимское и мужа въ всемъ вѣрна и тайну царскую могуща сохранити, емуже да ввѣрится пречудная и многомилосердая держава твоя съ всякими щедротами, молюся, и милости Христовы и благословенія пресвятого и живопріемнаго гроба Владычня иж(е), въ Іерусалимѣ, отъ митрополіи кіевской препосылаю, и свое недостоинство съ прилежными молитвами царскои ти памети и благости вручаю.

Зъ обители Архангеловы храма Златоверха въ богоспасаемомъ градѣ Кіеве. Августа въ 24 (день), въ лѣто бытя міра 7135, смотренія же Владычня 1624, индикта 7.

Твоего пресвѣтлаго царского величества всегда рабъ и молитвенникъ Іовъ Борецкій, смиренный митрополитъ киевский, рукою власною.

XVI.

ДОНЕСЕНІЕ ПОДОЛЯНЪ

О ТАТАРСКИХЪ НАБѢГАХЪ.

1624, сентября 7.

Въ 1624 году татары опустошили Подолію, болѣе нежели когда либо, полономъ и пожарами. Удачный набѣгъ заставлялъ ожидать скораго повторенія. Подолія считалась военнымъ шанцемъ, выставленнымъ на постоянныя покушенія хищной орды. Ея жителей Папроцкій изобразилъ, какъ мужественныхъ львовъ, жаждущихъ одной кровавой бесѣды съ невѣрными; но то былъ героическій періодъ Подоліи. Въ то время сабля давала больше доходу, чѣмъ плугъ, и шляхта была тѣми же козаками. Теперь козаки считались уже не „безупречными Геркулесами", а злодѣями. Подольскіе паны защищались отъ татаръ собственными силами, предпочитая имѣть дѣло съ врагами внѣшними. Приходилось имъ, однакожъ, иногда плохо, какъ и въ настоящемъ случаѣ. „Униженно просимъ (писали они къ королю), благоволи возбудить въ себѣ царственный духъ. Пускай вашу королевскую милость такъ узнаетъ язычникъ Татаринъ, какъ узнали Шведъ и Москаль". Потомъ упоминали о двухъ удачныхъ отраженіяхъ татаръ въ томъ же году, подъ Орышковцами и Поплавниками, гдѣ землевладѣльцы помогли коронному гетману разбить соединенные татарскіе силы. просили посадить гарнизонъ въ Каменецъ, эти ворота Короны, отъ которыхъ только въ двухъ миляхъ находится злой и хитрый непріятель, и которые между тѣмъ охраняются лишь нѣсколькими хлопами, вооруженными одними копьями; наконецъ, возлагали надежду на приведеніе козаковъ въ повиновеніе Рѣчи Посполитой.

Документъ этотъ самой нескладностью своею показываетъ, что подоляне занимались больше военнымъ ремесломъ да хозяйствомъ, чѣмъ письменами. Впрочемъ, надобно вообще замѣтить, что даже

знатные паны, какъ Острожскій и Збаражскій, писали попольски такъ нескладно, какъ наши кіевскіе архіереи по русски, и употребляли, сверхъ того, безпорядочную орөографію, какъ это видно изъ помѣщенной выше записки о Турецкой имперіи, даже при тѣхъ поправкахъ въ правописаніи, которыя необходимо было сдѣлать, для внесенія въ документъ большей ясности: разумѣю отдѣленіе предлоговъ и союзовъ, пунктуацію и абзацы.

POSELSTWO WOIEWODSTWA PODOLSKIEGO

przez Vrodzonego Alexandra Trebinskiego, Podzomorzego Lwowskiego po swiezey incursiey Tatarskiey na Podole, w Warszawie odprawowane de dato w Kamiencu 9 Sept. 1624.

Obywatele Woiewodztwa Podolskiego na Electiey Deputata do Kamienca zgromadzone, vtrapione, słuzby y wierne poddanstwo swoie kładą, przez mię pod nogi Maiestatu Waszey Krolewskiey Mci, Pana swego Młciwego.

Na tym szańcu Podole tezaz stawa, Młciwy Naiasnieyszy Krolu Panie moy Młciwy, ze ubiuis tutius aniz w swych własnych kątach osiedzieć się moze. Po tak trzyletnich, dwuletnich y tegorocznych wielkich incursiach, otho wtargnął y teraz Tatarzyn: mieczem, ogniem vmiotł niemal wszytko, plon niezmierny ludzi Chrzescianskich roznego stanu oboiey płci w okrutną niewolę pognał, dobra wszytkie y dostatki Podolskie, stada, bydła, owce, a zgoła wszytkie Wsi y Miasteczka, procz obronnych Miast, zboza tak w gumniech, iako y po polach popaleł, a przy korzysci y obłowie swoim y sławę wielką odniosł, zkąd vpadek y hańba Narodowi naszemu została. Gotuie się znowu sam Chan, nie contentuiąc się plonem, ktorego snadz v niego wielka częsc została: ow wytcnnie, ten pocznie, y tak aliud super aliud cumulabitur fung. Han co daley niebozętom zostaie iako infaelicibus infaelicem codzien wyglądac ostatniego Konca.

Niewiem aby iuz co gorszego mogła kiedy y WKMci y nam Poddanym niefortuna sprawic, iako sprawiła teraz. My bowiem Podolanie, widzi Bog, wierni poddani WKMci, ktorzy nie posledniejszą Panstwa WKMci częscią swych czasow bywalismy, ktorzy w powolnosci

przeciwko WKMci [bespiecznie rzeknę] zadnemu wprzod nie dawalismy, ktorzy do vsługi na wszelką potrzebę WKMci y Rzeczyptey gorący y rączy zawsze bywalismy, teraz Poganstwa praeda facti sumus. Wasza Kr. Mc abys na te funera patriae patrzył, lege fati pszywiedzion do tego być raczysz. Opłakiwamy teraz Bracia swoie, Naiasnieyszy Młciwy Krolu Panie moy Młciwy, popaleucy na swych popieliskach siedząc nie smiercią zdziętych, ale zywych w niewolą wziętych. Załuię y ia tu do Maiestatu WKMci przysłany nie tylko swoim, ale y wszytkiego imieniam Podola. Załuię z mey strony, zem tych, ktorychem miłowął, ktorychem krwią dosiągał, a z nimi y swoiey substantiey tu, ktorą z rodzicow moich miałem y na niem z młodosci robił, oraz pozbił. Załuię Rzptą, ze ona teraz na tych zgubę patrzą, z ktorych wielu stałych y męznych przy dostoieństwie swym czasow wrzawych znała. Załuię ze iednym w starosci zgrzybiałym, drugim w rannieyszym wieku dostało się zywym na zywych przyiaciol swoich otworzyste patrzyć groby. Sczęsliwa tam była smierć pobitych Rodzicow, ze nie patrzyli na sromoty dziatek swoich. Sczęsliwe y dzieci, ktore przed skazą swoią wprzod zaległy groby Oycow swoich.

Znamy to, Naiasniepszy Młciwy Krolu Panie nasz Młciwy, ze Państwa tego y Korony tey zacney rationes tak swiątobliwie administrowac raczysz, ze od wszytkich za tak pobozny regiment słusznie wieczna y miła pamięć ma być zawsze oddawana; znamy y to, ze ani periculo nie zwykłes nigdy parcere proprio dla nas Poddanych swoich. Teraz beneficia pacis, za sczęsliwym panowaniem WKMci nam dane, są wydarta. Teraz Maiestat WKMci w nas przez Poganstwo iest zganbiony. Unizenie prosim, racz wzbudzić on animusz swoy krolewski w sobie. Niech Waszą Krol. Mc takiego ten Poganin vzna, iakicy Szwed vznał, Moskwicin doswiadczył y ten sam Bisurmaniec na sobie wiele razow odniosł. O to my vpadamy v nog Maiestatu WKMci, Pana naszego Młciwego, vnizenie prosząc, racz nam Bracią naszę, nas zas Braciey miłey za czułoscią przywrocic twoią. Racz substancie, fortuny nasze, nas samych, Oyczyznę miłą w opatrznosci zachowac swoiey. Dzis radziszli WK.Mc o nas, nadzieię bierzem, esli nie vpadek inz ostatni czuiem.

Nie stracili iescze serca Podolanie MNKPMM. aby temu nieprzyia-

cielowi odporu dac nie mieli. Doznał tego ten Pohaniec w tym roku pod Oryszkowcami, gdzie, za błogosławienstwem Panskim, znaczną odniosszy klęskę, sromotnie z Panstwa WKMci vstępować musiał. Doznał y pod Popławnikami, gdy tenze Tyran, wszytkimi siłami nadprzysięgę swą wtargnąwszy, za sczęsciem WKMci, czuynością dzielnego Hetmana waleczną, ręką rycerstwa Koronnego, a wstrętem nas Obywatelow tamecznych, z wielką szkodą swą y wstydem odszedł. Jest siła męzow, ktorzy y tu y owdzie probowali sczęscia swego. Czas biezy, niemasz czym, o czym, w czym y na czym. Instantia fata łatwie WKMc Pan moy Młciwy odeymiesz, iesli Kamieniec, ktory wrotami Korony być mienią, iuzto praesidio armabis, y iezdnych na nim dla strazey potwierdzić raczysz: bo, maiąc tak iadowitego y chytrego we dwu milach Niepszyiaciela bez strazey, obawiać się potrzeba, aby do wielkiego niebezpieczenstwa tego tam mieysca nie przywiodł. Nie idzie to Bramy otwierać tylko kilka chłopow z osczepamy, a pod bramą y miedzy skałami co wiedziec kto stoi. Jesli y Podole samo Zołnierzem w porządku naylepszem tamecznych Rethmistrzew opatrzone zostanie, Jesli wybrancy z dobr WKMci y Zaporoscy au(tori)thate Regia do Posłuszenstwa przywiedzieni będą: Gdyz za takim wsi, Miasteczek, Miast popaleniem, ludzi y Maietnosci tak wielu pobraniem, nie iest rzecz podobna, aby sami Podolanie bez ratunku WKMci wydołac mogli. Psuie Tatarzyn ogniem, kazi szablą, pustoszy zawisny sąsiad rozboiem, szkodzi nasyłaniem złodzieystwa, niszczy czatą woienną, większych znadz lada kiedy zechce sprobowac zamysłow. To ia tedy zlecenie maiąc od opłakaney Braciey moiey, odnoszę przed Maiastat WKMci, Pana mego Młciwego, vnizenie prasząc, a dla Boga prosząc, abys WKMc iako Pan y Opiekun nasz, od Boga nam dany, o nas Młciwie wiedzieć raczył.

XVII.

УНИВЕРСАЛЪ СИГИЗМУНДА III,

ИЗОБРАЖАЮЩІЙ ПОЛОЖЕНІЕ ДѢЛЪ ВЪ 1624 ГОДУ.

Это былъ годъ первой послѣ Наливайка кровавой борьбы шляхты съ козаками, которыхъ, по смерти Конашевича-Сагайдачнаго, некому было удерживать отъ междоусобной войны. Положеніе Польши сдѣлалось затруднительнѣе прежняго. Король проситъ пановъ о созваніи сейма, не смотря на повѣтріе, такъ какъ почти всѣ Инфлянты утрачены и непріятель осадилъ наслѣдственный замокъ литовского полевого гетмана. W takim Rzptey od postronnych nieprzyiaciol niebespieczenstwie (пишетъ онъ въ своемъ универсалѣ) w takim domowych spraw zatrudnieniu, w tak wyuzdaney sweywoli Vkrainney zawzięciu, przychodzi nam dc summa rei radę brac przed się.... Еще на прошломъ сеймѣ объявляли мы (продолжаетъ король), iakie od pogan, za rozdraznieniem ich częstymi y gwałtownymi kozackiemi naiazdy, wisi niebespieczenstwo, czego się było od Gustawa sudermanskiego Xzcia w takiey naszey niegotowosci spodziewac, do czego domowa y vkrainna swawola przysć miała. По милости Божіей, смежныя съ поганствомъ земли отдохнули, благословилъ онъ отвагу обывателей съ горстью людей, поддержанную полевымъ гетманомъ, такъ, что хитрый поганинъ въ настоящемъ году не достигъ своего намѣренія, хоть и былъ наготовѣ у самихъ границъ съ великою силою. Почему мы могли поручить полевому гетману и другимъ лицамъ усмирить украинскую вольницу. Какой будетъ успѣхъ, вскорѣ увидимъ. Juz ta tam swawola gurę bardzo wzniosła: nie dosyc na tym, ze vstawicz nemi ziemią i morzem panstw Tureckich naiazdy, tak potęznego nieprzlla irritowali, teraz iusz do tego przyszło, ze z przyległymi sąsiady taiemnie się znoszą, vpominki od nich biorą, pacta y przymierza z nimi ku szkodzie y niebespieczenstwu Rzptey zawieraią, spiski y coniuratiae między sobą czynią. Nie zahamowały ich sro-

gie zakazania nasze, aby Panstw Tureckich nie infestowali; dwakroc w tym roku na morze swoią armatą wywiodszy y szkody niezmierne poczyniwszy, do tego rzeczy przywiedli, ze woyny od Pogan mało iuz pewni bydz niemozemy.

Этотъ документъ выписанъ только въ существенныхъ частяхъ своихъ. Онъ имѣетъ тѣсную связь съ слѣдующимъ XVIII-мъ документомъ, который восполняетъ все, что мною въ немъ опущено.

XVIII.

ПЕРЕПИСКА ОБЪ АЛЕКСАНДРѢ АХІѢ,

ПРЕТЕНДЕНТѢ НА ЦАРЕГРАДСКІЙ ПРЕСТОЛЪ.

1625—1626.

Послѣ убіенія, въ ноябрѣ 1623 года, Іосафата Кунцевича, уніятскаго архіепискова, дѣло православія въ южной Руси находилось въ самомъ критическомъ положеніи. Королевская партія называла нашихъ іерарховъ genus scelestе hominum, и въ своихъ совѣщаніяхъ изыскивала средства, какъ бы положить конецъ существованію зловредной схизмы въ королевствѣ. Болѣе удобнаго къ тому случая не представлялось, по видимому, никогда, такъ какъ мятежи бѣлорусскихъ муиципій противъ уніятскаго архіепископа завершились кровавымъ бунтомъ витебскихъ мѣщанъ и дали католическому правительству возможность сдѣлать унію обязательною для всѣхъ королевскихъ городовъ въ Бѣлоруссіи. Волынь и Червонная Русь еще прежде поддались дѣйствію католической и уніятской пропаганды безъ особеннаго упорства. Только Кіевская земля по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, или собственно такъ называемая Украина, служила убѣжищемъ ставленникамъ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана. Церковной казуистикѣ, которую іезуиты ввели въ трибуналы, тѣсня легальнымъ способомъ православіе, было не трудно доказать, что это—противозаконная секта, вредоносная для общественнаго благоустройства.

Такъ думали въ Римѣ; такъ думали въ королевсвой радѣ, составлявшей факторію Рима; такъ думали, за весьма рѣдкими исключеніями, всѣ католики въ Польшѣ, находившіеся, можно сказать, отъ самихъ пеленокъ подъ вліяніемъ блюстителей общественнаго просвѣщенія—іезуитовъ. Вообще польское правительство, представляемое королевскою радою, и общественное мнѣніе, руководимое католическимъ духовенствомъ, держались того принципа, что, послѣ синода 1596 года въ городѣ Берестѣ, на всемъ пространствѣ Рѣчи Посполитой не существуетъ церкви, не подвластной римскому папѣ. Даже благоразумные и умѣренные представители польскаго католицизма, признававшіе законность православія въ принципѣ—а такихъ было весьма мало,—смотрѣли на его духевенство, какъ на собраніе грубыхъ, невѣжественныхъ людей, и отъ души желали ему перерожденія въ болѣе облагороженную корпорацію, подъ руководствомъ благовоспитанныхъ, набожныхъ базиліянъ и заправлявшихъ умственнымъ движеніемъ въ Польшѣ іезуитовъ.

При такомъ состояніи мнѣній въ польскомъ обществѣ, стоило бы только Сигизмунду III сдѣлать еще одинъ шагъ въ пользу папизма на Руси, и православная церковь перестала бы существовать въ Кіевской землѣ. Однакожъ этотъ послѣдній шагъ не былъ и не могъ быть сдѣланъ.

Двѣ совершенно различныя причины связывали руки королевской партіи. Въ Литвѣ могущественный князь Христофоръ Радивилъ, за котораго держались православные со временъ Брестскаго синода, продолжалъ ослабѣвшее, но все еще вліятельное, дѣло протестантизма. Въ Украинѣ козаки Сагайдачнаго дорожили существованіемъ возстановленной имъ митрополіи. Польскій протестантизмъ, по духу своего ученія, отвергалъ православное исповѣданіе такъ точно, какъ и латинство, но ему было необходимо для собственнаго спасенія поддерживать непримиримыхъ противниковъ римскаго папы. Что касается до козаковъ, то монастырскія имущества терпѣли отъ нихъ не меньше притѣсненій, какъ и отъ иновѣрцевъ; но иновѣрцы знали, что козаки не дадутъ уніятамъ овладѣть Печерскою или иною кіевскою обителью такъ просто, какъ они овладѣвали, въ силу королевскаго пожалованья, припи-

санными къ монастырямъ землями. Чтобы уніятскій митрополитъ могъ войти хозяиномъ въ одинъ изъ кіевскихъ монастырей, для этого королевской грамоты было недостаточно. Одни монахи не впустили бы его къ себѣ безъ боя. Король долженъ былъ бы послать цѣлое войско для приведенія своего пожалованія въ дѣйствіе. Но тутъ онъ, независимо отъ другихъ препятствій, встрѣтилъ бы въ посольской избѣ оппозицію со стороны диссидентскихъ и схисматическихъ депутатовъ; а дессиденты и схизматики, въ борьбѣ съ поднявшеюся при Сигизмундѣ III партіею католическою, всегда держались за руки. И паны протестанты, и паны православные охотно давали свои голоса въ пользу войны съ козаками; но дозволить королю распорядиться войскомъ для уничтоженія православныхъ святилищъ значило бы дѣйствовать въ ущербъ собственнымъ интересамъ. Православіе, говоря вообще, не пользовалось уваженіемъ протестантовъ, ни какъ вѣра, ни какъ общественная связь, но оно было имъ нужно, какъ одно изъ могущественныхъ средствъ, которыми они заставляли короля дѣлать себѣ уступки, во первыхъ, въ распредѣленіи королевщинъ и дигнитарствъ, а во вторыхъ, и въ ревности къ исключительному господству католичества.

Отъ этого мы находимъ православнаго митрополита Іова Борецкаго въ загадочномъ, на поверхностный взглядъ, положеніи. Православная шляхта, въ своихъ манифестаціяхъ на сеймѣ, отстаивая вѣру отцовъ своихъ, ни разу не упомянула его имени, тогда какъ, по видимому, ей слѣдовало бы домогаться отъ короля утвержденія іерарховъ, посвященныхъ патріархомъ Ѳеофаномъ. Объ этомъ хлопотали одни тѣ шляхтичи Кіевской земли, которые принадлежали къ составу козацкаго войска. Но въ качествѣ реестровыхъ козаковъ они являлись на сеймѣ не болѣе, какъ просителями. Въ посольской избѣ не имѣли они никакого значенія, такъ точно, какъ и ротмистры войска кварцянаго. Надобно было, чтобъ ихъ избрали своими депутатами землевладѣльцы, а землевладѣльцамъ ввѣрить свои интересы козаку, кто бы онъ ни былъ, никакъ не приходилось.

Того мало, что Іова Борецкаго и его товарищей по іерархіи не поддерживали ни Древинскіе, ни Кисели, ни Тишкевичи громоглас-

но: онъ, сколько извѣстно до сихъ поръ по документамъ, не состоялъ ни съ кѣмъ изъ православныхъ тузовъ польской аристократіи въ тѣсныхъ дружескихъ связяхъ. Единственнымъ покровителемъ его въ правительственныхъ сферахъ является все тотъ же князь Христофоръ Радивилъ, который былъ, можно сказать, руководителемъ православной оппозиціи при безхарактерномъ князѣ Константинѣ Константиновичѣ Острожскомъ. Въ перепискѣ съ Христофоромъ Радивиломъ Борецкій открываетъ пороки ближайшихъ своихъ сотрудниковъ, мѣшавшіе ему вести съ достоинствомъ дѣло православія (Археогр. Сб. VII, 82), и старшаго сына своего Стефана, минуя всѣхъ православниковъ, опредѣляетъ (въ октябрѣ 1629 года) къ Радивилу въ качествѣ дворянина, то есть отдаетъ ему въ науку общежитія. (Тамъ же, стр. 87). Другой сынъ былъ имъ отправленъ (въ августѣ 1630 года) на службу къ московскому царю. (См. документъ о службѣ сына Борецкаго у царя). Іовъ Борецкій хотѣлъ было воспитать ихъ для духовнаго званія, но, по его словамъ, Богъ не далъ имъ oycowskiego animuszu i wolej, że nie chcieli nauk kontinuować. Слѣдовало бы ожидать, что Борецкій лѣнивыхъ или тупыхъ къ ученію юношей пуститъ козацкою карьерою, которую избирали себѣ въ Украинѣ многіе шляхтичи; но, видно, было въ козачествѣ нѣчто претящее душѣ его, нужды нѣтъ, что, въ качествѣ главы духовенства, онъ постоянно находился въ сношеніяхъ съ козацкою старшиною. Онъ видѣлъ въ козакахъ людей, нуждающихся въ просвѣщеніи вѣрою, и старался просвѣщать ихъ, но по всему видно, что они, въ его глазахъ, не имѣли гражданской будущности.

Въ „Совѣтованіи о Благочестіи“ сдѣлано было предположеніе „уфундовати епископа во Черкасѣхъ“; однакожъ предположеніе это не приведено въ исполненіе, и конечно не отъ тѣхъ препятствій, какія встрѣтили патріаршіе ставленники въ занятіи епископскихъ каѳедръ. Въ „Вѣстяхъ путивльца Гладкаго“ читатель найдетъ Борецкаго присутствующимъ въ козацкой радѣ. Объ этомъ Гладкій сообщаетъ въ Москву; но въ его донесеніи не видать и мысли, чтобы кіевскій митрополитъ могъ быть для козаковъ чѣмъ либо, кромѣ христіянскаго архипастыря. Во всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ московскими людьми, часто изустныхъ,

Іовъ Борецкій ни единымъ словомъ не высказалъ своего сочувствія козакамъ, какъ реакціонерамъ государственнаго и общественнаго строя. Въ этомъ отношеніи онъ смотрѣлъ на козаковъ глазами Христофора Радивила, который находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ козацкими старшинами, въ качествѣ ихъ покровителя, но первый готовъ былъ двинуть на козаковъ свои хоругви, когда они домогались дикой республики въ государствѣ, стремившемся къ благоустройству.

И такъ глава православнаго движенія въ южной Руси былъ чуждъ ея аристократіи, а демократическихъ ея стремленій, олицетворенныхъ козаками, не могъ раздѣлять по ихъ разрушительному характеру. Высокій санъ, который онъ принялъ на себя для обороны послѣднихъ святилищъ православія, не былъ признаваемъ иновѣрнымъ правительствомъ. Оставалось ему искать правительства единовѣрнаго, которое бы оправдало архипастырскую роль его и представляло бы опору мѣстной церкви хоть въ отдаленномъ будущемъ. Такимъ правительствомъ было московское, и Борецкій дѣлается преданнымъ слугою царя Михаила Ѳедоровича. На польскаго государя смотритъ онъ, какъ на „попущеніе Божіе“ за русскіе грѣхи, и спасенія правословной церкви чаетъ въ будущемъ отъ Москвы.

Москва, съ своей стороны, радуется пріобрѣтенію такого приверженца въ краѣ, который давно уже стала называть отчиною государя своего. Она издавна пользовалась единовѣріемъ украинскихъ монастырей, чтобы ссылаться черезъ нихъ съ волошскимъ господаремъ тайно отъ Польши и Литвы. Теперь, при содѣйствіи кіевскаго митрополита, думные царскіе дьяки получали черезъ путивльскихъ воеводъ извѣстія обо всемъ, что происходитъ во владѣніяхъ польскаго короля, и что слышно въ „Литовской сторонѣ“ о военныхъ дѣлахъ сосѣднихъ народовъ. Борецкій, какъ явствуетъ изъ предлежащаго документа, отличался не одною ученостію, но также искусствомъ вести сношенія съ отдаленными провинціями, въ которыхъ находились преданные православію люди. Самые сеймы были наблюдаемы его агентами, которые поставляли его въ извѣстность обо всемъ, что занимало умы правительственной шляхты. Нельзя было не дорожить въ Москвѣ такимъ при-

верженцемъ, и его всячески ублажалъ, какъ самъ царь Михаилъ Өедоровичъ, такъ и его отецъ, патріархъ Филаретъ Никитичъ. Это поддерживало духъ Іова Борецкаго, изнемогавшій въ борьбѣ съ кознями уніятовъ и съ безпутствомъ окружавшихъ его людей, на которое онъ съ такой горестной откровенностью жаловался Радивилу. Это давало ему силы для работы надъ улучшеніемъ нравственности паствы его, которое составляло главный и самый трудный предметъ его попеченій. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, онъ приходилъ иногда въ отчаяніе отъ безнадежности предпринятаго дѣла и, какъ мы видимъ по его письмамъ въ Москву, не разъ бывалъ готовъ оставить даже Кіевъ для безвѣстнаго странствованія по свѣту.

Въ 1624 году положеніе Борецкаго сдѣлалось особенно затруднительнымъ. Убіеніе Кунцевича приписывали Мелетію Смотрицкому, который былъ правою рукою Борецкаго, пока не обнаружилъ недостатка стойкости. Королевская партія настаивала на томъ, чего требовала отъ Сигизмунда III папская булла, присланная къ нему по поводу витебскаго бунта. Въ письмѣ къ Христофору Радивилу отъ 24 августа, Іовъ Борецкій изображаетъ борцовъ за православіе въ послѣдней крайности. „Tak bowiem na wszytkie strony sciesnieni iestesmy (говоритъ онъ), że gorzey zdraycow y przekonanych złoczyncow, gorzey nieprzyiacieli Krzyźa Swiętego, samysh poganow, narod wierny, panom życzliwy, narod niewinny, narod starożytny chrzescianski od tey Babilonskiey, krwią opiłey nierządnice w swoim własnym panstwie prześladowiania cierpiemy. Tylko by do końca dał Pan wytrwanie“. (Археогр. Сб. VII, 81). Далѣе онъ пишетъ, что съ каждымъ днемъ вся Украина ожидаетъ Агасферова приговора, по представленію Аманову, какъ волъ обуха, вмѣстѣ съ своими святилищами, духовенствомъ, посполъствомъ, ,рыцарствомъ, шляхтою, и при этомъ съ горестью увѣдомляетъ о козацкихъ походахъ на море противъ воли старшихъ и короля. ,Co wszytko (заключаетъ онъ) za tą nieznosną swoią wolą iako nas wszytkich bacznieyszych trapi, i to mamy z gniewem panskim, za co innego naostrzonym y wszelakiemi potwarzmi rospalonym, iako piorunowę strzałę na wyniosłę wieżę, na starszych duchownych Prawosławnych iuż nacelonem“.

Что̀ дѣлать съ несноснымъ козацкимъ своевольствомъ, которое бросало тѣнь въ глазахъ правительства на православныхъ іерарховъ,— Борецкій не могъ придумать, равно какъ и вся кіевская шляхта, и всѣ тѣ порядочные козаки, происходившіе изъ мѣстной шляхты, которыхъ онъ титулуетъ рыцарствомъ. Вдругъ своевольнымъ козакамъ открылась перспектива дѣятельности, которая изъ простыхъ добычниковъ обѣщала сдѣлать ихъ воинами святаго креста. Славяногреческое царство, ради котораго болгары и сербы, какъ онъ зналъ, бросались много разъ въ опасности войны и наконецъ политически погибли, вновь сдѣлалось одушевляющею идеею народовъ Балканскаго полуострова. Среди упадка православной идеи на Востокѣ подъ гнетомъ поработительнаго ислама, явились новыя силы, которымъ, по видимому, было суждено освободить христіянскій міръ отъ азіатскихъ выходцевъ, и всѣмъ странамъ, исповѣдующимъ православіе, открыть новую эру... Такими мыслями озарился изнемогшій духъ Іова Борецкаго отъ неожиданныхъ вѣстей, пришедшихъ съ Востока въ его Михайловскій монастырь.

Октября 21-го 1624 года, явился къ Іову Борецкому, въ его смиренной резиденціи, московскій эмигрантъ князь Мосальскій и объявилъ ему по секрету: что въ Кіевѣ находится крещеный въ православную вѣру сынъ турецкаго султана Магомета, царевичъ Александръ Ахія; что народы Балканскаго полуострова, постоянно боровшіеся съ турками за остатки своей независимости, избрали уже его своимъ царемъ; что Александръ Ахія проживалъ при дворахъ европейскихъ государей и заручился ихъ помощью для войны съ Турціею; что теперь онъ ѣдетъ на Запорожье для найма козаковъ къ себѣ въ службу, и что цѣль его предпріятія состоитъ въ низпроверженіи Оттоманской имперіи и возстановленіи православнаго славяногреческаго царства.

Борецкій пожелалъ видѣть странствующаго царевича, и, удостовѣрясь, что онъ человѣкъ бывалый, свѣдущій, благочестивый и надежный, отправилъ его въ козацкіе городки съ своею рекомендаціею.

Между тѣмъ у козаковъ началось „междоусобіе“ съ русскопольскою шляхтою. Рѣчь Посполитая поставлена была своею политикою въ необходимость мириться во что̀ бы то ни стало съ Пор-

тою, а козаки своими морскими походами раздражили Порту до того, что она готова была повторить походъ Османа II. Рѣшено было обуздать козаковъ, то есть положить предѣлъ увеличенію ихъ войска, ограничивъ его число шестью тысячами, которыя бы находились въ полномъ повиновеніи волѣ коронпаго гетмана. Для этого составлена была такъ называемая козацкая коммиссія изъ землевладѣльцевъ того края, который подвергался набѣгамъ татаръ и, въ случаѣ исполненія угрозы турокъ, сдѣлался бы первый ихъ добычею. Члены коммиссіи должны были собраться съ своими феодальными ополченіями подъ коронным знаменемъ и увеличить боевыя силы, приготовленныя для войны съ Густавомъ-Адольфомъ. Козакамъ памятна была расправа съ ними Жовковскаго въ 1596 году. При Сагайдачномъ они порывались отомстить за свое пораженіе, но были искусно имъ отвлекаемы отъ междоусобной войны въ сторону. По смерти Сагайдачнаго никто ихъ не удерживалъ и никто не соединялъ ихъ въ такую единодушную массу, которая бы могла противостоять силѣ коронпаго и панскаго войска. Когда король прислалъ за Пороги своего дворянина звать козацкое войско въ „сборъ“ передъ военносудную коммиссію, которая, ограничивая число ихъ, должна была потребовать отъ нихъ отчета въ кровавыхъ самоуправствахъ дома и въ своевольныхъ походахъ на море,— козаки такъ „испугались“, что обратились къ московскому царю съ просьбою—дать имъ пристанище въ своемъ царствѣ, то есть принять ихъ въ свое подданство, если они всѣ поголовно „придутъ на государево имя“ вмѣстѣ съ православными архіереями, которымъ въ такомъ случаѣ было бы страшно оставаться въ послѣднемъ убѣжищѣ православія—Кіевской землѣ.

Не могло согласиться на эту просьбу царское правительство по своимъ политическимъ видамъ, которые были предусмотрительнѣе не только козацкой, но и архіерейской политики,—не могло тѣмъ болѣе, что козаки, заручившись царскимъ благоволеніемъ, намѣревались предпринять общій походъ на море, въ союзѣ не только съ донцами, но и съ лисовчиками. Глядя съ исключительной точки зрѣнія на козацкую предпріимчивость въ настоящемъ случаѣ, Борецкій, какъ изолированный инокъ, не былъ въ состояніи возвыситься до широты взгляда царской думы. Возможность низпроверженія турец-

каго владычества надъ христіянами слишкомъ сильно обольщала его воображеніе. Ему казалось, что Царьградъ будетъ въ рукахъ царевича Александра въ самомъ непродолжительномъ времени. Тогда могущество московского царя удвоится; онъ возьметъ отчину предковъ своихъ, находящуюся во владѣніи поляковъ Русь; и восточное православіе воспреобладаетъ надъ западнымъ католичествомъ. Въ этихъ видахъ, Борецкій къ козацкому посольству, состоявшему изъ 15 человѣкъ, придалъ отъ себя епископа Исакія Борисковича, въ качествѣ ходатая, а вмѣстѣ съ тѣмъ примкнулъ къ нему и посольство царевича Александра Ахіи, съ собственными рекомендательными письмами, въ которыхъ склонялъ царя помочь Александру людьми или деньгами для овладѣнія Царьградомъ. Царь подарилъ претенденту на цареградскій престолъ соболей, лисицъ и золотыхъ бархатовъ на тысячу рублей, но уклонился, подъ благовидными предлогами, отъ всякой иной помощи, и даже на его грамоту отвѣчать „не произволилъ“.

Козаки послѣ этого должны были или покориться коронному гетману, или, по примѣру Лободы и Наливайка, попытать счастья въ битвѣ съ ляхами. Послѣ долгихъ колебаній, они рѣшились на послѣднее, и были побиты на Медвѣжьихъ Лозахъ такъ сильно, что, по требованію побѣдителя, сожгли собственными руками походные челны, выписали изъ своего реестра до сорока тысячъ волонтеровъ и заключились въ шесть тысячъ покорнаго коронному гетману войска.

Когда Конецпольскій наступилъ на козацкія жилища, царевичъ Александръ Ахія „прибѣжалъ“ къ митрополиту Іову, и тотъ укрылъ его подъ монашескою рясою въ Михайловскомъ монастырѣ, какъ драгоцѣнный залогъ возстановленія православнаго царства во владѣніяхъ агарянъ. Съ своей стороны Конецпольскій велѣлъ всюду искать турецкаго самозванца, чтобы обезпечить миръ съ Турціею, и вскорѣ Александру сдѣлалось опасно оставаться въ митрополичьей резиденціи, да и самъ Борецкій, въ случаѣ его открытія, рисковалъ страшною отвѣтственностью передъ польскимъ правительствомъ за вмѣшательство въ гражданскія смуты. Ахія скрывался нѣсколько времени въ принадлежавшей митрополиту слободѣ, подъ видомъ монастырскаго сборщика доходовъ. Наконецъ и тамъ

стало опасно держать его. Тогда Борецкій отправилъ своего гостя въ Путивль на „государево имя“, подъ видомъ торговаго человѣка, въ сопровожденіи своего любимца, священника Филиппа.

Получивъ отъ путивльскихъ воеводъ донесеніе о пріѣздѣ „тайнымъ обычаемъ“ царевича Александра, царское правительство долго размышляло, какъ поступить съ необыкновеннымъ гостемъ, который просилъ и убѣжища и помощи въ задуманномъ имъ походѣ на Турцію; наконецъ велѣло препроводить Ахію секретно во Мценскъ и прислало туда двухъ слѣдователей для дознанія, кто таковъ подлинно человѣкъ, называющій себя сыномъ турецкаго султана. Переписка о немъ между центральною властью и ея довѣренными лицами содержитъ въ себѣ множество весьма важныхъ для исторіи данныхъ и характеризуетъ правительственныхъ представителей русскаго міра съ такихъ сторонъ, которыя доселѣ были намъ неизвѣстны. Предоставляя самому читателю углубиться въ этотъ драгоцѣнный источникъ историческихъ свѣдѣній о Россіи, Польшѣ, восточной Славянщинѣ и Западной Европѣ, замѣчу здѣсь: что католическіе государи и правительства, отъ части искренно, отъ части притворно, признали въ Александрѣ Ахіи дѣйствительнаго сына султана Магомета III; напротивъ правительство царя православнаго отнеслось къ нему сперва довѣрчиво по рекомендаціи кіевскаго митрополита, соблюдая только дипломатическую осторожность, но когда стало получать отъ своихъ слѣдователей обстоятельныя донесенія о его съ ними бесѣдахъ, то мало по малу пришло къ убѣжденію, что имѣетъ дѣло съ искуснымъ обманщикомъ. Не давая, однакожъ, ему замѣтить, что ловитъ его въ собственныхъ его разсказахъ, царское правительство постаралось, во первыхъ, о томъ, чтобъ разлучить его и съ днѣпровою, и съ донскою вольницею, а во вторыхъ о томъ, чтобы скрыть слѣды пребыванія его въ Московскомъ государствѣ. Съ этою цѣлью оно, подъ видомъ заботливости о его собственной безопасности, отклонило всѣ его просьбы—отпустить его обратно за московскій рубежъ и выпроводило въ Европу чрезъ Архангельскій портъ.

Изъ статьи В. В. Макушева о Болгаріи, напечатанной въ октябрьской книжкѣ „Журнала Мин. Нар. Пр.“ за 1872 годъ, мы

знаемъ, что въ слѣдъ за тѣмъ Александръ Ахія появился снова среди католическихъ пріятелей своихъ и подвизался въ качествѣ искателя цареградскаго престола до 1636 года, послѣ котораго слѣдъ его существованія изчезаетъ для исторіи, но не достигнулъ никакихъ важныхъ цѣлей, а въ 1633 году возбудилъ такое подозрѣніе на счетъ своей царственности, что великій герцогъ флорентинскій поручилъ одному изъ приближенныхъ къ себѣ лицъ изслѣдовать подлинность его притязаній на цареградскій престолъ. Въ упомянутой статьѣ В. В. Макушева указаны бумаги разныхъ итальянскихъ архивовъ, относящіяся къ Александру Ахіи. Въ этихъ бумагахъ надобно искать объясненія многаго, что насъ интересуетъ въ тогдашнемъ порядкѣ дѣлъ и сцѣпленіи обстоятельствъ. Но уже и то, что̀ намъ извѣстно изъ разсказовъ Ахіи московскимъ людямъ о митрополитѣ Іовѣ Борецкомъ, о днѣпровскихъ и донскихъ козакахъ, о лисовчикахъ, объ отношеніяхъ козаковъ къ татарамъ и полякамъ, для насъ ново и поучительно.

На примѣръ, мы до сихъ поръ отдѣляли характеръ козаковъ запорожскихъ отъ характера козаковъ донскихъ. Изъ разсказовъ Ахіи, подтвержденныхъ и другими помѣщенными здѣсь документами, оказывается, что одна вольница отличалась отъ другой только признаніемъ надъ собой власти разныхъ государей. Судя по недавнимъ запорожцамъ и донцамъ, которыхъ пѣсни записаны, можно сказать, нами самими, мы, писатели украинской школы, обыкновенно представляли себѣ, что на Запорожьѣ процвѣталъ языкъ, доведенный нами до извѣстной литературности, а на Дону говорили и пѣли исключительно на языкѣ великорусскомъ. Но, находя въ монастырскихъ сказаніяхъ о черноморскихъ буряхъ (у Кальнофойскаго) передовиками запорожскими москвитянъ, а на Дону героями, въ родѣ эпическаго Кошки Самойла, запорожскихъ полковниковъ, и зная, какъ обѣ вольницы предпринимали общіе морскіе походы, мы должны вопросъ объ удѣльномъ вѣсѣ той или другой рѣчи, той или другой пѣсенности оставить открытымъ, впредь до новыхъ документальныхъ изслѣдованій. Зборовскій и Ласота не нуждались, сколько можно объ этомъ судить по источникамъ, въ переводчикахъ при объясненіи съ козаками. Даже татарскіе мурзы обходились на Запорожьѣ безъ драгомана и во времена Зборов-

скаго, и во времена Александра Ахіи. Не слѣдуетъ игнорировать такихъ данныхъ, какъ слова польскихъ пословъ о разноплеменности козоковъ, обращенныя къ татарамъ и туркамъ, имѣвшимъ съ ними разнообразныя сношенія. Не надобно забывать отчужденія козацкаго войска отъ православныхъ священниковъ,—отчужденія, простиравшагося до того, что „кіевскіе обыватели“, приставшіе къ козакамъ, убѣждали Канашевича-Сагайдачнаго разрушить языческое предубѣжденіе, что будто бы присутствіе священника въ войскѣ пророчитъ ему бѣду. И лестное для нашей гордости, и оскорбительное для нашего такъ называемаго народнаго (слово неопредѣленное) чувства должны мы содержать въ умѣ на правахъ юридическаго равенства. Только тогда опредѣлится характеръ нашего прошедшаго, которое въ нашихъ писаніяхъ является нерѣдко золотымъ вѣкомъ нашей такъ называемой народной жизни, вопреки изысканіямъ лучшихъ людей XIX-го столѣтія.

Отдѣляли мы также характеръ запорожскихъ козаковъ отъ характера лисовчиковъ. Теперь похожденія Александра Ахіи открываютъ намъ, что въ составѣ лисовчиковъ даже послѣ того, какъ они въ Польшѣ объявлены были банитами, находились и такіе православные люди, какъ московскій выходецъ князь Иванъ Мосальскій, и настоящіе, кровные запорожцы. Ахія, очутясь среди днѣпровскихъ козаковъ, свидѣтельствовался въ своей царственности товарищами ихъ, которые находились въ числѣ лисовчиковъ и знали его въ Нѣмецкой землѣ, какъ царевича. Отсюда получается новое понятіе о религіозности запорожскаго войска. Это войско, только что опустошавшее православное Московское царство, въ одно и то же время, именно въ 1620 году, возстановляетъ, по словамъ украинскихъ историковъ, кіевскую митрополію, а по несомнѣннымъ извѣстіямъ современниковъ, сражается въ Нѣмецкой имперіи за католиковъ противъ протестантовъ, кальвинистовъ, чешскихъ утраквистовъ, и превосходитъ, въ качествѣ вторгнувшейся въ Германію орды, даже валлонцевъ своимъ хищничествомъ и злодѣйствами. [1]) Между тѣмъ украинскимъ писателямъ надобно, для гармоніи съ ихъ воззрѣніями на „народъ“, чтобы козаки имѣли

[1]) См. прим. къ 81 стр. III-го тома Ист. Возс. Р.

за Порогами въ концѣ XVI в. церковь, которой они не имѣли тамъ и въ XVII-мъ. Микстура фактовъ, выдумокъ и предвзятыхъ идей все общество временъ Борецкаго перетасовываетъ у нихъ такъ, что послѣдніе дѣлаются первыми, а первые послѣдними. Противоядіе этой микстурѣ представляютъ документы, предшествовавшіе взбаламутившей наши мозги эпохѣ Хмельницкаго, и въ числѣ такихъ документовъ показапія Ахіи и отца Филиппа играютъ не послѣднюю роль. Въ нихъ, между прочимъ, поражаетъ читателя, отуманеннаго тенденціозными историками, то обстоятельство, что царскіе люди не говорятъ съ Ахіею и отцемъ Филиппомъ о борьбѣ за вѣру даже и столько, сколько говорилъ думный дьякъ Грамотинъ съ козаками Сагайдачнаго. Когда заходитъ рѣчь о козакахъ, дѣло идетъ съ обѣихъ сторонъ только объ ихъ войсковыхъ, такъ сказать ремесленныхъ козацкихъ интересахъ. Даже Ахіи не приходитъ въ голову представить козаковъ борцами за православіе; а казалось бы, онъ долженъ былъ бы всячески ухищряться, чтобы расположить въ свою пользу богомольныхъ москвичей изображеніемъ козацкаго рвенія къ интересамъ православія. Вмѣсто того онъ повѣствуетъ, за какое жалованье порядилъ сперва 8 тысячъ лисовчиковъ, а потомъ 18 тысячъ днѣпровскихъ и донскихъ козаковъ, не намекая ничѣмъ на то, ччо одни были яко бы латинцы, а другіе якобы православники. Съ своей стороны царскіе слѣдователи, разспрашивающіе Ахію и священника Филиппа о козакахъ и полякахъ со всѣхъ сторонъ, оставляютъ безъ вниманія вопросъ объ отношеніи козаковъ къ вѣрѣ и церкви, точно какъ будто дѣло идетъ о козакахъ татарскихъ. Это обстоятельство, я объясняю себѣ не иначе, какъ правильнымъ взглядомъ современниковъ на козачество, котораго для нихъ не сочинялъ никто и на которое они смотрѣли, какъ на людей, выдѣлившихся изъ разныхъ сословій, состояній и народностей. Козакъ уходилъ оттуда, гдѣ церковь была связью общества, и потому именно онъ былъ козакъ. Такъ точно уходилъ или выдѣлялся козакъ изъ тѣхъ классовъ, которые держались за землю, и въ этомъ смыслѣ опять былъ онъ козакъ. Никому не приходило въ голову освѣдомляться о землевладѣніи козацкомъ, потому что козачество противопостовляло себя домонтарямъ и гречкосѣямъ. Если же козакъ владѣлъ пахатнымъ полемъ и дер-

жалъ хозяйственный инвентарь, то это онъ дѣлалъ по своему происхожденію отъ шляхтича или мѣщанина, но не по званію, быту и ремеслу козака. Козакъ, такъ точно какъ и чумакъ, не переставалъ принадлежать къ осѣдлому землевладѣльческому классу, взявшись за козацкое ремесло. Но онъ былъ полукозакъ и получумакъ, доколѣ не пропивалъ своей батьковщины. *Козакъ* же въ полномъ смыслѣ слова былъ только безземельникъ и пожалуй безхатникъ. „Козакъ душа правдивая, сорочки не мае...“ Эта шуточная пословица изображаетъ военнаго промышленника въ большинствѣ случаевъ. Такой военный промышленникъ относился изчужа ко всѣмъ интересамъ землевладѣнія и церкви, какъ знаменательницы имущества, въ извѣстномъ смыслѣ общаго всѣмъ осѣдлымъ вокругъ нея жителямъ. Положеніе церковныхъ дѣлъ касалось его мало. Попа онъ не содержалъ, а въ своихъ таборахъ даже чуждался. По словамъ стараго украинскаго лѣтописца, многіе козаки безъ исповѣди и причащенія души свои погубляли. И не одни козаки. Въ 1645 году кварцяное войско, зимовавшее въ Кіевѣ, было расположено католическими проповѣдниками къ исповѣди, и при этомъ оказалось, что жолнеры „чуждались очень много лѣтъ таинства покаянія“, а въ числѣ жолнеровъ были и „схизматики“, то есть неуниты русскіе. (Кіевск. Еп. Вѣд. 1874, № 14). Положеніе военныхъ промышленниковъ козаковъ, говоря о нихъ вообще, было таково, что они вѣчно находились вдали отъ церкви и ея проповѣди, и только случайно открывались на исповѣди священникамъ въ своихъ злодѣяніяхъ. Народная фантазія не напрасно создала гайдамаку, который убивалъ своимъ духомъ попа, приступивъ ко св. причащенію. О такихъ грѣшникахъ козакахъ говоритъ Кальнофойскій, и такихъ же точно жолнеровъ изображаетъ указанное выше свидѣтельство 1645 года. Но и не зная историческихъ свидѣтельствъ, легко освободиться отъ иллюзіи, въ которую впали наши историки на счетъ козацкой религіозности, если провести это чувство въ логической послѣдовательности отъ полудикаго состоянія козака даже временъ Палѣя (по описанію попа Лукьянова) до сферъ высшей общественности. Если козаки были такъ религіозны, какъ это намъ гласятъ украинскіе историки, въ такомъ случаѣ Малороссія XVII вѣка возвышалась бы надъ Восточной и Западной

Европой подобно какому то спасительному Арарату среди грѣховнаго наводненія. А если она въ самомъ дѣлѣ была такова, то куда же дѣвалась высокая религіозность и неразлучная съ нею нравственность въ малорусскомъ народѣ потомъ, когда онъ былъ поставленъ въ лучшія для своего духовнаго развитія условія, нежели во времена оны? Выходитъ, что пока онъ, въ видѣ козака, превосходилъ злодѣйствами валлонцевъ, онъ былъ религіозенъ, а когда сталъ ужасаться душегубства, въ качествѣ мирнаго жителя такъ сдѣлался такимъ, какимъ видимъ его въ наше время, то есть религіознымъ тупо, вяло и вообще весьма недостаточно для гражданственнаго преуспѣянія. Царскіе слѣдователи, очевидно, думали иначе, и потому оставляли въ сторонѣ вопросъ о козацкой религіозности; а царская дума, читая ихъ отписки о готовности козаковъ ратоборствовать въ пользу восточнаго православія, видѣли въ этой готовности побужденія вовсе не христіянскія, и употребили всѣ средства для того, чтобы козацкій походъ къ Царьграду не состоялся.

Не было царское правительство равнодушно къ дѣлу православія на Востокѣ, и не потому оно дорожило миромъ съ Турціею, что ставило его выше освобожденія христіянъ изъ подъ владычества невѣрныхъ. Съ горы Аѳона, изъ Сербіи, Македоніи, Греціи безпрестанно являлись въ Москвѣ духовные люди за милостынею на церковное строеніе, и вся жизнь царя Михаила, его отца Филарета и сына Алексѣя была, можно сказать, непрерывнымъ служеніемъ идеѣ восточнаго православія. Но было бы не только опасно, а даже недостойно ихъ—передать сообщникамъ, товарищамъ и пріятелямъ ужасныхъ для Россіи лисовчиковъ изъ рукъ въ руки дѣло православія, которое было постоянною заботою ихъ просвѣщеннаго по своему времени ума. Еслибы козаки и разрушили Оттоманскую имперію, то радости въ этомъ для людей порядка и благоустройства было бы мало. Побѣдоносная вольница сдѣлалась бы, пожалуй, опаснѣе самихъ мусульманъ для русскаго міра; а освобожденное козаками отъ агарянскаго ига восточное православіе очутилось бы на той дорогѣ, которою шло ко всеміpному господству католичество,—на дорогѣ матеріяльнаго завоеванія, на дорогѣ разбоя и грабежа во имя церкви Христовой. Въ этомъ отно-

шеніи политика царя Михаила Өедоровича, по возбужденному Ахіею вопросу, была несравненно глубокомысленнѣе политики Іова Борецкаго, которому блестящія надежды настоящаго не давали глядѣть въ будущее.

1.

Отписка путивльскихъ воеводъ въ Москву о посольствѣ къ царю отъ запорожскихъ козаковъ и отъ Александра Ахіи, съ присовокупленіемъ извѣстій о событіяхъ въ Малороссіи въ 1624 году.

Государю царю і великому князю Михаилу Өедоровичю всеа Русиі холопи твои Олешка Головинъ да Івашка Есиповъ челомъ бьютъ.

Нынѣшнего, государь, 133 году өевраля въ 5 день писали мы холопи твои къ тебѣ государю царю і великому князю Михаилу Өедоровичю всеа Русиі съ черниговцомъ сыномъ боярскимъ съ Өедоромъ Селивановымъ по вѣстемъ путивльца торгового человѣка Павлика Тихонова, что нынѣшнего 133 году о Крещенье послали дѣ козаки изъ Запорогъ отъ войска осми человѣкъ запорозскихъ козаковъ къ тебѣ государю царю і великому князю Михаилу Өедоровичю всеа Русиі зъ грамотами; а хто именемъ козаковъ и для чего ѣдутъ, про то дѣ онъ Павликъ нѣ слыхалъ. Да съ твоими жъ дѣ, государь, козаки едутъ изъ Запорогъ же два тотарина; а какие тотаровѣ и отъ ково и для чего едутъ, тово дѣ онъ Павликъ нѣ ведоетъ же. И нынѣшнего жъ, государь, 133 году өевроля въ 7 день приехоли въ Путивль изъ Литовские земли козаки запорозские, тринадцать ихъ человѣкъ, и тово жъ, государь, числа послали мы холопи твои путивльца дѣтей боярскихъ Лѣвонтея Литвинова, да Мортина Беззубцова, да подъячево отъ мѣста Петра Акулова, а вѣлели имъ техъ козаковъ роспросить, хто они имянѣмъ и для чего въ Путивль приехоли; і въ роспросѣ, госу-

дарь, скозали, что они козаки запорозские: Иванъ Васильевъ сынъ Гиря да Исакъ Степановъ, да Гришка Петровъ, да Кузма Ларинъ, Ерема Михайловъ, Өедоръ Игнатовъ, да съ ними жъ писарь ихъ Олѣшка Яковлевъ, да четыре похолка ихъ: Дѣмка Степановъ да Гаврилка Корнеевъ да Войтешка Бортушъ, да Сидорка Іивановъ. И нынѣшнего дѣ, государь, 133 году генваря во 2 день послалъ ихъ изъ Запорогъ гетманъ Запорозской Колеником Ондрѣевъ и все Войска Запорозское къ тебѣ государю царю і великому князю Михаилу Өедоровичю всеа Русиі зъ грамотою; а ехолъ дѣ онъ изъ Запорогъ Литовскою землею на Крыловъ, да на Черкасы, да на Перѣясловль, да на Барышевку, да на Нежинъ. А грамоты дѣ, государь, имъ Левонтью съ товарищи нѣ покозали, и что въ грамотѣ писалъ, таво дѣ онѣ козаки скозали нѣ ведаютъ, и чтобъ ихъ козаковъ съ тою грамотою отпустить исъ Путивля къ тебѣ государю къ Москвѣ вскоре.

А какъ дѣ, государь, онѣ поехоли изъ Запорогъ, и гетманъ дѣ ихъ Колѣникъ въ Запорогахъ, а войска съ нимъ козаковъ шесть тысечь. Да тѣ жъ дѣ, государь, козаки Іванъ Гиря сь товарищи сказывали имъ Левонтью да Мортину: какъ дѣ онѣ поехали изъ Запорогъ, и на дорогѣ дѣ на четвертой день ихъ поезду встрѣтились съ ними посланцы королевские: дворянинъ королевской, а имя дѣ ево не помнятъ, да съ нимъ запорозской козакъ Волкъ, а бывалъ дѣ прежде сево въ Запорогахъ писаремъ; а едутъ дѣ, государь, онѣ отъ короля въ Запороги къ гетману запорозскому и къ войску съ листы. И посланецъ дѣ королевской двоworker дворенинъ не скозалъ имъ ничево, о чемъ посланъ въ Запороги. А козакъ дѣ, что бывалъ писарь Волкъ, скозалъ имъ, что послоны онѣ отъ короля въ Запороги къ гетману и хъ козакомъ для того, чтобъ онѣ готовились нынѣшней вѣсны итти моремъ и сухимъ путемъ Турского земли воевать. А про короля скозали и про королевіча, гдѣ онѣ нынѣ, и въ зборѣ съ нимъ люди есть ли, или нетъ, тово онѣ не ведоютъ. И про гетмана Конецпольского, гдѣ онъ нынѣ, того не вѣдоютъ же. А королское дѣ, государь, имъ всемъ козакомъ роскозанье на вѣсну итти Турского земли воевать.

Да оне же, государь, посланцы запорозские скозали, что въ прошломъ во 132 году послѣ великодни пришолъ дѣ исъ Козыл-

башъ въ Крымъ крымъского царя Мамотъ Кирея братъ Шинъ Гирей; а козылбашского дѣ царя онъ зять; а съ нимъ дѣ пришло въ Крымъ зъ семъ дѣсятъ человѣкъ; и крымская дѣ орда вся къ нѣму Шинъ Гирѣю поддалась; и онъ Шинъ Гирѣй съ крымскими людьми воевалъ Турского землю. И въ нынѣшнемъ, государь, во 133 году обо Спожинѣ дни посылалъ онъ Шинъ Гирѣі къ польскому королю пословъ своихъ, чтобы съ королемъ взять перемирье. И съ королемъ дѣ Шинъ Гирѣй перемирья взялъ, что имъ Турского землю заодно воевать. Да въ нынѣшнемъ же дѣ, государь, во 133 году, передъ Рожествомъ Христовымъ за недѣлю, приезжалъ онъ Шинъ Гирѣй и съ Крыму въ Запороги хъ козакомъ, а съ нимъ дѣ прiезжала крымъскихъ людей съ тысечю человѣкъ, и зъ запорозскими дѣ козаки перемирья взялъ же, что имъ межъ себя нѣ воеватца, а итти съ нимъ Шинъ Гирѣенъ Турского земли воевать заодно; а уговорясь дѣ съ козаки, пошолъ онъ Шинъ Гирѣй изъ Запорогъ нынѣшнего 133 году, после Рожества Христова на третей день, на Белогородцкие мѣста Турского земли воевать со всею крымскою ордою и съ Ногаи. А хъ королю дѣ польскому онъ Шинъ Гирѣй тово жъ дня послалъ пословъ своихъ, что онъ изъ запорозскими козаки перемирья взялъ. А соймъ дѣ, государь, нынѣ у короля будеть въ Варшавѣ; а о чомъ соймъ будеть, тово дѣ онѣ не вѣдоютъ.

Да техъ же дѣ, государь, запорозскихъ козаковъ писарь Олешка Яковлевъ сказалъ, что нынѣшней осени въ Польше въ Краковѣ учинилось на люди моровое повѣтрѣе, и изъ Кракова дѣ король отъ того морового повѣтрея вышелъ въ Варшаву; а нынѣ унялося ль моровое повѣтрее, или нѣтъ, тово онъ нѣ ведоетъ. А козаки сказали, что онѣ про моровое повѣтрее нѣ слыхали.

Да оне жъ дѣ, государь, запорозские посланцы сказывали, что нынѣшнего 133 году, въ Ѳилиповъ постъ, киевской митрополитъ Иовъ Борѣцкой писалъ отъ себя въ Запороги къ гетману и къ войску, что поляки хотѣли въ Киеве вѣру хрестьянскую ломать и церкви запечатоли по умышленью и по присылки киевского войта Ѳедора Ходыки да мещанина киевского Созона. И гетманъ дѣ запорозской для того изъ Запорогъ прислалъ въ Киевъ дву полковниковъ, Екима Чигринца да Онтона Лазоренка, а вѣлелъ

имъ въ литовскихъ окольныхъ киевъскихъ городехъ собратца съ тутошними козаки и прити въ Киевъ для оберѣганья вѣры крестьянской. И тѣ дѣ полковники, собрався съ козаками, пришли въ Киевъ нынешнего 133 году после крещенья Христова; а сколько козаковъ пришло въ Киевъ, тово онѣ не ведоютъ, и церкви дѣ хрестьянские роспечатоли, а киевского войта Ѳедора Ходыку и мещанъ, которые съ нимъ умышляли, перѣимали. И нынѣ дѣ въ Киеве утесненья вѣре хрестьянской нѣту. А къ вѣсне дѣ, государь, тѣ полковники исъ Киева все хотятъ итти въ Запороги.

Да съ ними жъ дѣ, государь, запорозскими посланцы, приехоли въ Путивль изъ Запорогъ два человѣка, скозались посланцы, одинъ Сербской земли Марко Ѳедоровъ, да запорозской козакъ Івашка Мартыновъ. А послалъ дѣ ихъ, приеховъ изъ Запорогъ, изъ Литовской земли, съ Терехтемирова монастыря Турской земли царевичь Олександръ, султанъ Могметовъ сынъ. Родился дѣ онъ Олександръ въ Турской земли, въ Могнисиі, и былъ дѣ въ Немецкой земли у цысаря нѣмецкого Ѳердинандуса, и пришолъ дѣ онъ Олександръ въ Запороги нынѣшнего 133 году въ Ѳилиповъ постъ самъ трѣтей, для того чтобы ему поднять Запорозское войска Турской земли воевать и достовать съ ними Турсково государства. А изъ Запорогъ дѣ пришолъ онъ Алѣксандръ въ Терехтѣмировъ монастырь въ тое пору, какъ нынѣ тѣ козаки послоны изъ Запорогъ къ тебѣ государю къ Москвѣ. А козаки дѣ, государь, запорозские, которые по городомъ, все за нѣго Олександра хотятъ стоять. И нынѣшней дѣ вѣсны все козаки хотять съ нимъ итти Турского земли воевать, а онъ дѣ Олександръ хочетъ имъ довать гроши. А нынѣ дѣ послалъ онъ исъ Терехтѣмирова монастыря (въ) Влоскую землю для грошѣй, а положилъ дѣ срокъ привѣсть къ себѣ гроши въ три мѣсяцы; а ему дѣ быть въ Терехтѣмировѣ монастырѣ, покамѣстъ къ нѣму деньги привѣзутъ. А кто ему деньги даетъ, и много ль къ нѣму денегъ привѣзутъ, тово дѣ онѣ не вѣдоютъ. А нынѣ дѣ онъ Александръ послалъ человѣка своево Марка Ѳедорова да запорозского козака Івашка Мартынова къ тебѣ государю царю і великому князю Михаилу Ѳедоровичю, всеа Русиі къ Москвѣ зъ грамотою; а о чемъ въ грамоте писано, тово дѣ онѣ Марка да Івашка нѣ ведоютъ, и чтобъ ихъ съ тою гра-

мотою отпустить изъ Путивля къ тебѣ государю къ Москвѣ вскорѣ А грамоты дѣ, государь, имъ Левонтью съ товарищи нѣ покозали.

Да те жъ, государь, Олександровы посланцы Марко Ѳедоровъ да Івашка Мортыновъ прислали къ намъ холопемъ твоимъ два листа, а сказали, что тѣ листы далъ имъ въ Терехтѣмировѣ монастыре турской царевичъ онъ Олександръ; а писалъ дѣ тѣ листы въ Терехтемировѣ монастыре киевской митрополитъ Иевъ Борецкой къ намъ холопемъ твоимъ въ Путивль объ нѣмъ Олександрѣ, объявляючи ево, какой онъ человѣкъ. А митрополитъ дѣ киевской Иевъ Борецкой нынѣ въ Терехтемировѣ монастыре; а приехалъ дѣ исъ Киева въ Терехтемировъ монастырь генваря въ 26 день, для того что тутъ ево власть. И мы холопи твои, тѣ листы вычетчи и списавъ съ нихъ списокъ слова въ слова, послали къ тебѣ государю і великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русиі отпискою; а прямые ихъ листы отдоли имъ до твоего государева указу; а посланцомъ, государь, запорозскимъ козакомъ Івану Гирѣ съ товарищи и имъ Олександровымъ посланцомъ, Марке Ѳедорову да Ивашке Мортынову вѣлели побывать въ Путивле до твоего государева указу, и кормъ имъ и питье даемъ. И о техъ, государь, посланцехъ и грамотахъ что ты государь царь і великиі князь Михайла Ѳедоровичь всеа Русиі намъ холопемъ твоимъ укажешь?

2.

Письмо Іова Борецкаго къ путивльскому воеводѣ Алексѣю Головину.

Списокъ съ листа слово въ слово, каковъ прислали къ стольнику і воеводамъ къ Олѣксею Ивановичю Головину да къ Ивану Івановичю Есипову посланцы Алѣксандровы Марко Ѳедоровъ да запорозской козакъ Івашка Мартыновъ.

Иовъ Борѣцкиі, смирѣный митрополитъ киявский.

Благочѣстивому мужу господину воеводе путивльскому благодать (и) милость отъ Христа Бога.

Понѣже благочестивыі мужъ Александеръ Оттоманъ, сынъ царя

турсково Ахмѣта, султанъ Иахия, въ православной воспитанный вѣре восточные церькви, онъ ныне при посланникахъ Войска Запорозсково своихъ мужей бе (из?) граматами момъными (молельными?) еже преподатися ему отъ благочестивого царя і великого князя Михаила Ѳедоровича, всеа Русиі самодержца, противу нечѣстивого царя турсково благоутробныя помощи, посылаетъ, о немже въ преждѣмъ писаниі моемъ къ твоему благочестию извѣстихъ, сего ради и азъ молю господство твое, яковая ваша благодать благодатию пресвѣтлого государя и царя и о градѣ строенья ваш̃его Путивли въ семъ... и богочеловѣцы мирницы суть и мира ищутъ съ православнымъ государьствомъ о немже всемъ намъ зело пещися и радоватися.

Посылаю же твоему благочестию и повесть о солтане Иах(іи) достовѣрну, яже о реченномъ во светомъ крещениі восточное церькви Александре Оттоманѣ, юже прочетъ, возможешь увѣдети, яко, благодатью Христовою, приближается разрушение нѣчѣстивого вавилонского Турсково царьства, еже ныне благоволѣниемъ Божьимъ и согласиемъ провославия восточного исповѣдниковъ починатися хощѣть, о немже молимъ всесильною дѣсницу Христову, яко да съкрушивъ тяжкия оковы православныхъ, имиже отъ безбожного варварина стягнуты, ни возникнути главы могуть, когда тогда даруетъ улучити церкви свои и провославному единовѣрныхъ намъ грековъ множеству желаѣмую предрагую свободу къ нейже ли (?) словомъ и дѣломъ при благочестивомъ цари своемъ да подастъ руку помощи единоверным братиямъ, молимся, да и самъ въ день суда вечныя свобадитѣся работы и безконечную улучите блаженныхъ свободу, молитвами всехъ святыхъ, аминь.

Писанъ въ монастыри Терехтемировскомъ генваря 24 дня 1625-го лѣта по Рожествѣ Христове.

Въ томъ же листу приписано: Молитьвеникъ благочестию вашему Иевъ Борѣцкой, смиренныі митрополитъ киявскиі, рукою власною. А листъ подписанъ благочѣстивому господину Ивану, воеводе путивльскому смирѣния моево.... вы.

3.

Записка Александра Ахіи о его происхожденіи и приключеніяхъ.

Записка эта переведена Іовомъ Борецкимъ съ греческаго подлинника на тогдашній книжный языкъ, находившійся, такъ сказать, подъ игомъ польщизны и потому уродливый. Путивлецъ, списывавшій съ перевода копію для отправки къ царю, многаго въ немъ не понялъ, многое написалъ по московскому произношенію. Отъ этого мѣстами затемненъ даже смыслъ документа. Но, такъ какъ автографъ Борецкаго до насъ не дошелъ, то приходится довольствоваться путивльскою копіею, которой неправильности сохранены мною, какъ печать времени и мѣстности.

Списокъ съ листа слово въ слово, каковъ прислали къ стольнику и воеводѣ къ Олексѣю Івановичю Есипову посланцы Александровы Марко Өедоровъ да запорозской козакъ Івашко Мартиновъ.

Року тысеча шестсотъ дватцать червѣртаго мѣсяца октября дватцать второго дня.

Султанъ Иахия, пытаный отъ преосвященного митрополита киевского, кто онъ есть, отповедалъ ему:

Звычай маютъ царѣве турские, гды сынъ ихъ первородный придетъ до зросту пятнатцати лѣтъ, посылаютъ его до Макгнисиі местечка, гдѣ есть школа турская. Султанъ Амуратъ, по чюдовной радости, што справавалъ на обрезаню сына своего султана Мегемѣта, ведлугъ звычаю своего, послалъ сына своего первородного султана Мегемѣта до школы макгниское учити арапского писма; дали теж ему и отъ розныхъ лѣсцъ девицъ, то есть жонъ, ведлугъ звычаю ихъ, межи которыми невѣстами была една девица грекиня, Елѣна имянемъ, християнка таемнѣ, явне султана Ляльпаре туркиня, дочка нѣякого Георгея котляра, трапезончика, которой мешкалъ зъ дочкою своею въ Макгнискимъ местечку; и поки княжатемъ удѣлнимъ прречоный султанъ Мегемѣтъ надъ Макгнисиею местечкомъ былъ, сплодилъ четырехъ сыновъ зъ розниxъ жонъ. Имя единому першему султанъ Селимъ; того потымъ самъ онъ забилъ;

другому солтанъ Ахматъ; третему султанъ Иахия: четвѣртому султанъ Мустаөа. Тыи чотыри сыны родилися в Магнисиі; а кгды померъ султанъ Амуратъ, пришолъ сынъ его Мегметъ и одержалъ панованье царства Турецкого, а дѣти его были въ Магнисиі въ местечку. Тогды Елѣна знашла часъ погодный и порецилася зъ отцемъ своимъ, якобы уйти съ турецкихъ рукъ.

Зачимъ Георгий, отецъ ея, знашодши человѣка зъ лодѣею близко Могнисиі, поеднали и змовили оного, бы ихъ провадилъ, гдѣ они хотятъ лодею своею, которыхъ не вѣдалъ стырникъ, кто бы они были. Теды вночи пришедши Георгий зъ дочкою своею веспол и султанъ Иахия, дѣтина шести лѣтъ, въ убогомъ оденю, всѣли въ лодь и, плывучи многие дни, пришли до Арморѣи до мѣста Брацыонъ аманенскаго, гдѣ живутъ люди свободные и не боячи(и)ся потуги турское ажъ до сего дне; еднакъ же и обыватели не знали невѣсты, ани детяте, кто бы были. Ажъ по многомъ часѣ довѣдавшися справы, таемне господинъ Козма, мужъ святый и зацный, митрополитъ селунский, пришолъ до султаны Ляльпоре и принялъ ее до споведи, крестилъ тежъ и султана Иахию и, назвавши его Александромъ, далъ ему учителя, неякого мужа Нила названого, инока, абы учился писма святаго и православное науки и вѣры. И то справивши, митрополитъ селунский зъ радостью і упоминнами, которые коштовные взялъ отъ солтаны, отышолъ до своеи епархии.

Въ лѣто Рождества Христова 1604, то есть кгды былъ пятнатцати лѣтъ султанъ Іахия, матка его послала до цесаря Рудельөа немѣцкого зъ ознаками царскими, то есть до киты столѣк (?) диаментовы коштовный барзо, такъ же и кгузы диаментовые. По едномъ теды року поеднался Рудольөъ цѣсарь и взялъ примирье съ Турскимъ, и султана Иахию послалъ до кграндука, то есть до кнежате Өролентийского, который принялъ султана Іахию зъ великою честью, і армату и окрутами спорядивши, послалъ его до Сириі, до княжате Манъ Обля, откуля вкупе Манъ Обля зъ Ахиемъ точили войну съ Туркомъ два роки; потомъ взялъ султанъ Иахия Монокгля и пришли до Влохъ, жадаючи помочи противко Турка.

Тогды кроль гишпанскій писалъ листъ до кграндуки Өлорѣнского, абы послалъ султана Иахию до опѣки гишпанские, гдѣ при-

няли его гишпанове и до Неопола съ честию великою заслали, даючи ему шѣсть тысечей таляровъ на рокъ на выхованье.

По некоторомъ зась року сталося была неякое практыка о княжати Нивернѣнской таковымъ способомъ. Епископи неякие грѣкове, изъ заходнымъ костеломъ единомысльные, посланы были отъ княжате Неверненского короля, который ся Костянтиномъ Палеологомъ, потомкомъ цесаровъ грѣцкихъ, менилъ, идучи тилко по дѣвце зъ дому Палеологовъ южъ отъ двохъ сотъ лѣтъ, абы побудили грѣковъ і албановъ до его подданства, абы воевали съ Туркомъ и аби былъ царемъ грѣцкимъ Констянтинъ; и пришли неякие неприятели благочестия до Грѣціі въ одеждахъ овчихъ, а внутрь волки, торуючи справу княжати Ниверненского и залецаючи вѣру его. Кгрѣкове, просты будучи, рады были барзо, бы его приняли за царя благочестивого, а не вѣдаючи, же латинникъ есть, приняли за вседши (?) предложение прекладаную речь и контентуючися хотели, абы былъ царемъ грѣцкимъ ксяже Ниверненское.

Того довѣдавшися Іванъ архиепискупъ сербский і вѣдаючи роду замысъ до отчене (?) неприятелей нашихъ, писалъ листъ до всехъ князей до Кучи, до Клементи, до Белопавликовъ, до Плавъ, до Герцековинъ, да Дуказиновъ, до Химары и до Моновъ, которые все княжества нѣгды не были подъ Туркомъ и свободны до сихъ часъ зостають зо всеми горами, землями, и местами своими, до всехъ тыхъ написавши, абы не приимали княжате ниверненского за царя, поневажъ латинникъ есть и неприятель церкве восточное, ижъ льже(й) терпѣти неволю турѣцкую, анижъ, подданство отдавши, завше преслядованье терпѣти отъ латинъ. Тое слово слышавши князеве и тые свободные краи, дали покой замыслови і вспомоганию княжате Ниверненского.

Рѣклъ теды до тыхъ княжатъ архиепископъ Іванъ: Есть ли хочете битися за благочестие, жаденъ не есть способнейший на тое дѣло кромъ султана Иахия, котрий милуетъ набоженство, вѣру и церемонеи восточнои церкви. Съ тимъ знеситеся и того учините царемъ, а пошлемо двохъ святителей призвати его зъ Неаполя. Естьли жъ хочетъ быти, нехай подпишетъ на тые кондицыи. Першее: жадаемъ, поневажъ мы хочемо и прагнѣмо пролити кровь за

милость Христову и за благочестие православное восточное церкве, просимо тебѣ, султане Іахия, абы еси былъ благочестивымъ и православнымъ, и абы еси царствовалъ надъ нами, якъ и першие были цари православные. Другое: абы еси, самъ православнымъ будучи, къ намъ не допущалъ отменяти набоженство, уставовъ і вѣры сходное церкви, але абы зоставали непорушаны. Третее: абы есмо мы не знали иного старшого навышшаго по Бозе въ церкви нашей, кромъ вселенского патриархи Костянтинопольского. Четвертое: абы еси въ насъ школы странноприемницы, гостинницы справилъ и шпитали, жебысмыся могли учити добродѣтелей и побожностей. Пятое: невольники, добыча, которыхъ дасть Богъ взяти и поймати отъ турковъ, нехай на три части будуть: едина церкви, другая на войско, третя на царя. Шестое: нехай привѣрнены будуть шесть десятъ и чотыре князей до чести своей и до державъ своихъ, которые хотятъ показати свою шляхетность старожитную.

Тое всѣ написали Кучи, Клименти, Белопавлики, Плавы, Герцековины, Дуказины, Химары и Макгны, и дали то митрополиту дукницкому, господину Висариону і Мокарю, митрополиту герцековинскому, и принесли то до Неополя до султана Іахия. Которые кондицыи подписалъ и облиговался ихъ заховати султанъ Іахия цалы і ненарушаны самъ і потомкове его. И то взявши, два святители шли до отчизны своее и о што жадали, одержали отъ него. І то сталося в року 1615. Нижли ишпанове, довѣдовшися того, не выпустили султана поити до отчизны его. Папежъ тежъ рымский, почювши то, призвалъ султана до Риму и рѣклъ ему, абы присягнулъ римскому костѣлови, хочетъ ли, абы его ротовали католицкие кролѣве. Онъ не поднялся таковое присяги, ижъ южъ впередъ учинилъ то грѣкомъ, але ушолъ неоповѣдне зъ Риму, и пришолъ до Арморѣи, до горъ Манейскихъ, гдѣ манѣйчики зо всякою радостью приняли его и царемъ оголосили.

Тое почувши неприятели вѣры нашее, же султанъ Іахия есть въ Майни, ознаймили царѣви турскому Ахмѣтови, родному надъ нимъ братови его, всю справу, і выслолъ войска землею и моремъ на Ману, еднакъ же по долгой войне зосталъ султанъ Иахия безъ образы и, уходячи неоповѣдне, пришолъ да горъ Ал(б)анитскихъ,

гдѣ мѣлъ товарство и, жалнерство, забавилъ тамъ часъ немалый въ тыхъ краинахъ, и обходячи невѣдомо по Македонии и по албонитахъ, по булгарахъ, тѣшился зъ дружиною своею и добре присмотревался мѣсцемъ и множеству хрестянъ и додавалъ имъ серца и смѣлости, и постановивши повторѣ съ ними и зъ жолнерствомъ, отышолъ до Влохъ до княжате Өлонертийского, который есть великимъ приятелемъ султану Иахии ажъ до сего дне. Тотъ же ксяже Өлорѣцкое записался султану Иахиі дати на ратунокъ дватцать тысечей мушкетовъ, абы узброилъ албанитовъ и булкгаровъ, и роскозалъ султану Иахии іти до своего товарства и до желнерства и порадитися, где схочютъ и скажетъ припровадити армату и у которое пристани онъ (будетъ) найдовать(ся). Знову въ року 1619 зъ Өлорѣнцыи султанъ Иахия отышолъ до своего товарства зъ листомъ и постановѣньемъ княжате Өлорѣцкого, а гды пришолъ до Албании, ажъ, за попущеньемъ Божимъ, не изшолъ. (?)

Тамъ же ненавистникъ добру дьяволъ взбудилъ моръ и голодъ на свете, ижъ многие отъ голоду померли. И былъ тотъ голодъ и повѣтрее полчетверта року, подъ который часъ послалъ султанъ Иахия до Өлоренцыи четырехъ пановъ князей, просячи ксяженца, абы терпливымъ былъ зъ арматою, покибы было здорово на свете; нижли вѣнетове, перенявши тихъ князей, поимали и, повкидавши въ море, потопили.

Перемѣшкавъ султанъ Иахия четыре целые роки съ товарствомъ и вѣрнымъ желнерствомъ, а гды загомовался моръ, видячи султанъ царство Турѣцкое засмученое, ижъ Дамаскъ взялъ Моноглинъ, Вавилонъ Персь и Малую Анатолию Аваза паша, и знову теперь татаринъ крымский бьѣтся и войну точитъ съ Туркомъ и есть великое замѣшенье въ царстве Турецкомъ, поведалъ товарству, же потреба ему ити припровадити армату ведлугъ застоновеня отъ княжате Өлорѣцкого; а скора, повѣда, послышите имя мое, на тую сторону абы есте бѣгли и брали армату, которую да Богъ припровадити маю; а ижъ цесарь християнский показалъ великую любовь противъ султана Иахии, для того пришолъ султанъ и забавился у цѣсаря Өердинанда и жадалъ его, абы поднялъ войну противъ Турка. И тамъ же въ Немцахъ въ товариствѣ пожилъ зъ лисовщиками поляками ласкове Александеръ, которые ради-

ли ему, абы ишолъ и удался до Войска Запорозского; который пришолъ до Киева мѣсяца октября 21 дня року 1624.

И той увесь поступокъ свой султанъ Иахия, во святомъ крещении Александеръ, написавши своею властною рукою греческими письмены для памяти і вѣдомости, въ монастыри святого Архистратига Михаила церкве Золотоверхое, оставилъ по двадцать девятый день мѣсяца октября, сниде за Пороги на конехъ и пребысть тамо пятдесятъ дней, совѣтуя со благочестивымъ воинствомъ, і въемъ обещание помощи отъ техъ нынѣ ануария во дватцатый (день) възыде въ Черкасы і пребываетъ во смирениі глубоце, чая веселного пролѣтия, ежебы со други своими отъ различныхъ странъ и совокупити православную силу къ имени Христове, егоже благодать да хранитъ святую православную вѣру нашу и да поборяетъ по святей восточной церкве, матери нашей, въ честь и славу въ Троицы славимому Богу нашему Отцу и Сыну и Святому Духу нынѣ и присно и во веки вѣковъ, аминь.

4.

Пріемъ посланцовъ Александра Ахіи.

И госдуарь царь и великиі князь Михайло Федоровичъ всеа Русиі и отецъ его великиі государь святейшиі патриархъ Филаретъ Никитичъ московскиі і всеа Русиі Олександра Ахия посланцомъ указали быть на казенномъ дворѣ у боярина у князя Івана Борисовича Черкаского да у думново діака у Івана Грамотина.

И 133 года марта въ 21 де(нь), по государеву указу у боярина у князя Івана Борисовича Черкаского да у думново діака у Івана Грамотина на казенномъ дворѣ Александра Ахия посланцы были ввечеру. А посыланъ по нихъ приставъ ихъ Олексѣй Борзецовъ; а шли посланцы въ городъ пѣши. А какъ царевичевы посланцы вошли въ полату, и думной діакъ Грамотинъ молылъ имъ рѣчь:

Писали къ великому государю нашему царю і великому князю Михаилу Өедоровичю. всеа Русиі самодержцу, исъ Путивля воево-

ды, что прислалъ васъ къ царьскому величеству зъ грамотою Турские земли царевичь Александръ; и по царьского величества увазу велено васъ пропустить ко государю къ Москве; а ныне великиі государь царь і великиі князь Михайло Ѳедоровичь, всеа Русиі самодержецъ, велѣлъ вамъ быти на своемъ государеве дворѣ у насъ, у боярина ближнего и намѣстника козанского у князя Івана Борисовича Черкаского, да у меня, у посольского думного діака у Івана Курбатова сына Грамотина; и которые дела наказаны съ вами отъ царевича Александра, і вы говорите.

И Олександра Охия посланцы говорили: что прислалъ ихъ къ великому государю (титулъ) турской царевичъ Александръ Ахия бити челомъ, чтобъ государь пожаловалъ учинилъ ему на недруговъ ево помочь, и чтобъ ему государьскою помочью отца своего государства доступити; а съ ними Олександръ Ахия прислалъ ко государю грамоту. Да подали грамоту.

И бояринъ князь Іванъ Грамотинъ грамоту принялъ. А писана грамота рускимъ письмомъ съ литовского обычая, и съ тоѣ грамоты списокъ, а въ немъ пишетъ:

Списокъ зъ грамоты Олександра Ахия, какову грамоту подали посланцы его боярину князю Івану Борисовичу да думному діаку Івану Грамотину.

Пресвѣтлому самодержцу московскому, благочестивому государю царю і великому князю Михаилу Ѳедоровичю, православному всеа Росийские земли владыце и обладателю, салтанъ Ахия Оттоманъ, во святомъ крещенье Олександръ нареченный, радоватися присно.

Понеж(е), по повелѣнию и по благословению всесильнаго Бога, придохъ въ полки Воинства Запорожского великия реки Днепра, искиі отъ нихъ довольные помощи противу турецкого нечестия, ради отеческаго и праведнаго моего наслѣдия царства Греческаго, и убо, Богу волящу, хощу изыти въ грядущую весну по суху и моремъ къ земли Гречестей, идѣже ожидаетъ мя множество много воинства православныхъ болгаръ, сербовъ, албанитовъ и грековъ, иже кляшася мнѣ быти ми имъ законнымъ царемъ. Отъ нихже кленшихся воинства есть тысящъ сто и тридесятъ тысящъ, якож(е) возвеститъ твоему пресвѣтлому царьскому величеству мой слуга Марко Ѳедоровичъ Макидоненинъ, иже добрѣ весть, еже хо-

щемъ сотворити во грядущую весну и лѣто зъ днепровымъ воинствомъ. Сего ради благодати ищу и довольныя же и отъ твоего благочестиваго господарства помощи, яко отъ православнаго и благочестиваго царя, да способствуеши, якоже изволило есть и благочестивое днепровское воинство і вси черкаские молодцы, съ милостью Христовою, пособствовати, и аще убоявшись поборникъ на се благочестивое дѣло и азъ, благодатию Вышняго, сподоблюся отеческаго престола, восхощемъ и мы противу всякого врага православные вѣры, благодать возблагодать дающе, подобне всегда всесильне пособствовати, яко друзи і искринниі единовѣрныи братия, понеже и азъ, благодатию Христовою, благочестивъ и православенъ есмь, якоже святая восточная церковь узаконила есть, дерзновенне же, яко ко истинному благочестия ревнителю и единому вѣрному ми о Христе брату прибегаю, вѣдый, яко нѣкогда чюждимъ и благочестия страннымъ, неметцкому, глаголю, кесарю Руделѳу благочестивое росийское много пособствоваше царство, о нейже помощи нынѣ мнози отъ нихъ благодарне памятствуютъ, якоже мнѣ случися отъ великого ѳлорентинского князя слышати. Сего ради, дерзновение имущи, уповаемъ всесильному Богу, яко не оставите и насъ, ниже презрите моленья нашего, еже преподати намъ на дѣло се благочестия руки помощи, еяже ищемъ, с державнейши царю и благочестия пособниче! вѣруемъ бо хотящее быти утверждения ради святыя православныя вѣры нашия въ славу Христову, въ похвалу благочестивыхъ, въ стыдъ же и въ срамоту нечестивыхъ і въ поношенье врагъ нашихъ. И аще убо милосердеуши о мнѣ и способствовати благоволиши, молю, да не удержиши рабъ моихъ сихъ, Марка Ѳедоровича Макидоненіна и Івана Мартыновича, доброволно да вскоре отпустити благоволитъ тѣхъ, да увѣмы благоволение серца человѣколюбныя благочестивые державы вашия; его же съ превелиемъ желаньемъ чаю и молю всесильную десницу Божию, да сотворитъ многолѣтну и благоденственну царскую державу вашу, якова явишись победитель и свѣтелъ всѣмъ другомъ же и врагомъ повелитель, и будеши по сихъ наслѣдникъ небеснаго царствия.

Писано внизу реки Днепра за Порогами, въ лѣто смотренья Владычня 1625, мѣсяца ануариа въ 1 де(нь).

А подпись у грамоты Александра Ахия писано по гречески: Твоего величества рабъ отъ Духа Христова Салтанъ Ахия, во святомъ крещенье Олександръ Отоманусъ, своею, рукою. А по русски: Отоманусъ Турские области.

И спрашивалъ бояринъ князь Іванъ Борисовичъ Черкаской да думной діакъ Іванъ Грамотинъ Олександровыхъ посланцовъ: кто Олександръ царевичъ и котораго турского солтана сынъ, и гдѣ по ся мѣста былъ, и колькихъ онъ ныне лѣтъ, и какъ хочетъ Турского государства доступать, и которые государи ему на то помогаютъ, и чѣмъ помогаютъ, людьми ли, или казною, и какие онъ помочи отъ государя желаетъ, и гдѣ ныне Олександръ царевичъ?

И посланцы говорили: Царевичь Олександръ Ахия, а во крещенье Олександръ, турского Магметъ салтановъ сынъ, а Ахметъ салтану, что былъ во Царѣ городе, братъ родной. А ныне онъ въ Литовской землѣ въ Терехтемирове монастырѣ. А лѣтъ ему отъ роду есть блиско сорока. А человѣкъ де ученой; бывалъ во многихъ государствахъ, и хочетъ доступать отца своего турского государства. А помогать де ему хотяхъ запорожские черкасы, да ему жъ де обѣщалъ дать шпанской король на (по)мочь 60 катаргъ ратныхъ людей, да князь Ѳлоренской 20 тысячъ мушкетовъ да пушки и пищали большие. Да Олександру жъ де царевичю хотятъ помогать сербы, волохи и болгары, и албаниты, и иные землицы людьми и казною. Да ему жъ де хочетъ помогать крымской Шанъ-Гирѣй царевичъ, потому что онъ ныне съ Турскимъ въ недружбе, и чаютъ того, что съ нимъ въ собранье будетъ людей много, тысячъ до ста, и какъ придетъ весна, и ему де съ тѣми со всѣми людьми сослався итти подъ Царь городъ; а царскому де величеству бьетъ челомъ, чтобъ государь пожаловалъ—также помочь учинилъ людьми или казною, какъ государь произволитъ.

И бояринъ князь Іванъ Борисовичъ и думной діакъ Іванъ Грамотинъ говорили: что они грамоту Олександра царевича и рѣчи ихъ, что они говорили, донесутъ до царского величества, и что

на то государь произволитъ, и то имъ объявятъ инымъ временемъ. И, сказавъ посланцомъ государево жалованье, въ стола мѣсто кормъ, отпустили на подворье.

5.

Отпускъ посланцовъ Александра Ахіи.

И апрѣля въ 7 де(нь) указалъ государь царевичевымъ посланцомъ быти у себя государя на приезде и на отпускѣ одинова вмѣсте зъ запорожскими посланцы да сынозенцомъ сысакомъ Дубицкимъ, а имянно ихъ не объявлять, а велѣти имъ итти ко государю къ руке после запорожскихъ черкасъ бесъ скаски. И того дни царевичевы посланцы у государя были вмѣсте зъ запорожскими посланцы. А посыланъ по нихъ приставъ ихъ Борисъ Маракушевъ, и шли въ городъ, а у руки у государя были после запорожскихъ посланцовъ безъ явки.

И апрѣля жъ въ 10 де(нь), по государеву указу, Олександра Ахия посланцы были на казенномъ дворѣ у боярина у князя Івана Борисовича Черкаского да у думново діака у Івана Грамотина на отпуске. А какъ вошли въ полату, и имъ говорилъ думной діакъ Іванъ Грамотинъ:

Приходили естя къ великому государю нашему царю і великому князю Михаилу Өедоровичю, всеа Русіі самодержцу, къ его царьскому величеству отъ царевича Олександра Ахия зъ грамотою, а въ грамоте своей Олександръ царевичъ къ царьскому величеству писалъ і вы намъ говорили и письмо подали, что Олександръ царевичъ турского Магметъ салтановъ сынъ, а принялъ православную крестьянскую вѣру греческаго закону и былъ у цесаря римского і выныхъ государствахъ, а после того былъ въ Запорогахъ, а ныне де онъ въ Терехтемирове монастырѣ, а хочетъ доступать отца своего государьства, а помогаютъ ему на то крестьянские государи, сербы і волохи, и албаниты, и иные крестьяны, а васъ къ царьскому величеству прислалъ бить челомъ, чтобъ царьскому величеству для православные крестьянские вѣры Олександру ца-

ревичю вспоможенье учинить. И мы грамоту Олександра царевича і ваши рѣчи до царьского величества доносили. I великий государь нашъ его царьское величество, слыша то, что царевичъ Олександръ Ахия принялъ православную крестьянскую вѣру греческаго закона и хочетъ доступать отца своего государьства, тому порадовался и желаетъ Олександру царевичю всякого добра, и чтобъ ему сподобилъ Богъ отца своего государьства доступить; а помочи царьскому величеству Олександру царевичю учинить нельзѣ, для того что Олександръ царевичъ ныне въ Литовской землѣ, у запорожскихъ черкасъ, а запорожские черкасы послушны польскому королю, а польский король великому государю недругъ, и помочи ему черезъ чюжое государство нельзя, да и грамоты ныне царское величество къ Александру царевичю послать не произволитъ, для того, что Олександръ царевичъ ныне въ Литовской землѣ, и только того довѣдаетца литовской король, что Олександръ царевичъ ссылаетца съ его царскимъ величествомъ и проситъ царскаго величества на Турского помочи, а про польского короля сказываютъ, что будто онъ съ турскимъ Махметъ салтаномъ ныне въ миру, и король бы царевичю Олександру для Турского какой помѣшки и недобра не учинилъ. А для любви царское величество посылаетъ Олександру царевичю съ вами, отъ своей царские любви, что у него великого государя лучилось, и Олекландръ бы царевичъ принялъ то въ любовь. А великий государь нашъ его царьское величество і впередъ Олександру царевичю желаетъ всякого добра, чтобъ ему милосердый Богъ помощь послалъ доступить отца своего государьства. I вы царьского величества любовь и жалованье Олександру царевичю роскажите, и что съ вами послано, отвезите.

А сказавъ и показавъ имъ, послали съ ними въ коробѣ, запечатавъ. А рухледью къ Александру послали на 1.000 рублей соболей и лисицъ и бархатовъ золотыхъ.

А посланцомъ Олександровымъ государева жалованья дано: Марку камка добрая, сукно лундышъ, шапка въ 5 рублевъ 12, рублевъ денегъ. Івану: тафта, сукно аглитское, шапка въ 3 рубля; 10 рублевъ денегъ.

6.

Отписка путивльскихъ воеводъ въ Москву о прибытіи Александра Ахіи въ Путивль съ кіевскимъ священникомъ Филиппомъ.

И 134 г. декабря въ 16 день писали ко государю царю і великому князю Михаилу Өедоровичю всеа Русиі исъ Путивля воеводы отписку такову:

Государю царю і великому князю Михаилу Өедоровичю всеа Русиі холопи твой Олешка Головинъ да Івашка Есиповъ челомъ бьютъ.

Въ прошломъ, государь, во 133 году июля въ 8 день, въ твоей государеве цареве и великого князя Михаила Өедоровича всеа Русиі указной грамоте исъ посольскаго приказу писано къ намъ холопемъ твоимъ: только киевской митрополитъ Іевъ Борецкой впередъ въ Путивль пришлетъ человѣка своего или купецкого человѣка къ тебѣ государю царю і великому князю Михаилу Өедоровичю всеа Русиі и къ отцу твоему великому государю святѣйшему патріарху Филарету Никитичю московскому і всеа Русиі зъ грамотами, а учнутъ проситься къ вамъ государемъ, и намъ холопемъ твоимъ велено такихъ людей роспрашивати самимъ, выехавъ къ нимъ въ острогъ, а детемъ боярскимъ и никому роспрашивати ихъ не велѣти, чтобъ про такихъ людей опричъ насъ холопей твоихъ не вѣдалъ нихто; а роспрося и давъ мнѣ коримъ и подводы и пристава, отпустить къ тебѣ государю къ Москвѣ тотъ часъ. Да августа, государь, въ 24 день въ твоей же государеве цареве і великого князя Михаила Өедоровича всеа Русиі грамоте исъ посольскаго приказу писано къ намъ холопемъ твоимъ: отпущены съ Москвы отъ тебя государя киевского митрополита Иева Борецкаго посланцы Василей Петровъ Полочанинъ да Лукьянъ Балакиревъ, и будетъ онѣ впередъ пришлютъ отъ себя кого зъ грамотами въ Путивль, и намъ холопемъ твоимъ велено тѣ ихъ грамоты прислати къ тебѣ государю тотъ часъ, а тому человѣку велѣти побыть въ Путивле до твоего государева указу;

а будетъ онѣ въ Путивль приедутъ сами, а скажютъ, что ѣдутъ на твое государево имя или отъ митрополита зъ грамотами, и намъ холопемъ твоимъ велено къ тебѣ государю тотъ часъ отписать, на которые мѣста они ехали, и нѣтъ ли въ тѣхъ мѣстехъ моровово повѣтрея, а имъ велѣти побыть въ Путивле до твоего государева указу.

И нынѣшняго, государь, 134 году декабря во 2 де(нь) приѣхали изъ Литовские земли на путивльскую заставу къ желѣзнымъ кольцомъ литовские люди, сказались изъ Киева отъ митрополита Иева Борецкого, литвинъ Олександръ сказался купецкой человѣкъ, да исъ Киева жъ де отъ митрополита изъ Архангельского монастыря бѣлой попъ Өилипъ, а съ ними людей ихъ пять человѣкъ, и по твоимъ государевымъ царя і великого князя Михаила Өедоровичя всеа Русиі прежнимъ указнымъ грамотамъ, тѣхъ литовскихъ людей митрополичьихъ посланцовъ мы холопи твои велѣли взять въ Путивль тотъ часъ. И тово жъ, государь, числа ввечеру мы холопи твои, выѣхавъ на посадъ, тайнымъ обычаемъ роспрашивали ихъ. И въ роспросе литвинъ Олександръ сказалъ намъ холопемъ твоимъ, что онъ турской царевичъ Олександръ султанъ Иахия, Магометовъ сынъ, что объ немъ напередъ всего въ прошломъ во 133 году въ өеврале писалъ киевской митрополитъ Иевъ Борецкой, да и посланцы де ево Александровы сербинъ Марко Өедоровъ да козакъ Івашко Мартыновъ были у тебя государя на Москвѣ зъ запоросскими посланцы вмѣсте сываномъ Гирѣю съ товарыщи; а съ ними де людей ево приѣхали ныне: сербинъ Марко Өедоровъ да Івашко Селяковъ, да Івашко Герасимовъ, да съ ними же де исъ Киева изъ Архангельского монастыря отъ митрополита Иева Борецкого бѣлой попъ Өилипъ, а людей съ попомъ два человѣка литовскихъ, Захарка Ивановъ да Өетка Лазоревъ; а сказалъ онъ Олександръ намъ холопемъ твоимъ:

Въ прошломъ де во 133 году, какъ писали къ тебѣ государю напередъ сего объ немъ Олександре и о посланцехъ ево, а онъ де Александро въ тѣ поры былъ въ Литовской земли въ Терехтемирове монастырѣ, а исъ Терехтемирова былъ въ Черкасехъ, и въ томъ же, государь, къ прошломъ во 133 году весною козаки запоросские взяли ево Олександра исъ Черкасъ въ Запороги, а

хотѣли де съ нимъ козаки запорозские собрався итти въ Греческую землю, для того что писали де къ нему Олександру изъ Грекъ и Сербской земли, и изъ Болгаръ, и изъ Ехимаровы, и изъ Климентины, изъ Белопавликовъ, изъ Гаръцековины, изъ Маневцы, Дуказаны тѣхъ городовъ княжества, чтобъ Олександръ зъ запорозскими козаки пришолъ къ нимъ въ Сербскую землю, и болгары и онѣ де тѣхъ земель греки всѣ пойдутъ на турского царя, чтобъ имъ посадить ево Олександра на государьство во Царѣ городе и учинить бы въ Царѣ городе вѣра греческая. Да ему жъ де Олександру хотѣлъ помогать казною и людьми король шпанской. И собралось де, государь, было козаковъ запоросских съ нимъ Олександромъ въ Запорогахъ тысячъ съ тритцать; хотѣли де съ нимъ итти въ Греки, въ Сербскую землю. И какъ де въ Запорогахъ козакомъ уичнилась вѣсть, что гетманъ Конецъ Польской съ поляки идетъ на нихъ на козаковъ хъ Киеву, и у нихъ де у казаковъ учинилось рознь, и ізъ Запорогъ де козаки розошлись по литовскимъ городамъ, учели збиратца противъ гетмана Конецпольского. И нынешнего де, государь, 134 году, сентября въ 1 день, онъ Олександръ съ своими людьми самъ пятъ изъ Запорогъ поѣхалъ въ Литовскую землю, и приѣхалъ въ Киевъ сентября въ 17 день. И какъ де послышелъ гетмана Конецпольского приходъ на литовские городы, и митрополитъ де Иевъ Борецкой ево Олександра учелъ держати укрываючи отъ поляковъ въ Киеве въ Орхангельскомъ монастырѣ тайна, и положилъ на него чорная платья. А гетманъ де Конецъпольскій присылалъ въ Киевъ и выные литовские городы ево Олександра сыскивать накрепко, чтобъ ево взять и отвесть хъ королю польскому. И нынешняго жъ де 134 году ноября въ 27 день митрополитъ киевской Иевъ Борецкой послалъ ево Олександра тайнымъ обычаемъ къ тебѣ государю царю і великому князю Михаилу Өедоровичю всеа Русіі, а велѣлъ де ему, едучи до Путивля, сказыватца купецкимъ человѣкомъ. А съ нимъ де Олександромъ митрополитъ послалъ изъ Арханьельского монастыря бѣлого попа Өилипа, и съ нимъ де съ попомъ съ Өилипомъ послалъ митрополитъ Иевъ грамоты къ тебѣ государю (титулъ) и къ отцу твоему (титулъ). А тотъ де попъ Өилипъ прежъ сего отъ митрополита посыланъ былъ съ нимъ Олександромъ въ Запороги объявлять ево

козакомъ. А вестей де отъ Олександро никакихъ не вѣдаетъ, потому что жилъ въ Киеве тайно. А смыслилъ де онъ Олександро съ митрополитомъ съ Иевомъ Борецкимъ, чтобъ ему ехати бити челомъ тебѣ государю (титулъ) и отцу твоему (титулъ), чтобъ вы государи пожаловали велѣли ему отъ поляковъ въ нынешняя ихъ межуусобья пробыть въ Московскомъ государьстве. И впередъ какъ вы государи ему укажете.

А попъ Ѳилипъ въ распросе намъ холопемъ твоимъ сказалъ: Послалъ де ево попа Ѳилипа исъ Киева митрополитъ Иевъ Борецкой съ нимъ Олександромъ Ахиемъ къ тебѣ государю (титулъ) и къ отцу твоему (титулъ), а въ прошломъ де во 133 году, октября въ 22 де(нь) посыланъ онъ попъ Ѳилипъ изъ Киева отъ митрополита съ нимъ Олександромъ въ Запороги объявлять ево Олександра козакомъ. И въ томъ же во 133 году, о Рожествѣ Христове, онъ попъ Ѳилипъ изъ Запорогъ приехалъ въ Киевъ, и былъ по ся мѣста въ Киеве въ Архангельскомъ монастырѣ.

7.

Разсказъ священника Филиппа о томъ, какъ усмирилъ козаковъ коронный гетманъ Конецпольскій.

Въ этомъ документѣ священникъ Филиппъ говоритъ, что цѣль прихода Конецпольскаго съ войскомъ для уменьшенія числа козаковъ состояла въ томъ, чтобы, заключивъ козачество въ 6.000 воиновъ, ввести римскую вѣру въ Кіевѣ и во всѣхъ литовскихъ городахъ; потомъ: что козаки, выключенные покорными Конецпольскому собратіями изъ козацкаго реестра, хотятъ посылать къ царю съ челобитьемъ о присылкѣ ратныхъ людей къ нимъ на помощь, чтобъ не дать Конецпольскому и полякамъ ввести въ Киевѣ и во всѣхъ литовскихъ городахъ римскую вѣру.

Если подъ римскою вѣрою разумѣть и церковную унію, то Конецпольскій не взялъ бы на себя такого порученія, а король не могъ бы ему дать онаго.

Конецпольскій былъ первенствующій колонизаторъ украинскихъ пустынь. Успѣхъ новыхъ слободъ и осадъ на татаротурецкомъ

пограничьѣ зависѣлъ не отъ пана, дѣдича или королевскаго старосты, а отъ личнаго усмотрѣнія поселенцевъ, приходившихъ на зовъ осадчихъ. Осадчіе, то есть агенты колонизаторовъ, начинали свои „зазывы на слободу" съ объявленія, что поселившіеся въ такомъ то панскомъ или королевскомъ имѣніи будутъ пользоваться неограниченною свободою столькото лѣтъ. Отсюда вольность украинская, которою, по словамъ бискупа Верещинскаго, гордились мѣстные мужики. Отсюда движеніе народа изъ Бѣлоруссіи въ Украину, о которомъ пишетъ Гербуртъ Щенсный въ своей запискѣ. Отсюда безлюдье старыхъ имѣній во внутреннихъ провинціяхъ и постоянно возраставшее многолюдство новыхъ осадъ и слободъ, на которое жаловались польскіе экономисты и землевладѣльцы.

Введеніемъ церковной уніи въ козацкой украинѣ Конецпольскій остановилъ бы то дѣло, которымъ только и было возможно достигнуть обладанія этимъ плодороднымъ краемъ. Всѣ коронные гетманы, цѣлый рядъ ихъ, были—и должны были быть изъ собственныхъ выгодъ—покровителями православнаго вѣроисповѣданія въ Украинѣ, которая у нихъ, какъ охранителей границъ, находилась въ полномъ распоряженіи. Если бы они вздумали вести не соціальную, а религіозную войну съ козаками, то не получили бы на нее отъ земскихъ разновѣрныхъ пословъ денежной ассигновки, а отъ пановъ диссидентовъ и дизунитовъ—военныхъ контингентовъ, безъ которыхъ коронное войско было бы слишкомъ слабо для подавленія козачества. Этимъ то и у короля, и у пановъ католиковъ связывались руки для служенія папѣ въ пограничной странѣ, въ которую всѣ пострадавшіе изъ за уніи во внутреннихъ провинціяхъ бѣжали для козацкаго промысла и для избѣжанія отвѣтственности за ссору съ мѣстными властями. (Ср. письмо князя Збаражскаго, напечатанное выше, стр. 102.)

Священникъ Филиппъ, человѣкъ, по отзыву Іова Борецкаго, вовсе неученый, да еще къ тому собиратель церковной милостыни въ козацкихъ жилищахъ, естественно повторялъ слова козаковъ, которые съ короннымъ гетманомъ спорили только за войсковыя вольности, нестерпимыя для государства, а у царя просили помощи на поляковъ, яко на гонителей православія. Православіе въ

бѣлорусскихъ городахъ и въ Кіевѣ гнали его ренегаты мѣщане и попы, а вовсе не землевладѣльцы, во главѣ которыхъ стоялъ обыкновенно богатѣйшій изъ нихъ, коронный гетманъ. Этотъ классъ былъ заинтересованъ селами, или же собственными городами. Города королевскіе даже не подлежали его власти. Они составляли неприкосновенную собственность короля, до которой панамъ не было дѣла, такъ точно какъ и ему самому—до панской собственности. Въ Польшѣ господствовала политика не только невмѣшательства, но и разобщенія интересовъ. Даже козаковъ усмиряли паны не въ угоду королю, а въ интересахъ землевладѣнія; почему и видимъ въ панскихъ ополченіяхъ противъ украинской вольницы исключительно владѣльцевъ имѣній русскихъ. Заставить же Конецпольскихъ, Вишневецкихъ, Болобановъ, Острожскихъ, Замойскихъ подвергать себя опасностямъ и издеркамъ походовъ на пограничье король не имѣлъ ни власти, ни силы. Король самъ находился въ рукахъ у великихъ пановъ и для распространенія уніи прибѣгалъ къ искусственному большинству ренегатовъ. Король игралъ роль не угнетателя, а покровителя религіозной свободы, давая санкцію „добровольному“ переходу мѣщанъ и монастырей въ унію, и отступники, если глядѣть на нихъ de jure, прибѣгали только подъ покровительство правоправящей власти. Взглянемъ теперь на противный лагерь.

Мы постоянно видимъ козаковъ, обращающихся къ королю съ жалобами на пановъ землевладѣльцевъ. Но никогда Запорожское Войско не было въ конфедераціи съ панами противъ короля. Того мало; паны подозрѣвали королей своихъ въ умышленномъ привлеченіи въ себѣ Запорожскаго Войска. Съ другой стороны козаки досадовали еще при Зборовскомъ на неблагодарность пановъ, и даже въ бунтѣ Хмельницкаго говорили: „король—якъ король, но вы, королята, багато брôите“. Самое сказаніе о томъ, будтобы Владиславъ IV сказалъ козакамъ: „маете при боку саблю; кто вамъ за себя постоять возбраняетъ“? произошло отъ распространенной въ панскомъ обществѣ подозрительности, что король готовъ воспользоваться своею популярностью въ Запорожскомъ Войскѣ для увеличенія своей власти. Изъ дневника Альбрехта Радивила извѣстно, что Владиславъ тайно принималъ у себя козац-

кихъ посланцовъ, когда готовился къ турецкой войнѣ въ 1646 году. Это мѣсто опущено переводчикомъ дневника съ латинскаго автографа, но приведено въ книгѣ Шайнохи „Dwa Lata Dziejów naszych“. Подозрительность панской партіи имѣла, очевидно, свои основанія. Во всякомъ случаѣ партія королевская никоимъ образомъ не могла дѣйствовать противъ козаковъ такъ, какъ это представляли московскому правительству. Козаки имѣли дѣло, говоря конкретно, не съ королемъ, а съ панами; паны же имѣли въ виду вовсе не религіозные интересы. Смѣшеніе этихъ данныхъ производитъ путанницу въ нашихъ понятіяхъ о польскорусской старинѣ, и до такой степени вредитъ уразумѣнію дѣйствительности былого, что чѣмъ больше мы изучаемъ фабулу исторіи, тѣмъ меньше *знаемъ* исторію.

Уменьшеніе козаковъ было конечно непріятно для тѣхъ, которые состояли подъ эгидою Запорожскаго Войска, но оно ни коимъ образомъ не могло, въ умѣ Конецпольскаго, соединяться съ видами клерикальной королевской партіи, видами чуждыми ему и по его имущественнымъ интересамъ, и по его извѣстной умѣренности въ дѣлахъ вѣры. Ложь, распускаемая козаками въ народѣ о вѣрѣ, ложь обычная у нихъ до конца Хмельнищины, обличается, между прочимъ, и тѣмъ, что Запорожское Войско, сражаясь противъ короннаго гетмана съ отвагой, по истинѣ удивительною, не сдѣлало ни одной попытки къ освобожденію отъ уніи хоть одной мѣщанской муниципіи, и всѣ свои походы направляло или въ Турцію, или въ Волощину, или въ Московское царство „для добычи“. Пускай бы козаки сдѣлали хоть такую безумную и безуспѣшную попытку къ низпроверженію уніи, какъ витебцы въ 1623 году. Нѣтъ, они только говорили о вѣрѣ. Они говорили о претерпѣваемыхъ за вѣру гоненіяхъ, добиваясь отъ паповъ, своими угрозами, уступокъ соціальныхъ, совершенно такъ, какъ это дѣлали и ихъ антагонисты—православные землевладѣльцы, поднимавшіе нескончаемые споры на сеймахъ въ пользу греческой религіи, но отнюдь не въ защиту возстановленной митрополіи, которую они постоянно игнорировали.

За вѣру терпѣли гоненія не козаки, а мѣщане, и притомъ мѣщане тѣхъ городовъ, которые находились внѣ области козачества. Если-

бы козацкое войско двинулось, на примѣръ, къ Могилеву, Витебску или Львову, Луцку, Житомиру, то произвело бы своимъ походомъ только ужасъ въ мѣщанахъ. Если козаки, въ качествѣ „непослушныхъ мѣщанъ“, держались единицами въ Кіевѣ, а сотнями и тысячами въ Каневѣ, Корсунѣ, Черкасахъ, Крыловѣ, Чигиринѣ, Переяславѣ, Нѣжинѣ, Прилукѣ, Лубнахъ, то не иначе, какъ силою своего террора. Пьяная козацкая голота—козаки нетяги—постоянно находилась въ борьбѣ не только съ мѣщанами, но и съ самими монастырями, какъ владѣльцами имѣній. Мѣщане стремились къ торговлѣ и земледѣлію, козаки—къ безплатному пользованію землею и добычнымъ походамъ. Заодно дѣйствовала съ ними только своевольная мѣщанская молодежь да мѣщанская пропившаяся голь. Козачество было не опорою, а язвою православныхъ муниципій, почему и просили мѣщане царя Алексѣя Михайловича не дозволять жить въ ихъ городахъ ни жидамъ, ни козакамъ („Ист. Росс.“ Сол. X., изд. 2-е, стр. 321).

А вѣстей онъ попъ Ѳилипъ сказалъ: Нынешняго де 134 году, передъ Покровомъ Святые Богородицы, гетманъ Конецъ Польской приходилъ въ литовские городы подъ Бѣлу Церковь, а въ зборе де съ нимъ было поляковъ тысечъ съ тритцать, да немецъ цысарскихъ три тысечи, для того чтобъ козаковъ уменшить, а уменша козаковъ и вѣра римская въ Киеве и во всѣхъ литовскихъ городехъ учинить. И стоялъ де гетманъ въ литовскихъ городѣхъ въ Каневѣ и въ Черкасехъ, и въ тѣхъ де, государь, въ литовскихъ городѣхъ козаковъ поляки многихъ побили и мѣста ихъ козацкие разорили. И зъ Черкасъ де гетманъ Конецпольской, пришодъ ниже Крылова десять верстъ, сталъ обозомъ со всеми людьми; а козаки де, государь, запороские, пришедъ изъ Запорогъ и собрався зъ городовъ тысячъ зъ дватцать съ полковники съ козацкими зъ Дорошенкомъ да сызмаиломъ да съ Олиѳеромъ да съ Пырскимъ, что былъ у нихъ гетманомъ въ Запорогахъ, пришедъ стали обозомъ по ту же сторону Днепра.

И въ нынѣшнемъ же де, государь, во 134 году, о Дмитриеве дни Селунского, у гетмана Конецпольского съ козаки бой былъ всеми людьми, и на томъ де, государь, бою поляки козаковъ многихъ побили и осадили въ обозе; и козаки де запорозские зъ гетманомъ польскимъ помирились, а договорились де зъ гетманомъ, что козакомъ быть впередъ всево шти сысячамъ, а больши шти тысячъ козакомъ не быть, и на море и подъ турского городы не ходить, быть въ королевскомъ послушаньи, и гетману у нихъ быть, кого имъ король дастъ. А ныне де гетманъ Конецпольской велѣлъ быть у козаковъ гетмамомъ Дорошенку.

А помирясь де гетманъ Конецпольской пошолъ въ Баръ, въ старошство свое, а которое де съ нимъ было панства, и тѣ де пошли по своимъ именьемъ. А въ литовскихъ де городѣхъ гетманъ Конецпольской въ свое мѣсто оставилъ полковника Козановского, а съ ними оставилъ грошовыхъ наемныхъ людей пятнатцать тысячъ; а стоятъ де ныне тѣ люди въ литовскихъ городѣхъ въ Василькове, въ Треполи, во Ржищеве, въ Стайкахъ. въ Хвастове; а въ Киеве де, государь, ныне три роты желнеръ да три роты пехоты. А велѣлъ де гетманъ Конецпольской Козановскому и тѣмъ всемъ людямъ по городомъ быти до тѣхъ мѣстъ, покамѣста козаки розберутца въ шесть тысячъ; а толька де козаки на учнутъ разбиратца по договору въ шесть тысячъ, и гетманъ де Конецпольской опять пойдетъ на козаковъ хъ Киеву со всѣми людьми вскоре.

А козацкой де гетманъ Дорошенко съ польскими комисары ездитъ по козацкимъ городомъ, розбираетъ козаковъ. И ныне де гетманъ Дорошенко пришолъ въ Нѣжинъ для разбору козацкого, а изъ Нѣжина де быть ему въ Прилукахъ и въ Лубнахъ козаковъ же разбирать; а по городомъ де, государь, козаки ево Дорошенка слушаютъ, потому что лутчие люди козаки пристали къ нему Дорошенку. А которыхъ де, государь, людей отъ козачества отставливаютъ, и тѣ козаки всѣ мыслятъ посылать бить челомъ тебѣ государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіі, чтобы ты государь пожаловалъ ихъ велѣлъ имъ помочь учинить своими государевыми людьми на поляковъ. И онѣ де козаки станутъ служить тебѣ государю и городы литовские станутъ очи-

щать въ твое государево имя, чтобъ имъ православной крестьянской вѣры не отбыть. А то де, государь, у гетмама Конецпольского и у поляковъ допрема смышлено, уменша ихъ козаковъ, и къ Киеве и во всехъ литовскихъ городѣхъ вѣра римская учинить.

А гетманъ де козацкой Дорошенко, перебравъ козаки въ шесть тысечъ и съ тѣми де козаки итти ему къ гетману польскому, а собрався де гетманъ Конецпольской хочетъ итти на Шведы нынешней весны. А король де швецкой въ прошломъ во 133 году воевалъ литовскую землю по Вильну; а съ нимъ де было немецкихъ людей въ Литовской земли дватцать тысячъ, и взялъ де литовскихъ четырнатцать городовъ, а которые городы литовские немецкой король поималъ, того де онъ попъ Филипъ не вѣдаетъ.

И въ томъ же де, государь, во 133 году въ Оспожины говѣина литовской прежней гетманъ Радивилъ, а съ нимъ литовскихъ людей десять тысечъ, ходили на швецкихъ немецъ, и немецкие де, государь, люди Радивила побили. И стоялъ де немецой король подъ Вильною, а къ Вильне не приступалъ, потому что въ Вильне на люди моровое повѣтрея, и для де того поветрея король швецкой со всѣми людьми, отшодъ отъ Вильны, ныне сталъ подъ Полоцкомъ. А король де литовской посылалъ къ нему къ швецкому королю, чтобъ съ нимъ помирился на четыре годы; и король де немецкой съ литовскимъ королемъ на четыре годы миритца не хочетъ, а чтобъ ему перемирья взять съ нимъ съ литовскимъ королемъ на годъ, а только де перемирье на годъ не возмутъ, и король де немецкой хочетъ итти нынешней весны опять въ литовскую землю со всѣми людьми.

А король де польской ныне за Варшавою дватцать верстъ, а изъ Варшавы поѣхалъ отъ морового повѣтрея въ Цысарскую землю, а въ польскихъ де, государь, городехъ въ Варшаве, въ Люблинѣ, въ Замои, во Львове, въ Каземеревы, Гезнѣ, въ Минску, въ Корсуни, въ Терехтемирове въ прошломъ во 133 году въ тѣхъ польскихъ и литовскихъ городѣхъ многие люди померли поветреемъ, и по ся места де въ тѣхъ городехъ моровое повѣтрея не унялось.

А онъ де попъ Филипъ съ людьми своими въ техъ повѣтре-

нихъ городѣхъ нигдѣ не былъ; а исъ Киева де ѣхали на Прилуки, и въ техъ де мѣстехъ морового повѣтрея нетъ. А больши того онъ попъ Филипъ вестей никакихъ намъ холопемъ твоимъ не сказали.

Да Олександръ же Ахия да попъ Ѳилипъ подали намъ холопемъ твоимъ шесть грамотъ запечатаны. Грамота подписана къ тебѣ государю (титулъ), да грамота подписана къ отцу твоему (титулъ), да грамота подписана къ матери твоей (титулъ), да три грамоты посыльныхъ запечатаны жъ: грамота подписана володимерскому епископу Иосифу Курцевичю, да грамота подписана острицкому игумену Петроню, да грамота жъ подписана твоему государеву думному дьяку Івану Грамотину. А послалъ де съ ними тѣ грамоты къ вамъ государемъ и посыльные грамотки киевской митрополитъ Иевъ Борецкой. Да онъ же попъ Ѳилипъ сказалъ намъ холопемъ твоимъ, что послалъ съ нимъ митрополитъ Иевъ Борецкой книгу Чесасловъ печатной къ отцу твоему (титулъ). Да онъ же попъ Ѳилипъ подалъ листъ: пишетъ къ намъ холопемъ твоимъ митрополитъ Киевской объ немъ же Олександре Ахии и что онъ митрополитъ путивльца Василья Новикова въ Киеве для Олександра задержалъ. И после, государь, Олександрова приезду на другой день путивлецъ Василей Новиковъ исъ Киева въ Путивль приехалъ, которой былъ прежъ сево отъ насъ холопей твоихъ посыланъ въ Киевъ для вестей зъ Григорьевъ Глаткимъ. А сказалъ намъ холопемъ твоимъ онъ Василей: Говорилъ де ему киевской митрополитъ Иевъ Борецкой, что онъ посылаетъ къ тебѣ государю Александра Ахия да съ нимъ попа Ѳилипа тайно, купецкимъ дѣломъ. И онъ де Василей ехалъ за нимъ Олександромъ да за попомъ Ѳилипомъ. А вѣсти сказалъ намъ холопемъ твоимъ Василей Новиковъ тѣ же, что сказывалъ попъ Ѳилипъ. И мы холопи твои грамоты митрополита киевского, что подписаны три грамоты къ вамъ государемъ и три грамоты посыльные за ихъ печатьми, и листъ, что къ намъ холопемъ твоимъ митрополитъ писалъ, вземъ у Олександра и у попа Ѳилипа, послали къ тебѣ государю (титулъ) и къ отцу твоему (титулъ) съ черниговцомъ сыномъ бояриномъ сыномъ Стобуровымъ, а ево Олександра и попа Ѳилипа мы холопи твои, безъ твоего государева указу, от-

пустить изъ Путивля къ тебѣ государю къ Москвѣ не смѣли, и велѣли ему Олександру и попу Ѳилипу съ книгою и людямъ ихъ побыти въ Путивле до твоего государева указу, и кормъ и питье имъ и на лошадиной кормъ даемъ исъ путивльскихъ доходовъ. И о томъ что ты государь (титулъ) намъ холопемъ твоимъ укажешь?

Да онъ же попъ Филипъ сказалъ намъ холопемъ твоимъ: прислалъ де съ нимъ митрополитъ киевской къ намъ холопемъ твоимъ крестъ кедровой резной да книжку Часловъ ко мне холопу твоему Олешке, а крестъ ко мнѣ холопу твоему Івашку. И мы холопи твои тотъ крестъ и книшку велѣли ему попу Филипу держати у собя до твоего государева указу.

8.

Мнѣніе царской думы о томъ, какъ поступить съ Александромъ Ахіею.

И декабря въ 16 день государь царь и великий князь всеа Русиі сеѣ путивльские отписки слушалъ и указалъ чести бояромъ, пригоже ль Олександра Ахѣю приняти.... да что о томъ бояре поговорятъ, и о томъ велѣлъ государь доложить себя государя.

И по государеву цареву и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русиі указу, бояре путивльские отписки слушали и говорили: что то дѣло новое и, не помысля о томъ, приговорити нельзѣ, что напередъ сего таково дѣла въ Московскомъ государствѣ не бывало. И поговорили: только царевича Олександра въ Московское государство принять и быть ему въ Московскомъ государствѣ, а свѣдаетъ про то турской салтанъ, и ему бъ о томъ на государя нелюбья не было, потому что турские салтаны съ великими государи московскими прежъ сего и ныне въ дружбе и въ ссылке издавна. А крымской царь турскому салтану послушенъ, и только Турской учнетъ за то на государя досадовать, и крымскому отъ него отстатъ будетъ не умѣть, и опасатца того, чтобъ Турской и Крымской за то на государевы украины войны не вчали; да и того опасатца: польской король и поляки государю и всему Мо-

сковскому государству недруги, а онъ Олександръ Ахия былъ въ Литвѣ у казаковъ, и казаковъ поляки побили, а Олександръ приѣхалъ въ Путивль, а того не вѣдомо, какимъ умысломъ убежалъ онъ отъ нихъ, или будетъ и нарочно отъ поляковъ присланъ для ссоры, чтобъ тѣмъ государя съ Турскимъ ссорить; и опасатца того, что польской король пошлетъ къ Турскому гонца, объявляючи, что былъ у запорожскихъ черкасъ турчанинъ, а называетца царевичь Магметъ салтановымъ сыномъ, и онъ, не хотя съ Турскимъ быть въ нелюбье, посылалъ на него и на казаковъ рать свою, чтобъ ево поимати, и козаковъ побилъ и на море ходити имъ не велитъ, а Олександръ ушелъ въ Московское государство и нынѣ у государя проситъ помочи, а государь за него хочетъ ему на Турского помогать, и за то бъ Турской и Крымской не сложились и Московскому государству какова дурна не учинили.

А только Олександра Ахия въ Московское государство принять и его бъ держать въ береженье и послати бъ о томъ Турскому гонца нарочно, съ тѣмъ что былъ въ Польской и въ Литовской землѣ ихъ государства человѣкъ, а называетъ себя турского Ахметъ салтановымъ сыномъ Олександръ Ахия, а сказываетъ, что онъ исъ Турского государства изогнанъ неволею, и просилъ у польского короля у пановъ радъ помочи, и запорожскихъ черкасъ съ собою подымалъ, чтобъ ему доступить Турского государства и быть во Царѣ городе государемъ; и польской король и паны рада хотѣли ему въ томъ помочь учинить, и казаки запорожские хотѣли съ нимъ итти подъ Царь городъ, и межь ими учинилась рознь, и тотъ человѣкъ приѣхалъ къ государю бить челомъ, чтобъ государь велѣлъ ему на Турского помочь учинить; и государь, паметуя прежнихъ государей московскихъ съ турскими салтаны дружбу и любовь и хотя съ Муратъ салтаномъ быть въ дружбе і въ любви, тому вору не повѣрилъ, а хочетъ ево отдать Муратъ салтану, а Муратъ бы салтанъ зъ государемъ, за то учинился (въ) вѣчномъ миру и въ даконфчанье, и крымскому бъ царю и калгѣ и всѣмъ крымскимъ людемъ указъ учинилъ крепко, чтобъ они зъ ѓосударемъ были въ дружбе, і войною на московское государство не ходить, и тѣмъ бы съ турскимъ и съ крымскимъ въ люб(в)и утвердитца. А не отдать его Турскому будетъ нельзѣ, потому что за

то отъ Турского и отъ Крымского чаять на государя болшово нелюбья, и опасатца того, чтобъ отъ того войны не было. А только взять для того, что(бъ) Турскому дать, и то также опасно, и чтобъ тѣмъ Бога не прогневить, что человѣка христьянина на смерть отдать. А праведные судьбы Божье никому не довѣдомы. Авось будетъ прямой салтанъ Магметовъ сынъ и крещенъ въ православную крестьянскую вѣру прямо; и былъ во многихъ государствахъ, и нигдѣ ему зла не учинили, а сказываетъ, что многие ему крестьянские государи хотятъ помогать; а въ Московское государство ко государю приѣхалъ милости просить о помочи жъ, и только его отдать, и въ томъ бы Бога не прогневить и грековъ и тѣхъ всѣхъ, которые на него надежу имѣютъ, не оскорбить и отъ Турского въ конечное розоренье не привести, и чтобъ о томъ отъ пограничныхъ государей укоризны не было, что человѣка христьянина отдать въ поганские руки. А только его въ Московское государство не принять, а выслать опять за рубежъ, а онъ будетъ не похочетъ ѣхать назадъ, боясь того, только онъ достанетца польскому королю, а король ево отошлетъ къ турскому салтану и тѣмъ съ Турскимъ учинитъ миръ, а зъ государемъ ссорку. И то также не вѣдомо, на что положити, чтобъ Бога не розгневить. А судьби Божьи недовѣдомы: авосе будетъ Богъ хочетъ имъ избавить грекъ отъ турские неволи.

И говоря о томъ бояре много, отложили, что еще о томъ подумать (?) гораздо, какъ тому быть пригоже.

9.

Перемѣщеніе Александра Ахіи изъ Путивля во Мценскъ, по царскому указу, и донесеніе о томъ царю дворянина Лодыгина и дьяка Нечаева.

Царская дума постановила перевезти Александра Ахію во Мценскъ и окружить стрѣлецкою сторожею, чтобъ онъ не могъ оттуда бѣжать. Путивль былъ „украиннымъ мѣстомъ“, близкимъ къ литовскому рубежу, и о пребываніи Ахіи въ Московскомъ царствѣ мог-

ли бы свѣдать поляки, а отъ поляковъ—турки. То же самое могло случиться и въ случаѣ бѣгства Ахіи за литовскій рубежъ. Ни съ Польшею, ни съ Турціею не желала нарушать мира Москва, еще недавно (1618 г.) терпѣвшая разореніе отъ войска королевича Владислава и помогавшихъ ему козаковъ Сагайдачнаго. Получивъ царскій указъ о перемѣщеніи опаснаго гостя во внутренній городъ, царскій приставъ Данило Пузиковъ и его люди „перемѣшкали въ Путивлѣ два дня, для тово что Александръ на себя и на людей платье теплое дѣлалъ“. Отъ Путивля до Сѣвска Пузиковъ нашелъ необходимымъ взять у путивльскихъ воеводъ 20 человѣкъ провожатыхъ, „для тово что отъ Путивля до Брянска и до Сѣвска дорога лежитъ у литовсково рубежа“, такъ чтобы ему „было съ иноземцы дорогою проѣхать здорово“; а отъ Сѣвска до Мценска ѣхалъ онъ только съ своими 10-ю стрѣльцами. „А питья изъ Путивля до Мценска взято у воеводъ съ кабака 4 ведра вина и 15 ведеръ меду; и медъ путивльскій (доносилъ приставъ царю) до Мценска весь исшелъ, а вина путивльского во Мценскѣ будетъ денъ на 5 или на 6“. Подводъ подъ Александромъ и его людьми, „по его запросу“, было 10, „да кормовыхъ подъ питьемъ и подъ хлѣбнымъ и подъ мяснымъ запасомъ было 2 подводы“.

Вмѣстѣ съ Александромъ Ахіею препровожденъ во Мценскъ и священникъ Филиппъ, а изъ Москвы наряжены туда дворянинъ Дмитрій Лодыгинъ да дьякъ Григорій Нечаевъ для изслѣдованія „подлинно, что за люди такіе Александръ Ахія да попъ Филипъ, и нашей ли христіанской вѣры, и образомъ поклоняются ли“? Этимъ сановникамъ было наказано, чтобъ они обходились съ Александромъ ласково, и чтобъ у него ни въ чемъ недостатка не было. Не смотря на этотъ наказъ, нравы и обычаи у московскихъ людей были тогда еще таковы, что Ахія помѣщенъ во Мценскѣ въ одной избѣ съ попомъ Филиппомъ, да тутъ же помѣщались и люди обоихъ путешественниковъ. Изъ донесеній царскихъ слѣдователей въ Москву мы видимъ, что во Мценскѣ и не могло быть болѣе удобной квартиры для искателя турецкаго престола.

Впрочемъ пограничные воеводы иногда съ умысломъ увеличивали неудобства временнаго пребыванія чужихъ людей въ ихъ городѣ: этимъ они заставляли странниковъ давать себѣ взятки. Въ

подтвержденіе сказаній Котошихина и для характеристики того, что могъ видѣть кругомъ себя Ахія въ Путивлѣ и во Мценскѣ, приведу здѣсь просьбу монаха кіевскаго Никольскаго монастыря Ѳомы Киличовскаго, поданную имъ царю, по прибытіи въ Москву, на путивльскихъ воеводъ Богдана Нагого да Петра Булгакова, Головина и Есипова, въ маѣ 1629 года. Киличовскаго и старца Печерскаго монастыря Виктора держали въ Путивлѣ очень долго, такъ какъ изъ Москвы не приходилъ указъ: отпустить ли ихъ къ Москвѣ, или отправить обратно въ Кіевъ. Сами воеводы доносили царю, что эти старцы „путивльское житье ставятъ себѣ въ скуку". Съ своей стороны монахи жаловались, что пріѣхали въ Путивль 19 сентября, и что ихъ держатъ тамъ уже шесть мѣсяцевъ, давая корму по три деньги на день. „Ино намъ (писали они) того не стаетъ, и естесмо гладомъ и жаждою содержимы, ко симъ же и вся кою нуждою, по граду скитаючися, еже не есть мощно исповѣдати".

Но чего нельзя было исповѣдати въ просьбѣ изъ Путивля, то обнаружено Ѳомою Киличовскимъ въ Москвѣ. Здѣсь онъ подалъ просьбу слѣдующаго содержанія:

† Премилостивый цару и государу и великий князь Михаилъ Федоровичъ, всея Росия самодержецъ, и милостивый великий государь святѣйший патриархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и вся Росия!

Бьетъ челомъ нищий вашъ царский государский богомолецъ чорный попъ Ѳомище Киличовский. Слышавши я, бѣдный нищий государовъ царский богомолецъ, ваше царское велие щедролюбивое и неизреченное ко всякому страннопришельцу милосердие жалованье, оставивши вся, ни на чтожъ не розглядая и все ни во чтожъ вменихъ, токмо уповающе на ваше царское милосердие, въ року прошломъ седмой тысящи 133 привлекшумися на ваше царское имя сентебра осмогонадесятъ дня, пришедши въ вашу царскую крѣпкую, великую, непобѣдимую державу, тамо въ Путивлю держали мя воеводы путивльские отъ сентебря 18 дня даже до мая 18 дня безъ всякой вины, вывѣдавщися о мнѣ, же я тыжъ не послѣднимъ человѣкомъ бывалъ въ земли Молдавской, по здешнему Волоской, и жемъ служилъ Иеремеи, господару благочестивому и христолю-

бливому, сподѣвалися великихъ скарбовъ у мене, затворили мя у единого человѣка новопобудованого, ижъ не имѣяше жадныхъ хлѣвинъ, токмо едину избу, и въ той избѣ затворено со мною свиней и поросятъ, и телятъ, и курей, на остатокъ и собакъ, которыхъ невольно ми было ихъ выганяти вонъ. Въ таковомъ смраду и крику и воплю свиномъ и гусиномъ и курячомъ черезъ всю зиму мученъ быхъ; челобитние посылахъ частокротне, просячи о указъ, да мя пошлетъ ко пресвѣтлому царскому господарскому вашему величеству, альболи свободити мя змежи тыхъ сви(ней), да мя велитъ перевести на иную подворье, а воевода съ того насмѣвался съ подьячими. Довольно намучившися мне единого дня недѣльного прислалъ до мене въ ночи и, вызвавши мя на дворъ черезъ того посланца своего, просилъ у мене коберций и камения драгаго и чирвонныхъ золотыхъ. Ямъ отповѣдалъ посланцу, жебы воевода писанье ко мнѣ прислалъ. Онъ прислалъ до мне мовячи, же я того не могу учинити, абымъ посламъ писанье, але наказалъ до мене, абымъ конечне его подаркомъ обыслалъ. Я, зъ великои нужи и страху, послалъ Богдану Михайловичу Нагому двадцать талеровъ копныхъ, и то ледво отъ мене прин явши, обѣцался писать о мнѣ ко вашему царскому величеству. Поддячии тижъ, довѣдавшися о томъ, начаша приходити ко мнѣ, два ихъ, единъ именемъ Дмитръ, а другой именемъ Гаврилъ, и взяша у мене Дмитръ десять талеровъ копныхъ и едину Псалтыру друку печерского, а Гаврилъ узялъ также десять талерокъ и Требникъ друку виленского, довольно пограбивши мя, прислалъ воевода Богданъ Михайловичъ Нагой, просячи, абы о томъ другой воевода Петръ Никитичъ не вѣдалъ ани иный нихто. Поддячии тижъ собѣ просили, абыхъ о томъ никому не повѣдалъ. И тако отпустиша мя къ вашему царскому государскому пресвѣтлому величеству во многославный и вездѣ именитый градъ Москву июня 3 дня, и дано ми вашего царского жалованья корму полтынуна день, а иного къ къ тому ничего не даютъ, и азъ бѣдный нищий вашъ царский и государской богомолецъ въ вашемъ царскомъ государскомъ жалованью вельми оскорбленъ въ великуй нужи и (ску)дости. И тамо въ Путивлю коли есми посылалъ стрѣльцовъ, стрегущихъ мя, куповать себѣ стравы на мѣсто, то они што ми за деньгу купили,

а 'я имъ мусѣлъ бѣдный за то полтыну дати. Въ томъ вязенью невинномъ будучи, мусѣлъ есми стравити своихъ денегъ рублей десять, и зде на Москвѣ подъ вашимъ царскимъ государскимъ жалованьемъ зле стражду истаемъ гладомъ и жаждею; милости ни отъ кого не могу получити, токмо уповаю на премилостивую вашу царскую государскую милость. Господару волоскому Иеремии вельми благочестивому служихъ и въ монастырѣ его игуменомъ быхъ; три лѣтасемидесятъ братиямъ предводителемъ быхъ и пастыремъ. Господару мултянскому Радному Шербану духовникомъ быхъ и госпожди его, еяже провожаючи до цесаря нѣмецкого, герцека Матеяша, во Ярославлю отъ княгинѣ ярославския велики бѣды прияхъ и небезпества, хотячи княгиня ярославская вовести оную православную господариню во церковь униятскую, азъ же вооружихся и не дадохъ ей входа въ храмъ отступный. Отъ тамо возвратихся съ цесарскихъ краевъ, пасохъ множество велие православныхъ християнъ во градѣ Пинску, и тамо бѣды приимъ многи отъ епископа пинского, отступльшаго отъ православ(ныя) вѣры; гладомъ и жаждею и темничнымъ затворениемъ ради прявослав(ные) вѣры отъ незбожныхъ отступниковъ довольно мученъ и томленъ быхъ. Гладомъ и жаждею таю и во вашей царской государской державѣ, идеже надѣяхся милость получити отъ пресвѣтлаго вашего величества, и еще и зде слухи мя заходятъ, же мя маютъ подъ начало дати, еже и азъ многимъ православнымъ начало подаяхъ. Милости и милосердия азъ придохъ ко пресвѣтлымъ стопамъ вашимъ государскимъ просити, а не томления. Милостивый царь и государь и великий князь Михаилъ Феодоровичъ, всея Росия самодержецъ, и милостивый великий государь святѣйшій патриархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Росия, умилосердѣтесь и змилуйтеся пожалуйте.

Прахъ и подножье царского пресвѣтлаго вашего величества нищий богомолецъ Ѳтомище Кличовскій молится и милости проситъ и пок(о)я отъ трудовъ.

Къ чести царскаго правительства надобно сказать, что, по этой челобитной, посланъ въ Путивль Филонъ Григорьевичъ Башмаковъ, „для разслѣдованія о взяткахъ за отписку къ царю и за то,

чтобы съ худого подворья перевести его на иной дворъ——1 тѣхъ обыскныхъ людей рѣчи, за игуменскими и за поповскими и за обыскпыхъ людей руками (повелено) привести къ Москве съ собою вмѣсте и отдати въ посольскомъ приказе дьякомъ думному Івану Грамотинуда Максиму Матюшкину".

Результатъ розыска остался намъ однакожъ не извѣстенъ.

Приставъ Данило Пузиковъ, доставивъ Александра Ахію съ его спутниками во Мценскъ, далъ отчетъ царскимъ слѣдователямъ Лодыгину и Нечаеву, которые представили этотъ отчетъ царю на бумагѣ въ слѣдующемъ видѣ.

—— Какъ онъ (приставъ) пріѣхалъ въ Путивль, пришелъ къ Александру Ахие и вашъ государевъ (царя и его отца, патріарха) указъ ему показалъ. И Александръ де тому обрадовался, и на вашемъ государеве жалованье челомъ билъ, и поѣхалъ съ Путивля радостно, и въ дорогѣ ѣхалъ охотно, и человѣкъ смышленъ; а въ вѣрѣ де узнать его нельзя; а какъ де, государи, приходилъ онъ къ Александру въ Путивле, и у нево де въ избѣ въ тѣ поры былъ образъ Пречистые Богородицы, писанъ черниломъ на бумашке и прилепленъ къ стенѣ воскомъ. А въ дороге де по становъ и тово образа у него не видать. Какъ де Александръ учнетъ садитца ѣсть и попъ де говорить Отче нашъ передъ образомъ или передъ крестомъ, что гдѣ у крестьянъ вызбѣ есть, и Александръ де, государи, перекрестясь не урядъ, но памахавъ рукою, куды лицомъ стоитъ туды и поклонитца, иногда и хребтомъ къ образу стоитъ и въ шапке, и онъ такъ и поклонитца, къ образу и не оборотяся. Арозговоровъ де, государи, у нево съ Александромъ не было. Только де, государи, на последнемъ стану говорилъ ему Александръ: только де вы, государи, укажете съ нимъ кому говорить, и попу Филипу въ тѣ поры тутъ не быть: попъ де не таковской человѣкъ. А иного де попъ не вѣдаетъ і быті ему тутъ и вѣдать нельзѣ.

А Александра, государи, Ахия мы холопы ваши тово дни къ себѣ не призывали и не роспрашивали, потому что пріѣхалъ Данило Пузиковъ съ нимъ Александромъ после обѣда, и быть было ему у насъ нѣколи. А генваря, государи, въ 10 и въ 11 и во

12 день Александръ у насъ холопей вашихъ былъ, и по вашему государеву указу говорилъ, и роспрашивали ево подлинно по наказу и примѣриваясь къ письму киевского митрополита Иева Борецково и розговаривая съ нимъ широко и пространне і выпрашивая о всемъ, о всемъ подлинно. Да и попа. государи, Ѳилипа къ себѣ призывали и на одинѣ и распрашивали.

Да Александръ Ахия сказалъ намъ у себя две грамоты отъ князя Ѳлоренскова къ нему Александру написаны по испански обе за печатью князя Ѳлорентсково, да проѣзжая грамота запорожскихъ козаковъ гетмана, за войскового печатью. Да Александръ, государи, показалъ намъ печать, а сказалъ: какъ де ево сербскихъ и болгарскихъ мѣстъ и горъ свободные люди нарекли царемъ, и тое печать ему дали всѣмъ государствомъ такову жъ, какова государственная печать была у прежнихъ греческихъ царей.— —

10.

Разсказъ Александра Ахіи о своихъ похожденіяхъ въ Турціи, западной Европѣ и Малороссіи, записанный съ его словъ царскими слѣдователями.

Лодыгинъ и Нечаевъ призвали къ себѣ Ахію во 2-мъ часу ночи, то есть 7 часовъ вечера (дневные часы считались тогда съ 6 часовъ утра по нынѣшнему, а ночные съ 6 часовъ вечера) и спросили отъ имени царя о здоровьѣ. Потомъ завели разговоръ „примѣриваясь" къ составленной имъ и присланной Борецкимъ въ Москву запискѣ. Ахія разсказалъ имъ слѣдующую повѣсть. проходя молчаніемъ, какъ и въ самой запискѣ, относящееся къ своему пребыванію къ Парижѣ о связяхъ съ княземъ Неверскимъ. (См. въ Ж. М. Н. Пр. 1872 окт. статью В. В. Макушева.

Обычай имѣютъ турские цари посылаютъ дѣтей своихъ первородныхъ въ Макгнисѣю мѣстечно учить арапсково письма, и по тому жъ ихъ обычаю Амуратъ салтанъ турской посланъ сына своего первороднево салтана Магамета для науки въ Макгнѣсѣю. И

тутъ будучи въ Макгиисѣи, салтанъ Магаметъ отъ розныхъ жонъ имѣлъ четыре сына, въ нихъ же одинъ онъ Ахия; а матери ево имя было Елена, дочь нѣкоего Георга грека трапезоненина, котельника, и имѣла крестьянство втайне, и отецъ ево того не вѣдалъ. И былъ въ тѣ поры отецъ ево надъ Макгнисѣею удѣльнымъ князeмъ. А по турски мать ево звали салтана Ляльпоре. А первому брату ево имя было салтанъ Салимъ. Другово брата ево звали салтанъ Ахметъ. Тотъ былъ на государьтве двѣнатцать лѣтъ. Третей сынъ онъ салтанъ Мустоѳа. И какъ умеръ салтанъ Амуратъ, дѣдъ ево, и на ево мѣсто учинился государемъ во Царѣ городе отецъ ево салтанъ Магаметъ по отчеству, потому что онъ всемъ своимъ братье большой; а въ которомъ году, тово онъ не упомнитъ, а по ево гаданью, чаю, ныне тому тритцать семь лѣтъ. И былъ на государьстве дванатцать лѣтъ.

А какъ отецъ ево во Царе городе салтаномъ учинился, а онъ и братья ево въ тѣ поры были въ Макгнѣсѣи, а былъ онъ съ матерью съ Еленою, и мать ево, здумавъ съ отцомъ своимъ Георгiемъ и опасаяся тово, какъ отецъ ево Магаметъ свѣдаетъ, что она крестьянские вѣры, велитъ еѣ и съ Иахиею... убить. И наняли человѣка нѣкоево съ лодѣю, и сѣли въ лодю, какъ убогiе люди греки, и приехали до Арморѣи, до горъ Манейскихъ; а брагья осталися тутъ всѣ три съ матерьми своими. А какъ де братья ево пришли во Царь городъ, и большово ево брата султана Селима отецъ ихъ убилъ, а за што убилъ, того не вѣдаетъ, и слышелъ отъ людей, что была въ Турскожъ государьстве во Анатоли война, междоусобье у турковъ великое, и бои бывали многие, и отецъ де ихъ салтанъ Магометъ былъ тяжелой человѣкъ и отъ воинсково чину отбылъ потому что отяготѣлъ. И тотъ де братъ ево салтанъ Салимъ говорилъ отцу, что онъ человѣкъ тяжелой, на войну итти не можетъ, а въ Онатолiи война великоя и кровь льетца многая, и неприятели ево множатца, и онъ бы далъ ему ратныхъ людей и отпустилъ противъ неприятелей своихъ. А былъ де братъ ево салтанъ Салимъ въ поры молодъ, лѣтъ въ шестнатцать или въ семнатцать, только былъ дороденъ, храбръ, уменъ. И то де слышавъ паши, которые въ тѣ поры тутъ были, и говорили отцу ево салтану Магамету, по ненависти на брата ево или опасаясь отъ нево,

чтобъ ево не отпускалъ и воинскихъ людей ему не давалъ, для тово, что онъ остроуменъ і воинской человѣкъ, и какъ онъ тамъ съ ратными людьми будетъ, и онъ къ тому и больши тово къ себѣ людей зберетъ и ево отца своего убьетъ и іхъ всѣхъ побьетъ, а самъ учинитца во Царѣ городе салтаномъ. І по ихъ де рѣчи отецъ ево, будучи сердитъ, варварскимъ нравомъ убилъ тово сына своего салтана Салима самъ своими руками.

А после тово только три мѣсеца спустя, отецъ ихъ и самъ умеръ своею смертью, а на ево мѣсто учинился салтаномъ сынъ ево другой, братъ ево Ахиі и большой же Салтанъ Ахметъ; а какъ учинился царемъ, тому нынѣ 22 года; а былъ на государьстве двенатцать лѣтъ и умеръ своею смертью. А после ево на государьстве учинили меншово брата ево салтана Мустоѳу, и былъ на гостдарьстве только четыре мѣсяца, и ево турские паши отставили и учинили салтаномъ Асмана Ахметева сына, а ево племянника. И былъ Асманъ на государьстве годы съ три. Онъ Александръ въ тѣ поры во Царѣ городе самъ не былъ, а былъ у цѣсаря хрестиянсково, и у короля шпансково, и у князя ѳлорентсково; а то сказываетъ, вѣдая отъ грекъ и отъ иныхъ людей. И тово де племянника ево, салтана Асмана янычаня убили и учинили салтаномъ опять Мустоѳу. И былъ Мустоѳа на государьстве два года, и опять ево отставили, для тово что смирной и набожной человѣкъ, а о государьстве не радитъ, а учинили на ево мѣсто салтаномъ брата его Ахметева, сына салтана Ахмета, тому ныне три годы; а ныне томъ племянникъ ево салтанъ Амуратъ только двунатцати лѣтъ.

Какъ де мать ево приѣхала въ Арморѣю и жила тутъ два года, и приѣхалъ тутъ до Аморѣи митрополитъ селунской Козма, святый человѣкъ, и мать ево Елену исповѣдалъ, и какъ ему сказала мать ево, что она крестьянка, и Козма митрополитъ ево Иахию окрестилъ въ православную християнскую вѣру і назвалъ ево Александромъ. И мать ево отдала ево Кузмѣ митрополиту для наученья, и Козма митрополитъ приставилъ къ нему учителя инока Нила, потому что онъ умелъ по гречески и по сирски и по арабски. И былъ онъ въ ученье семь лѣтъ. А мать ево Елена постриглася въ тѣ жъ поры, какъ ево Козма митрополитъ крестилъ,

и монастырь устроила; а онъ съ нею после тово только дважды виделся.

Какъ онъ грамоте и по гречески говорить научился, и Козма митрополитъ салунской привезъ ево къ матери ево. И мать ево дала ему знаки царские дорогие, что царские дѣти носятъ на головахъ: киты золототканыи съ алмазы зъ дорогими і пугвицы золоты съ алмазы жъ, і иные узорочья, и денегъ. И Козма митрополитъ съ тѣмъ со всѣмъ послалъ ево къ цѣсарю Рудольѳу въ смирномъ платье, какъ носятъ церковники, і волосы учиня у нево, такъ же, что у клирика.

І Александръ допрашиванъ: почему митрополитъ Козма то увѣдалъ, что мать ево крестьянка, и для чево къ цѣсарю Рудолѳу послалъ и объявилъ и то, что онъ турсково салтана сынъ, и сколько онъ былъ у цѣсаря, и какую почесть чинилъ, и гдѣ инде былъ?

І Александръ сказалъ: Какъ Козма митрополитъ приѣхалъ въ Арморю по прошению матери ево Алены и отца еѣ Георгия и для ученья людей православныхъ, і въ тѣ поры матери ево отецъ Георгий митрополиту Кузмѣ исповѣдался и про свою дочь Апру, а ево мать, Елену, митрополиту сказалъ, что она турсково салтана жена, а вѣрою крестьянка, а сынъ у нее турчанинъ, онъ салтанъ Иахия. И Козма митрополитъ мать ево исповѣдалъ, и крестилъ ево Ахию (по) прошенью матери ево Елены и отца еѣ Георгия, потому что отецъ еѣ Георгий мужъ святъ былъ и не хотѣлъ тово видѣть, чтобъ онъ Иахия не крестьянинъ былъ. И какъ ево выучили грамоте, і взявъ у матери ево знаки царские, и послалъ его къ цѣсарю Рудольѳу и грамоту къ нему писалъ, чтобъ ево у себя сохранилъ и помочь бы ему на Турсково учинилъ, чтобъ ему отца своего государьства (до)ступить. Да и мать ево Елена грамоту ему къ цѣсарю дала, что онъ турсково Магаметъ салтановъ сынъ, и для тово она ему и знаки царские дорогие дала, чтобъ цѣсарю было то вѣрно.

И цѣсарь де Рудольѳъ принялъ ево честно; і былъ онъ у цѣсаря годъ, и помогать ему (цесарь) хотѣлъ. І въ тѣ жъ поры цѣсарь Рудольѳъ съ Турскимъ салтаномъ Ахметемъ, съ его Александровымъ братомъ, учинилъ мирное постановленье, и говорилъ

ему Александру, что онъ ево у себя держати опасаетца, потому что съ турскимъ салтаномъ зъ братомъ ево помирился (и салтанъ) учалъ у нево просить, чтобъ онъ по мирнему договору ево Александра имъ выдалъ. І велѣлъ ему цѣсарь Рудольѳъ ѣхать къ грандуки князю ѳлорентинскому, потому что грандука всегда съ Турскими войну ведетъ, и онъ ему учнетъ помогать. А были въ тѣ поры у цѣсаря отъ князя ѳлоренского послы Июлиянъ а Медичъ, и цѣсарь имъ говорилъ: есть у него такой человѣкъ, которой сыхъ кня(зе)мъ можетъ на Турка воевати; и отдалъ ево посломъ князя ѳлоренсково, и велѣлъ ево беречь, а на обиходъ ево въ дорогу велѣлъ ему дати 2.000 ефимковъ, и грамоту ему цѣсарь ко князю ѳлоренскому далъ.

И какъ онъ приѣхалъ ко князю ѳлоренскому Ѳердинанду, и князь ѳлоренской принялъ ево честно. И побылъ онъ у князя ѳлоренсково у Ѳердинанда только три мѣсяца, и тотъ князь умеръ, а учинился на княженіи сынъ ево князь Козма, тому лѣтъ со 18. И послалъ князь Козма ево Александра на войну на Турсково въ Сирию ко князю Манъ Ѳглю, которой государемъ надъ Тиромъ и Сидономъ і надъ иными городы блиско Іерусалима. Земля ево только дватцать пять миль отъ Ерусалима; а люди подъ нимъ именуютца християне; а вѣра у нихъ несторыевые ереси, да не обрѣзаютца по турски; а самъ к(се)нже Манъ Огля ни турчанинъ, ни арапъ; вѣрою кабы епикуры. А въ тѣ поры онъ съ турки воевался. А какъ они отъ князя ѳлоренсково шли до Манъ Огля, и была у нихъ война съ турки 19 мѣсяцъ. А было съ Манъ Оглемъ войска 21.000, а съ нимъ отъ князя ѳлоренсково восмъ тысячь. И турской салтанъ выходилъ на нихъ самъ, а съ нимъ ратныхъ людей двѣсте тысячь, и Манъ Оглевыхъ и ево людей побили на голову, а сами они Ахия и Манъ Огля ушли въ караблехъ. А турской Амуратъ салтанъ, побивъ ихъ, пошолъ на Казылбашсково, тому ныне семнатцать лѣтъ. А какъ онъ Александръ и князь Манъ Огля съ побойки ушли въ карабляхъ, і сошлися съ турскими людьми на море, которые шли въ катаргахъ съ побойки, і съ ними билися, и многихъ турчанъ побили, тысячъ семнатцать; а шли они въ тѣ поры на 14 карабляхъ великихъ; на всякомъ караблѣ было по штидесятъ по четыре пушки.

А после тово пришли Манъ Огля и онъ Иахия во Влохи і просили противъ Турсково помочи у папы римсково і у короля шпансково и у иныхъ. И говорилъ Манъ Огля папе римскому, чтобъ онъ далъ на Турсково въ помочь ратныхъ людей дватцать тысячь человѣкъ, и онъ ему достанетъ и отдастъ Иерусалимъ подъ ево подданство. И папа де ему въ томъ отказалъ и помочи не учинилъ.... Манъ Огля о томъ говорилъ и помочи у нихъ просилъ, а Ерусалимъ хотѣлъ имъ отдать. И они ему отказали жъ и помочи не учинили. Да папа жъ Манъ Оглю говорилъ, что онъ не крестьянинъ; и только онъ креститца, і онъ ему и помагать будетъ. И Манъ Огля креститца не захотѣлъ. А какъ іспервa приѣхали къ папе, и папа въ тѣ поры съ Манъ Оглемъ і видетца не хотѣлъ, потому что онъ вѣрою епикуръ. И приходилъ къ папе онъ Ахия и о томъ ему отъ Манъ Огля говорилъ: потому что ево Александра папа узналъ, что онъ крестьянинъ. И по ево Александрову прошенью, папа римской Павлусъ Квинтосъ, то есть Пятый Павелъ, писалъ отъ себя грамоты къ шпанскому и ко ѳранцовскому королямъ и къ инымъ княжатамъ итанянскимъ, чтобъ они Манъ Оглю помогали и на Турсково съ нимъ шли. А хотѣлъ де папа взять себѣ за то Иерусалимъ и Тиръ, и Сидонъ, і иные мѣста, которые блиско моря. И шпанской де и ѳранцовской короли и иные князи ево не послушали и помочи Манъ Оглю не учинили.

И Манъ Огля де и онъ Александръ пришли ко князю ѳлоренскому и были у нево годы три или четыре. А покамѣста Манъ Огля... былъ во Влохехъ, і въ тѣ поры государьствомъ его въ Сирии владѣлъ сынъ ево. А бывъ Манъ Огля у князя ѳлорентсково, ево Александра тутъ оставя, самъ отшолъ опять до своево княжства въ Сирию і учинился государемъ по прежнему, и съ Турскимъ помирился, и учалъ ему дань давать.

І после Манъ Огля былъ онъ Александръ у князя ѳлоренсково семь лѣтъ; і въ тѣ поры, въ лѣто отъ Рожества Христова 1614, были нѣкоторые люди ішпанове во Царѣ городе и росказали про нево салтана Ахию турскимъ людемъ, что онъ во Влохехъ у князя ѳлорентского. И увѣдавъ то нѣкоторые паши турские, а имяны ихъ вспомнити ныне не можетъ, и писали къ нему Александру листы, что онъ турсково салтана сынъ, и пригоже было ему

быть на отца его государьстве, а онъ ныне живетъ въ чюжей земли, и онъ бы, упрося у немецкихъ королей і у кнзей, у которыхъ нибудь на помочь людей и наряду, и пришолъ бы въ Турскую землю на границу, и они къ нему выйдутъ также съ турскими воинскими людьми и ево примутъ честно и учинятъ ево турскимъ салтаномъ, а брата ево, которой въ тѣ поры былъ на турскомъ государьстве, салтана Ахмета, окормятъ отравою. А писали къ нему Иасоѳъ паша да Албинъ серимъ, кабы патриархъ турецкой; а тово они не вѣдали, что онъ Александръ въ православную хрестьянскую вѣру крещонъ. И послали къ нему тѣ листы съ тѣми жъ ишпанскими людьми, которые во Царѣ городе для торгу были.

И тѣ шпанские люди тѣ грамоты вычли, потому что турки грамотъ не печатають, а вычетчи отдали ихъ шпанскому королю. И шпанской де король, не хотя тово, чтобъ ево Александра на государьство ево отпустить, и писалъ ко князю ѳлоренскому, чтобъ ево Александра прислалъ къ нему вышпанию для береженья. И князь де ѳлорентской ево Александра къ шпанскому королю не послалъ. И видя то король шпанской, что ево князь ѳлоренской къ нему не послалъ, и написалъ к нему Александру грамоты отъ турскихъ пашей таковы жъ, каковы прежние были, і прислалъ къ нему тайно, и хотѣлъ ево оттоле отъ князя ѳлорентсково взять къ себѣ тайнымъ обычаемъ, чтобъ тотъ князь не вѣдалъ, и отъ себя къ нему писалъ, какъ онъ у нево вышпанѣе будетъ, и онъ учнетъ ему помогать.

И какъ къ нему тѣ листы отъ короля шпансково принесли, и онъ было Александръ хотѣлъ отъ князя ѳлоренского къ шпанскому королю уйти тайно; и нѣкоторые люди увѣдавъ, и сказали князю. И князь говорилъ ему, что онъ ему помогалъ людьми и нарядомъ, и инымъ временемъ помогать ему радъ, сколько ево мочи будетъ, потому что ево Александра отецъ ево князь Ѳердинандъ зналъ, і онъ князь Козма знаетъ и вѣдаетъ, хто онъ и отъ ково родился, и гдѣ мать ево, и посланцовъ къ матери ево про нево обестить посылывалъ; и Александръ бы жилъ у нево и ждалъ времени; а коли будетъ время, и онъ ему помогати учнетъ. А шпанской де король тебя не знаетъ, и хто ты и отколе, тово не

вѣдаетъ. И онъ де Александръ князю ѳлоренскому говорилъ, чтобъ ево отпустилъ хъ королю шпанскому, а король ему помогать хочетъ, чтобъ ему государьства своего доступить. И князь де говорилъ ему, чтобъ онъ ещо у нево побылъ, а онъ хъ королю шпанскому объ немъ отпишетъ: будетъ ево приметъ съ честью и держать у себя (станетъ), такъ ж(е) какъ отецъ ево князь Ѳердинандъ и онъ держали, и онъ ево отпуститъ. И послалъ князь ѳлоренской о томъ хъ королю шпанскому посла своего.

И король де шпанской ко князю ѳлоренскому писалъ, что ево Александра приметъ съ великою честью. И князь де ѳлоренской ево Александра къ шпанскому королю отпустилъ. І принялъ ево шпанской король, честь ему воздалъ великую и суды серебряные, и лошади дорогие, и платье ему подавалъ свое, и такую ему честь учинилъ, что ни въ которомъ государьстве такъ ему не учинили. И будучи онъ у короля шпансково, просилъ у нево помочи, чтобъ ему далъ людей и нарядъ, и отпустилъ бы ево противъ Турсково, или хотя ево отпустилъ съ невеликими людьми до горъ Манейскихъ, гдѣ ево хотятъ турские паши взять и учинить государемъ. И король де шпанской помочи ему не учинилъ, а отказывалъ ему, что ему помочи на Турсково учинить нельзѣ, потому что у нево сыными королями и землями война, а Турской ныне съ нимъ не воюетъ, да и всчинать съ нимъ войны не надобно; и онъ бы ждалъ времени, а какъ будетъ время, и онъ ему помогать учнетъ. И послалъ ево для береженья въ Неополь городъ; и тамъ ево приняли съ великою честью, и давали ему на обиходъ ево по пяти сотъ еѳимковъ на мѣсяцъ.

И будучи онъ въ Неаполе, посылалъ грамоты шпансково короля ко владѣтелемъ, которые всю землю шпанскую строятъ і всякие дела вѣдаютъ, двенатцати человѣкъ, и просилъ у нихъ тово, чтобъ ему помочь на Турсково учинили (и) ево изъ Неополя отпустили. И иные де правители хотѣли ево отпустить, а иные — держать; и былъ межъ нихъ споръ; и протянулося тово после ево къ нимъ письма мѣсяцъ съ семь; а потомъ прислали къ нему въ Неополь съ тѣмъ: будетъ хочетъ онъ тутъ у шпансково короля быть и ждать времени, и король ему учнетъ помогати, какъ время будетъ; а не хочетъ ждать, а хочетъ куды поѣхать и промышлять инде, и они ему тово не забороняютъ.

А покамѣста онъ былъ в Неаполе, і в тѣ поры учинился былъ промыслъ і заводъ отъ нѣкоево князя Ниверненсково, которово княжство смежно ѳранцужскому королю, тѣмъ обычаемъ: Епископы нѣкоторые, греки, римскому костелу повинные и вѣры папежские, говорили тому князю Ниверненскому, чтобъ онъ войну всчалъ съ Турскимъ і, собрався бы съ воинскими людьми, шолъ до горъ Манейскихъ і Албанскихъ и до иныхъ свободныхъ мѣстъ, въ которыхъ живутъ люди вѣры християнские, и сказалъ бы имъ, что онъ греческие вѣры, и они ево примутъ и учинятъ царемъ. И потому ихъ совѣту, князь Ниверненской послалъ дву епископовъ до тѣхъ свободныхъ земель, до горъ Манейскихъ, до Албаницкихъ и до Клименти, и до Белопавлики, и до Химары, и до Герцековинъ, и до Дуказины, и до Мановъ, и до иныхъ земель, которые отъ турскова владѣнья ещо свободны, и объявляли имъ, что онъ хочетъ къ нимъ притти со многими людьми обороняти ихъ отъ Турсково, и они бъ ево учинили царемъ, чтобъ имъ жити въ своей крестьянской вѣре, а онъ и самъ ихъ греческое вѣры. И тѣхъ мѣстъ и горъ греки, люди простые, и поверя тому, что онъ хочетъ быть православнымъ, хотѣли ево принять и учинить царемъ, а тово не вѣдаючи, что онъ латинникъ и непріятель греческой вѣре.

И довѣдавсе тово Іванъ, архіепископъ сербскій, мужъ честнѣйшій і великій господинъ, а инде ево зовутъ и патриархомъ, что подъ ево властью 34 митрополитовъ и архиепископовъ, и писалъ отъ себя до тѣхъ до всѣхъ земель до Белопавликовъ и до Клименти, и до Герцековины, и до Дуказины, и до Химары, и до Албанитовъ, и до Манъ и до иныхъ, которые ныне въ ево митрополии, а прежъ сево были подъ митрополию Кархидонскою, чтобъ тово князя Ниверненсково не принимали за царя благочестивого, потому что онъ латинникъ и неприятель церкви восточные, и лучше имъ терпѣти неволю и насильство отъ турковъ, нежели, принявъ себѣ царя латинника, видети поруганье и смуту вѣры своеѣ и церкви Христовы восточные. И по ево совѣту, тѣхъ земель князи и люди отъ совѣту и подданства князя Ниверненсково отстали и ему отказали.

И тотъ же Іоанъ, архиепископъ сербскій, наговаривалъ тѣхъ

же горъ и мѣстъ свободныхъ князей і всякихъ людей: будетъ они хотятъ тово, чтобъ у нихъ быть царю вѣры християнские и стоять хотятъ противъ Турсково і битися за вѣру Христову, и къ тому всево пристойнѣе и годнѣе султанъ Іахия, во святомъ крещеніи нареченной Александръ, которой ныне въ Неополи, потому что онъ турсково салтана сынъ і вѣру православную соблюдаетъ въ цѣлости, і всякие ихъ правы і обычаи знаетъ, и человѣкъ многонаучной и къ тому годной; и будетъ они хотятъ, и они бъ ево учинили царемъ благочестивымъ и послали бъ къ нему дву святителей въ Неополь, чтобъ съ нимъ укрепилися и оттоле ево призвали.

И въ тѣ жъ поры, какъ онъ посылалъ изъ Неаполя къ шпанскому королю, чтобъ ему помочь учинилъ или отпустилъ, пришли къ нему въ Неополь ісъ тѣхъ земель Висарионъ, митрополитъ дукницкій, да Макарій, митрополитъ герцековинскій, а съ ними отъ тѣхъ горъ четыре капитаны; именъ ихъ не вспомнитъ; и говорили ему тѣхъ горъ и мѣстъ ото всѣхъ людей, что они хотятъ за вѣру Христову съ турки битися и кровь свою пролить, и будетъ онъ хочетъ быти у нихъ царемъ православнымъ, такъ же какъ и прежные греческие и сербские и болгарские православные государи, и они ево примутъ и учинятъ ево царемъ, а онъ бы съ ними въ томъ укрепился, что ему быть въ православной християнской вѣре, и подписалъ бы имъ на тѣхъ ихъ письмахъ, что они (съ) собою для утверженья отъ тѣхъ ото всѣхъ земель принести.

Первое: на томъ, что ему быть царемъ благочестивымъ и вѣра крестьянская держать въ цѣле, какъ и прежние цари православные, а къ латинству и къ инымъ ни хъ которымъ вѣрамъ не приступати и ихъ въ томъ утвержати і воли не давати, чтобъ они християнские вѣры ничѣмъ не нарушали.

Другое то: которые честные ратные люди сербскіе и болгарские и албанитцкие живутъ въ тѣхъ горахъ и земляхъ и обороняютъ крестьянъ отъ турковъ, а старые ихъ мѣста і имѣнья поимали турки, и которые хотятъ имѣти свою природу и честь старожитную і по вѣре Христове побарати, и тѣхъ бы учинить въ старой ихъ чести, и прежние земли і мѣста ихъ, что дастъ Богъ отъ турскихъ людей очистятъ, давати имъ въ одержание по прежнему.

Третье то: чтобъ онъ, будучи у нихъ царемъ, учинилъ у нихъ училища и странноемницы и богадѣльни изъ своеѣ казны, такъ же какъ и при прежнихъ греческихъ православныхъ царехъ было, чтобъ всякие люди учились добродѣтелемъ и страху Божию.

Четвертое то: какъ онъ будетъ у нихъ царемъ праваславнымъ, и которые турки живутъ въ городехъ и въ земляхъ межъ греки, и какъ они будутъ покорены и поиманы, и ему туркомъ пожитка никакова не давать, чтобъ они у себя не имѣли лошади, ни ружья и никаково богатства, і были бъ церквамъ і монастыремъ пашенные люди, а третие грекомъ покорны въ работу.

И онъ де Александръ съ тѣми митрополиты утвердился на томъ на всемъ, чево они у нево просили, и на томъ, имъ присягалъ, что ему быти у нихъ царемъ православнымъ также какъ и прежние цари христіанские были, и подписалъ имъ тѣ всѣ статьи своею рукою, и отдалъ то писмо митрополитомъ, и сказалъ имъ, какъ ево буетъ время, и онъ придетъ во Аморѣю или до горъ Манейскихъ, і они бъ всѣ, услышавъ то, къ нему сходилися тотчасъ, чтобъ имъ надъ Турскимъ промышлять.

А после тово вскоре увѣдавъ то папа римский, что къ нему тѣ митрополиты приходили і съ нимъ договорилися и укрѣпилися, присылалъ къ нему въ Неополь, чтобъ приехалъ къ нему въ Римъ. И онъ къ нему не поѣхалъ, а какъ де ему король шпанской, по приговору правителей своихъ, далъ волю изъ Неаполя (уѣхать), и въ тѣ поры папа римской писалъ отъ себя листъ въ Неополь къ воеводе Контеделемусу, чтобъ ево Александра послали къ нему въ Римъ.

Й воевода неопольской говорилъ ему, что пишетъ къ нему папа святый Павлусъ, чтобъ ему ѣхати къ нему въ Римъ и Александръ бы къ папе ѣхалъ. И онъ де Александръ, будучи въ ихъ рукахъ, не смѣлъ тово отказати, чтобъ ему въ Римъ къ папе не ѣхать; и поѣхалъ изъ Неаполя къ папе; а съ нимъ было для береженья людей ево сорокъ человѣкъ.

И приѣхалъ въ Римъ къ папе Павлу, тому ныне десять лѣтъ, и папа велѣлъ ево принять честно, и кормъ ему и питье давать довольной, и прислалъ къ нему четырехъ гардиналовъ, и велѣлъ ему быти у себя въ костеле. И какъ онъ вшолъ въ костелъ, и

папа сталъ на своемъ мѣсте, а ево Александра тѣ четыре гардинала поставили передъ нимъ і велѣли ему папе поклонитца; и онъ де поклонитца ему не хотѣлъ. А тутъ де въ церкви древо лежитъ криво; и гардиналы де велѣли ему оперетца на то древо и поклонитца папе на колѣно и итти къ нему ко благословенью. И онъ де по ихъ чину папе поклонился і отъ нево благословился. И папа де ево благословлялъ обѣма руками и оттянулъ ногу, а у нево на ногѣ черленой башмакъ, а на немъ крыжъ. И онъ папу въ крыжъ целовалъ.

И ходя съ нимъ по костелу, папа говорилъ ему: Вѣдомо ему учинилося, что приходили къ нему изъ Болгаръ и Сербъ і изъ Албанеи два митрополита и договорилися съ нимъ, что ему быти у нихъ царемъ въ ихъ греческомъ (царствѣ), а вѣдаетъ онъ и самъ, что и прежние греческие цари и патріархи были еретики, и за то многое гоненье терпѣли і въ иновѣрныхъ руки преданы за то что отстали отъ святые апостольские римские церкви; а тѣ земли, которые ево призываютъ къ себѣ и хотятъ учинити царемъ тое жъ греческие вѣры, что и прежние были; и будетъ онъ Александръ хочетъ у нихъ быти царемъ, и онъ бы присягнулъ римскому костелу и іхъ бы на то привелъ, что имъ быти съ римскомъ костоломъ соединенымъ, а не такъ какъ старые греки вѣру имѣли и за то въ конечномъ расхищеніи; и будетъ онъ на томъ присягнетъ, и онъ папа ему и помогать будетъ, и королемъ и княземъ немѣцкимъ будетъ говорити і ихъ просити на то, чтобъ ему на Турсково помогали казною и людьми.

И положилъ папа на нево крестъ золотъ; и тутъ же въ церкви лежитъ древо черно, а сказалъ де ему папа, что часть древа крестного, на которомъ Христосъ распятъ, и взялъ отъ нево часть малую, вложилъ въ тотъ крестъ, что на нево положилъ, а велѣлъ ему носити на себѣ, какъ и прежние цари греческие носили. И показывалъ ему раки святыхъ апостолъ і иные церковные украшения, и копие, которымъ жидове Христа пробоjи, а сказалъ ему, что де то копие взято изъ Царя града изъ церкви святые Соѳѣи, и какъ де ты будешь во Царѣ городе царемъ и соедкнишь грекъ съ римскимъ костеломъ, н я де то копие къ тебѣ во Царь городъ пошлю. Да папа жъ ему далъ нѣкакое письмо, какъ они служатъ въ своемъ костеле, и кружекъ бѣлъ что бумага, чабы сокроментъ,

а сказалъ де ему: только онъ станетъ то носити на себѣ, и то ему будетъ на отпущение грехомъ, и будетъ долголѣтенъ на семдесятъ лѣтъ. И то онъ у папы взялъ, і видя, что ни къ чему не годно, после покинулъ; а крестъ держалъ у себя, что положена въ нево часть древа креста Господня, и ныне тотъ крестъ онъ далъ митрополиту; кіевскому Іеву Борецкому; а къ сокроменту онъ у папы не ходилъ и не причащался, и папа ево на то не неволилъ.

А какъ де ему папа говорилъ, чтобъ онъ ему присягалъ на томъ, чтобъ тѣхъ горъ и мѣстъ всякихъ людей соединить съ римскимъ костеломъ, и онъ де Александръ папе сказалъ: самъ онъ ево видитъ, что онъ ныне человѣкъ худой и бѣдной и никово у нево нѣтъ, не токмо что царства, и отъ своей вѣры ему отстать нѣчево для; а только ему притти до тѣхъ мѣстъ, гдѣ ево призываютъ люди греческие вѣры і хотятъ учинити царемъ, и учать ему приводити ихъ на то, чтобъ они съ римскимъ костеломъ соединилися, і они ево убьютъ тотчасъ, и тебѣ папе въ томъ что за честь будетъ, что таково убогово человѣка къ вѣре своей неволишь и къ смерти приведешь? Да хотя бъ онъ и царемъ надъ тѣми землями учинился, и ему тѣхъ земель людей на то соединенье приводити нельзѣ, потому что и турские поганые люди у своихъ порабощеныхъ вѣры ихъ не отымаютъ и къ своей вѣре сильно не приводятъ. А будетъ волею Божиею будетъ онъ надъ греки царемъ, и онъ вышлетъ отъ себя на уреченное мѣсто патриарховъ і митрополитовъ и архиепископовъ, а папа бъ такъ ж(е) своихъ выслалъ, и они учинятъ о томъ соборъ и совѣтовать будутъ съ обе стороны, и какъ то соборъ точно учинитъ, въ тѣ поры то и будетъ, а ныне ему на томъ присягать нельзѣ і въ томъ онъ папе отказалъ.

И папа де ему сказалъ, чтобъ онъ побылъ у нево въ Римѣ нѣсколько дней, и прислалъ къ нему дву грековъ, Ягана Кароѳля да Георгия Трумба, которые жили у нево въ Риме для науки, вѣрные ево люди и ближние, кабы духовники, и велѣлъ имъ наговаривати ево на то, чтобъ онъ на томъ присягалъ, что ему быти въ папежской вѣре і всякихъ людей, надъ которыми онъ будетъ царемъ, на то приводить. И пришедъ къ нему тѣ греки, учали ему говорити, какъ имъ отъ папы наказано, а поутвердяся съ

нимъ, говорили ему, чтобъ въ томъ папы не слушался и на томъ ему, на чомъ онъ велитъ, не присягалъ, потому что де онъ самъ, какъ собака, безвѣрный, а крестьянъ хочетъ къ своей вѣре приводить. А они де и сами живутъ по неволе, потому что въ Царѣ городе царя благочестивого нѣтъ. И написали ему письмо на образецъ, какъ ему папе отказать. А послалъ де ихъ папа ево уговорити, чтобъ онъ далъ ему письмо, что онъ присягалъ на томъ, что ему въ Сербской и Болгарской земли і выныхъ горахъ и мѣстахъ греческихъ учинить ихъ латынскоя вѣра и греческую церковь съ римскимъ костеломъ соединить, и подписалъ бы то письмо своею рукою, для тово чтобъ ему то письмо держать у себя, и будетъ греческие цари впередъ не похотятъ быть съ римскимъ костеломъ соединены, і ему бъ то утверженное ево письмо на соборе обявлять, что онъ, будучи царь ихъ, на томъ съ папою утвердился и рукою своею закрепилъ. И онъ бы Алаксандръ папы отнюдь не слушалъ и письма такова не давалъ. И онъ де Александръ папе отказалъ, и письмо написавъ такъ, какъ ево тѣ греки научили, и что написано, тѣ ево рѣчи выше сего, и отдалъ то письмо имъ.

И какъ де тѣ греки письмо ево къ папе принесли, и папа де хотѣлъ ево изъ Рима сослать выной городъ, и прислалъ къ нему гардиналовъ говорить, что велѣлъ ему папа ѣхать выные мѣста погулять; и онъ узналъ, что ево хотятъ сослать, сказалъ имъ, что онъ тово дни боленъ лихорадкою і ѣхать не сможетъ, а какъ ему будетъ де полегче, и онъ ѣхать готовъ. И гардиналы отсрочили ему до завтрея. И тое ночи, сказавъ онъ мысль свою одному человѣку своему влоху, которой во всѣхъ сорока ево человѣкехъ вѣрнее, і побежалъ съ нимъ изъ Риму ночью на добрыхъ лошадехъ, потому что князя ѳлоренского граница отъ Рима всего десять миль, и утекъ до тое границы.... съ тѣмъ человѣкомъ, а люди ево и лошади осталися въ Риме. А написавъ онъ то, что онъ побежалъ за границу князя ѳлоренсково, покинулъ на постели своей, чтобъ то письмо люди ево взяли и вѣдали отъѣздъ ево. А какъ де на завтрее тово пришли по нево тѣ жъ гардиналы, чтобъ ево изъ Риму отослать, и люди ево, которые отъ нево осталися, сказали имъ, что онъ бежалъ, ихъ всѣхъ покиня, и они де тово не

подорожили и молыли де про нево съ укоризною: безвѣрникъ де прежъ сево былъ что собака, а ныне такая жъ собака. И поставили то ни во што, і за нимъ не гоняли, и людей ево тѣхъ, которые было остались въ Риме, отпустили. И приѣхали де тѣ люди къ нему вскоре, и то ему, что пришедъ после ево гардиналы говорили, и сказали.

И тутъ онъ людей своихъ роспустилъ, давъ имъ заплату и лошади по достоянью. И осталися съ нимъ только четыре человѣка: ѳранцуз-капитоны добрые; и тѣмъ капитономъ говорилъ онъ, чтобъ, нанявъ корабль, ѣхали до горъ Манейскихъ къ тѣмъ людемъ, которые ему присягли, и собирали бъ воинскихъ людей, а онъ бы, побывавъ у князя ѳлоренсково, приѣдетъ къ нимъ же. И они де ему не повѣрили и не поѣхали.

И онъ де, не ѣздя ко князю ѳлоренскому, пошелъ съ ними до Манеи черезъ Шпанскую и черезъ Ѳранцужскую землю къ морю, наряжаяся въ убогое платье, иное что пахолки, а иное что чернецъ, і въ которомъ государстве будетъ, такъ и говоритъ, потому что онъ по италянски и по шпански, и ѳранцуски, і по еллински умѣетъ. И какъ пришли до моря и сѣли въ корабль въ городе Анконе, а тотъ городъ князя ѳлоренсково, и приѣхали съ тѣми капитоны до горъ Манейскихъ, и тутошные манейские люди приняли ево съ радостью, какъ государя своево, и назвали царемъ, и учали собиратца.

И собралося было у нево въ тѣхъ горахъ воинскихъ людей 9.000 человѣкъ, и хотѣлъ онъ итти выные земли, которые ему поддалися, до Кучи и до Клименти, и до Белопавлики, и до Герцековины, и до Плавы, и до Химари, чтобъ собратца съ людьми. А въ тѣ поры вѣдомо про то учинилося турскому салтану Ахметю, брату ево родному, что онъ Александръ на горахъ Манейскихъ и люди съ нимъ въ зборе. А коимъ обычаемъ братъ ево то увѣдалъ, тутошние ль люди ему про то сказали, или папа римской къ нему писалъ, тово онъ не вѣдаетъ. А увѣдавъ про то братъ ево салтанъ Ахметъ, послалъ на нево ратныхъ людей моремъ на сороке кораблехъ, а сухимъ путемъ тритцать тысячъ человѣкъ. И пришли тѣ люди на нево въ горы и были съ нимъ бои великие, и тѣхъ ево людей всѣхъ побили и ево ранили; а

турскихъ людей на той войнѣ побито семнатцать тысячъ, тому ныне лѣтъ съ восимъ. И съ тое побойки ушолъ онъ не со многими людьми, и учалъ ходити по тѣмъ горамъ и землямъ по Болгаромъ и по Сербомъ и по Албонитомъ, гдѣ живутъ подданные ево Кучи и Бѣлопавлики, и Клименты, и Герцековины, и Химари, и Дуказины, а съ нимъ триста человѣкъ, а кормъималъ тѣхъ земель у жилецкихъ людей. А какъ на нево въ тѣ горы приходили турские люди, хотя ево имать, и онъ отъ нихъ избегалъ, и поимать ево турки не могли, потому что тѣ горѣ высокие и мѣста крѣпкие, и избыти было ему отъ нихъ мочно; и турки де за нимъ и гонять перестали.

И учалъ де онъ съ тѣми своими людьми ходить по тѣмъ горамъ и по землямъ, и описывалъ, гдѣ сколько людей; і обявилося де по ево письму въ тѣхъ земляхъ людей, которые могутъ съ турки битись, триста девять тысячъ, и учалъ было онъ съ тѣми людьми збиратца опять противъ Турсково, и тѣ де капитоны ѳранцузы говорили ему, что онъ тѣхъ людей опять збираетъ, а они люди безоружные и къ битве безъ тово негодны, а только бъ у тѣхъ людей были мушкеты, а иные есть у нихъ съ луки и конные, и ему будетъ съ ними противъ Турсково стать мочно. А безоружными людьми ничево не учинитъ, только людей потеряетъ по пражнему. А онъ бы ѣхалъ ко князю ѳлоренскому, которой ему и по се время доброй приятель, и просилъ у нево тѣмъ людемъ мушкетовъ, чѣмъ ихъ вооружить. И онъ де по совѣту тѣхъ капитоновъ, людей собирать отложилъ, и послалъ тѣхъ ж(е) капитоновъ ко князю ѳлоренскому просити мушкетовъ; а отпустя ихъ, и самъ боялся тутъ быть и черезъ Турсково землю ходить, для того, любо хто ево окажетъ брату ево Ахметъ салтану; и поѣхалъ иною дорогою ко князю ѳлоренскому, а просилъ у нево мушкетовъ и зелья.

И князь ѳлоренской ево чтилъ и кормъ и питье ему и тѣмъ капитономъ ево давалъ довольно, и любовь къ нему имѣлъ великую. И пробылъ у тово князя, покамѣста онъ о томъ думалъ съ матерью и зъ ближними людьми, семь мѣсяцъ, и сколько по ево письму въ тѣхъ земляхъ и горахъ людей и каковы люди, и то князю все росказалъ. И князь де еме посулилъ 12.000 мушкетовъ

большихъ да восмь тысячъ малыхъ, а зелья і свинцу по штидесятъ зарядовъ, и припроводить ему тѣ мушкеты тутъ, гдѣ онъ велитъ, только бъ ему сказалъ мѣсто, гдѣ бы ихъ и въ которой пристани привести; и онъ бы шолъ опять до тѣхъ къ своимъ людемъ и съ ними договорился, гдѣ къ нимъ тѣ мушкеты прислати, и договоряся бъ съ ними, отписалъ къ нему, и онъ на то мѣсто и пришлетъ. А будетъ ему надобно будетъ и людей тысячи три или четыре и нарядъ, и онъ бы по тому жъ отписалъ, и онъ ратныхъ своихъ людей въ корабляхъ и на каторгахъ пришлетъ туды, гдѣ у нево съ турки война будетъ, і велитъ ему помогать, только бъ онъ слово свое ему далъ, какъ онъ будетъ во Царѣ городе на отца своего государьстве государемъ, и ему взять за себя сестра ево.

И онъ де князю сказалъ, что онъ о томъ помыслитъ. И князь де ему говирилъ: что де о томъ долго і мыслить? Только хочетъ онъ сестру ево за себя взять, и онъ ему учнетъ всякими мѣрами помогать и городы и остроги дастъ. А какъ де ему князь то говорилъ, і въ тѣ поры мать ево и жена тутъ были.

И онъ де князю сказалъ: нельзѣ ему тово учинить, потому что онъ греческое вѣры, а сестра ево латынские папежские вѣры, и какъ она будетъ за нимъ, і онъ пойдетъ къ церкви, а она къ своей церкви, и за то де къ ево людемъ....

И князь де къ тому говорилъ: Коли де она пойдетъ за тебя, и она и вѣру съ тобою учнетъ держать одну. И на томъ съ нимъ и укрепился, что ему Александру сестру ево за себя взять, а ей крститца въ православную греческую вѣру.

И укрепясь съ нимъ, поѣхалъ къ людемъ своимъ въ горы посовѣтовать съ ними, гдѣ они похотятъ и у которой пристани тѣ мушкѣты привести. И какъ онъ пришолъ до горъ Албаницкихъ, а племянникъ ево турской Асманъ-салтанъ ходилъ въ Польшу воевать, тому ныне съ пять лѣтъ, и въ тѣ поры въ тѣхъ горахъ и земляхъ, которые ему поддалися, попущеніемъ Божіимъ былъ моръ и голодъ великой, и многие люди померли. И говорили ему тѣ ево люди, чтобъ мушкетовъ у князя, ѳлоренсково не поспѣшилъ имати, покаместа въ тѣхъ странахъ моръ и голодъ поминуетца. И былъ тотъ моръ и голодъ три годы; а какъ поминовался, и ему

было ко князю ѳлоренскому для мушкѣтовъ послать нѣково: греки и сербы люди простые и говорить инѣми (языками) не умѣютъ; а се онъ увѣдалъ, что въ Турской земли смятенье. Абаза паша, собрався во Анатоліи, стоитъ противъ Турского и многие мѣста Турсково поималъ, и шкоту ему чинитъ многую, і люди съ нимъ многие; а зъ другие стороны шахъ перситской поималъ городъ Вавилонъ Лахсу и..аросъ, городы великие и многолюдные, а ныне занялъ, или ихъ розорилъ, тово онъ не вѣдаетъ.

И поговоря де онъ съ своими людьми, поѣхалъ ко князю ѳлоренскому для мушкетовъ самъ и взялъ съ собою людей своихъ вѣрныхъ шесть человѣкъ, и скупя двенатцать лошадей турскихъ добрыхъ, и поѣхалъ къ Дунаю, чтобъ ему проѣхать чрезъ Польшу къ цѣсарю християнскому Ѳердинанду, потому что цѣсарь Ѳердинандъ старой ему знаком(ый) и другъ и приятель. Ѳердинандова сестра за князем ѳлоренскимъ А поѣхалъ онъ изъ горъ нарядяся въ платье по турски, будто купецкой человѣкъ, чтобъ ѣхать ему къ цѣсарю и ко князю ѳлоренскому прямо черезъ Польшу. И переѣхалъ Дунай и сказывался торговымъ человѣкомъ, о а привелъ будто лошади продавать.

И приѣхалъ онъ въ Каменецъ Подольской на Рожество Христово, тому ныне два года, и побылъ въ Каменце до Богоявленья и... поѣхалъ въ Краковъ. І въ Кракове ево узнали поляки, которые съ нимъ вмѣсте учинилися (училися) выталиянской землѣ, и онъ тѣхъ поляковъ дарилъ лошадьми, маршалка польского пана Вольского, да старосту ланцкорунсково пана Жебридовсково, да подчаше(во) пана Сендомирсково; а какъ имъ имена, тово онъ не упомнитъ; а противъ ево дарили потому, какъ онъ съ ними былъ въ науке вместе, зазналися и жили дружно. И былъ онъ въ Кракове до великадни; а у короля онъ у польсково не былъ; а вѣдалъ ли про нево король польской отъ тѣхъ людей, или нѣтъ, тово онъ не вѣдаетъ, только ево къ себѣ не зывалъ. И маршалокъ до Вольской и панъ Жебридовской говорили въ тѣ поры ему Александру, чтобъ писалъ отъ себя ко князю ѳлоренскому, чтобы князь ѳлоренской послалъ отъ себя листъ къ польскому королю, чтобъ къ нему Александру былъ совѣтенъ і вспомогалъ. И онъ де Александръ ко князю ѳлоренскому отписалъ, і по ево

письму князь флоренской къ польскому королю о томъ писалъ же; и тотъ листъ пришолъ къ нему отъ князя флоренсково въ дороге, какъ онъ исъ Кракова поѣхьлъ къ цѣсарю; и послалъ онъ тотъ листъ къ маршалку къ Вольскому, чтобъ ево послалъ къ королю съ вѣрнымъ своимъ человѣкомъ. И король де тотъ листъ принялъ и поставилъ ни во што, и ничево ему не учинилъ. То къ нему писалъ маршалокъ Вольской, какъ ужъ онъ къ цѣсарю приѣхалъ, тому ныне полтора года.

А въ тѣ поры у цѣсаря былъ польсково короля сынъ Владиславъ, и онъ съ нимъ виделся и по рукамъ съ нимъ и цѣсаревымъ братомъ арцыкняземъ Карломъ билъ И молылъ де ему польской королевичъ: таково де доброво мочно имѣть за приятеля и помочь ему мочно чинить. А больши де тово ничево съ нимъ не говорилъ. И поѣхалъ де королевичъ во Влохи и къ папе; а для чево былъ у цѣсаря и для чево поѣхалъ къ папе, тово онъ не вѣдаетъ. А цѣсаря братъ Карло княжа въ тѣ поры поѣхахъ вышпанию для ученья.

И какъ цѣсарю Фердинанду про нево Александра сказали, и цѣсарь прислалъ къ нему езовита, духовника своего, навестить ево. И по нево цѣсаре(въ) возокъ приѣхалъ ввечеру, и онъ у цѣсаря былъ и съ нимъ сидѣлъ. И въ тѣ поры говорилъ онъ Александръ цѣсарю Фердинанду, чтобъ попомнилъ свое слово, какъ онъ былъ до цесарства князь кгратцкий, и онъ въ тѣ поры ему обѣщался давать помочь, какъ государство свое (будетъ) доступать, и нынѣ время помочи и промыслу ево быти, потому что у Турсково нестроенье; Анаталию всю повоевалъ и поималъ Абаза паша, а зъ другую сторону царь персицкой, а къ тому и Крымской (противъ) Турсково стоитъ; а только онъ (ем)у помочь учинитъ людьми, и онъ бы съ тѣми людьми шолъ къ своимъ людемъ въ Сербы и въ Болгары і воевалъ бы Турсково, и ему бъ государства своего доступить мочно; и цѣсарь бы слово свое исполнилъ, людей ему на помочь далъ.

И цѣсарь де ему отказалъ, что ныне у нево въ земли межусобье за вѣру съ королемъ чешскимъ і съ люторы и сь еванелики, и бои бываютъ многие, и ему ныне съ Турскимъ войны всчинать и помогать ему нельзѣ. А какъ онъ Александръ за моро-

вымъ повѣтриемъ і за голодомъ въ своихъ земляхъ измешкалъ три годы и князь өлоренской Козма, которой ему мушкеты посулилъ и сестру свою за нево зговорилъ, умеръ, а учинился княземъ на ево мѣсто сынъ ево; и онъ де Александръ говорилъ цѣсарю и просилъ ко князю өлоренскому письма, чтобъ князь өлоренской мушкеты, что посулилъ ему дать отецъ ево князь Козма по приятельству отца своево и по цѣсарскому прошенью, ему Александру далъ. И цѣсарь де ко князю өлоренскому и къ матери ево, а къ своей сестрѣ, о томъ писалъ, і послалъ онъ съ тѣмъ листомъ изъ города изъ Ведна ко князю өлоренскому людей своихъ четырехъ человѣкъ и отъ себя къ нему о томъ писалъ.

И былъ въ городе въ Ведне пять мѣсяцъ; а въ тѣ жъ поры поляки лисовчики были у цѣсаря въ войнѣ противъ Угорсково, и дожидалися отъ цѣсаря наемныхъ денегъ ротмистры ихъ въ томъ городе въ Ведне, а товарыщи ихъ лежали въ Муравской земли; да и для тово они тутъ мотчали, что имъ въ Польшу итти нельзѣ: заказано про нихъ въ Польше: хто лисовчика убьетъ и животы ево и лошади всѣ поемлетъ, и тово ему въ вину не поставятъ и животовъ тѣхъ на нихъ не вспросятъ. И какъ онъ Александръ былъ въ Ведне и увѣдали про нево тѣхъ лисовчиковъ полковники и ротмистры Калиновскій, Струновскій, Высокинскій, Яренскій, Ярышовскій, Дочбинскій, Жема и иные, и приѣхавъ къ нему въ Ведну, говорили ему, что имъ у цѣсаря ныне службы нѣтъ і заслуженыхъ денегъ имъ не дастъ, а въ Польшу і въ Литву итти имъ нельзѣ, а ему ныне люди надобны, и онъ бы съ ними ѣхалъ къ войску ихъ въ Муравскую землю, а они съ нимъ пойдутъ на Туреково войною; а было ихъ всѣхъ шестнатцать тысячъ. И договорились съ нимъ дать имъ на(йма) ротмистру по сту ефимковъ на мѣсяцъ, прапорщику по тритцати ефимковъ, а рядовымъ по осьми ефимковъ на мѣсяцъ. И договоряся съ нимъ разобралъ было ихъ и выбралъ лутчихъ людей восьмь тысячъ. А гетманъ у нихъ былъ Родивилъ Жигимонтъ. И говорилъ онъ Александръ, чтобъ имъ итти черезъ Польшу и Волоскою і Мултянскою землею въ Болгары и въ Сербы, и тамъ бы собрався итти противъ Турсково. И тѣ лисовчики учали опасатца тово, что тамъ проходятъ татарове и лошади ихъ шкотятъ и самихъ по-

бивають, и пройти де имъ туды нельзя; и межъ себя учала у нихъ быти рознь: иные съ нимъ итти хотѣли, а иные, отставъ отъ нихъ, пошли прочь врознь, а иные по старымъ своимъ жилищамъ тайно.

И отобрався лутчие люди, говорили ему, что онъ вѣры греческие, и только онъ пойдетъ съ ними за Пороги и учнетъ съ собою запорожскихъ казаковъ звати на Турсково, и они тому будутъ добрѣ ради, потому что они греческие жъ вѣры и стоятъ за вѣру крѣпко. Хотя они и мужики, только люди воинские, и нарядъ у нихъ есть. А они де съ ними изъ Запорогъ пойдутъ и черезъ Польшу не бояся никого; а изъ Польши де людей къ нимъ прибудетъ столько жъ, сколько будетъ ихъ.

И оттоле онъ пришелъ тѣхъ ж(е) лисовчиковъ съ паномъ Вонсовичемъ въ ево домъ блиско города Люблина, а съ нимъ товарышей ево пятдесятъ человѣкъ лисовчиковъ же. Покоилъ ево Вонсовичъ у себя два мѣсяца и чтилъ ево гораздо, і привелъ ево въ городъ Люблинъ. И пробывъ онъ въ Люблине дни съ три, пошелъ въ Киевъ, а съ нимъ тѣхъ же лисовчиковъ двенатцать человѣкъ.

И приѣхалъ онъ въ Киевъ октября 21 для прошлово году, і въ Киеве де оказалъ ево митрополиту киевскому Иову Боретцкому князь Иванъ Масальской. Живетъ онъ въ Польше, а былъ съ лисовчики и ево зналъ, и говорилъ съ нимъ, что у нево братья и племя на Москвѣ есть. И сказалъ про нево тотъ Масальской митрополиту, что онъ турсково салтана сынъ. И митропол(итъ) де, призвавъ ево къ себѣ, спрашивалъ, хто онъ и какой человѣкъ и для чего тутъ приѣхалъ, а знатно де, что онъ не простые чади человѣкъ, и онъ было сказатца и не хотѣлъ, і видя то, что Мосальской митрополиту про нево сказалъ, и устыдясь митрополита, что онъ честной и многонаучной человѣкъ и говорилъ съ нимъ по еллински и по латински и по гречески, сказался ему, что онъ турсково Магаметъ салтановъ сынъ, царевичь салтанъ Иахня, а во святомъ крещеніи нареченъ Александръ, и гдѣ онъ родился, и какъ уѣхалъ ісъ Турские земли, і въ которыхъ государьствахъ былъ, и для чево тутъ пришелъ. То ему все роскахалъ подлинно. А былъ у митрополита дважды. И

митрополитъ де ево исповѣдалъ, и причастился онъ отъ митрополита въ Дмитреевъ день. И митрополитъ де Иевъ то все велѣлъ ему написать подлинно для вѣдома. И онъ де Александръ о всемъ своемъ пребыванье написалъ своею рукою по гречески и отдалъ то письмо митрополиту. А просилъ де у нево митрополитъ тово письма для тово, что онъ государьской сынъ, и ему бъ о роженіи и о пребываніи ево и гдѣ коли былъ вѣдать, і чтобъ ему таково жъ писать къ государю и къ великому государю святѣйшему патриарху.

А исъ Киева онъ поѣхалъ после Дмитриева дни вскоре за Пороги хъ козакомъ; а митрополитъ де проводилъ ево отъ Киева шесть или семь миль, і встрѣтилъ тово попа Ѳилипа, которой нынѣ съ нимъ Александромъ, а посыланъ былъ отъ митрополита не вѣдаетъ куды. И приказалъ тому попу митрополитъ ѣхать съ нимъ Александромъ до черкасъ, а самъ воротился въ Киевъ. И попъ Ѳилипъ проводилъ ево до запорожскихъ казаковъ, і воротился жъ назадъ. И казаки ево приняли въ городъ Крыловъ и проводили къ войску. И онъ имъ говорилъ, чтобъ прислали къ нему старшину. И приходили къ нему казацкие старшины Чючюга, Ксенжа, Бириляшъ, переяславскіи і иные многие старшины, и онъ имъ сказался, хто онъ и для чево къ нимъ приѣхалъ, да и казаки іхъ запороские, которые были съ лисовчики и ево знаютъ, про нево сказали жъ. И говорилъ имъ онъ Александръ, чтобъ съ нимъ шли въ ево земли и стояли противъ Турскова, а онъ де имъ дасть найму коннымъ по шти ѳоимковъ на мѣсяцъ, а пѣшимъ по четыре ѳоимка. А какъ они пойдутъ, і съ ними вмѣсте и лисовчики многие будутъ. И старшины де казач(ь)и послали ево въ дальние свои городы и честь немалую чинили. А говорили ему, чтобъ онъ побылъ втайне покамѣста у нихъ въ Польше і въ Запорогехъ отъ Шенъ Гирѣя, калги крымскова, война минетца или съ ними помиритца. і въ тѣ поры де они пойдутъ съ нимъ.

И какъ Шанъ Гирѣй зъ запорожскими казаки помирился на томъ, что ему съ татары изъ земли ихъ выйти вонъ, а про нево де Шанъ Гигрѣй калга вѣдалъ, какъ онъ изъ Макгнисѣи ушолъ, и онъ Александръ изъ Запорогъ писалъ къ Шанъ Гирѣю, что онъ турскова салтана сынъ, а ушолъ изъ Макгнисѣи, и гдѣ и въ ко

торыхъ государьствахъ и у которыхъ государей былъ, и хочетъ государьство свое доступать, а у нихъ ныне съ Турскимъ война, и онъ бы къ нему пришолъ и поговорилъ съ нимъ, какъ бы имъ вмѣсте надъ Турскимъ промышлять. И Шанъ Гирѣй де къ нему не пошолъ, а прислалъ къ нему мурзу и людей своихъ восмъ человѣкъ; а говорили ему, чтобъ ѣхать къ Шанъ Гирѣю и съ нимъ видетца и о томъ поговорить, какъ бы имъ надъ Турскимъ промышлять. И взявъ де съ собою старшины казач(ь)и ево Александра и казаковъ полторы тысечи, стояли на берегу Днепра реки отъ Запорогъ; а Шанъ Гирѣй калга пришолъ на берегъ же Днепра реки блиско отъ нихъ, только перестрѣла зъ два, и присылалъ къ нему мурзу говорити, чтобъ пришолъ къ нему въ шатеръ поговорити. И онъ Александръ при татарехъ сказалъ, что онъ къ Шанъ Гирѣю итти хочетъ, да не пустятъ ево казаки. А казаки де стали около ево съ пищальми въ четыре круга. И Шанъ Гирѣеву мурзѣ отказали, что они ево Александра къ Шанъ Гирѣю мурзѣ не пустятъ, что данъ на збереженье имъ; и будетъ хочетъ Шанъ Гирѣй съ нимъ видетца, и онъ бы шолъ къ нему. И Шанъ Гирѣй де къ нему не пошолъ, и розъѣхалися не видевся. А казаки пошли съ нимъ въ городы свои. И после тово прислалъ къ нему Шанъ Гирѣй тайно говорить, что онъ пришолъ хъ казакомъ волею, а ныне держатъ ево кабы въ неволю, и онъ бы пришолъ и говорилъ съ нимъ, какъ бы надъ Турскимъ промышлять; а онъ Шанъ Гирѣй и братъ ево, крымской царь, помогать ему будуть. А звали де ево къ себѣ для тово, чтобъ ево поимать и, взявъ у Турсково многое богатство, выдать ево Турскому головою; и онъ Александръ къ Шанъ Гирѣю не пошолъ.

И былъ въ Запорогехъ генваря по 20 число 133 году; и запорожские де казаки говорили съ нимъ, что они съ нимъ (на) войну поидутъ, а будетъ 18.000; а давать было имъ по прежнему уговору на мѣсяцъ конному по шести еѳимковъ, а пѣшимъ по четыре еѳимка человѣку, да сверхъ тѣхъ наемныхъ денегъ дать на все войско подарку тритцадь тысячъ золотыхъ польскихъ. Да съ нимъ же хотѣли итти черкасъ человѣкъ съ восмь (тысячъ) і всѣ черкасы, каторые живутъ въ Пераяславле, въ Каневе і выныхъ мѣстахъ. И былъ у черкасъ до Егорьева дни Вешнево прямого

году, дожидался весны и золотыхъ, что къ нимъ хотѣлъ прислать князь ѳлоренской 60.000 червоныхъ золотыхъ. И писалъ онъ къ нему о тѣхъ золотыхъ изъ Запорогъ дважды, чтобъ къ нему прислалъ. И князь де ѳлоренской тѣ золотые къ нему послалъ, и тѣхъ золотыхъ къ нему въ Запороги привести не успѣли, а осталися съ тѣми золотыми князя ѳлоренсково люди въ Кракове у друзей (его), у маршалка Вольсково і у иныхъ.

И промыслу у нево на веснѣ никаково не было, потому что казаки ходили на море и на Турсково городы для добычи и тамъ измешкали многое время, а онъ хотѣлъ ѣхать отъ казаковъ опять въ черкасы, а говорилъ имъ, что онъ послалъ для казны ко князю ѳлоренскому людей своихъ, и тѣ ево люди не бывали, а се и войска запоросково нѣтъ, измешкали на морѣ, и ему бъ гдѣ пробыть въ городе или пойти къ черкасомъ. И казаки ево не пустили, чтобъ онъ былъ въ ихъ городехъ, доколе казаки пришли съ моря на Успеньевъ день. И какъ они пришли, и онъ съѣхалъ къ черкасомъ въ городъ Крыловъ.

И услышалъ де онъ, что идутъ на черкасъ и на запорожскихъ казаковъ зъ гетманомъ съ Конецпольскимъ, съ Вишневецкимъ, і зъ Замойскимъ, и зъ Балабаномъ и съ Тишки Евичемъ польские люди многие, а казаки и черкасы въ тѣ поры говорили ему Александру: Коли де поляки идутъ насъ воевать, а ты де царь благочестивой, и будешь у насъ свой царь, и учнемъ съ ними битца, или въ тѣ поры, какъ поляки и ляхи войдутъ въ Запороги, а они въ тѣ поры съ нимъ Александромъ черезъ Польшу пойдутъ до ево земли, которые ево на государьство приняли царемъ.

И онъ имъ отказалъ: Не статное дѣло, какъ придутъ поляки на ихъ домы і учнутъ воевати і ихъ і жены и дѣти ихъ побивати, а имъ съ нимъ въ тѣ жъ поры итти; да и нельзѣ такъ итти, потому что многие будутъ неприятели поляки и крымские тотарове и турские люди, і пройти имъ изъ Запорогъ нельзѣ. Да и то, что они говорятъ, чтобъ ево учинити у себя царемъ, статись не можетъ; а будетъ они хотятъ царя християнсково, и они бъ послали бить челомъ государю царю і великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи, чтобъ ихъ принялъ подъ свою державу и послалъ хъ Киеву ратныхъ людей, чтобъ Киевъ со всѣми городы і

землями і Запороги привести подъ ево государеву руку: и такъ имъ будетъ лутче.

И они было учали съ тѣмъ и пословъ къ государю готовить; и въ то время пришли на нихъ поляки и ляхи, и учали ихъ побивать безъ пощады; а онъ тотчасъ ізъ Запорогъ ушолъ въ Киевъ къ митрополиту, и былъ у нево въ монастырѣ тайно въ черническомъ платье. А какъ учало быть въ Запорогехъ замешапье, и онъ послалъ къ своимъ приятетелемъ въ тѣ земли, въ которыхъ ево приняли царемъ, чтобъ ево нынешнево году не ждали: быть ему нельзѣ, потому что онъ ожидаетъ, что учинитца у казаковъ съ поляки. А что поляки надъ запорожскими казаки учинили и унялась ли у нихъ та война, или нѣтъ, тово онъ не вѣдаетъ: жилъ въ Киеве втайне въ монастырѣ и въ селѣ зъ дѣловыми людьми і зъ детеныши, въ черническомъ платье, дожидался вѣсти отъ своихъ приятелей десять дней.

И тутъ къ нему отъ князя ѳлоренсково и отъ иныхъ приятелей грамоты привезли: что они къ нему денегъ не прислали потому, что ныне у казаковъ война и деньги де ему не надобны; а будетъ казаки помирилися и ныне у нихъ тихо, и ему въ нихъ въ помочи надежа будетъ, і онъ бы къ нимъ отписалъ во Львовъ, и они къ нему тѣ деньги пришлютъ.

И митрополитъ де киевской, призвавъ ево, говорилъ ему, что ему тутъ отъ поляковъ не пробыть: вездѣ умножились поляки и жолнеры; и онъ бы ѣхалъ къ великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи и къ великому государю святѣйшему патриарху Ѳиларету Никитичю московскому и всеа Русіи, а они де государи милостивые: любо велятъ помочь учинить, а не учинятъ помочи, і они государи поволятъ ему чечерезъ свою государеву землю въ Нѣмцы пройти ко князю ѳлоренскому и инымъ ево пріятелемъ, и учнетъ у нихъ по ихъ прежнему договору казну и мушкѣты имати, и пойдетъ къ своему государьству исъ тѣхъ странъ.

И онъ де Александръ говорилъ митрополиту: Слышенъ онъ въ Запорогехъ, хто иноземцы въ Московское государьство пріезжаютъ, и тѣхъ въ Московскомъ государьстве держатъ въ неволе, а назадъ ихъ никуды не отпускаютъ, и ему бъ также задержанья не

учинили. И митрополитъ ему говорилъ, что тово отнюдь не будетъ. Хотя де будетъ государь помочи ему зачѣмъ не учинитъ, и онъ государь велитъ промыслить черезъ свои государьства, куды тебѣ надобно, а задержать не велитъ. И взялъ то митрополитъ на свою душу. И онъ де Александръ, повѣря душѣ ево и обнадежася на государьскую милость, потому въ Московское государьство и поѣхалъ.

11.

Вопросы царскихъ слѣдователей и отвѣты Александра Ахіи о томъ, что въ его разсказѣ было загадочнаго.

Александръ же Ахия для подлинново вѣдома спрашиванъ:

Въ писмѣ, что прислалъ къ великому государю нашему, къ его царьскому величеству, онъ Александръ съ посланцы своими, написано: Какъ Елена съ отцомъ своимъ и съ сыномъ Ахиею пришли до Брацыона города, гдѣ живутъ и до сѣхъ мѣстъ люди свободные і небоячись силы турские, и тутъ нихто ихъ не зналъ. И онъ бы сказалъ, въ которомъ государстве тотъ городъ Брацыонъ и подъ чьею державою, и которые въ немъ вѣры люди, и у какова человѣка онъ, и много ль въ томъ городе жилъ, и какими обычаи житье ихъ было, и чѣмъ жили, и для чево тутъ жили.

І Александръ сказалъ: Мѣсто Брацыонъ, а не городъ, на горахъ Манейскихъ; а пріехала тутъ мать ево только для тово, чтобъ (уйти) отъ турковъ, потому что она крестьянка, а тутъ живутъ все крестьянские вѣры люди; государя у нихъ и города нѣтъ, живутъ по горамъ. А промышлял(а) матерь ево (и) отецъ еѣ Георгій и жили тутъ тайнымъ обычаемъ, не сказывая тово, что она салтана турсково жена. А жить было есть чѣмъ: богатство у матери ево было многое: каменье яханты и алмазы и иные узорочья, і золотыхъ и денегъ было много, потому что мать ево была царица і имѣла у себя многу казну. Какъ онъ былъ во Влохехъ, и онъ продалъ одно перо съ каменемъ зъ дорогимъ и зъ жемчюги, что носятъ на головѣ въ ките или въ шляпе, і взялъ за нево

60.000 копъ, а копа по 20 алтынъ. Да мать же ево, какъ постриглась, устроила храмъ и монастырь, да по ся мѣста строитъ своею казною и живетъ тутъ въ монастырѣ. А отца де матери его Георгия не стало тому лѣтъ восемь или зъ десять. А побѣжала мать ево изъ Макгнисѣи бояся тово, какъ бы провѣдалъ отецъ (его) салтанъ, что она крестьянка, і онъ бы ее убилъ.

Читая этотъ отвѣтъ Александра Ахіи, нельзя не замѣтить, что онъ уклонился отъ объясненія, въ какой именно странѣ находится Браціонъ. Крайняя оконечность Мореи, которая въ московскомъ документѣ называется Армореею, именно пристань Майна, была операціоннымъ базисомъ военныхъ дѣйствій сицилійскаго адмирала Октавія Аррагонскаго съ 1615 года. Оттуда отъ сносился съ горцами майнотами, которыхъ Ахія въ своей записѣ называлъ магнами (макгны по правописанію Борецкаго). Майноты получали чрезъ Октавія оружіе и военные припасы отъ герцога д'Оссуна, испанскаго губернатора Сициліи и потомъ вицекороля неаполитанскаго. Оттуда же Октавій дѣйствовалъ, при ихъ помощи, и противъ турецкихъ кораблей, которые попадали иногда ему въ руки съ золотымъ грузомъ. До 1620 года продолжалась дѣятельность герцога д'Оссуна, имѣвшая цѣлью поднять на турокъ и европейское рыцарство и обитателей гористой Магніи, майнотовъ (см. въ III т. Слав. Сб. статью В. В. Макушева „Вост. вопр. въ XVI и XVII в."), среди которыхъ, по словамъ Ахіи, протекло его дѣтство, и которые, около 1620 года, провозгласили его греческимъ царемъ. На вопросъ царскихъ агентовъ, онъ могъ бы поразсказать объ этомъ краѣ и войнѣ Октавія многое. Вмѣсто того, Ахія распространился о драгоцѣнностяхъ, которыми обладала его мать, точно какъ бы хотѣлъ отвлечь вниманіе слѣдователей отъ главнаго. Пользуясь ихъ незнаніемъ географіи, онъ смѣло проскакиваетъ изъ Мореи въ Албанію, Сербію, Болгарію, и эти страны дѣлаетъ смежными съ своею Арморіею и своими Манейскими горами. Царскіе слѣдователи, сбитые съ толку, предложили ему вопросъ, менѣе для него неудобный.

Въ писмѣ написано: Довѣдався Козма, митрополитъ селунскій,

пришелъ до султаны Ляпарс, что держала тайно христьянство, ісповѣдалъ еѣ, а султана Иахию крестилъ и, назвавъ ево Александромъ, далъ ему учителя инока Нила учити божественному писанию і вѣре православной, і то учинивъ митрополитъ і взявъ отъ салтаны поминки дорогие, отъѣхалъ въ Селунь. І Александръ допрашиванъ: сколь давно то было, въ которомъ году, и сколь онъ великъ въ тѣ поры былъ, и Брацыонъ сколь далеко отъ Селуни, и почему митрополитъ селунской тово довѣдался и ево крестилъ, и какие поминки митрополиту салтана давала, и будетъ ево Козма митрополитъ селунской въ прав(ослав)ную християнскую вѣру крестилъ, грамота ево о томъ на увѣреніе у него есть ли, и буде есть, и еѣ бъ показалъ, чтобъ то, что онъ православные вѣры и государьской сынъ, великому государю нашему, его царьскому величеству, и отцу его государеву, великому государю святѣйшему патріарху, было вѣдомо.

І Александръ сказалъ: Селунь отъ мѣста Брацыона, гдѣ мать ево была, тритцать миль; и какъ митрополитъ Козма тутъ былъ для ісповеди і ученья крестьянскихъ людей, и отецъ матери ево Георгій и мать ево митрополита просили, чтобъ пріѣхалъ къ нимъ, і онъ у нихъ былъ; и они у нево исповѣдалися и причащались, и то, что она турсково салтана Магамета жена, объявила; и Козма митрополитъ крестилъ ево Іахию и нарекъ Александромъ; а въ которомъ году, тово онъ впрямь сказать не помнитъ, і былъ въ тѣ поры малъ, шти или семи лѣтъ; и грамоту матери ево на увѣренье митрополитъ Козма давалъ, и та грамота пропала у нево сыными грамоты; а подарки мать ево митрополиту давала каменье и жемчюгъ, что годно къ церковному благочинию на ризы и на стихарь.

Александръ спрашиванъ: Сказываетъ онъ, что онъ турсково сына Магаметовъ сынъ салтанъ Иахия, а во святомъ крещеніи нареченъ Александръ, и у многихъ государей былъ, и многіе государи ему помогать хотѣли и почесть ему чинили многую. Чемъ увѣритъ, что онъ государьской сынъ і въ православную христіянскую вѣру крещенъ? и ково король шпанской и князь ѳлоренской къ матери ево для свидѣтельства, что онъ турсково салтана сынъ і въ православную християнскую вѣру крещенъ, посылали? І

будетъ онъ турсково салтана Магаметевъ сынъ царевичъ салтанъ Іахия и въ православную християнскую вѣру крещенъ і немецкие короли и князи помогать ему хотѣли, есть ли у нево о томъ которыхъ государей свидѣтельственые грамоты? Во всѣхъ государьства(хъ) то велося издавна: коли хто честной человѣкъ, хотя и не государьской сынъ, въ которомъ городе государстве будетъ, і имъ даютъ грамоты для вѣдома і увѣренья, хто они и гдѣ и коли были; и будетъ такие грамоты у нево есть, і ихъ обявилъ бы.

І Алаксандръ сказалъ: что онъ прямо турсково Магаметъ салтана сынъ, царевичъ салтанъ Иахия, а во святомъ крещеніи селунский митрополитъ Козма нарекъ ево Александромъ и грамоту объ немъ къ цѣсарю посылалъ, обявляючи объ немъ, что онъ государьской сынъ і въ православную христіянскую вѣру крещенъ, да і у нево митрополита Козмы свидѣтельная грамота была. А король шпанской и князь ѳлоренской посылали къ матери ево для свидѣтельства о немъ людей своихъ; а ково именемъ і въ которомъ году, тово ему вспомнитъ нельзѣ. И грамоты у нево короля шпансково и князя ѳлоренсково і иныхъ государей, гдѣ онъ былъ, были за ихъ руками и за печатьми; и какъ на нег(о) было гоненье и побойка отъ брата его Ахметъ салтана і иные утесненья, и какъ по государьствамъ проходилъ пешъ і въ нищемъ образе і въ чернеческомъ платье, и тѣ у нево грамоты въ тѣ поры пропали, а иные и самъ дралъ, боясь тово, чтобъ ево по тѣмъ грамотамъ не узнали и къ турскому салтану не отвели. А что къ нему писалъ двѣ грамоты князь ѳлоренской, (какъ) онъ былъ въ Запорогехъ, да запорожскихъ казаковъ отъ гетмана грамота о пропущенье и (обере)женье, і тѣ грамоты у него; (а ос)тавилъ у митрополита киевскаго (три) листы: одинъ отъ маршалка Вольского, а другой..... Александру, князю черногорскому. А салтаномъ Александромъ и салтаномъ Ахиею не писано, съ нимъ по совѣту, для тово чтобъ его не вездѣ вѣдали, что онъ салтанъ Иахия. А писалъ де къ нему Радивилъ по знакомству, какъ онъ былъ у цѣсаря Рудольѳа, а Радивилъ у цѣсаря жъ и съ нимъ былъ въ дружбе, потому и ныне къ нему пишутъ и о совѣте и о вѣстехъ. А третей листъ арцыбискупа менского о проѣзде. А какъ онъ гдѣ въ

государьствахъ былъ и которые государьства проѣзжалъ, и у нево такихъ грамотъ было зъ обѣ стѣ и больши; и тѣхъ было ему грамотъ съ собою носить і уберечь нельзѣ, да и писано ево де во многихъ грамотахъ не салтаномъ Ахиею, княземъ Александромъ черногорскимъ, для тово, чтобъ ему опаснѣе отъ турскихъ людей и отъ неприятелей ево.

І далъ Александръ Дмитрею и Григорью два листа, а сказалъ: писалъ къ нему тѣ листы князь ѳлоренский по италиянски; оба за печатью князя ѳлоренсково, да листъ отъ запорожскихъ казаковъ проѣзжей сказалъ, за войсковою печатью; а говорилъ Александръ чтобъ тѣхъ листовъ посмотря, ему отдать.

І Дмитрей и Григорей, взявъ у Александра грамоты, говорили ему, что они тѣ грамоты пошлютъ къ великому государю царю и і великому князю Михаилу Ѳедоровичю, всеа Русіи самодержцу, и къ отцу ево государеву, къ великому государю святѣйшему патриарху Ѳиларету Никитичю московскому и всеа Русіи, для тово, что съ ними переводчика здѣсь нѣтъ.

І Александръ говорилъ, что ему по тѣмъ Ѳлоренсково грамотамъ взяти въ Кракове у друзей своихъ 60.000 золотыхъ, что къ нему послалъ князь ѳлоренской на помочь, и тѣ золотые до нево не дошли, а иные съ ними князя ѳлоренсково люди въ Кракове у друзей ево; и царское бъ величество пожаловалъ ево, велѣлъ ему тѣ грамоты отдати.

И Дмитрей и Григорей говорили, чтобъ онъ о томъ не оскорблялся и не опасался бъ ничево: къ царьскому величеству они о томъ отпишу(тъ) и тѣ грамоты пошлютъ тотчасъ, і что имъ царьково величества о томъ повелѣние будеть, і они ему то обявятъ вскоре.

Александръ ж(е) Іахия говоритъ: Какъ сербские и болгарские люди, которые живутъ въ горахъ, договорилися съ нимъ і укрепилися, что ему быть надъ ними царемъ и дали ему государьственную печать такову жъ, какова у прежнихъ греческихъ царей была і около печати подписали ево имянованье; и та печать ныне у нево. И онъ печать показалъ: орелъ двоеглавой, а межъ главъ надъ нимъ коруна; подъ ногами у орла лежитъ лисица; а про письмо, что около печати было его имянованье, Александръ

сказалъ, прикрыто мѣдью, чтобъ имя его не всякъ вѣдалъ, что онъ салтанъ Іахия; а рѣзана печать на мѣди; и тою печатью напечатано на воску и послано къ государю царю и великому князю Михаилу Өедоровичю всеа Русіи и къ великому государю святѣйшему патриарху Филарету Никитичю московскому и всеа Русіи; а печать взялъ Александръ къ себѣ.

Александръ ж(е) спрашиванъ: У польсково короля онъ былъ ли, и будетъ былъ, по которую пору і въ которомъ городе и для чево у нево (былъ) или у нево помочи просилъ, і что ему король сказалъ, помочь ему какую учинить хотѣлъ ли, или ему отказа(лъ)?

І Александръ сказалъ: что онъ самъ у польского короля не бывалъ, а какъ ѣхалъ къ цѣсарю, и былъ въ Кракове, и, по совѣту маршалка Вольсково, писалъ онъ ко князю Өлоренскому, чтобъ за нево писалъ къ польскому королю о вспоможенье, і князь де къ польскому королю і писалъ, и король де поставилъ ни во што; а опричь де тово у польсково короля не бывалъ і король ево польской не знаетъ.

Александра жъ спрашивали: что ево нынѣ мысль: какъ ему отца своего государьство доступать, и на ково въ томъ большую надежду имѣетъ? И говорили ему о томъ розговоромъ широко и пространно і выговаривая ему, чтобъ онъ съ ними говорилъ о всемъ не скрываяся ни въ чемъ и не опасаяся ничево.

И Александръ говорилъ: чаетъ онъ государьства своего доступить тѣмъ обычаемъ. Которые ево царемъ приняли, Сербы, Болгары, Плавы, Арбаниты, и Клименты, и Болопавлики, и Герцековины, и Кучи, і Химари, земли свободные и люди многие, всѣ хрстіянские вѣры і богатые люди, а живутъ на горахъ; турские люди и по ся мѣста осилети ихъ не могутъ; а турские люди живутъ просто въ посадахъ; городовъ у нихъ мало, и наряду нѣтъ; а городы у нихъ и нарядъ многой по венгерской границе, а середи государства городовъ мало; и онъ надѣетца на то, что онъ возметъ у князя өлоренсково мушкеты и роздастъ людемъ, и, прося у Бога милости, хочетъ съ тѣми своими людьми притти на Турское государьство середи земли, гдѣ мѣстъ и городовъ крепкихъ лѣтъ; и которые мѣста бли(зко) Царя города и какъ т(е),

дасть Богъ і поможетъ, около Царя города повоюе(тъ) и мѣста поемлетъ, чаетъ и Царь городъ взять, потому что турки бываютъ больше по границамъ. А и межъ турковъ во Царе городе і выныхъ окольнихъ мѣстахъ многие греки крестьяне; и хотя они ныне имъ і не помочь, а какъ онъ собрався на турковъ придетъ, и они де всѣ тутъ же готовы будутъ ему помогать и надъ Турскимъ промышлять. Да и то де ево обнадеживаетъ, что ныне Муратъ салтанъ племянникъ ево дѣтина молодъ, всево въ двенатцать лѣтъ, и промыслу у нево чаять нечево; а онъ человѣкъ сверстной і наученъ, і вѣры православные християнские, и больши всево надѣетца на Бога, что ему для своего святаго имени будетъ ему помощникъ. А какъ онъ прежъ сево собралнся было съ людьми и братъ ево Ахметъ салтанъ выслалъ на нево войско и побилъ, и онъ было хотѣлъ отъ тово і унятца и пострнтца въ чернцы, і Іванъ де архиепископъ сербскій отъ тово ево удержалъ и постричися ему не поволинъ, а говорилъ ему, что онъ царь православной, а хочетъ ныне государства своего отступитца, и онъ бы одноличко тово не учинилъ и государства бъ своего доступалъ и православныхъ крестьянъ оборонялъ, а Богъ ему поможетъ для избавы крестьянские. А будетъ онъ отъ тово отступитъ или постриженца, и онъ со всѣми епископы съ нево благословеніе сымутъ і проклятию предатутъ. Потому онъ и по ся мѣста отъ тово не перестаетъ і всякими мѣрами промышляетъ какъ бы ему православныхъ християнъ отъ неволи турские избавити.

—— бьетъ (Александръ) челомъ и милости у нихъ милостивыхъ своихъ государей проситъ (т. е. у царя и его отца), чтобъ они государи пожаловали ево по своей государьской милости для тово, что онъ бѣдный царь християнской, велѣли ему итти черезъ свое государьство на Донъ и казакомъ, которые тутъ на Дону, поволили бъ съ нимъ итти; и онъ бы прошолъ съ ними рекою Дономъ да Чорнымъ моремъ въ реку Дунай, и Дунаемъ рекою въ Болгарскую землю; а Болгары ево государьства люди, и учнутъ збиратца тотчасъ. А будетъ государь того не пожалуетъ, донскимъ казакомъ итти съ нимъ не поволитъ, и государи бъ пожаловали ево, велѣли дати мушкетовъ, сколько они государи по-

жалуютъ и пропустить ево Дономъ же рѣкою, чтобь ему проѣхать Чернымъ моремъ въ Болгары.

И Дмитрей и Григорей спрашивали Александра: какъ онъ въ запорогехъ былъ, и онъ съ донскими казаками ссылался ли, или у нихъ и на Дону въ юртехъ былъ, или они къ нему въ Запороги приезжали, и хто приезжалъ, и договоръ съ ними у нево какой бывалъ ли, и на чомъ договорились?

И Александръ сказалъ: На Дону онъ не бывалъ, а какъ донскіе і запорожские казаки ходили моремъ на Турсково городы, запорожскихъ сто шездесятъ полковъ, а донскихъ шездесятъ или семдесятъ чолновъ; и какъ тѣ донские казаки после тово были въ Запорогехъ триста человѣкъ, и тѣ донские казаки съ нимъ виделися и говорили ему: будетъ запорожские казаки съ нимъ пойдутъ на Турсково, и они донские казаки пойдутъ съ нимъ всѣ. А атаманъ въ тѣ поры у нихъ былъ, Алексѣемъ зовутъ, молодецъ добръ, а чей словетъ, тово не помнитъ. И слово свое ему на томъ дали, и по рукамъ съ нимъ били. И государь бы и святѣйшій патріархъ пожаловали бъ ево, велѣли ему донскими казаки помочь учинить. А будетъ казакомъ помочи учинити и мушкетовъ дать не велятъ, і они бъ государи пожаловали ево, велѣли пропустить черезъ свои государьства на Великій Новгородъ или на Архангельской городъ, чтобъ ему проѣхать къ шюрину своему ко князю ѳлоренскому і, взявъ бы у нево и у иныхъ приятелей, которые похотятъ помогать, казну и мушкѣты, итти въ свое государьство и съ тѣхъ странъ и промышлять, сколько Богъ поможетъ.

Царскіе слѣдователи обѣщали отписать немедленно по сему пре[д]мету къ царю и сообщить царевичу Александру о царской вол[ѣ]

12.

Разсказъ священника Филиппа объ Іовѣ Борецкомъ, Александрѣ Ахіѣ и о событіяхъ въ Малороссіи.

Да генваря въ 12 день Дмитрей Васильевичъ Лодыгинъ да діакъ Григорій Нечаевъ, призвавъ къ себѣ киевсково митрополита попа Ѳилипа, и роспрашивали ево, для чево онъ въ Московское государьство приѣхалъ: митрополитъ ли ево съ какимъ дѣломъ послалъ къ великому государю (титулъ) и къ отцу ево (титулъ), грамоты отъ Иева митрополита съ нимъ есть ли, і будетъ есть, и онъ бы тѣ грамоты къ нимъ прислалъ.

И попъ Ѳилипъ сказалъ: Послалъ ево митрополитъ киевской Иевъ Борецкой ісъ Киева проводити Александра Ахию, для тово что Александръ митрополиту Иеву у исповѣди сказалъ, что онъ турсково салтана сынъ царевичъ і во святую православную християнскую вѣру крещенъ, и отъ ево руки причащался пречистаго тѣла и крови Христа Бога нашего. И митрополитъ прошлово году посылалъ ево тово Александра проводить въ Запороги хъ казакомъ и къ черкасомъ; и онъ попъ Ѳилипъ ево и проводилъ. А какъ на запорожскихъ казаковъ и на черкасъ пришли поляки і ляхи и тому Александру въ Запорогехъ отъ поляковъ пробыть было нельзѣ, и прибежалъ опять къ митрополиту въ Киевъ. И митрополитъ Иевъ, опасаяся тово, что ему и тутъ прожить отъ поляковъ и укрытца нельзѣ, да и для тово, что онъ у исповѣди митрополиту вдуховне сказался, что онъ турсково царя сынъ, велѣлъ ему попу Ѳилипу Александра проводить до Путивля береженымъ. А больши послалъ для тово, что Александръ Ахия вдуховне ему сказался государьской сынъ, и какъ онъ будетъ въ Московскомъ государьстве у государя и у великаго государя святѣйшаго патриарха и чево будетъ росказати не изумѣетъ, и про то онъ Ѳилипъ роскажетъ.——

І попъ Ѳилипъ спрашиванъ: какой человѣкъ Александръ, і въ которыхъ государьствахъ былъ, и какъ онъ въ Киевъ и отколе

приѣхалъ, и для чево, і исъ Киева гдѣ былъ, и для чево въ Московское государьство приѣхалъ?

И попъ Ѳилипъ сказалъ: Въ прошломъ году по лѣту посылалъ ево митрополитъ Иевъ къ запорожскимъ казакомъ для милостыни на церковное строенье; и былъ онъ тамъ немногое время, и что ему дали на милостыню и на сакъ митрополиту дали, то изъ Запорогъ съ собою повезъ. І октября въ 27 день прошлого году встрѣтилъ онъ митрополита Иева къ Запорогамъ отъ Киева шесть миль на бору; а съ нимъ ѣдетъ тотъ Александръ, а онъ попъ Ѳилипъ ево не зналъ. И митрополитъ, поукрепя ево вдуховне, и сказалъ ему: пришолъ де тотъ человѣкъ къ нему въ Киевъ октября въ 21 день и сказалъ де ему, что онъ турсково салтана Магамета сынъ салтанъ Іахия, родился отъ грекини Елены християнки, и крестилъ де ево Козма, митрополитъ селунской, и нареченъ во святомъ крещеніи Александръ, і гдѣ онъ былъ і въ которыхъ государьствахъ, и что гдѣ надъ нимъ дѣлалося, то все ему сказалъ; а въ Киевъ де онъ пришолъ для тово, чтобъ ему итти къ запорожскимъ казакомъ и поднять ихъ на войну противъ Турка, и просилъ де у нево тово, чтобъ ево исповѣдалъ и причастилъ, потому что онъ многое время былъ въ немецкихъ і выныхъ во многихъ государьствахъ, а не исповѣдался и не причащался многое время. И онъ де ево исповѣдалъ і у исповѣди ему про свое роженье и гдѣ былъ и какъ въ православную вѣру крещенъ, сказалъ тожъ; и онъ де, исповѣдавъ ево, велѣлъ то все о ево роженіи и пребыванье написать подлинно. И тотъ де человѣкъ написалъ то все греческими письмены. И какъ де онъ пришолъ ко причащенью тѣла и крови Христовы, и митрополитъ по тому письму ево спрашивалъ: приступаетъ онъ къ тѣлу и крови Христове, а у исповѣди сказался онъ турсково салтана сынъ, і онъ бы сказалъ подлинно, таки ль то правда, что онъ сказалъ і въ письмѣ своемъ написалъ. И Александръ де, пришедъ къ причастью и положа на то свое письмо руку, клялся и присягалъ, что онъ турсково салтана сынъ, и что онъ про себя митрополиту сказалъ і въ письмѣ своемъ написалъ, все правда, а ложно ничево не написалъ. А будетъ что сказалъ или написалъ про себя ложно, и ему бъ здѣ на семъ свѣте быть прокляту и отъ Бога отлучену, да и

на томъ свѣте милости Божіи лишену быти. И митрополитъ де ево и причастилъ, и поѣхалъ ево проводить въ Запороги, чтобъ ему отъ польскихъ урядниковъ до Запорогъ проѣхать.

А сказавъ то митрополитъ, велѣлъ де ему попу Ѳилипу воротитца въ Запороги и Александра проводить до черкаскихъ городовъ, и грамоты объ немъ въ Запороги хъ казачьему гетману къ Калиннику и къ старшинамъ казачьимъ написавъ, съ нимъ послалъ, а самъ воротился въ Киевъ. А приказалъ ему тово Александра беречь, какъ ево митрополита. И онъ де Ѳилипъ проводилъ ево Александра до Крылова города, которой стоитъ къ полю и порогамъ на границе. И тутъ въ Крылове митрополичьи грамоты, которые писана къ гетману казачью, да другую къ писарю, третью къ судьямъ отдалъ Александру, что писалъ митрополитъ объ немъ Александре, хто онъ и для чево въ Запороги ѣдетъ. И отдалъ ево тутъ въ Крылове старшинѣ Чепраку и казакомъ, а самъ воротился назадъ ноября въ 14 день 133 году.

Александръ поѣхалъ за Пороги къ гетману и хъ казакомъ, и что у нево тамъ дѣлалося, тово онъ не вѣдаетъ. И тово жъ году въ генварѣ тотъ Александръ приѣхалъ назадъ въ черкаской городъ и прислалъ къ митрополиту, чтобъ ему съ нимъ видетца. И митрополитъ де приѣхалъ въ Трехтемиревъ монастырь отъ Киева 60 верстъ, а Александръ тутъ же приѣхалъ и говорилъ митрополиту, чтобъ послалъ къ великому государю царю і великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи зъ грамоты ево попа Ѳилипа, прося у государя себѣ жалованья и помочи. И митрополитъ Александру сказалъ, чтобъ онъ (послалъ) къ государю своихъ посланцовъ, а онъ митрополитъ къ государю о томъ отпишетъ. И послалъ Александръ къ государю посланцовъ своихъ Марка Македонина да Івана Доброво(?) генваря въ 24 день.

Александръ дожидался ихъ въ черкаскомъ городе; а сказалъ митрополиту, что запорожские казаки (съ ни)мъ подъ Царь городъ итти хотѣли, а онъ имъ посулилъ наемные деньги; а хотѣлъ де ево помогать король шпанской; а договорился было съ казаки, что имъ (итти?) зимою тово жъ 133 году, для тово, чтобъ реки перейти по леду до моря, а на веснѣ итти моремъ и Дунаемъ мимо Волоскую и Мультянскую землю къ своимъ людемъ, кото-

рые князи и люди ему поддалися и подписались; а какие тѣ люди, тово онъ не вѣдаетъ. І въ тѣ поры де приходилъ на Польсково крымский калга Шанъ Гирѣй и съ казаки помирился, а къ польскому королю послалъ пословъ своихъ. И казаки де ему говорили, что имъ тое зимы итти съ нимъ нельзѣ, потому, миръ ли будетъ, или война, тово невѣдомо; а только миръ будетъ, и они съ нимъ на новую зиму одноличио пойдутъ всѣ головами своими. А ево де Александра взяли въ свой черкаской городъ и кормъ ему давали, і былъ тутъ всю зиму, и посланцы ево отъ государя съ жалованьемъ тутъ къ нему пришли. И на веснѣ, взявъ ево казаки, поѣхали въ Запороги и договорилися съ нимъ, что имъ всѣмъ итти съ Александромъ сее зимы для жъ тово, чтобъ реки ледомъ перейти. И былъ тамъ Александръ до августа мѣсяца.

И въ тѣ поры пришолъ въ Запороги отъ польско(го) короля посолъ Пачаковской и заказалъ казакомъ, что польской король съ Турецкимъ и съ Крымскимъ помирился, и они бъ войною на турские и на крымские мѣста полемъ и моремъ не ходили, да и то имъ объявилъ, что будетъ къ нимъ гетманъ конецпольской, и они бъ готовились на зборъ і выписывалися бъ сами, что имъ быть въ казакѣхъ шти тысячамъ человѣкомъ, а достальныхъ написать въ пашенные люди. А будетъ они на Турсково и на Крымсково полемъ и моремъ пойдутъ или не учнутъ выписыватца, и король де приказалъ гетману Конецпольскому ихъ всѣхъ побити и пополенити. И слыша де то казаки, испужалися, и хотѣли послать хъ королю атамановъ о томъ съ челобитьемъ; и Пачаловской де имъ сказалъ, что имъ и посылать нѣчево для: королевской указъ инако не будетъ.

И видя то Александръ, что ему ни въ чемъ не спѣетъ, о томъ оскорбился; а казаки запорожские на турские украины полемъ не пошли, а моремъ заказу не послушали. И тамъ ихъ турки побили въ дву мѣстехъ да на морѣ вѣтромъ потопило 22 или 23 чолна. А въ тѣ жъ поры безъ нихъ пришолъ на нихъ гетманъ Конецпольской съ поляки исъ ляхи со многими людьми, и городы черкасомъ и Крыловъ і иные, и мѣста разорили и попленили і выжгли. А какъ они съ моря пришли и хотѣли съ Конецпольскимъ бой учинить, и онъ имъ собратца не далъ и пришелъ на станъ

ночью, и былъ бой великой. И побили на томъ бою казаковъ съ пять тысячъ человѣкъ, а ляховъ съ три тысячи человѣкъ. А посля тово гетманъ хъ казакомъ приступалъ і казаки съ нимъ говорили и чево они у нихъ хотятъ. И гетманъ сказалъ имъ, чтобъ ихъ впередъ было въ Запорожехъ 4.000 человѣкъ, а больши бъ тово не было. И казаки ему отказали, что имъ такъ учиниить нельзѣ. И договорились, что быть впередъ шти тысячамъ человѣкомъ, а достальныхъ всѣхъ изъ Запорогъ выслать и пописать въ пашенныя люди. И казаки де переписываютца і выбираютца въ 6.000 человѣкъ сами. А кровь де полилась многая, а впередъ тово жъ чаеть, потому что нынѣ въ запороскихъ мѣстехъ есгь всякихъ людей съ сорокъ тысечъ, и которые за шестью тысячи останутца, и тѣ въ пашенныхъ людехъ быть не захотятъ, и чая(ть) тово, что войну взочнутъ, или пойдутъ въ Запор(ог)и или на Донъ.

А какъ де гетманъ на козаковъ пришолъ и гетманъ де казачей Александра Ахию птпустилъ изъ Запорогъ въ черкаской городъ и далъ ему проѣзжей листъ къ своимъ товарыщемъ, чтобъ ево пропущали і провожали і берегли, а исъ черкасково городка прибежалъ Александръ опять въ Киевъ къ митрополиту, убоясь поляковъ; а въ которомъ мѣсяце и числѣ, тово онъ не упомнитъ. И держалъ ево митрополитъ въ Михайловскомъ монастырѣ недѣлю, а после тово побылъ въ селѣ тайно въ чернеческомъ платьѣ. И учали ево ляхи сысковать, и говорили казакомъ, чтобъ ево сыскали. И Александръ де билъ челомъ митрополиту, что ему тутъ прожить нельзѣ, и митрополитъ бы объ немъ промышлялъ, какъ бы ему выѣхать, чтобъ ему Александру и митрополиту въ немъ не погинуть, и чтобъ ево митрополитъ отпустилъ въ Нѣмцы черезъ Польшу на Краковъ. І митрополитъ де ему туды ѣхать не поволилъ, потому что ему пройти было і проѣхать нельзѣ: вездѣ были поляки и ляхи, и только де тебя Александра поимаютъ, ино і ему въ немъ погинуть. И говорилъ ему митрополитъ, чтобъ онъ ѣхалъ въ Московское государьство, и государь велитъ ево пропустить и проводить, куды ему годно. І Александръ де тому обрадовался, а постоявъ молылъ (повтореніе опасеній, что изъ Московскаго государства его не выпустятъ, но Борецкій его въ томъ

разувѣрилъ). I въ другой день митрополитъ Александра отпустилъ, а ево де попа Ѳилипа за нимъ съ людьми ево и съ рухлядью на завтрее тово.

На разспросы Лодыгина и Нечаева о вѣрѣ Александра, священникъ Филиппъ отвѣчалъ: что, по ево видѣнью, кабы онъ крестьянскую вѣру имѣетъ; вѣрую во единого Бога Отца вседержителя говоритъ по гречески (т. е. согласно съ греками) всегда истово, да и то говоритъ: и въ Духа святого, Господа истиннаго и животворящего, иж(е) отъ Отца исходящего, а не такъ, какъ латинники говорятъ: иж(е) отъ Отца и Сына исходящего. И канонъ акаѳистовъ говоритъ же, и образомъ покланяетца; и ничево онъ повреженья въ вѣре не видитъ; а сердечное ево Богъ вѣсть.— — А осталась де у митрополита Александрова шкатулка, а въ ней листы два или три съ печатьми: одинъ отъ маршалка Вольсково, а что въ немъ писано, тово онъ не вѣдаетъ: писано по латынски; а другой листъ проѣзжей отъ нѣкоторово бископа, что ѣдетъ княже Александръ, и ево бъ пропускали; а третей листъ не вѣдаетъ какой.— —А на ково въ томъ, чтобъ ему государьство свово (до)ступить, имѣемъ надежду, и для чево въ Московское государьство пріѣхалъ и что ево мысль, тово онъ не вѣдаетъ; только онъ съ Александромъ говорилъ въ розговоре; что ему въ Московскомъ государьстве будетъ дѣло? и Александръ ему сказалъ: только де у нево въ Московскомъ государьстве у государя будетъ дѣла двѣ рѣчи, любо такъ, или такъ; а какие рѣчи, тово ему не сказалъ. И онъ де ево спрашивалъ, чтобъ ему сказалъ: какие тѣ рѣчи? нѣшто хто будетъ съ Москвы отъ государя насъ спрашивать, и мнѣ вѣдать, что сказать. И Александръ де ему противъ тово говорилъ: Будетъ ково государь къ нему пришлетъ, и онъ ихъ спроситъ, приказано ли имъ о всемъ (отъ) государя спрашивать, и только имъ приказъ государевъ о томъ будетъ, и онъ тѣ оба слова имъ скажетъ, а ему де попу Ѳилипу тово одною(ть) не сказалъ. И ничево де онъ про Александра больши тово не вѣдаетъ.

13.

Письмо великаго герцога флорентинскаго къ Александру Ахіѣ.

Переводъ зъ грамотъ, что прислали изо Мценска Дмитрей Лодыгинъ да діакъ Григорей Нечаевъ, что далъ имъ Александръ Ахия, а сказалъ имъ, что тѣ грамоты прислалъ къ нему изъ Италіи ѳлоренской князь. Переводилъ обтѣкарь Ондрѣй Івановъ да переводчикъ Еремѣй Еремѣевъ да дохтуровъ Ѳалентиновъ человѣкъ Степанъ италиянский сытальянсково на немецкой языкъ, а съ немецкого на руской, генваря въ 17 день. А подписывано: Государь салтанъ Иахия, буди тебѣ милость Божия.

А въ грамоте на верху написано:

Государю салтану.

Лука Деазиновъ Ѳавроній грамоту вашу мнѣ подалъ, и исъ тое вашей грамоты я выразумѣлъ есми, что вы желаете отъ насъ, чтобъ мнѣ для вашего величества къ литовскому королю грамота послать, чтобъ онъ тебя жаловалъ. І въ чомъ мнѣ возможно тебѣ въ твоихъ делахъ послужить и помогати, и я въ томъ готовъ, какъ и посямѣста радѣлъ и помагалъ, о чомъ изусно у Ѳантиана услышишь и королевскую грамоту, какову къ тебѣ польской король писалъ, отдастъ тебѣ самъ Ѳавронъ, и что твое хотѣнье въ твоихъ делахъ будетъ, и тебѣ бъ о томъ ко мнѣ вѣдомо учинить, чтобъ мнѣ въ твоемъ дѣле могъ онъ тебѣ служить и помочь учинить, сколько мочь моя сяжетъ, чтобъ было къ покою крестьянскому, и желаю отъ всемогущего Бога, чтобъ Богъ моленье мое услышелъ и подалъ тебѣ, тово я тебѣ желаю, и далъ бы тебѣ щастье въ твоихъ прямыхъ дѣлахъ. Писа(нъ) вытальянской землѣ, въ городе Ѳлорен(ціи) генваря въ 12 день 1618 году, (а) поруски 127 году.

А внизу у грамоты написано: Вашей любви сердечной другъ князь великиі.

А печать у тое грамоты ѳлоренского князя, а около еѣ написано: Козмосъ Ѳторый князь великий ѳлоренскиі четвертый Отто Итрурия.

14.

Письмо матери великаго герцога флорентинского къ Александ ру Ахіѣ.

А другая грамота писана отъ матери ѳлоренского князя къ тому жъ салтану.

А на подписи написано: тому великому государю салтану Ахие Аттаману, того Богъ сохрани.

А въ грамоте написано:

Государю салтану.

Твоя государева грамота, которую ты далъ въ Кракове, до меня дошла декабря въ 20 день, (и то)е твою грамоту казала я великому государю, сыну своему, і вмѣсте съ сыномъ своимъ выслушали і выразумѣли еѣ съ великою (радо)стью, что твое государево дѣло въ великой надеже і въ счасливомъ совершенье будетъ, и желаю того слышати съ великою радостью, чтобъ ваше желанье съ радостью совершилось. А что ты, государь, наше желанье и думу нашу хочешь вѣдать и чтобъ ваше хотѣнье тѣ государи приняли, и на то придумали мы, чтобъ вы тотъ приговоръ и умышленье приняли безо всякого отложенья и сумнѣнья. А будетъ впередъ война учинитца или къ войнѣ придетъ, и счастье въ томъ будетъ, и тѣ дѣла сами ся покажутъ, и мочно ихъ къ доброму пути привести; а будетъ тебѣ годно, что тебѣ счастья своего искать, и ты бъ тѣмъ промышлялъ и больше того, что ты, великой новый государь, которому быти государемъ, еще молодъ і во владѣнье своемъ еще не надеженъ. А потомъ молимъ всемогущаго Бога, чтобъ твое государево прямое дѣло совершить счастливо. Писано въ го(родѣ П)изе генваря 27 лѣта отъ Рожества Христова 1617, а по руски 126 году.

А на низу написано: Вашей любви къ службе великая княгиня Христьяна.

А у грамоты печать еѣ, а коло печати написано: Крестьяна великая княгиня тусканская.

15.

Проѣзжій листъ Запорожскаго Войска, данный Александру Ахіѣ.

Переводъ съ листа запорожскихъ казаковъ, которой прислали изо Мценска Дмитрей Лодыгинъ да діакъ Григорей Нечаевъ, что взяли у Оленандра Ахия.

Михайло Дорошенко со всѣмъ Войскомъ его королевской милости Запорожскимъ.

Атаманомъ и всѣмъ товарищемъ нашимъ по мѣстахъ и мѣстечкахъ и гдѣ ни есть пребывающихъ (sic) доброго и счастливого пребыванья отъ Господа Бога имѣть желаемъ.

При томъ до вѣдомости вашей доносимъ, иже (sic) за вѣдомостью нашею въ потребахъ (св)оихъ ѣдетъ до городовъ вельможный его милость княже Олександръ, царь турецкой, который въ чомъ бы годно васъ въ которомъ нибудь городе о какую помочь жедалъ, дали подлинно и подъ грозою именемъ войсковымъ росказуемъ, чтобы естя ему во всемъ помочными были. А есть ли бы какое насильство отъ пановъ польскихъ или отъ ково иного на него приходило, і вы бъ его берегли, не допускаючи ему никакие малые кривды, а наипаче учтивость вездѣ между вами имѣлъ такую, которая годна есть царскому стану, одноличво бы естя инако не чинили, подъ ласкою и сердитымъ кораньемъ войсковымъ. За тымъ васъ Господу Богу поручаемъ. Писанъ за Порогами на куреняхъ у Ореховки мѣсяца іюня 26 дня 625-го году.

Приписалъ Ондрѣй Кривобоковъ, писарь войсковой.

Печать войсковая.

16.

Донесенія царскихъ слѣдователей о дальнѣйшихъ бесѣдахъ ихъ съ Александромъ Ахіею.

—— А после прежняго, государи, какъ приходилъ къ нему Александръ напередъ тово голову простригъ и учинилъ хохолъ,

какъ дѣлаютъ польскіе купцы. И мы ему къ слову выговорили: и сказываетца онъ нашие православные християнские вѣры, а учинился въ хохлѣ поляш..ки, и въ крестьянскихъ обычаяхъ такъ не повелось. И Александръ говорилъ, что онъ называетца полякомъ купецкимъ человѣкомъ, и онъ простригъ на головѣ такъ же, какъ польские купецкие люди дѣлаютъ, чтобъ не признатно. Да и въ Турской де земли только брѣютца, а такъ же дѣлаютъ. А собою, государи, Александръ ростомъ средней и образомъ обышной, черноусъ, въ лицѣ щупловатъ, носъ плоскъ, продолговатъ; лѣтъ ему побольши сорока, а по разсмотрѣнью, государи, смышленъ і въ рѣчи остерегателенъ, и языки говоритъ, и гра(мо)те наученъ многихъ земель. А въ вѣре ево знать.... а вѣрую во единаго Бога Отца вседержи(теля) говорилъ по достоинству и образомъ (пок)лоняетца, только крестица кабы не истово. А какъ съ нами холопи вашими говоритъ, и онъ на образъ пречистые Богородицы взираетъ часто умильнымъ обычаемъ. И прежъ сево и ныне, какъ объявлялъ намъ, для чево онъ въ Московское государьство приѣхалъ, и онъ билъ челомъ вамъ государемъ вставъ і, взозрѣвъ на образъ пречистые Богородицы, прослезился и гововорилъ все стоя и сквозь слезъ. А иново, государи, нельзѣ разсмотрить: въ рѣчехъ опасенъ.

---

134 г. генваря въ 14 д. Дмитрей Василевичъ Лодыгинъ да діакъ Григорей Нечаевъ спрашивали Александра Иахию: Въ Путивле царьского величества воеводамъ онъ сказывалъ: Въ прошломъ году на веснѣ ѣздилъ онъ въ Запороги хъ козакомъ звати ихъ на войну противъ Турского, і козаки запорожские на Тусково съ нимъ итти хотѣли (и д)ля того присылали де къ нему Александру изъ Грекъ и изъ Сербские земли, і изъ Болгаръ, і изъ Ехимары, і изъ Климентины, и ізъ Белопавликовъ и ізъ Герцековины, і изъ Маневцы, і изъ Дуказины тѣхъ земель князи, чтобъ онъ съ запорожскими козаки шолъ къ нимъ въ Сербскую землю и въ Болгары, а они, сложась съ нимъ, пойдутъ всѣ на Турсково. Да ему жъ де Александру хотѣли помогать король шпанской да

князь Флоренской и иные князи. Сколь давно исъ тѣхъ земель, для того чтобъ онъ зъ запорожскими козаки къ нимъ шолъ, присылали, и ково присылали, и грамоты отъ нихъ у нево есть ли, и коими обычаи король шпанской и князь Флоренской помогатъ ему хотѣли, и какую помочь ему, казною, ли, или людьми, и будетъ казною, и чему вѣря, какое съ нимъ укрепленье у нихъ было, и гдѣ было ему тою казною людей наймовать, и для чево король шпанский и князь флоренский, на то чтобъ во Царѣ городе учинить православная християнская вѣра, но прежнему помогать ему хотѣли, а они сами латынники і вѣре греческой неприятели и гонители церкви восточные, и хто иные князи, и которыхъ вѣръ, и какою помочью помогать ему хотѣли, и гдѣ было ему съ тѣми людьми сходитца?

И Александръ сказалъ: что онъ тово, что ему король шпанской хотѣлъ помогать, въ Путивле воеводамъ не сказывалъ, а сказывалъ де имъ то, что ему хочетъ помогать князь флоренской по дружбе и по тому, что сестру свою за нево зговорилъ; да и іные де, чаю, князю флоренскому въ свойствѣ, помогутъ же. А на вѣру греческую посягаетъ папа и гардиналы ево и езовиты, а короли и князи на то и не глядятъ; воли въ вѣре ни у какихъ людей не отымаютъ. Да и турские де люди у крестьянъ вѣры ихъ не отымають же и къ своей вѣре сильно не приводятъ. А и съ тѣхъ ево земель (о)томъ, чтобы къ нимъ шолъ зъ Запорожскими козаки, къ нему (не) присылывали і воеводамъ въ Путивле тово не сказывалъ, а писалъ де изъ Запорогъ въ тѣ земли онъ Александръ, что чаетъ онъ у Бога милости, что будетъ къ нимъ въ горы зъ запорожскимъ войскомъ; то онъ въ Путивле сказывалъ, и тотъ ево промыслъ въ Запорогехъ не стался, потому что пришолъ на казаковъ гетманъ Конецпольской съ поляки и съ ляхи со многими людьми і ихъ побилъ и разорилъ, и имъ стало до себя.

Александръ ж(е) Иахия говорилъ, какъ онъ зъ Дмитреемъ и зъ Григорьемъ прежъ сево говорили, и онъ во многихъ рѣчехъ і забылъ говорити, что была у папежниковъ кавалерія, кабы посполитое собранье и совѣтъ крестьянскихъ людей ратовати на поганыхъ. Тому ныне семь лѣтъ, папы римсково езовиты, по ево заводу, зговорились съ княземъ Ниверненскимъ, о которомъ онъ

Александръ на прежнемъ роспросе объявилъ, что посылалъ дву епископовъ тѣхъ земель, которые ево Александра учинили себѣ царемъ Сербы и Болгары, и іныхъ горъ людемъ, чтобъ ево учинили царемъ, а писался онъ по родству отъ греческихъ царей Палеологовъ Константинъ Палеологъ; а онъ отъ Палеологовъ только по девице, и тому уж(е) двѣсте лѣтъ. И тѣхъ земель люди хотѣли ево царемъ учинити, і по совѣту і наученью Іванна архиепископа сербскаго, тому князю Ниверненскому Константину Палеологу отказали и отъ промыслу его отстали. И присылали къ нему Александру въ Неополь и съ нимъ договори(лись) и укрепилися, что ему быть надъ ними царемъ... для тово тотъ же князь Ниверненсвой Костян(тинъ) Палеологъ присылалъ въ тѣ земли двухъ биско(повъ). а дву капитоновъ тѣхъ земель, которые при(шли) къ нему собою, чтобъ онъ опять послалъ (биск)оповъ тѣхъ земель и горъ людей наговаривати, (чтобъ) ево князя Костянтина учинили царемъ.... многихъ людей на то приведутъ; и тѣ де епи(скопы) и капитоны, ходя по тѣмъ землямъ и горамъ, всякихъ людей понаговаривали, и хто имъ на то повязался и тѣмъ они давали чепочки золоты, а на нихъ парсуны князя Ниверненсково на золоте жъ, что съ ними князь для того послалъ. И свѣдавъ де про то онъ Александръ, писалъ тѣхъ своихъ земель ко княземъ, а велѣлъ тѣхъ епископовъ и капитоновъ побить. И тотъ княже Ниверненско, видя, что ево мысль не збылась, съ папою римскимъ съ Павломъ і сь езовиты учинили кавалерию, чтобъ ему и инымъ князем и паномъ большимъ і всякимъ великимъ і богатымъ людемъ собрать многую казну и наняти ратныхъ многихъ людей и съ тѣми людьми итти на турсково салтана, и чтобъ имъ Царь городъ Іерусалимъ і вся Турсково земля поимать, а утверженье чинить, прибирая ратныхъ людей, приводити ихъ (хъ) клятве надъ Евангелиемъ на томъ, что имъ итти подъ Іерусалимъ и противъ Турсково стоять шесть лѣтъ безъ найму, а переднимъ (?) дадутъ наемъ, а до тѣхъ мѣстъ, пока Иерусалимъ возмутъ, отнюдь не отойти. И къ тому совѣту ко князю Ниверненскому пристали Влоские земли князи жъ: князь мантонскій, князь де урбинскій, князь де парискій, ѳранцузы дука де Гизъ, дука де Лорена, малграѳъ Далтамъ, венгринъ Уманеинъ

Гирги, полякъ Христоѳоръ Варицкій, полякъ Жебридовскій, воевода краков(скій и) Шпанские земли князи: дука де Ѳерия (и Кон)те Делемусъ. I тѣ у тово збору начальные (знатн)ые люди, а съ ними въ томъ совѣте были.... (мно)гие люди, которые не знатны. И собрали денегъ много. Князь Ниверненской далъ въ тотъ зборъ 600.000 эѳимковъ, а иные князи и паны такъ ж(е дав)али много: иной 200.000 еѳимковъ, иной полтораста, иной сто тысячъ еѳимковъ. а иные сколько хто могъ; и вдовы, которые богаты, и съ нихъ тутъ же зборъ имали. А начальниковъ надъ тою кавалериею и надъ ратными людьми учинили: князя Ниверненсково, дуку домантовсково, малграѳа далтимсково. А съѣздъ и зборъ былъ у нихъ въ Чешской земли, въ городе въ Оломунце, и еѳимковъ въ тѣ поры собрано четыре милионы и больши.

И призывали князь ниверненской и дука Дамалтонъ и малграѳъ ево Александра къ себѣ въ Оломунецъ, а онъ въ тѣ поры былъ у цѣсаря Рудольѳа; а какъ онъ къ нимъ пріѣхалъ, и они ему про тое кавалирию объявили, и говорили ему: вѣдаютъ они, что Сербы и Болгары, і Арбаниты, и Дуказины, і Болопавлики і Герцековины і иные земли, которые въ горахъ, нарекли ево Александра у себя царемъ, и то де по ся мѣста не сталося, и ходишь де ты межъ людей, какъ худой жолнырь; тово и жди (чего-то не досказано).... Хто и будетъ за убогово пахолка? Коли Богъ не изволитъ, не можетъ человѣкъ безъ Божіи воли ничево учинить. И онъ бы присталъ къ ихъ совѣту і былъ съ ними четвертымъ (кава)лериномъ, и дадудъ ему ратныхъ людей и казны много, и какъ де они пойдутъ подъ Ерусалимъ и подъ Царь городъ, а онъ бы шолъ въ тѣ жъ поры въ тѣ свои земли и горы, и собралъ бы ратныхъ людей, а они ему дадутъ пушекь і мушкѣтовъ и зелья, сколько ему надобно, і вооружа бъ тѣхъ людей, шолъ къ нимъ въ сходъ и стоялъ съ ними на Турекова (за) одинъ; а какъ Турсково осилеютъ и Ерусалимъ и Царь (гор)одъ возмутъ, і они ему дадутъ въ государство земли, кото(ры)е бутутъ годны, а люди ево будутъ вольны, въ которой (в)ѣре они похотятъ быть, а они ихъ отъ вѣры неволить не учнутъ. И давали ему многую казну и на(ря)дъ, только бъ онъ на томъ имъ присягалъ, что съ ними стоять на Турсково за одинъ. И онъ де имъ говорилъ: (бу)-

детъ они хотятъ тово, чтобъ ему итти съ ними на Турсково і будетъ они учинятъ ево царемъ благочестивымъ во Царѣ городе и во всей Греческой земли і въ тѣхъ горахъ и земляхъ, которые нарекли ево себѣ царемъ, і въ вѣре неволи не будетъ, и онъ на ту войну съ ними идетъ и съ людьми своими собиратца учнетъ; а они бъ шли въ Анатолию і подъ Ерусалимъ и подъ Дамаскъ и подъ Египетъ, и что они себѣ могутъ у Турсково городовъ и мѣстъ взяти, и то имъ. И они ему сказали: То де ты мыслишь надъ нами учинить такъ, какъ прежъ сево греческой царь Мануилъ учинилъ ѳранцужскому королю Болдовину, какъ онъ ходилъ на турскихъ людей на салтана Лабня, и царь де Мануилъ поволилъ ему черезъ свою землю итти, а какъ тѣ немецкие люди тамъ позамешкали, и царь де Мануилъ, учиня сьестные запасы съ отравою, послалъ къ нимъ продавать, и отъ тое отравы тѣ немецкие люди померли; а ты де надъ ними тожъ хочешь учинить. И онъ де имъ отказалъ, что онъ такъ учинить і не мыслитъ. И тѣ де князи говорили: Греки де на насъ и пущие неприятели; злѣе Турсково надъ ними учинятъ. И ево Александра почтивъ, отпустили.

І посылали де они пословъ своихъ ѳранцуза Мусунъ і Марконета къ польскому королю, чтобъ имъ со всѣми ратными людьми итти поволилъ черезъ Польшу на Волоскую и на Мултянскую землю, да и къ цѣсарю они писали, чтобъ ихъ черезъ свою землю пропустилъ и къ польскому бъ королю о пропуске отъ себя писалъ. И цѣсарь де о томъ къ Польскому посылалъ, а о про пу(скѣ) отказалъ. И былъ посолъ ихъ у польсково короля (тому) три года; и король де было на то и поволилъ, (да па)ны рада о томъ ему отговорили и тѣхъ князей (посламъ) отказали. Да они жъ де посылали къ воло(скому) и мултянскому княземъ, чтобъ они имъ также (че)резъ свои земли на Турсково итти поволили и сами бъ собрався со всѣми жъ своими людьми, шли съ ними жъ на (Турск)ово. А наговаривалъ де волосково и мултянсково князей на то і въ послахъ отъ кавалериянъ приходилъ къ нимъ Аѳонасей, архиепископъ ахридонскій, а епископия ево блиско Сербские земли. Да и казаковъ де запорожскихъ Саайдачново тотъ архиепископъ Аѳонасей на то призывалъ же, чтобъ съ ними на Турсково шли, і въ Запорогехъ былъ самъ. І волоской де и мултянской князи къ

тѣмъ кавалеріяномъ писали, чтобъ они черезъ ихъ землю на Турсково шли, а они сами съ ними итти готовы, и ратныхъ людей съ ними будетъ тритцать тысячъ. І казаки де запорожские Саадочно(во) съ архиепископомъ Аѳонасьемъ договорилисяжъ, что они съ ними итти готовы. А какъ де тотъ архіепископъ Аѳоласей, изъ Запорогъ идучи, пришелъ въ Острогъ ко князю Острожскому; и тутъ і умеръ. А вѣдаетъ де про то митрополитъ киевской Иевъ, и съ нимъ виделся, і епископъ де Иосиѳъ Курцевичъ про то подлинно вѣдаетъ.

А какъ де тѣ князи, княже Нивернѣнской і иные, тотъ заводъ учинили, и они и то между себя уложили: какъ Турсково осилеютъ и городы и земли ево поемлютъ, і кому ихъ которые городы и земли себѣ взять і владѣть въ роздѣлъ. Іерусалимъ і вся Июдейская страна и Палестина папе римскому; а Царь городъ і вся Греческая земля князю Ниверненскому, который называетца по родству отъ греческихъ царей (Па)леологъ; Анатолійское государьство... да малтовскому; Вавилонъ и Дамаскъ (венгри)ну Уманейну Георгию; а малграѳу дали... египетскіе государьства все, а инымъ иные (государьств)а. И после тово были тѣ князи у па(пы) римсково у Арбана Осмово, а учянился онъ (па)пежемъ тому три годы. А какъ онъ Алексан(дръ) былъ съ Риме, и онъ въ тѣ поры былъ гардиналъ. (И па)па де съ ними поговоря, велѣлъ и городъ здѣлать у мор(ской) пристани въ урочище Тарачине отъ Риму верст(ы) съ четыре, чтобъ отъ тово мѣста тѣмъ всѣмъ людемъ на Турсково пойти. И готовы де тутъ у папы десять кораблей великихъ, а въ нихъ четыреста пушекъ, и казна де у нихъ въ собранье многая, и готовятца итти на Турсково всегда; а коли пойдутъ, о томъ невѣдомо. А вѣдаютъ де тотъ ихъ совѣтъ во многихъ земляхъ и отъ нихъ опасаютца.

Александръ же въ розговорехъ спрашиванъ: Какъ онъ былъ въ Киевѣ і въ Запорогехъ, і въ тѣ поры у польсково короля ратные люди въ собранье были ль и ныне есть ли, іли нѣтъ, и будетъ есть, і въ которыхъ городехъ, и многие ль люди, и куды ихъ походу чаять, и съ турскимъ салтаномъ и съ крымскимъ царемъ польской король въ миру ль, или нѣтъ, и будетъ помирилися, и на чомъ помирились, і чево межъ ними впередъ чаять?

I Александръ сказалъ: Какъ онъ былъ въ Киеве, і слышелъ что у польсково короля въ собранье ратныхъ людей зъ гетманомъ съ Конецпольскимъ пришли на запорожскихъ козаковъ тритцать тысячъ, а иные говорятъ, что дватцать тысячъ, а управяся бъ съ запорожскими казаки, итти на веснѣ собрався со всѣми людьми на свѣйского короля, потому что ныне Свѣйской у Польсково многие городы поималъ и шкоту ему (велику)ю учинилъ. И польской де король просилъ у свѣйского (пере)мирья четыре годы, и Свѣйской въ томъ отказалъ, (и польской де король хочетъ на нево итти на веснѣ. (И ныне) де въ Польше моровое повѣтрие, въ Аршаве, въ Люблине і въ Вильне і выныхъ городехъ великое, а только бъ (де) не за повѣтриемъ, и свийские бъ люди подъ Вильною (были). Да шли де мимо Киевъ въ Могилевъ (пол)яки двенатцать ротъ, не тѣхъ, которые были (зъ гет)маномъ съ Конецпольскимъ; а гдѣ они збирались, (тов)о онъ не вѣдаетъ. Да и тово де онъ слышелъ, что (т)ѣмъ людемъ на веснѣ итти на свѣйсково жъ короля, а виделъ онъ ратныхъ людей самъ, какъ послалъ былъ отъ митрополита въ село въ чернеческомъ платье, и тѣ люди и иные ево и спрашивали: для чево онъ тутъ въ селѣ? и онъ сказалъ, что прислалъ ево митрополитъ дань собрать. А опричъ де тово въ Польше собранья онъ не слыхалъ.

А съ турскимъ салтаномъ у польсково короля учинено перемирье на томъ: будетъ запорожские казаки на турские мѣста ходить не учнутъ, и турские люди и на нихъ приходить не будутъ; а только казаки изъ Запорогъ придутъ на лѣто на Турсково городы и мѣста моремъ, и турские люди придутъ на Польсково ратьми; а что у нихъ будетъ, тово невѣдомо.

А съ крымскимъ Шанъ-Гирѣемъ калгою у польсково короля учиненъ миръ, и дали имъ многую казну; а на колько лѣтъ помирился, тово невѣдомо. Да и то онъ слышелъ, что съ ними помирились на томъ, что имъ давать деньги ежелѣто, а по кольку денегъ давать, тово не вѣдаетъ же. А которово году денегъ имъ не дадутъ или учинитца въ Крыме иной калга, і они опять учнутъ въ Польше воевать

(А) въ немецкихъ де государьствахъ ныне война. Король датц-

кой и іные земли люторские вѣры сложась (при)шли на цѣсаря; хотятъ съ нимъ за вѣру битись, (ч)тобъ ево изгонить съ цесарства; и посылалъ (д)е цѣсарь капитона своего къ тѣмъ людемъ въ стрѣчу съ ратными людьми, и тѣ де люторские вѣры людей побили у Брандебурха.

І шпанской де король войну ведетъ со французскимъ королемъ, потому что французы стоятъ въ Италіи подъ Медиаланомъ, а взяли ево, или нѣтъ, тово онъ не вѣдаетъ. А шпансково короля люди противъ ихъ посланы жъ, а что здѣлали, тово не вѣдаетъ же. А у грандука князя ѳлоренсково ратныхъ людей въ зборе сорокъ тысячъ, и стоятъ на границе, оберегая своеѣ земли, а ни шпанскому, ни ѳранцускому не помогаютъ.

Да шпанской же де король войну ведетъ съ недерлянскими владѣтели, а взяли люди ево городъ Барду, крѣпкое мѣсто и многолюдное; а стоитъ подъ городомъ подъ Лайдою; а князь галанской Маврицыусъ умеръ въ тѣ жъ поры, какъ городъ Барду взяли, ныне тому блиско года.

А аглинской де король помогаетъ зятю своему королю чешскому, что былъ князь рейнскій, а какъ ево цѣсарь съ королевства Чешсково згонилъ, и онъ былъ въ Недерлянской земли. И аглинской де и ѳранцуской короли і иные государи, давъ ему людей въ помочь, отпустили ево опять противъ цѣсаря, и стоялъ де онъ на Недерлянской границе, а гдѣ нынѣ і многие ль съ нимъ люди, тово онъ не вѣдаетъ. (А) стоятъ де противъ цѣсаря аглинской, ѳранцуской и датцкой короли и недерлянские... владѣтели і вольные городы и іные мѣста, которые лютерские вѣры; а что ныне межъ ними дѣлаетца, тово онъ не вѣдаетъ.

Дмитрей же и Григорей спрашивали Александра (если его пропустятъ изъ Московскаго государства), и ему куды ѣхать: опять ли въ Литовскую землю, или выные въ которые городы, и хъ кому и куды ѣхать, и для чево ѣхать, и гдѣ ему съ людьми збиратца, и какъ чаетъ къ Турскому государьству своего походу, чтобъ онъ сказалъ подлинно.

І Александръ говорилъ: Только де великий государь его царьское величество и отецъ ево государевъ, великий государь святѣйшій патриархъ, пожалуютъ ево, донскимъ казакомъ черезъ Чорное

море итти велятъ, і онъ хочетъ туды итти, и казаки запорожские съ нимъ пойдутъ же. А будетъ они государи донскимъ казакомъ итти съ нимъ не поволятъ, а пожалуютъ ему мушкетовъ, и ево бъ они государи пожаловали, черезъ Чорное море пропустить велѣли. А будетъ они (ему му)шкетовъ дати и съ ними рекою Дономъ (черезъ Чорное море итти ему не поволятъ, и они бъ (ево по)жаловали, велѣли ево пропустить (на) Великий Новгородъ или на Архангельской городъ, (а от)толь онъ мыслитъ ко князю ѳлоренскому (итти че)резъ (неме)цкіе государьства, и у князя ѳлоренсково (в)зя(ть му)шкеты и пушки и людей у нево просить.... ко князю ѳлоренскому по свойству і иные (кня)зи учнутъ ему помогать, и съ тѣми людьми итти (къ св)оимъ землямъ и промышлять, сколько Богъ поможетъ. А черезъ Польшу ему итти нельзѣ; і помыслить боитца тово, любо хто ево польскому королю окажютъ, и ему погинуть. І, взглянувъ на образъ пречистые Богородицы, говорилъ со слезами: Только бъ онъ отъ Івана архпепископа сербсково съ клятвою не укрепленъ, что ему государьства своево доступать, а никакъ отъ тово не отстать, и онъ бы ныне царьскому величеству билъ челомъ, чтобъ царьское величество пожаловалъ ево, велѣлъ себѣ великому государю служить, і служилъ бы ему государю; а ныне бъ они государи пожаловали ево, велѣли отпустить не задержавъ, чтобъ ему промыслу своему времени не испустить.

17.

Разспросы царскихъ слѣдователей у священника Филиппа о положеніи дѣлъ въ Польскомъ королевствѣ.

Тово жъ часу, отпустя Александра, призывали къ себѣ попа Ѳилипа і спрашивали ево о вѣстехъ. І попъ сказалъ: что польсково короля у гетмана Конецпольсково былъ бой зъ запорожскими казаки у Крылова города, надъ старымъ городищемъ надъ Кременчюковымъ. А свийской де король у польсково поималъ въ Лиѳлянтехъ городовъ много, и зимуютъ ныне свѣйские люди въ Лит-

вѣ, невѣдомо въ которомъ мѣсте; а были свѣяне отъ Полотска за 25 верстъ. А ныне де въ Польше будетъ соймъ большой..... го мясоѣду; і будетъ казаки запорож(ские) по королевскому указу шесть тысячъ (на)пишутца, а на сойму уложатъ съ Свѣйскимъ (в)оеватца, а миру не будетъ, гетману Конец(польск)ому со всѣми людьми итти на свѣйскихъ людей. А съ (Т)урскимъ и съ Крымскимъ польской король перемирье (вз)ялъ для тово, чтобъ съ казаки запорожскими (спр)авитца. А калгѣ Шанъ Гирѣю и деньги давали, (а на)сколько лѣтъ помирилися и сколько денегъ дали, и тово онъ не вѣдаетъ.

Да попъ же Ѳилипъ спрашиванъ: Съ Александромъ онъ о томъ говаривалъ ли: только великий государь нашъ его царьское величество пожалуетъ, велитъ ево отпустить, и ему ѣхать назадъ ли въ Литву и на которые мѣста?

И попъ Ѳилипъ сказалъ: Тово ему Александръ не сказывалъ, что ему у государя будетъ дѣло и куды ізъ Московсково государьства ѣхать; а то де онъ подлинно вѣдаетъ, что Александру назадъ въ Польшу і въ Литву не бывати, да и нельзѣ быть, і приѣхать нѣхкому: митрополитъ Иевъ о томъ зѣльно опасаетца, что онъ у нево былъ і отъ себя ево отпустилъ.

18.

Заботы московскихъ людей объ охраненіи православнаго храма отъ осквернения польскимъ хохломъ.

Московскій Патріархъ Филаретъ Никитичъ писалъ во Мценскъ къ Лодыгину и Нечаеву что Александръ Ахия, должно быть, „въ вѣрѣ прямъ, да и Іову Борецкому, ставленнику патріарха Ѳеофана, вѣрить въ томъ, что онъ писалъ про Александра, мочно“; при этомъ послалъ для Александра книгу Канунникъ и четки; но тѣмъ не менѣе наказывалъ:

А будетъ Александръ и люди (ево) учнутъ проситца къ церкве, і вы бъ ево къ церкве пускать поволили по ево прошенью по

празникомъ і въ воскресные дни, а стоялъ бы онъ и люди ево въ трапезе, которая не освящена, для того что онъ называетца полякомъ. А будетъ онъ учнетъ проситца въ церковь и ходить въ хохлѣ, і вы бъ ему велѣли отговаривати, что ему въ церковь ходить въ хохлѣ нельзѣ, потому что онъ ныне учинилъ себѣ хохолъ и называетца полякомъ; а въ Російскомъ государьстве поляковъ съ хохлы въ церковь не пускаютъ, потому что поляки отъ православные вѣры отпали и приняли отъ папы многую ересь, и нашу истинную православную вѣру гонятъ.

Итакъ, вотъ объясненіе различія между *поляками* и *ляхами*, которые упоминаются рядомъ въ донесеніяхъ царскихъ вѣстовщиковъ. Ляхи были извѣчные католики; поляки—полонизованные католичествомъ и уніею русскіе. Къ полякамъ, безъ сомнѣнія, причислялись православными и тѣ русскіе люди, которые отпадали отъ отеческой вѣры въ протестантизмъ,—тѣмъ болѣе, что протестанты не возвращались въ православіе, а разочаровавшись въ новой вѣрѣ, дѣлались католиками.

19.

Бесѣды царскихъ слѣдователей съ Александромъ Ахіею о всеобщей и русской исторіи, и о величіи русскаго царя.

Эта часть переписки объ Александрѣ Ахіѣ исполнена повтореній и многословія, но я нашелъ необходимымъ воспроизвести ее въ печати не сокращая. Не каждый изъ насъ можетъ себѣ представить, какимъ благодѣяніемъ для Россіи того времени было возстановленіе царскаго дома послѣ Бориса Годунова, вторгнувшагося въ него путемъ цареубійства и сдѣлавшагося первымъ виновникомъ всенародныхъ бѣдствій. Такіе люди, какъ Лодыгинъ и Нечаевъ, были свидѣтелями, можетъ быть, даже и жертвами, безпримѣрныхъ несчастій, постигавшихъ множество частныхъ лицъ вмѣстѣ съ лицами правительственными. Восторгъ возстановленія поруганнаго величія еще былъ свѣжъ въ ихъ поколѣніи: это дѣло было ихъ славою и гордостью, въ виду мрачныхъ событій, уходившихъ съ годами въ глубину прошедшаго; и этимъ то восторгомъ дышутъ

рѣчи царскихъ слѣдователей. Исчисленіе подвластныхъ русскому царю земель и народовъ, величаніе его самодержавной власти и его могущества, на поверхностный взглядъ, можетъ казаться врожденнымъ холопствомъ людей, которымъ гражданская свобода не извѣстна и по имени; между тѣмъ это была именно побѣдная пѣснь русской свободы, въ видѣ государственной независимости. Лодыгинъ и Нечаевъ относились къ царю съ такой любовью, съ какой воины относятся къ своему знамени, отбитому у непріятеля. Съ этой точки зрѣнія, ихъ славословія имѣютъ значеніе историческаго документа, памятника эпохи, краснорѣчиваго свидѣтельства о единеніи русскаго народа во имя единовластія, которое милліоны людей признали спасительнымъ въ настоящемъ и охранительнымъ для будущаго.

Генваря въ 18 день Александръ Иахѣя былъ у Дмитрѣя Васильевича Лодыгина да у дьяка у Григорья Нечаева, и Дмитрей и Григорей ево потчивали и съ нимъ въ разговорехъ говорили отъ книгъ и зъ Гранографа и польские кроники о греческихъ и о римскихъ и о прежнихъ еллинскихъ царехъ, и о египетцкой Птоломѣйской и о римской манарщской и сотрапской и ипатцкой властехъ, какъ въ которые времена.... были и какъ которово вла..... ло и какъ великому князю (Вла)димеру Всеволодовичю (грече)ской царь Костянтинъ Мономахъ прислалъ крестъ и царской венецъ, что на себѣ носилъ, чѣмъ греческие цари величались, и какъ Темиръ Аксакъ многие царьства и земли попленилъ и царей многихъ поималъ и покорныхъ себѣ учинилъ, а иныхъ побилъ, и какъ, милостию Божиею и пречистые Богородицы помощию и великихъ чюдотворцовъ росиіскихъ молитвами, погибель ему учинилася въ Росиіскомъ государьствѣ, и иные такие рѣчи.

И въ тѣ поры Александръ Иахия говорилъ въ розговорехъ къ тому слову, что Темиръ Аксакъ турсково царя Баозита все государьство взялъ и попленилъ, и самово царя взялъ въ полонъ, и возилъ ево съ собою въ желѣзной клѣтке, и на лошедь съ нево садился, а какъ сядетъ ѣсть, и онъ ему хлѣбъ металъ на землю, то собаке; а онъ де былъ гордой и многолюдной царь и подъ Царемъ городомъ стоялъ многое время. Да и нынe де турские салтаны

ко всѣмъ (кре)стьянскимъ и бусурманскимъ царемъ титло свое описуютъ съ вы(ок)ими мѣрами, то де вы и сами вѣдаете, и цысаря де неметцкого пишетъ неметцкимъ королемъ, а цѣсаремъ не пишетъ и не именуетъ, а шпансково де и ѳранзужского и аглинского и иныхъ королей ни во што ставитъ, а короли ихъ и не называетъ. А говорятъ тѣ турские салтаны и паши и всякие турские люди: только де на семъ свѣте два великие царя и самодержавцы: въ бусурманскихъ языцехъ турские салтаны, а въ християнскихъ великие государи цари московские; тѣ де оба великие государи и цари самодержавные всякие свои государьственые дѣла вѣдоютъ и людьми своими владѣютъ и ихъ строятъ, какъ они государи изволяютъ, а нихто имъ ни въ чемъ спору и непокорства (ч)инить не смѣетъ, да только... а прямо цари и самодержцы, и опричь ихъ иново таково государя и самодержца на семъ свѣте нѣтъ.... Неметцкія де и польской короли и иные государи только словутъ государи, а своими государьствы и людьми владѣти одва смогутъ: что приговорятъ владѣтели и князи и паны радные, и они хотя и не хотя дѣлаютъ.

И Дмитрей и Григорей говорили: Сами турские салтаны и всѣ християнские и бусурманские государи то вѣдаютъ, что великий государь нашъ царь и великий князь Михаилъ Ѳедоровичъ, всеа Русiі самодержецъ и многихъ государьствъ государь и обладатель, истинный православный во всей поднебесней единъ християнскиі великиі царь и самодержавецъ; и прежние государи цари і великии князи, всеа Русiі государи великие православные, благочестивые, истинные християнские государи цари, помазанники Божиі издавна... государи великие самодержцы, и государьства ихъ великие и многолюдные. Коли ещо изъ давныхъ лѣтъ прежние государи великие князи росиiские подъ Царь градъ приходили со многими ратьми и зъ греческихъ царей и съ Царя города и со всеѣ Греческие земли дань имали по многие лѣта, коли ещо и Римское государьство и Италия и всѣ неметцкие государьства подъ греческихъ царей властию были, и они великие государи росиiские и въ тѣ поры у греческихъ царей дань имали, какъ они государи коли похотѣли, и щиты свои и знамена во Царѣ городе на воротехъ обѣшивали; и грѣческие цари противъ ихъ ве-

ликихъ государей стояти не могли: то и въ греческихъ лѣтописцахъ описано, и самъ онъ то вѣдаетъ; а въ тѣ поры Росиіское государьство ещо не таково было полно и многолюдно, (к)акъ ныне. По Волге рекѣ были Болгары и басурманы, и цари (у ни)хъ были свои въ Казани (и А)старахани и въ Сибирской земли бусурманские; и Перемское, и Вятцкое, и Удорское, и Обдорское, и Кондинское, и иные многие государства и княженья были особны, а не подъ ихъ государьскою державою, а после тово тѣ всѣ великие государьства: царьство Козанское, царьство Астараханское, царьство Сибирское и иные многие государьства и земли учинились подъ ихъ царьскою высокою рукою. А какъ всесильный въ Троицы славимый Господь Богъ нашъ, милосердуя о християнскомъ роде, подаровалъ на Владимерское и на Московское, и на Новгородское, и на всѣ великие государьства Росиіского царьства великого государя царя і великого князя Михаила Ѳедоровича, всеа Русиі самодержца, и милостию Божиею и пречистые Богородицы и великихъ чюдотворцевъ росиіскихъ и всѣхъ святыхъ помощию и заступлениемъ, и отца ево государева (титулъ), и матери ево государевы, государыни нашие, великие старицы Марѳы Ивановны, праведными къ Богу молитвами, ево царьского величества счастьемъ и крѣпкимъ отъ Бога дарованнымъ ему великому государю разумомъ, всѣ великие государьствия учинилися подъ ево царьскою высокою рукою и всякие люди въ страсе и въ покореньи по прежнему, какъ было преже сего при дѣде его царьского величества, блаженные памяти при великомъ государе нашемъ царѣ и великомъ князѣ Иване Васильевиче, всеа Росиі самодержце, и при дяде ево царьского величества, при великомъ государѣ нашемъ царѣ и великомъ князе Ѳедоре, всеа Русиі самодержце, и какъ онъ великиі государь нашъ на своихъ великихъ государьствахъ милостию Божиею великимъ государемъ царемъ і великимъ княземъ, всеа Русиі самодержцемъ, учинился, и ево царьскимъ счастіемъ и сверхъ прежнего многие государьства ему великому государю нашему Богъ подаровалъ и подъ ево царьскую высокую руку привелъ Большихъ Нагай князи и нурадынъ, и мурзы, и едисаны, и нагайские жъ и штерековы и казыево улусу князи жъ и мурзы и всякие ихъ люди, которые

кочюютъ по Волге, и Кабардинские земли и Черкаские, и горские князи учинилися подъ ево царьскою высокою рукою въ прямомъ холопстве на веки неотступны, да і иные многие земли, которые хъ тѣмъ землямъ подошли: Ерпели, Мичкизы, Тюмени, Ококи, Абазы, да и иные такие жъ земли, которые подошли къ Астараханскому царьству, и которые земли на востокъ, а подошли къ Сибирскому государьству: Колмаки Чорные и Бѣлые, и Іечинская земля, Кузнетцкая земля, Слянская земля, Долматцкая земля, и иныхъ многихъ земель князи со всѣми своими людьми, которые ни при которыхъ прежнихъ государехъ и николи ни подъ чьею державою не бывали, учинилися подъ ево царьскою высокою рукою во всемъ его царьскомъ повелѣнье, и противъ ево царьского величества непослушниковъ съ ево царьскими ратными людьми ходятъ и ему великому государю служатъ, гдѣ его царьского вевеличества повелѣние ни будетъ, и ясашные царьского величества люди тѣхъ новоприбылыхъ земель живутъ и кочюютъ по улусомъ и отъ Сибирского государьства мало не до Китайского государьства, которое въ крониках описуетъ великимъ государьствомъ, и вездѣ, ево царьскимъ счастіемъ и премудрымъ разумомъ и крѣпкимъ и бодро опаснымъ содержательствомъ, великие ево государьства разширяютца и люди множатца и живутъ ево царьскимъ милосердымъ жалованьемъ въ покое и въ тишинѣ и въ благоденстве свыше прежнево.

И Александръ, выслушавъ рѣчь, говорилъ: Проситъ онъ у Бога милости, (чтобъ) ему великому государю православному, благочестивому, християнскому милостивому царю подаро(валъ и впередъ многолѣтное здоровье и счастливое пребыванье и больши тово.

Да генваря въ 23 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Өедоровича всеа Русиі и великого государя святѣйшаго патриарха Өиларета Никитича московского и всеа Русиі указу, Дмитрей Васильевичъ Лодыгинъ да дьякъ Григорей Нечаевъ ходили ко Александру Иахие навестить ево, а съ ними у Александра былъ приставъ ево, голова стрелетцкой Данило Пузиковъ, и съ нимъ сидѣли, и говорилъ Александръ въ розговорехъ о Западной Индѣе, коими обычаи и сколь давно шпанского короля люди тое землю проискали, и называютъ тое землю Новымъ Свѣ-

томъ, а земля богата, золота и серебра (въ н)ей много, а люди дикие. Да Александръ ж(е) говорилъ, и многие де такие государьства есть, которые въ Козмограѳиі описуетъ старыми государьствы, а иные и невѣдомы. Слышелъ де онъ, что и выше Восточные Индѣи есть царьство Катанское, великое государьство, а царь де у нихъ и высокие люди невѣрные бусурманы, а для де обереганья своеѣ земли по границе учинили стѣну каменную межъ горъ на пяти сотъ миляхъ, чтобъ имъ тѣмъ свои земли оберегать и никому бъ недругомъ ихъ приходить на тѣ ихъ земли не давать. Да за тѣмъ же государьствомъ къ сѣверу река великая, черезъ которую итти три дни или четыре, самая великая река; такой нигдѣ инде нѣтъ; а какъ де еллинский царь Александръ Македонский Персиду и Индѣю поималъ и хъ той рекѣ приходилъ и не смогъ еѣ перейти, воротился назадъ.

И Дмитрей и Григорей говорили про тое землю, что онъ сказываетъ (о)тыскали шпансково короля (л)юди, которую называютъ (Восто)чною Индиею и Новымъ (Свѣ)томъ, и сколь давно она учинилася (вѣ)дома, и хто и коимъ обычаемъ (е)ѣ отыскали, и какие въ ней люди, и въ Московскомъ государьствѣ подлинно вѣдомо; а что онъ говоритъ слышелъ про Китайское царьство, и про то они Дмитрей и Григорей сами ему Александру прежде сего въ розговорехъ объявили, что, по милости Божиі, а великого государя нашего его царьского величества счастьемъ, многие ново прибылые земли, которые на востокъ, а подошли къ Сибирскому царьству, которые посямѣста ни подъ чьею державою николи не бывали, а были въ тѣхъ земляхъ таиши и князи вольные и люди у нихъ многие, а ныне всѣ тѣ земли учинилися подъ его царьского величества высокою рукою, и ему великому государю служатъ, и ясачные ихъ люди подать и ясакъ въ Сибирьское государьство даютъ, соболи дорогие и лисицы (чо)рные и иные узорочья, которые у нихъ въ земляхъ (есть), и во всемъ тѣхъ земель (князи) и всякие ихъ люди царьского величества повелѣнье; и живутъ такие царьского величества служилые и ясачные люди отъ Сибирского государьства далеко, мало не до тово Китайского государьства; а река великая Обь течетъ въ Студеной океянъ море, которое подошло блиско царьского величества отчины Двин-

ские земли и Архангельского города; да и та река Обь великая течетъ середи Сибирского государьства, и люди по ней по обе стороны живутъ царьского величества служилые и ясачные многие, и казна съ нихъ царьскому величеству збирается еж(е)лѣтъ многая, чево ни при которыхъ государехъ не бывало. Да и въ то Китайское государьство царьского величества люди изъ Сибирского государьства ходятъ и сказываютъ царьского величества бояромъ и воеводамъ, которые Сибирского государьства въ городехъ, что то Китайское государьство великое, (а го)родъ китайской стоитъ у моря (ве)ликъ добрѣ; около ево ходу десять дн(ей); и люди въ немъ многие и богати вcѣ; а царь у нихъ именемъ Авганъ; а та граница ево, что и онъ Александръ сказываетъ про неѣ слыхалъ, гдѣ у нево поставлена стена каменая, отъ тово Китая города 25 миль, укреплена гораздо, и ворота и башни по той стенѣ подѣланы крепкие, и нарядъ многой; а люди въ томъ государьстве живутъ небѣдные. Да блиско жъ Китайского государьства, только от нево мѣсяцъ ходу, царьство Катанское, такъ же великое государьство, и люди въ немъ многие небѣдные жъ, и царь у нихъ свой. А по другую сторону Китайского государьства, не далече жъ отъ нево, кочевное государьство Алтына царя, а по ихъ Золотово царя; такъ же невѣрные люди въ немъ многие; а кочюютъ отъ Китайского царьства за мѣсяцъ же ходу. И въ прошломъ въ 125 году приходили отъ тово Алтына царя къ великому государю нашему къ его царьскому вели(чес)тву послы ево лаба, а по на(ше)му кабы епископъ, а съ нимъ (Алты)на царя ближние люди три (человѣка); а присылалъ ихъ къ великому (государ)ю нашему Алтынъ царь бити (че)ломъ, чтобъ онъ великий государь по(жа)ловалъ ево, принялъ ево подъ свою царьскую высокую руку и поволилъ торговымъ ево людемъ со всякими товары приходити торговати въ свои государевы Сибирские государьства, и ратнымъ бы своимъ государевымъ людемъ ходити на нево не велѣлъ, а онъ Алтынъ царь учинитъ (учнетъ?) къ нему великому государю въ дарехъ присылати соболи дорогие и лисицы черные, и барсы и рыси и иные дорогие узорочья, что въ его государьстве есть. И царьское величество Алтына царя пожаловалъ, принялъ его подъ свою царьскую высокую руку, и

торговымъ его людемъ со всякими товары, что у нихъ есть въ свои великие государьство (sic) въ сибирские городы ходити поволилъ. А которые также отъ земли подошли царьского величества къ отчине къ царьству Астароханскому, Кабардинская земля и черкаские и горские князи, и кумытцкие князи жъ и мурзы, и крымшевкальские (кня)зи, да и иные новоприбы(лые) земли, про которые они (Дм)итрей и Григорей и прежъ сево (ем)у Александру сказывали, (и тѣ)хъ всѣхъ земель князи жъ и мурзы (со всѣ)ми своими людьми учини(лис)я подъ его жъ царьского величества высокою рукою въ прямомъ холопстве на веки неотступны, и ныне царьсково величества тѣ княженья и земли и городы отъ Астараханского царьства до самые до Гилянские и до Ширванские земли; а царьсково жъ величества отчины отъ Терского города до Азова, все живутъ царьского величества люди, и вездѣ ево царьского величества счастьемъ и праведными его къ Богу молитвами и премудрымъ его разумомъ и бодро опаснымъ содержательствомъ великие государьства его распространяютца и людьми множатца свыше прежнево.

І Александръ, выслушавъ Дмитрееву и Григорьеву рѣчь, говорилъ: Ещо де и то въ греческихъ книгахъ (чита)лъ онъ: Нѣкто өилосоөъ (пре)мудрый Леонъ и Меөодиі, (епис)купъ города Патра, въ книгахъ (свои)хъ написали, что християнские (цари) московские турковъ осиле(ютъ и Ца)рь городъ и всю Греческую землю (съ турец)кие неволи высвободятъ, (и под)данныхъ себѣ учинятъ, и во Царѣ городе и во всей Греческой земли учинятъ православную християнскую вѣру по прежнему; и то де письмо греки всѣ вѣдаютъ и чаютъ тово, и ожидаютъ милости Божиі всегда, какъ ихъ отъ турсково насильства и невѣрства Богъ избавитъ; да и турки де то вѣдаютъ и опасаютца добрѣ.

І Дмитрей и Григорей къ той ево рѣчи говорили: Меөодия епископа патрьского такая книга въ Московскомъ государьстве есть издавна, и то, что въ ней писано, вѣдаютъ они подлинно, и какъ о томъ всемилостивый Богъ благоволитъ, и по своей святой воли и устроити можетъ. А и прежъ сево ещо издавна прежние великие государи и великие князи росиіские съ своими ратьми подъ Царь городъ и подъ (ины)е греческие городы при(ходили) и зъ

греческихъ царей и съ Царя (горо)да имали въ свою государь(скую к)азну и ратнымъ своимъ (людем)ъ дань многую, какъ коли (они) великие государи изволятъ, (и щ)иты свои во Царѣ городе (на) воротехъ обѣшивали, а стояти (про)тивъ ихъ греческие цари не могли и были имъ великимъ государемъ покорны и не въ одно время; а въ тѣ поры Росиіские государьства еще не таковы были пространны и многолюдны; а ныне, милостию Божиею и великого государя нашего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи самодержца счастьемъ и премудрымъ разумомъ и крѣпкимъ и бодро опаснымъ содержательствомъ, многие новоприбылые государьства и земли многолюдные учинилися подъ ево царьскою высокою рукою, во всемъ его царьскомъ повелѣнье, которые прежъ сево ни подъ чьею державою николи не бывали, и ему великому государю тѣхъ всѣхъ новоприбылыхъ государьствъ и земель князи и мурзы служатъ и на ево государевыхъ неприятелей съ своими ратными людьми ходятъ, гдѣ ево (цар)ьсково величества повелѣнье (б)удетъ. Да они жъ царьского величества отъ ближнихъ и отъ приказныхъ (лю)дей слыхали, что великого (государ)я нашего его царьского величес(тв)а дѣдъ, блаженные памяти великій государь царь і великій князь Иванъ Васильевичь, всеа Русіі самодержецъ, посылалъ къ перситцкому шаху для своихъ государьственныхъ дѣлъ пословъ своихъ, князя Захарья Сугорекого съ товарыщи, тому ныне лѣтъ съ шездесятъ, и какъ тѣ ево государевы послы были у шаха у стола, и въ тѣ поры шахъ говорилъ съ ними въ розговорехъ про великого государя царя и великого князь Ивана Васильевича, всеа Русіі самодержца, что онъ государь премудрой и храброй и многолюдной, и своимъ государьскимъ премудрымъ разумомъ и крѣпкимъ содержательствомъ бусурманские государьства, царьство Казанское и царьство Астароханское и иные, подъ свою царьскою высокою руку привелъ и многими окольныхъ государьствъ землями овладѣлъ. Да въ тѣ жъ поры шахъ государя нашего посломъ говорилъ, что ево перситцкие мудрецы и астро(но)мѣ мудростию своею узнали (и ск)азывали ему шаху, что (по м)ногихъ лѣтахъ на Московскомъ государстве будетъ царь христианскій же Михаилъ, и будетъ великий царь, и многими государьствы окольными овладѣетъ, и иные

многие государства крестиянские и бусурманские подданными себѣ учинитъ, и вѣру крестиянскую въ нихъ утвердитъ. То они давно, ещо при прежнихъ государехъ слыхали; а какъ за грѣхъ всево православново християнства въ Московскомъ государьстве было межусобье, и въ тѣ поры, въ безгосударное время и въ межусобье, польские и литовские люди царьствующи(й) градъ Москву за крестнымъ целованьемъ разорили, и сидѣли на Москвѣ въ осаде, а царьского величества бояре и ратные люди стояли подъ Москвою, и въ тѣ поры тово вора, которой, по злокозненному умыслу и заводу польсково короля и пановъ рады, назывался великого государя нашего блаженные памяти царя і великого князя Ивана Васильевича, всеа Русіи самодержца, сыномъ, царевичемъ (Д)митриемъ Ивановичемъ, (и ев)о на Москвѣ убили, а жена (ево), Сендомирсково дочь Марина, (съ сы)номъ тово вора да сывашкомъ (Зар)утцкимъ, исъ подъ Москвы бежали въ царьского величества отчину въ Астрахань, и какъ, по милости всемогущего въ Троицы славимого Бога нашего, великиі князь Михаилъ Өедоровичь, всеа Русиі самодержецъ, на своихъ великихъ и преславныхъ государьствахъ Росиіского царьствия великимъ государемъ царемъ і великимъ княземъ, всеа Русиі самодержцемъ, учинился, и посылалъ къ своей государеве отчине подъ Астарахань своихъ царьского величества бояръ и воеводъ со многими ратьми; и Божиею милостию, а царьскимъ счастьемъ, ево великого государе нашего бояре и воеводы своею и всякихъ ратныхъ людей прямою къ нему великому государю службою Астарохань взяли и вора Ивашка Зарутцкого съ Мариною и съ сыномъ еѣ поимавъ, къ царьскому величеству прислали, а астараханскихъ всякихъ людей, которые было (къ) тому вору къ Ивашку Зарутцкому пристали, смирили, и нагайскихъ людей и Штерекова (и)Казыева улусу, и кумытцкихъ, и кобардинские земли и крымшевкальскихъ, и черкаскихъ, и горскихъ, и горскихъ князе(й), и иные земли, которые къ Астараханскому царьству подлегли, подъ царьскую высокую рукою (sic) привели, и въ тѣ поры былъ въ Астрахань присланъ ещо при Зарутцкомъ отъ перситцкого Аббасъ шаха посланникъ ево Хозя Муртоца, и тотъ перситцкого Аббасъ шаха посланникъ его царьское величество къ перситцкому Аббасъ шаху государьство свое обе-

стить и о дружбе и о любви на памятну посланниковъ своихъ посылалъ же, и тотъ Аббасъ шаховъ посланникъ Хозя Муртоза, будучи у царьского величества въ царствующемъ граде Москвѣ, его царьского величества съ приказными людьми говорилъ про него великого государя нашего, что ихъ перситцкие мудрецы объ немъ великомъ государе уразумѣли тожъ, что онъ въ Астарахани царьского (ве)личества бояромъ и воеводамъ (ска)зывалъ; а персы бусурманы и християнской нашей православной вѣре врази и гонители. И такие объ немъ великомъ государе нашемъ свидѣтельства издавна уразумѣли и объявлялись. А въ книгахъ нашей християнские вѣры писано, что отъ врагъ свидѣтельство истиннѣйше бываетъ. И мы всякие люди Росиско(го), царствия, слыша объ немъ Хозя Муртоза царсково величество бояромъ и воеводамъ сказывалъ, что послалъ ево Аббасъ шахъ въ Астарахань для тово, сказали ему шаху мудрецы ево, что они мудростию своею узнали, что на московскомъ государстве учинился великій государь царь і великий князь Михаилъ Θедоровичъ, всеа Русиі самодержецъ, о которымъ царѣ Михаиле и прежние перситцкие мудрецы издавна разумѣли, чно онъ будетъ великій и славный царь и государь, и многими окольными християнскими и бусурманскими государьствы овладѣетъ и подъ свою (ца)рьскую высокую руку ихъ (при)ведетъ; и услышавъ де то (А)ббасъ шахъ отъ мудрецовъ своихъ послалъ ево въ Астарахань тотчасъ, а велѣлъ ему провѣдать, подлинно таки ль на Московскомъ государьстве учинился царь Михаилъ, а провѣдавъ велѣлъ ему ѣхати къ себѣ въ Персиду тотчасъ, для тово чтобъ ему къ великому государю нашему къ его царьскому величеству слати пословъ своихъ поздравляти его царьское величество на ево великихъ и преславныхъ государьствахъ, не дожидаясь къ собѣ царьского величества пословъ. И царьского величества бояре и воеводы, вѣдая прежнихъ великихъ государей царей і великихъ князей всеа Русиі съ перситцкимъ шахомъ братственную дружбу и любовь, тово Аббасъ шахова посланника Хозю Муртозу къ шаху отпускали. И тово жъ году на веснѣ къ великому государю нашему къ ево царьскому величеству Аббасъ шахъ перситцкой при(с)ылалъ посланника своего, го(во) жъ Хозю Муртозу поздравяти его царского величество на ево великихъ и пре-

славныхъ государьствахъ Росиіского царьствия, а въ грамотахъ своихъ къ царьскому величеству съ нимъ писалъ съ прошениемъ, чтобъ великій государь, его царьское величество, былъ съ нимъ въ братцкой въ крѣпкой дружбе и любви на веки неподвижно, такъ же какъ и прежние великие государи цари і великие князи всеа Русиі, дѣдъ ево царьского величества великий государь царь і великий князь Иванъ Васил(ьевичъ) всеа Русиі и дядя ево царьского величества великий государь царь і великий князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русиі. І великий государь нашъ (о) великомъ государе такие многие свидѣтельства (sic) и видя ево государево крѣпкое и бодро опасное содержательство и премудрой разумъ и праведные къ Богу молитвы и счастье и ко всѣмъ людемъ милостивое призрѣнье, надѣемся имъ великимъ государемъ видети вся добрая и свыше прежнево.

20.

Разспросы царскихъ слѣдователей у священника Филиппа о подлинности разсказовъ Александра Ахіи.

Лодыгинъ и Нечаевъ называли себя холопями царя вовсе не потому, чтобы относились рабски къ его повелѣніямъ. У тогдашнихъ русскихъ людей это дѣлалось не съ цѣлью унизиться передъ государемъ. а для того, чтобы верховную власть постоянно держать на необходимой и спасительной для всего народа высотѣ. Мы видѣли, что патріархъ Филаретъ Никитичъ выразилъ увѣренность въ Ахіи и по его собственнымъ доказательствамъ, и по свидѣтельству Іова Борецкого. Холопямъ и рабамъ, послѣ этого оставалось только повторять мнѣніе государева отца. Вмѣсто того, царскіе слѣдователи задушевною бесѣдою съ таинственнымъ проходимцемъ стараются только усыпить его осторожность. Послѣдовавшій за тѣмъ разговоръ съ попомъ Филиппомъ показываетъ, что для нихъ увѣренность, выраженная Филаретомъ, была недостаточна. Какъ граждане земли своей, они хотятъ удостовѣрить самихъ себя, что Александръ Ахія не лицедѣйствуетъ, выдавая себя за человѣка православнаго и за героя восточной церкви.

Интересны въ разсказѣ отца Филиппа отношенія митрополита Іова Борецкаго къ тѣмъ, кого онъ разумѣетъ подъ именемъ поляковъ. Съ Конецпольскимъ пришли представители католичества, протестантства и православія. Послѣдніе преобладали численностію не только въ рядахъ воиновъ, но и въ генералитетѣ. Не Польша подвигнулись на русскихъ людей въ походѣ Конецпольскаго, какъ любятъ изображать наши историки, а разновѣрная землевладѣльческая Русь пришла въ Украину для подавленія анархистовъ и разбойниковъ. Даже не правительственная сила польская, а личная польза землевладѣльцевъ подняла панскія ополченіи противъ козаковъ. Не подавивъ козачества, не могли онн ни хозяйничать, ни помогать королю (лично королю) въ предстоявшей шведской войнѣ. Чтобы получить отъ нихъ необходимую помощь, король употребилъ свое вліяніе, чтобы „козацкая коммиссія", задуманная еще при Сагайдачномъ, наконецъ состоялась. Король давалъ имъ подмогу противъ козаковъ для того, чтобъ они дали ему подмогу противъ шведовъ. Король помогалъ землевладѣльцамъ кварцянымъ войскомъ, а землевладѣльцы помогали королю своими почтами, то есть вассальною шляхтою, „платными" (наемными) козаками и владѣльческимн своими выбранцами. Итакъ, по политикѣ разобщенія интересовъ, характеризовавшей Рѣчь Посполитую, русскіе землевладѣльцы поднялись на подчиненіе своимъ гражданскимъ принципамъ антнгражданственнаго элемента — козачества. Но въ глазахъ православнаго общества, во главѣ котораго стояла церковная іерархія, русскіе паны, составлявшіе правительственную корпорацію вмѣстѣ съ коренными полонусами, были *поляки*, и даже исповѣдуемая ими православная вѣра не снимала съ нихъ этого имени. Поляки и *ляхи* стояли подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ; ихъ будущность долженствовала быть одна и та же; они единились политикою своею съ католическимъ міромъ. Напротивъ русское общество выставило, во имя церкви, знамя единенія съ міромъ православнымъ. Естественно, что даже тѣ фамиліи, изъ которыхъ въ послѣдствіи выходили кіевскіе митрополиты и архіереи, должны были желать уничтоженія іерархіи, возстановленной не по ихъ волѣ. Объ этомъ и говоритъ отецъ Филиппъ, называя войско Конецпольскаго заурядъ поляками. По его словамъ, давно

бъ согнали они митрополита Іова въ заточенье, да опасаются *бѣлорусскихъ людей*.

Почему бы отцу Филиппу не сказать здѣсь: „опасаются козаковъ"? По видимому, подъ бѣлорусскими людьми онъ разумѣлъ Запорожское Войско. Но козаки ни въ одномъ актѣ бѣлорусскими людьми не названы. Эти слова имѣютъ значеніе пошире, чѣмъ козацкія купы. Козаки, собрався въ свои купы, становились внѣ того, что разумѣлось подъ именемъ мѣщанъ и шляхты съ ея крестьянами. Мѣщане да шляхта, водившаяся съ мѣщанами, такъ называемая низшая шляхта, были именно то, что и на языкѣ царскихъ слѣдователей называлось бѣлорусскими людьми. Дѣло здѣсь идетъ не о войскѣ, которое, за предѣлами шести тысячъ, появлялось на сценѣ только въ видѣ конфедераціи, рокоша, возмущенія противъ короля и всѣхъ его властей, а о людяхъ осѣдлыхъ, хозяйственныхъ, промышленныхъ, торговыхъ.

Все это ясно и безъ объясненія, но южнорусская исторіографія до того спутала свои понятія о быломъ порядкѣ вещей козакоманіею, что приходится говорить объ Украинѣ и Бѣлоруссіи, какъ о вновь открытыхъ земляхъ.

Генваря 27 д. у Дмитрея Васильевича і у Григорья былъ киевсково митрополита попъ Ѳилипъ, і Дмитрей и Григорей въ разговарехъ къ словамъ спрашивали ево про Александра Иахию, таки ль онъ прямо крестьянинъ, і что ево умыслъ, и чево для въ Московское государьство пріѣхалъ?

И попъ Ѳилипъ сказалъ: что Александръ въ Киеве митрополиту сказалъ у исповѣди, что онъ прямо християнские вѣры греческаго закона, и отъ митрополита причастился. Да и по ево разсмотринью, Александръ християнские вѣры, какъ онъ съ акаѳистовъ і вѣрую во единаго Бога Отца вседержителя, и псалтырь съ нимъ всегда говоритъ чтетъ по сербски съ русково обычая, и образомъ покланяетца, и никакие въ немъ причины къ латинству и люторомъ не видитъ, а тайная ево Богъ вѣсть. А что ево умыслъ і въ Московскомъ государьстве у государя царя і вели-

кого князя Михаила Θеодоровича всеа Русиі дѣло, тово ему Александръ не сказалъ; да і у митрополита де Иева про то онъ не слыхалъ же. А послалъ де ево митрополитъ проводить Александра, чтобъ ему отъ поляковъ въ Московское государьство проѣхать, для тово, что онъ Александръ і у исповѣди де ему сказался государьской сынъ, і за православную християнскую вѣру хочетъ стоять до смерти своеи, и многую нужду для тово терпитъ. А казаки де было запорожские і черкасы і всякие руские люди и крестьяне хотѣли съ нимъ до ево земли итти всѣ і на Турсково..... і итти было имъ всѣмъ съ нимъ Александромъ.... вскоре. И какъ де польской король при(слалъ на) запорожскихъ казаковъ і черкасъ гетмана Концапольского съ польскими людьми и съ ляхи и ихъ разорилъ і многихъ побилъ, и городы ихъ і мѣста многие розорилъ, и имъ стало до себя, и съ Александромъ итти было нельзѣ; и какъ де Александръ прибежалъ въ Киевъ къ митрополиту і митрополитъ ему говорилъ, да и Александръ митрополиту о томъ говорилъ же, что ему тутъ пробыть нельзѣ, потому что поляки і ляхи, которые съ Конце(м)польскимъ на казаковъ приходили, всѣ стоятъ около Киева въ городехъ і въ уѣздехъ, дожидаяся тово, какъ запорожские казаки въ шесть тысячъ человѣкъ, межъ себя собрався, напишутца и о достальныхъ, которые за шестью тысячами останутца, указъ учинятъ, и налога отъ нихъ рускимъ людемъ великая. І Александра де гетманъ Конецпольской сыскивалъ і по тому, что они про нево провѣдали, что онъ у казаковъ былъ і козаки съ нимъ на Турсково итти хотѣли, да і паны де рада къ митрополиту писали: вѣдомо имъ, что турского салтана сынъ у нево въ Киеве былъ, і онъ ево отпустилъ къ запорожскимъ казакомъ і велѣлъ имъ збиратца и ітти на Турсково войною, а укороля и у нихъ съ Турскимъ перемирье учинено, а онъ де хочетъ опять войну всчать. І митрополитъ де къ нимъ отъ себя писалъ, что (у) него Александръ былъ і исповѣдался и сказался, что онъ православные християнские вѣры, и онъ ево исповѣдалъ и причастилъ, (а) причастясь де онъ поѣхалъ куды хотѣлъ, (и е)му было удержать ево нѣ для чево, и дѣ(ла) ему до нево нѣтъ і всякихъ приходящихъ (къ не)му православныхъ християнъ онъ покаиваетъ (и) причащаетъ, а неволи

даетъ; и Сопѣге де, собрався съ людьми, на веснѣ итти на Свѣ(йск)ово жъ; а какъ о томъ на сойму уложатъ, тово (ему) не вѣдомо. И для де тово митрополитъ Иевъ (къ государю) и къ великому государю святейшему патриарху (ево послалъ) и бить челомъ ему попу Өилипу велѣлъ, чтобъ (заде)ржати не велѣли, чтобъ ему съ тѣмъ, (что на)сойму не уложатъ, ѣхать опять къ государю.... тотчасъ. И только бъ ево не задержали... ныне, чаю, и опять къ Москве съ вестьми.... Нечаевъ.

21.

Донесеніе царскихъ слѣдователей о желаніи Александра Ахіи вернуться въ свои земли черезъ Донъ или черезъ Кіевъ.

....Да въ твоей же государеве грамоте написано: (отпи)сать бы къ тебѣ, государю, какимъ языкомъ Александръ (говор)илъ, і умѣетъ ли руской или словенской какой (грамот)е. И о томъ мы холопи твои писали (къ те)бѣ государю съ мецняниномъ сывашкомъ Овсяни(ковымъ), да и ныне, государь, въ розговорехъ ево спра(шивали, умѣетъ ли) грамоте руской или словенской какой.... И Александръ сказалъ, что онъ руские (грамо)ты слова многие знаетъ, а словенской (гра)моте не учился, потому что пробы(валъ во м)ногихъ государьствахъ; а руские де грамо(ты по немно)гу честь маленько умѣетъ, примѣрива(ясь къ се)рбской и къ болгарской рѣчи, а иное де научилъ е(во) попъ Өилипъ. І вѣрую во единово Бога и Царю небесный, и иные стихи и псалмы по руски попъ Өилипъ ево выучилъ. І въ тѣ поры я холопъ твой Гришка, съ Александромъ говоря въ розговорехъ отъ книгъ, говорилъ Царю небесный и Отче нашъ и вѣрую во единого Бога по гречески, и которое, государь, слово и я холопъ твой молу (sic) по гречески, а Александръ то жъ слово выговоритъ по русски все, не само чиста руская рѣчь, а не по польски и не по украински. А попа, государь, Өилипа велено намъ роспросити особно, какъ онъ съ Александромъ поѣхалъ, на время ли, или вездѣ съ нимъ быть, а

будутъ, и опасаетца тово гораздо, нѣшто увѣдали то король і паны рада, что митрополитъ Александра въ Московское государьство отпустилъ, и за то бъ ево не казнили і съ Московскимъ бы государьствомъ мирново постановенья не нарушили, и что про то на сейму ни объявитца, и митрополиту бъ послать съ подлиннымъ вѣдомомъ къ государю и къ святѣйшему патриарху ево жъ Ѳилипа тотчасъ, хотя будетъ і не на Путивль, иною дорогою, наскоро, чтобъ имъ государемъ то, что король и паны рада на сойму уложатъ, вѣдати. И по грехомъ де у нево митрополичьи грамоты (вз)яли въ Путивле воеводы, а онъ здѣсь (заде)ржанъ, а что надъ митрополи(томъ) учинилося, тово онъ не вѣдаетъ; и онъ де билъ челомъ государю і великому государю (святей)шему патриарху, чтобъ они государи (по)жаловали, задержать ево не велѣли.

(Да) попъ же Ѳилипъ спрашиванъ: въ которыхъ (польс)ково короля городехъ моровое повѣтрие (б)ыло, и ныне есть ли, или поминовалося, и опричь тѣхъ людей, которые зъ гетманомъ съ Концемъ Польскимъ у короля ратные люди въ собранье есть, и гдѣ есть, и куды ихъ походу чаять?

И попъ Ѳилипъ сказалъ: Нынешнего лѣта въ Аршаве і выныхъ польскихъ городехъ моровое повѣтрие было великое до осени, а въ осень поминовалося, и ныне повѣтрия нѣтъ. Да и въ казачьихъ де въ дальнихъ городехъ и мѣстехъ, въ Трехтемире і въ Корсони, повѣтрие было, и какъ гетманъ Конецъ Польской на казаковъ приходилъ и городы ихъ і мѣста розорилъ, а тѣ городы и мѣста, гдѣ повѣтрее было, шолъ мимо, поставя заставы крепкие и людей туды пускать никово не велѣлъ; а въ осень і въ тѣхъ мѣстахъ повѣтрие поминовало, и стоятъ поляки і ляхи около Киева, а какъ де съ казаки управятца, и на веснѣ чаять ихъ походу на Свѣянъ. А зимуютъ де свѣйские люди въ Литвѣ; а крепка де у Свѣйсково война, потому что воюетъ пехотою. А инде въ собранье у короля ратныхъ людей онъ нигдѣ не слыхалъ. Да и то(тъ) де у нихъ слухъ есть, что у литовсково гетмана у Радивила гетманство отняли, за то что онъ съ Свѣйскимъ ничево не учинилъ і людей потерялъ много, и учинили гетманомъ Сопѣгу, а какъ ево зовутъ, тово онъ не вѣ-

имъ никакие дѣлати ему не подобаетъ; а съ людьми ему собиратца не веливалъ, и денегъ ему на подмогу не давывалъ, и дать нѣчево, и людей съ нимъ въ помочь не посылывалъ, и гдѣ онъ ныне, тово не вѣдаетъ. А сыскивали де поляки Александра для тово, чтобъ ево поимавъ выдать Турскому, и тѣмъ бы большой миръ утвердить; и къ митрополиту де придираютца всякими мѣрами, чтобъ ево согнать въ заточенье, для тово что онъ въ митрополитехъ учинился не по ихъ воле і въ вѣре христьянской крѣпокъ. Да и давно бъ де ево согнали, и терпятъ ему опасаяся белорускихъ людей, і ищутъ всякими мѣрами, чѣмъ къ нему пристать. А отписавъ де митрополитъ къ паномъ раде, тотчасъ і Александру велѣлъ ѣхати въ Московское государьство, чтобъ ево польские люди провѣдавъ не поимали і въ немъ бы и ему не погинуть. І Александръ де говорилъ митрополиту, чтобъ ево отпустилъ ко князю флоренскому черезъ Польшу; и митрополитъ де ему отказалъ, что ему туды пройти нельзѣ ни которыми дѣлы: вездѣ около Киева въ городехъ, въ уѣздехъ стоятъ польские люди и ляхи, и лазутчики въ городехъ для его вездѣ разосланы, чтобъ его поимать. И отпустилъ ево въ Путивль, надѣяся на государьскую милость, что онъ государь і великий государь святѣйший патриархъ пожалуютъ ево, велятъ ему отъ поляковъ въ Москов(скомъ) государьстве пробыть, покамѣста въ Запо(роге)хъ отъ поляковъ война минетца, или (по)жалуютъ, велятъ ево пропустить, куды ему (на)добно; а иново онъ умыслу Александрова (не в)ѣдаетъ ничево. А ево попа Филипа послалъ митрополитъ Александра проводить (и би)ть челомъ государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русиі і великому (государю) святѣйшему патриарху (титулъ), чтобъ они государи пожаловали ево попа Филипа, велѣли ево отпустить къ митрополиту не задержавъ, чтобъ митрополиту то, что о Александре ихъ государевъ указъ будетъ, вѣдать; да и въ грамотехъ де своихъ митрополитъ къ государю и святѣйшему патриарху о томъ писалъ имянно. Да и для того де митрополитъ бить челомъ государю объ отпуске и ѣхать къ себѣ наскоро велѣлъ: вѣдаетъ митрополитъ, что ево хъ королю и къ паномъ раде на соймъ возмутъ и про Александра ево спрашивать и сыскивать про то,

что скажеть, и о томъ тебѣ государю отписать подлинно. I мы холопи твои писали о томъ тебѣ государю напередъ сево.

Письма князя флорентинскаго и запорожскаго гетмана возвращены изъ Москвы и вручены царевичу Александру, января 14.

И Дмитрей и Григорей ему говорили: что билъ онъ челомъ великому государю нашему, его царьскому величеству, чтобъ ево отпустить на Донъ, а оттоле на Дунай і въ Волохи і въ Болгары. И тово учинить, что ево на Донъ отпустить, немочно, потому что на Дону живутъ казаки, вольные люди, и государева повелѣнья мало слушають, і воровство отъ нихъ чинитца многое, и за то на нихъ бываетъ его государьской гнѣвъ; а люди они немногие, большие войны имъ Турскому учинити нельзѣ; а съ турскими прежними салтаны было у великого государя (друже)ство и любовь і ссылка, а съ крымскимъ царемъ потому жъ ссылка и любовь, а недружбы межъ царьского величества і турсково салтана посямѣста не бывало и съ крымскимъ царемъ нелюбья нѣтъ, и дружба и любовь и ссылка межъ царьского величества и крымсково царя ежелѣтъ. А какъ онъ Александръ былъ въ Польше и въ Литве, и ему было мошно черезъ Литву въ Волоскую землю і въ Болгары пройти, потому что тѣ (зе)мли съ Польскою землею сошлися; а ныне ужъ назадъ (че)резъ Польшу и Литву итти ему нельзя, потому (что) онъ самъ сказалъ имъ въ роспросе, что ево въ Киеве (поляки) сыскивали, а хотѣли поимать, і былъ (онъ у киевск)ово митрополита въ хоронехъ і ходилъ (въ чернечес)комъ платье; и только ему итти назадъ въ Поль(шу, и ев)о поимаютъ и отошлютъ къ Турскому.

(И Александръ) царьскому величеству билъ челомъ, чтобъ его (отпусти)ть із Московского государьства къ Архангель(скому гор)оду или на Новгородъ. И къ Архангель(скому городу пр)иезжають корабли разныхъ государьствъ, (англи)чане и галанцы і немецкихъ вольныхъ городовъ торговые люди на своихъ корабляхъ, і исторговався ѣздятъ опять къ себѣ съ рускими товары по своей воле. А черезъ Новгородъ ему ѣхать нельзѣ, потому что ныне у свѣйского короля съ польскимъ и съ литовскимъ королемъ война великая, і многие городы Свѣйской у Польсково поималъ, и про-

ѣхать де ему отъ воинскихъ людей не мочно. I кромѣ Архангельского города въ немецкие государьства проѣхать ему некуды.

И какъ Дмитрей и Григорей ту рѣчь выговорили, и Александръ Ахия сталъ ужасенъ і учалъ плакать, і, не дослушавъ достальные рѣчи, учалъ говорить плачючи: Видитъ онъ и самъ грѣхъ свой, что дѣло ево не спѣетъ. Казаки запорожские і черкасы итти съ нимъ хотѣли всѣ, і походу было ево ізъ Запорогъ быть вскоре, и тамъ де, по греху ево, на казаковъ і на черкасъ пришолъ гетманъ Конецъ Польской съ ратными людьми і имъ стало до себя, і промыслъ ево помѣшался; и скитаетца онъ по государьствамъ дватцать лѣтъ, і промышляетъ, чтобъ ему государьство свое доступить і православныхъ християнскихъ людей ісъ турские неволи і изъ невѣрства высвободить или за нихъ пострадать и голову свою положить, і ищетъ тово всякими мѣрами, да хотя ему за то и умереть, и онъ съ радостию готовъ. А въ Московское государьство поѣхалъ онъ по совѣту митрополи(та) Иева и надѣяся на государьскую милость, (хот)я тово, что они государи велятъ ево изъ Московского (государьств)а отпустить ево, куды ему годно. И коли (нѣтъ указу) на то, чтобъ ему черезъ государьства ихъ (пройти къ своимъ) или въ немецкие государьства проѣхать... ли і пропустить ево велѣли. И они бъ (государи) велѣли ево отпустить назадъ въ Киевъ, (и онъ как)ъ мочно учнетъ оттоле промышлять.....дить къ приятелемъ своимъ ко князю ѳлоренскому (или въ свои) земли въ Сербы і въ Болгары въ нищемъ образе (или въ чер)неческомъ платье, і всякими обычаи, какъ гдѣ будетъ (мочно) промышлять будетъ оттоле, какъ Богъ поможетъ. А будетъ, по грехомъ, ево и поимаютъ и убьютъ или къ Турскому отошлютъ, и онъ і то терпѣть готовъ. Давно онъ такъ межъ людей скитаетца, желая промыслъ свой учинить іли умереть за благочестие; и хотя ево поимаютъ и убьютъ, и онъ хотѣние і обѣтъ свой совершитъ и чаетъ за то отъ Бога милости. I ныне онъ царьскому величеству бьетъ челомъ, чтобъ ево велѣлъ отпустить хотя назадъ не задержавъ.

I Дмитрей и Григорей говорили ему: какъ онъ былъ въ Литвѣ, і онъ въ тѣ поры черезъ Польшу въ Волохи і въ Болгары не

пошолъ, и сказывяетъ имъ, что ему пройти было туды не мочно і митрополитъ Иевъ отговорилъ же, что вездѣ ево поляки сыскиваютъ; да и попъ Ѳилипъ сказывалъ, что о немъ около Киева вездѣ заказано и лазутчики отъ короля и отъ пановъ рады всюда разосланы, чтобъ ево какъ нибуть поимать і къ польскому королю привести. Да и къ митрополиту Иеву паны рада объ немъ Александре, чтобъ къ нимъ прислалъ, писали; і черезъ Польшу и Литву пройти ему никакъ нельзѣ: тотчасъ ево поимаютъ і къ Турскому отошлютъ. Да и къ митрополиту Иеву притти ему нельзѣ, потому что и такъ на митрополите ево спрашиваютъ и на соймъ король быть ему велѣлъ, и чаять тово, что и митрополитъ, не истер(пѣвъ) отъ короля и отъ пановъ рады насильства, ево Александра (о)бъявитъ, и онъ бы о томъ и мыслить оставилъ. А черезъ Новгородъ ему проѣхать нельзѣ за свѣйского (кор)оля войною, потому что у Свѣйского съ Польскимъ (вой)на великая: то онъ и самъ вѣдаетъ; і зимуютъ (Св)ѣйского люди въ порубежныхъ городехъ, которые смеж(ны ца)рьского величества къ государьствамъ. (Опри)чъ Архангельского города въ немецкие (госуда)рьства проѣхать ему нѣкуды, і онъ бы імъ (сказалъ): только его мысль ѣхать къ Архангель(скому) городу, а оттоле моремъ, и ему въ которые государь(ств)а напередъ итти и какъ своимъ ходомъ промышлять, (подли)нно о томъ отпишутъ къ великому государю къ его царьскому величеству и къ отцу ево государеву (титулъ), і указъ ихъ государевъ къ нимъ будетъ скоро. И тое у нево воли, что ему ѣхать въ немецкие государьства отъ Архангельского города на караблях, отъ нево не отоймутъ, и онъ бы не оскорбился темъ і государева указу ждалъ. А кормъ ему и питье велено давать довольное, и нужи ему (ни въ че)мъ (не) будетъ.

І Александръ говорилъ: Давеча онъ, въ скорби своей, рѣчи ихъ не дослушалъ и говорилъ, чтобъ ево царьское величество велѣлъ отпустить назадъ въ Литву, коль інуды никуды пропустить ево не велѣли; а какъ ему де объявили, что они государи пожалуютъ къ Архангельскому городу и оттоле въ немецкие государьства пропустить ево велятъ, и онъ тому радуетца и на ихъ государьской милости челомъ бьетъ съ радостью, и тово лутче онъ не ищетъ. А мыслитъ онъ отъ Архангельского города ѣхать на караблѣ въ

немецкое государьство въ которое нибуть, и онъ туды і поѣдетъ. А говорить онъ по недерляпски і по шпански і по немецки умѣетъ, хотя не все, только можетъ столько говорить, какъ ему проѣхать. А въ которое государьство ни приѣдетъ, тотчасъ найметъ возокъ и поѣдетъ во Влохи ко князю ѳлоренскому, і мочно ему (изъ Ни)дерляпские или изъ Аглинские земли поспѣть (ко кня)зю ѳлоренскому вскоре, и тамъ у князя взять..... казну і нарядъ, і мушкеты, і промышлять (о своемъ) дѣле, сколько Богъ милостью своею помощи (ему даст)ъ. І будетъ царьское величество и отецъ (ево) великий государь свягѣйший патриархъ (пожа)луютъ, велятъ ево къ Архангельскому городу і выѣздимъ (?) (отпу)стить, и ему бъ объявить, какъ къ Архангельскому (городу) карабли приходятъ і о которую пору отъ Ар(хангельс)кого города опять къ себѣ пойдутъ, и гдѣ ему... времени дожидатца, здѣсь ли, или инде?

(І) Дмитрей и Григорей говорили: Къ Архангельскому городу торговыхъ людей із немецкихъ государьствъ корабли приходятъ выюне мѣсяце въ послѣднихъ числехъ і выюле, а отъ Архангельского города історговався пойдутъ въ послѣднихъ днехъ августа мѣсяца і въ сентябрѣ, и какъ они захотятъ, по своей воле. А что онъ говорилъ о своемъ стоянье, і они о томъ отпишутъ къ царьскому величеству и къ отцу его (титулъ), і что о томъ государьская ихъ будетъ воля, і къ нимъ о томъ государевъ указъ будетъ скоро, и онъ бы не оскорблялся и государьсково указу ждалъ.

І Александръ говорилъ: Только ево царьское величество пожалуетъ, велитъ пропустить на Архангельской городъ, и хотя отъ Архангельского города на караблѣ поѣдетъ і въ августе мѣсяце, и ему ко князю ѳлоренскому тое осени поспѣ(ть) і промыслу его, будетъ Богъ изволитъ, быть мочно; і бьетъ челомъ онъ государю і великому государю святѣйшему патриарху, чтобъ ево здѣсь задержать не велѣли

Александра жъ спрашивали въ розговорехъ: Сказывалъ онъ въ роспросе, что бутто крымской Шанъ Гирѣй царевичъ съ польскимъ королемъ помирился на томъ, что польскому королю давать крымскому царю и калгѣ казна ежелѣтъ, и казну въ Крымъ послали. Сколь да(вн)о крымской калга съ польскимъ королемъ помирился: (въ) то ль время, какъ онъ сьезжался зъ запорожскими (черка)сы,

и многу ль казну исъ Польши послали.... говорили впередъ посылали, и что ныне межъ польского (короля) и крымсково царя и калги дѣлаетца... отъ калги въ Литвѣ войны? А въ вестѣхъ (царьско)му величеству пишутъ iсъ Крыму по..... что турской салтанъ сего лѣта писалъ (хъ кры)мскому царю и хъ калгѣ, а велѣлъ имъ сево лѣ(та итти) на Литву войною, и царь де и калга (хотѣ)ли въ Литву (на) войну итти на сей осени (по перво)му леду, и ныне отъ крымскихъ людей въ Литвѣ (вой)на была ль?

(I А)лександръ сказалъ: Какъ онъ въ прошломъ году былъ, i у запорожскихъ казаковъ i черкасъ въ городе Крылове зимовалъ; а калга Шанъ Гирѣй въ тѣ поры былъ на Подоле у Каменца Подольсково, и въ тѣ поры казаки сказывали ему, что калга Шанъ Гирѣй съ польскимъ королемъ помирился, и посулилъ ему король давать деньги ежелѣтъ, и пошелъ де калга iсъ Польские земли вонъ. А после де тово въ тѣ жъ поры, немного поноровя, послалъ король и паны рада къ Шанъ Гирѣю (казну); а на колько лѣтъ помирился и сколько казны и съ кѣмъ и куды послали, и впередъ посылать ли и по чему посылать, тово онъ подлинно не вѣдаетъ. А въ розговорехъ у тамошнихъ людей слышелъ, что тое казну дали калгѣ для тово, что ему въ Польшу войною не ходить два года, а впередъ де, только казны давать не учнутъ, и онъ и опять учнетъ войною приходить. А сее осени..... въ Литвѣ войны не было, и чаять ли было бы ихъ сеѣ зимы войны, тово де онъ не слыхалъ. Только де и слышелъ въ розговоре отъ митрополита Иева, что есть на поле къ Подольской земли татарове, невѣдомо сколько; а к(уды идутъ), тово де онъ не вѣдаетъ, а мнятъ де себѣ то, что они хотятъ итти въ сходъ къ гетману Конецу Польскому на запорожскихъ казаковъ i на черкасъ, только при немъ то ништо не объявливалося. А казаковъ Конецъ Польской и такъ осилелъ и розорилъ. А больши (тово) онъ не вѣдаетъ ничево, i есть ли на поле (тат)арове и гдѣ, i по ссылке ль съ польскимъ ко(ролемъ).... войну, или ихъ нѣтъ, тово онъ не вѣ(даетъ) же.

22.

Разсказъ священника Филиппа о татарахъ и ихъ вторженіяхъ въ королевскую землю.

О вѣстяхъ Александра Ахіи про татаръ послана отписка къ царю 1-го февраля.

И тово жъ, государь, дни спрашивали мы про то киевсково попа Ѳилипа подлинно. И попъ Ѳилипъ сказалъ: Въ прошломъ во 132 году былъ польского короля посолъ татаринъ Сулейманъ тѣхъ татаръ, что живутъ подъ Вильною, у крымсково царя Шанъ Гирѣя калги, а посылалъ ево король и паны рада въ Крымъ къ царю съ тѣмъ, чтобъ онъ на Польскую и на Литовскую землю войною не ходилъ и калгѣ бъ и нурадыну ходить не велѣлъ, і людей бы воинскихъ не посылалъ, а король и паны рада учнуть ему дань давати ежелѣтъ. І быль тотъ посолъ въ Крыму годъ, а пришолъ тотъ посолъ Сулейманъ исъ Крыму въ королевскую землю въ казачьи житья, въ мѣсто Корсонь, въ прошломъ 133 году, три дни спустя по крещенье Господне; а съ нимъ де, государь, пришли крымсково царя и Шанъ Гирѣя калги послы; а провожалъ де, государь, ихъ и кормъ и подводы имъ давалъ Сулейманъ же. А митрополитъ де Иевъ въ тѣ поры тутъ въ Корсони былъ для освященья церкви, а онъ попъ Ѳилипъ съ нимъ былъ; і слышелъ де, государь, онъ отъ Сулеймана, что онъ просилъ у царя и у калги тово, чтобъ перемирие учинить до королевские смерти; и договоръ де, государь, учинили, что перемирью (межъ ни)ми быть, а на сколько лѣтъ, и о томъ де, государь, нака(залъ поста)новити и договоритись съ королемъ..... (тѣмъ) (посло)мъ (сво)имъ, которые (съ Сулей)маномъ пришли. И бывъ де, государь, тѣ послы (у) короля і у пановъ рады, прошли въ Крымъ на Каменецъ (Подоль)ской тое жъ зимы передъ Великимъ Днемъ, а на чемъ (они) миръ утвердили и на колько лѣтъ и по чему на годъ.... тово де, государь, онъ не вѣдаетъ. И въ прошломъ, государь, во 133 году, по лѣту король польской (дань)

хъ крымскому царю и калгѣ на прошло(й и ны)нешней годъ къ полковнику хъ Конецпольскому въ Ка(менецъ) Подольской прислалъ. И гетманъ де Конецъ Польской (посы)лалъ въ Крымъ къ царю и хъ калгѣ гонца, чтобъ прислали отъ себя въ Каменецъ и дань свою на два года взяли. И царь де и калга пословъ своихъ присылали і дань де, государь, послы ихъ на два года взяли въ прошломъ во 133 же году передъ Успеньевымъ днемъ пресвятыя Богородицы. А сколько, государь, денегъ дали і впередъ на колько лѣтъ и по чему давать, тово, государь, онъ не вѣдаетъ. І нынешней де, государь, осени отъ крымскихъ татаръ въ Польше і въ Литвѣ войны онъ не чаетъ, і слуху про то при немъ не было, потому что на нынешней годъ царю и калгѣ дань дана. Нѣшто де, государь, будетъ нынѣ учинится въ Польше і въ Литвѣ война не отъ крымскихъ татаръ, отъ тѣхъ, которые кочюютъ на сей сторонѣ Дуная реки, словутъ Белогородцкие орды, да которые кочюютъ за Дунаемъ, Добрицкие орды; а начальникъ де, государь, у нихъ Кантимиръ. А какъ де, государь, пойдутъ въ Польшу і въ Литву воевать, и Кантемиръ идетъ зъ Белогородцкою ордою, а сынъ ево зъ Добрицкою ордою. И тѣ де, государь, татарове не крымские: свои у нихъ кочевья, і перемирье съ ними у польского короля не учинено. Въ прошломъ де, государь, во 132 году о Петрове дни і Павлове приходили тѣ татарове, Кантемиръ зъ Белогородцкою и зъ Добринскою ордами, і воевали польского короля землю около городовъ Ланцута, Перемышля, Ярославля і иныхъ городовъ і за шесть миль до Кракова, и шкоту де, государь, въ земли многую учинили (и въ п)олонъ много поимали. А какъ де, государь, пошли (съ) Польские земли вонъ, и подъ Галичемъ де, государь, былъ у нихъ (бой) зъ гетманомъ съ Конецпольскимъ. Пришолъ де, государь, (на нихъ) гетманъ подъ Галичомъ на перевозе реки Днестра, (ко)торые де, государь, татарове реки перевестися (и полону) перевести не успѣли, і тѣхъ побилъ (и) порозгонилъ, і полону у нихъ съ треть отбилъ. А нынешнего (де) государь, лѣта тѣ татарове въ Польшу і въ Литву (вое)вать не приходили, потому что гетманъ Конецпольской (съ по)ляки и съ ляхи стоялъ на той украине, і они за (тѣмъ при)тти не смѣли. И какъ де, государь, гетманъ Конец(польской) ісъ Каменца при-

шолъ на запоросკихъ казаковъ, (и их)ъ розорилъ, і пришли тѣ ратные люди хъ Ки(еву, и) стоять имъ гетманъ велѣлъ около Киева, пока(мѣста) казаки по королевскому указу напишутца. А самъ де, государь, Конецпольской стоялъ въ городе въ Барахъ блиско Каменца Подольского. А после де, государь, ихъ исъ Киева поѣзду тутъ ли они стоятъ, или инуды куды пошли і татарове въ Польшу войною пришли ли, тово онъ не вѣдаетъ. А слыше ли, государь, они, еще въ Киеве будучи, что тѣ татаровѣ изъ своихъ кочевьевъ вышли въ поле і лошади кормять, і они де, государь, обычай ихъ знаютъ: коли въ поле вышли, і они і въ войну куды ни буди пойдутъ. А какъ де, государь, они въ Путивле были, і слышели отъ путивльскихъ торговыхъ людей, которые въ тѣ поры приѣхали торговавъ изъ литовскихъ городовъ, і сказывали ему: слышели де, государь, они, будучи въ литовскихъ городехъ, что пришли татарове изгономъ въ Польскую землю, которая на украине, къ тѣмъ Белогородцкимъ татарамъ, въ Браславской повѣтъ; а воевать ли они пришли, ныне тутъ ли, и многие ль люди, іли изгономъ приходили і пошли назадъ, тово де, государь, онъ не вѣдаетъ.

Да въ той же государеве грамоте написано, что прислалъ къ намъ киевсково митрополита тотъ попъ Ѳилипъ письмо, а бьетъ челомъ отцу твоему (титулъ) о книгахъ о минияхъ і о триодяхъ, и намъ бы холопемъ твоимъ ему сказати, что о томъ мы къ тебѣ государю и къ отцу твоему государеву, великому жъ государю святѣйшему патриарху, писали і указъ де (вашъ) государевъ о томъ будетъ вскоре.

И по твоему государеву указу, попу Ѳилипу мы сказали, и попъ Ѳилипъ говорилъ: Радъ де, государь, онъ тому, чтобъ вашъ государевъ указъ не продлил(ся): послалъ де, государь, ево митрополитъ проводить Александра до Московского государьства і ѣхать къ себѣ вскоре, і онъ живетъ здѣсь долгое время; а митрополиту де, государь, Иеву, какъ будетъ на сойму, гораздо онъ надобень, потому что онъ и прежъ сево на сойму (бы)валъ не одинова, і со многими нарочитыми людьми (знае)тца, і вестей всякихъ и что коли на сойму......ать провѣдать можетъ; а инуды де, государь, (съ А)лександромъ никуды не ѣхать, и куды онъ (поѣдетъ), гдѣ

прежъ сево былъ, и что ему у тебя государя....а, тово де онъ, государь, і не вѣдаетъ; а только бъ (в)ы государи пожаловали ево попа Ѳилипа, (велѣ)ли ему быть къ Москве і видеть свои государь(ские) очи, и онъ де вашей государьской воли зѣльно радъ, чтобъ ему ваши государьские очи видеть и отъ отца твоего государева (титулъ) его святительское благословение принять, и долженъ о вашемъ государьскомъ здоровье Бога молити.

23.

Донесеніе царскихъ слѣдователей о языкѣ и обычаѣ Александра Ахіи.

Да въ твоей же государеве грамоте написано: бережнее бы де Александра держать втайне, чтобъ ему было незнатно, и ево и людей ево и лошадей велѣть смотреть часто, а ему бъ было не въ примѣту; о томъ бы, государь, Данилу Пузикову приказать накрепко, чтобъ Александръ и люди ево изъ Мценска никуды безвѣстно не уѣхали; а что съ нами холопи твоими Александръ поговоритъ і не чаять ли въ немъ какова дурна і побѣгу, і о томъ бы отписать къ тебѣ, государю. И по твоему гоеудареву указу, Данилу Пузикову приказали мы о томъ накрепко, чтобъ у нево береженье было великое. Да и сами, государь, мы холопи твои надзираемъ і бережемъ съ великимъ опасеньемъ; а Дачило, государь, Пузиковъ намъ сказываетъ, что у него береженье великое: днемъ и ночью стрельцы по двору и около хоромъ ходятъ бесъ престани і смотрятъ і берегутъ ево и людей ево и лошадей, і тово, чтобъ нихто къ нимъ не подшолъ і ничево не поднесъ і отъ нихъ не взялъ, съ великимъ укрѣпленьемъ оплошно; да и самъ де, государь, онъ надъ нимъ надзираетъ беспрестанно. I они де, государь, всѣ стоятъ просто, і самъ Александръ і попъ Ѳилипъ и люди ихъ спятъ всегда розобрався удоль, (и къ) лошадемъ почью люди ихъ не ходятъ, і дурна де (н)икакова і побѣгу по ево розсмотру не чаять.

Ѳевраля, государь, въ 3 день сказалъ намъ холопемъ (твоимъ

Дани)ло Пузиковъ: Былъ де онъ тово дни у Але(ксандра) Ахия, і Александръ де, государь, говорилъ ему, (что по)жаловалъ ево отецъ твой государевъ (титулъ), прислалъ къ нему свое государьское святитель(ское благ)ословение, книгу Канунникъ да четки добры; (и кни)гу, государь, ему казалъ, и самъ при немъ чолъ и въ нее (смотре)лъ(?) радостно, и говорилъ де, государь, ему, что (въ Се)рбской земли многихъ кануновъ, которые въ той (книге н)аписаны, нѣтъ, и какъ де онъ будетъ въ Сербской (земл)и, і онъ де тое книгу отдастъ патриарху, і патриархъ де, государь, то отца твоего государева (титулъ) его государьское святи(тельское) благословение приметъ радостно (и велитъ, госуда)рь, тѣ всѣ каноны напечатать и розослать по всѣмъ церквамъ, і его де великого государя святительское благословение въ Сербской земли во веки будетъ памятно.

— —Генваря, государь, въ 30 день въ твоей государеве грамоте написано къ намъ холопемъ твоимъ отписати бъ къ тебѣ государю наскоро тотчасъ: какимъ языкомъ Александръ Ахия съ съ нами говорилъ: польскимъ ли, или по руски, или по украински, какъ говорятъ въ Литвѣ на Украине, и какое на немъ платье, і умѣетъ ли руской или словенской грамоте?

И Александръ Ахия съ нами холопи твоими говорилъ по польски, а иное кабы по сербски, а иные немногие слова и по руски, впрямь, а не такъ какъ говорятъ на Украине, и не такъ какъ говоритъ киевской попъ Ѳилипъ; а больши говорилъ по польски. А грамоте, государь, болгарской и сербской, сказывалъ, не умѣетъ, (а) по руски умѣетъ ли, токо невѣдомо. А какъ я хо(лопъ т)вой на столѣ въ тетрать рѣчи (ево пи)салъ, и онъ слова многие знаетъ і называлъ (в)прямь по руски, какъ которое слово і въ азбуке (нап)исано. Да и самъ, государь, Александръ съ нами (холопи твоими говорилъ, что онъ руские грамоты честь маленько умѣетъ, а слова де многие знаетъ потому, что де сербская грамота съ рускою во многихъ словахъ сходитца. Да и попъ Ѳилипъ намъ холопемъ твоимъ сказывалъ, что Александръ съ нимъ псалтырь четъ по сербски съ руского обычая, и говоритъ де ему Ѳилипу, чтобъ онъ поучилъ ево Александра грамоте по руски, а

какъ онъ будетъ въ своихъ земляхъ, і онъ къ нему попу Өилипу своего учителя пришлетъ или ему велитъ къ себѣ быть, и научитъ ево по гречески или какъ онъ захочетъ. І вѣрую во единаго Бога говоритъ по руски, а выучилъ у попа Өилипа. А платье, государь, Александръ носитъ все по польски, да и люди ево платье носятъ по польски жъ, і въ хохлахъ. І приставъ, государь, ево, голова стрелецкой Данило Пузиковъ, сказываетъ намъ холопемъ твоимъ, что у него въ дороге, ѣдучи отъ Путивля, виделъ и ныне во Мценску видитъ въ житьѣ і вь ѣстве ї во всякомъ чину по польскому обычаю все; а говоритъ де съ попомъ и съ людьми по польски; а которые де слова отъ попа Өилипа и отъ ево людей таитъ, і онъ съ людьми своими говоритъ по турски, а попъ Өилипъ и люди ево по турски не знаютъ ничево.

Да генваря жъ, государь, въ 30 д. съ утра сказывалъ намъ Данило Пузиковъ, что Александръ де съ нимъ говорилъ: Попъ де Өилипъ скорбитъ о томъ, что послалъ ево митрополитъ Иевъ проводить ево въ Московское государьство, а самому ѣхать назадъ вскоре, для тово что митрополиту быть на сойму, і попъ де и по ся мѣста здѣсь, а митрополитъ де оскорбляетца, потому что ему на сойму безъ то(го по)па быть нельзѣ. Да и онъ де Александръ (чаялъ) тово, что ему у тебя государя въ Московскомъ (госуда)рьстве задержанья не будетъ, и онъ де і по (с)я мѣста стоитъ здѣсь, а твоего государева указу (о) немъ нѣтъ, и о томъ де скорбитъ. И Данило де, государь, (ев)о розговаривалъ по наказу, чтобъ онъ не оскор(би)лся: твой государевъ указъ будетъ о немъ вскоре, (и) задержанья ему здѣсь много не будетъ. (И) Александръ де къ тому ево слову молылъ..... бы де туды, сюда ль, что нибудь. І мы холо(п)и твои обереженье къ Александру приказали Данилу по твоему государеву указу.

Да въ тво(ей) же государеве грамоте написано: чтобъ намъ попа (Ө)илипа роспросити: какъ онъ поѣхалъ съ Александромъ Ахиею: до твоего ли государева государьства (на) время, или ему съ нимъ вездѣ быть, гдѣ онъ (поѣ)детъ, да что намъ попъ Өилипъ скажетъ, і о томъ (отпи)сать къ тебѣ государю подлинно. И про то(онъ) попъ Өилипъ роспрашиванъ прежъ сево. (Повтореніе).

24.

Вѣсти о союзѣ козаковъ съ татарами.

—— Ѳевраля, государь, въ 1 д. писалъ во Мценскъ къ воеводе къ Степану Чемесову із Кур(ска) воевода Милославской, что генваря въ... (в)вечеру писалъ къ нему із Бела города воевода Обросимъ Лодыженской, а къ Обросиму де писалъ съ Вѣли(жа) (Н)икита Панинъ: Генваря въ 18 д. приѣхалъ на... съ Крыму толмачь Ѳедорь Мясоѣдовъ (а съ) ни(мъ о)синадцать человѣкъ татаръ, а сказалъ де ему: поѣ(халъ де) онъ исъ Крыму по то число четыре недѣли, а тово жъ (чи)сла крымской царь и нурадынъ пошли із Пореко(па) воевать въ Литву, а калга Шанъ Гирѣй да Вктимиръ (?) (пошли) подъ Казань, а Дмитрея Скуратова съ товарыщи.... заперли въ жидовскомъ городке для тово: приходили де), государь, зъ Дону казаки да татарове і улусы (по)воевали, і, сердитуя де на то, хотятъ приходить (подъ твои) государевы украинные городы вскоре. (А мы) холопи твои съ Александромъ Ахиею стоимъ (въ) остроге, а острогъ худъ и сторожи въ немъ нѣтъ, і воротъ къ ночи не затворяютъ, да хотя, государь, і ворота запирать, іно острожишко конечно худо і обалялся во многихъ мѣстехъ; и люди и животина, ходя(тъ) черезъ острогъ не въ вороты; и стоимъ, государь, съ великимъ страхованьемъ; а городъ худъ же, згнилъ де і обалился, и дворовъ ничьихъ нѣтъ. А зъ Даниломъ, государь, Пузиковымъ только десятѣ человѣкъ стрельцовъ, а по твоему государеву указу Данилу Пузикову мы приказали, чтобъ у нево въ Александру и къ людемъ ево береженье было великое; а зъ двора, государь, люди ево никуда не сходятъ, і по ся мѣста намъ о томъ не говаривалъ.

25.

Успокоительныя мѣры для удержанія Александра Ахіи отъ побѣга.

На сѣтованія Ахіи и попа Филиппа, томившихся во Мценскѣ ожиданіемъ царскаго рѣшенія, изъ Москвы отвѣчали:

— — къ вамъ объ нихъ нашъ указъ позамешкался для того, что зашла наша царьская радость: произволили есмя причтатися законному браку; а после нашие радости указъ нашъ объ нихъ будетъ къ вамъ вскоре. И ныне указали есмя Олександру Ахию съ людьми ѣхать изо Мценска къ Архангельскому городу, а о приставахъ указъ будетъ...

Изъ Мценска между тѣмъ слѣдователи послали къ царю такое донесеніе:

— — Писали мы холопи твои къ тебѣ государю, что намъ холопемъ твоимъ сказано въ роспросехъ— —і послали тое отписку къ тебѣ государю съ мецняниномъ съ Онаньею Смагинымъ февраля въ 4 д. І февраля жъ, государь, въ 16 д. тотъ сынъ боярской Онанья Смагинъ во Мценске объявился, а сказалъ намъ холопемъ твоимъ, что б(у)дто онъ тое отписку въ посольскомъ приказе твоимъ государевымъ діакомъ думному Івану Грамотину да Максиму Матюшкину подалъ і збрелъ съ Москвы безъ отпуску. И мы холопи твои того сына боярсково велѣли посадить въ тюрму до твоего государева указу, потому что онъ посланъ къ тебѣ государю съ отпискою о твоихъ государевыхъ дѣлехъ, а твоей государевы грамоты къ намъ холопемъ твоимъ о томъ не привезъ. А что, государь, генваря 30 д. прислано къ намъ холопемъ твоимъ вино и рыба і икра, а велено отослать къ Александру Ахие, і мы холопи твои то вино и рыбу і икру къ Александру зъ Даниломъ Пузиковымъ отослали і велѣли ему сказать по твоему государеву указу. И Александръ, государь, вино и рыбу і икру принявъ, на твоемъ государеве жалованье челомъ билъ. Да Александръ

же, государь, говорилъ Данилу, что твоего государева жалованья рыбы і иново корму много, а уксусу у нево нѣтъ і ѣсть нѣ съ чемъ, і пива нѣтъ. І мы холопи твои уксусъ ренской и хлѣбной и пиво, что у насъ было, посылали къ нему отъ себя, а ныне послать нѣчево. А во Мценску, государь, уксусу и солоду и иново на уксусъ и на пиво добы(ть не) мочно.

Въ слѣдъ за тѣмъ Лодыгинъ да Нечаевъ писали къ царю и его отцу:

— — Февраля, государи, (по) вашей государеве грамоте писано къ намъ: буде Але(ксандр)ъ Ахия и попъ Филипъ учнутъ намъ говорити, что они (жи)вутъ во Мценску долгое время, а вашего государева указу объ нихъ (нѣтъ н)и которово, или хотя и говорити не учнутъ, а вашъ государевъ (указъ къ) намъ позамешкаетца, и намъ холопемъ вашимъ говорити имъ, (ч)то мы съ ними поговорили, и мы о томъ о всемъ къ вамъ государемъ (от)писали подлинно. И ныне вашъ государевъ указъ объ нихъ позамешкался для тово, что ныне зашла твоя государева царьская радость: произволили ваше царьское величество причтатися законному браку, а после т(ое вашее) царские радости вашъ государевъ указъ къ намъ будетъ вскоре, і они бъ не оскорблялись і вашего государева указу ждали вскоре. И февраля, государи, въ 9 д. Александръ Ахия і попъ Филипъ у насъ холопей вашихъ были, а февраля въ 17 д. были мы холопи ваши у Александра Ахия ввечеру, для тово что Данило Пузиковъ сказывалъ намъ, что Александръ Ахия и попъ Филипъ о томъ, что вашего государева указу объ нихъ (нѣтъ), скорбя(тъ) гораздо, і вашу царьскую радость имъ объявляли и розговаривали ихъ по вашему государеву указу. Да февраля, государи, въ 19 день приказывалъ къ намъ холопемъ вашимъ Александръ Ахия зъ Даниломъ Пузиковымъ, чтобъ намъ побывать у нево. І мы холопи ваши тово жъ дни ввечеру у него были. І Александръ, государи, говорилъ намъ: Только вы государи велите попа Филипа отпустить къ митрополиту въ Киевъ отселе ізо Мценска, и ему бъ Александру отпустить съ нимъ людей своихъ дву человѣкъ зъ грамоты, а писать де ему съ тѣми своими людьми земель своихъ ко княземъ и ко

всякимъ людемъ, і въ Краковъ къ друземъ своимъ, і во Влохи ко князю ѳлоренскому, объявляючи про себя, гдѣ онъ сколько былъ и гдѣ ныне. І намъ бы о томъ отписати къ вамъ государемъ, чтобъ вы государи пожаловали, людей ему съ попомъ Ѳилипомъ отпустить поволили: И мы холопи ваши ему (т)о отговаривали: что объ немъ Александре и о попѣ Ѳилипе (в)ашъ государевъ указъ будетъ, тово мы не вѣдаемъ і людей ему (свои)хъ через Польшу и через Литву отпустить нельзѣ, і пролй(ти) имъ не мочно, и писать намъ къ вамъ государемъ о томъ не о чемъ. (И о)нъ Александръ билъ челомъ вамъ государемъ о томъ много. (А людей), государи, у Александра три человѣки, а съ попомъ Ѳилипомъ два человѣка, Захаръ Івановъ да Ѳедоръ За.... кіевсково митрополита Иева слушки (Ѳи)липовы. А что мы холопи ваши съ А(лександро)мъ Ахиею (и) съ попомъ Ѳилипомъ ѳевраля въ 9 д. и 17 поговорили о отпуске..... вамъ государемъ билъ челомъ, и тому мы (холопи ва)ши записку послали къ вамъ государемъ ѳевраля.. (съ) мецняниномъ съ Мелентьемъ Петинымъ, (а Алексан)дру, государи, Ахие мы холопи ваши (сказали), что мы челобитье ево къ вамъ государемъ (послали), не сказали. А приставъ ихъ Данило Пузиковъ ныне боленъ: идучи вызбу, ошибъ ногу иа берце больно, и къ удару преж(ня)я рана отворилася, и нога опухла вся гораздо, и крови изъ раны идетъ много, і изызбы одва выйти сможетъ, и къ Александру, государи, ходитъ съ великою нужею, а къ церкви, государи, и никуды зъ двора сойти ему не мочно: боленъ гораздо.

---

134 г. ѳевраля въ 9 день Дмитрей Васильевичъ Лодыгинъ да діакъ Григорей Нечаевъ велѣли быть у себя Александру Ахие и попу Ѳилипу, для тово что Данило Пузиковъ сказываетъ, что Александръ і попъ Ѳилипъ о томъ, что государева указу объ нихъ нѣтъ, скорбятъ, и говорили Александру и попу Ѳилипу по государеву указу, какъ къ нимъ въ государеве (титулы) грамоте написано, і ихъ розговаривали. І Александръ Ахия и попъ Ѳилипъ, выслушавъ рѣчь, говорили: Дай Господи, (чтобъ государь цар)ьи

великий князь Михаилъ Өедоровичъ, всеа (Русиі са)модержецъ, здравъ былъ на многие лѣта (съ избр)анною своею царицею съ великою государынею... великому государю пресвѣтлому християнскому (царю дар)овалъ Богъ благородные чада въ наслѣ(дье)... ихъ бы онъ великий государь пожаловалъ... милостивый указъ учинить и задержать бы (до)лгово времени не велѣлъ: и такъ они стоя(тъ) здѣсь долгое время.

(И Дмит)рей и Григорей Александру розговаривали... указу, чтобъ онъ не оскорблялся и государева... а указъ объ нихъ государевъ будетъ вскоре.

(Да) Александру жъ говорили тайно, что онъ говорилъ зъ Даниломъ) про книгу Канунникъ, что пожаловалъ ему прислалъ великий государь (титулъ), и какъ онъ будетъ въ Сербской земли, и тое книгу отдастъ патриарху; і онъ бы впередъ зъ Даниломъ и ни съ кѣмъ такихъ і иныхъ никакихъ речей не р(оз)говаривалъ, и хто онъ и гдѣ былъ и для чево въ Московское государьство приѣхалъ, тово бъ никому не объявлялъ. Великий государь (титулъ) и отецъ ево (титулъ) велѣли съ нимъ говорить и росспросить ево о все(мъ) ево пребыванье имъ Дмитрею и Григорью, а иной бы тово не вѣдалъ; а Данилу указали они государи быть у нево въ приставехъ для берженья, чтобъ ему Александру отъ тутошнихъ людей безчестья не было, и давать ему государево жалованье кормъ, а розговаривати ему съ нимъ ничево не велено, і онъ бы впередъ зъ Даниломъ и ни съ кѣмъ о себѣ не розговаривалъ.

И Александръ говорилъ, что онъ зъ Даниломъ больши тово н говорилъ і впередъ говорить не будетъ, и что онъ зъ Дмитреемъ и зъ Григорьемъ говорилъ, тово у нево нихто, і попъ Өилипъ, не вѣдаетъ.

Да февраля въ 17 д. сказывалъ Данило Пузиковъ, что Александръ Ахия скорбитъ гораздо, что объ немъ государева указу нѣтъ долго, чтобъ де государь пожаловалъ... указалъ. I тово жъ дни Дмитрей и Григорей ходили къ Александру навестить ево и розгова(ри)вали ему по прежнему государеву указу, что государевъ указъ объ немъ позамѣшкался потому, что зашла его царьского величества радость, і онъ бы (не оско)рблялся и ждалъ

государева указу вскоре. (И Але)ксандръ говорилъ, что онъ, пріѣхавъ въ Московское (государ)ьство, живетъ пятой мѣсяцъ, а государева указу ему нѣтъ... тому радъ, чтобъ государевъ указъ объ немъ не продлился. (И ѳев)раля жъ въ 19 д. къ Дмитрѣю Васильевичу (да къ) Григорью приказывалъ зъ Даниломъ Пузиковымъ (Алекса)ндръ Ахия, чтобъ побывали у нево ввечеру. (И Д)митрей и Григореі у Александра были. І Александръ говорилъ: Объявили они ему Александру, что великий государь (титулъ) пожалуетъ ево, на Архангельской городъ ѣхать въ немецкие государьства (воли) у нево отнять не велитъ; і ныне онъ объявляетъ: только царьское величество велитъ ево на Архангельской городъ пропустить, а попа Ѳилипа только велитъ воротить назадъ въ Киевъ отселя, и ему бъ взяти съ собою одново человѣка своево, Марка македонянина, потому что ему въ немецкихъ государьствахъ ко князю ѳлоренскому проходить какъ убогие люди тайнымъ обычаемъ, и столько ему людей не надобно, а дву бъ человѣкъ своихъ отпустить ему назадъ съ попомъ Ѳилипомъ, для тово что у митрополита киевсково Иева оставлена у нево шкатулка съ письмы, и то бъ взяти и ѣхать исъ Киева одному ево человѣку зъ грамоты, что ныне ему Александру писать отъ себя въ Сербы і въ Болгары и въ Арбанасы і иныхъ земель ево ко княземъ и приятелемъ своимъ для тово, что онъ Александръ писалъ къ нимъ прежъ сево изъ Запорогъ, что онъ зъ запорожскимъ войскомъ будеть къ нимъ вскоре. И послѣ тово Запорожье замѣшколося отъ поляковъ и отъ ляховъ, и промыслъ ево тамъ миновался, а онъ после тово въ Запорожье і въ Московскомъ государьстве многое время, а ево земель князи и люди тово не вѣдаютъ, и опасаетца онъ тово, нѣшто княже Ниверненской Костянтинъ Палеологъ, которой и прежъ сево въ тѣ ево земли присылалъ епископовъ своихъ неоднова, чтобъ ево учинили у себя царемъ, ныне пришлетъ тѣхъ ево земель къ людемъ тѣхъ же или иныхъ такихъ епископовъ латынниковъ, которые называютца греческие вѣры, і учнутъ людей его грекъ и сербъ, и болгаръ, і арбанасъ і иныхъ земель наговаривать по прежнему, чтобъ ево приняли царемъ, а про нево Александра раскажетъ, что онъ неживъ, а тѣхъ ево земель люди греки и сербы и всякие люди прости і не

опасны, і вѣру тому имутъ скоро; і ему бъ ныне (и)мъ объявити, зачѣмъ онъ къ нимъ посямѣста не (бы)валъ и гдѣ и сколько пробылъ, да и то бъ объявити жъ, (что)о царьское величество пожаловалъ ево, велѣлъ (пропуст)ить черезъ свои государьства къ Архангельскому (городу въ) немецкие государьства на караблѣ, и чае(тъ) своево приѣзду въ Недерлянскую землю въ городъ (Амс)траданъ или въ иной въ которой поморской городъ (въ авгу)сте или въ сентябрѣ мѣсяце, а оттоле пойдетъ во Влохи (ко кня)зю ѳлоренскому і учнетъ свой дѣлать промыслъ (по пр)ежнему, і, взявъ у князя ѳлоренсково въ помочь людей и казну, и нарядъ, и мушкеты, пойдетъ къ нимъ, и они бъ вѣдали и приходу ево къ себѣ ждали; и будетъ къ нимъ учнетъ присылать княже Неверненско съ какими розговоры объ немъ, і они бъ ему не вѣрили и въ томъ ево не слушали. А другому человѣку своему велитъ онъ ѣхать съ Киева въ Краковъ къ друземъ своимъ, къ маршалку Вольскому и къ пану Жебридовскому, старосте лянскорунскому, и князя ѳлоренсково людемъ, которыхъ послалъ было князь къ нему зъ золотыми за Пороги, і они до приходу гетмана Конца Польского притти къ нему не успѣли и стали въ Кракове у Вольского і у Жебридовского, а послати бъ къ нимъ съ тѣмъ человѣкомъ своимъ грамоты про себя обестить, что онъ живъ. А исъ Кракова тому человѣку своему велитъ онъ ѣхать ко князю ѳлоренскому зъ грамотою жъ, а писать де ему ко князю ѳлоренскому, чтобъ ему про нево, гдѣ онъ былъ и какъ къ нему приѣздъ ево будетъ, было вѣдомо. И будетъ князь ѳлоренской людей ему въ помочь и казны и наряду по прежней ево присылке до его приѣзду въ его земли не послалъ, і онъ бы прислалъ къ нему капитоновъ ево дву человѣкъ, тѣхъ которыхъ онъ Александръ послалъ къ нему прежъ сево, ещо будучи въ Сербехъ и въ Болгарехъ, четырехъ человѣкъ, а велѣлъ бы имъ приѣхать въ Амстрадамъ въ августе или въ сентябрѣ мѣсяце. И съ тѣми капитоны пойдетъ онъ ко князю ѳлоренскому, і, взявъ у нево і у иныхъ князей, которые князю ѳлоренскому въ свойстве и приятели і помогать ему похотятъ, людей и казну, і нарядъ, и пойдетъ къ своимъ землямъ для своего промыслу вскоре. А будетъ князь ѳлоренской казну и нарядъ и мушкеты послалъ въ

его земли до его приѣзду (и е)му о томъ отпишетъ, (и о)нъ пойдетъ къ своимъ землямъ черезъ (немецки)е государьства і не бывъ у князя ѳлоренского, (и уч)нетъ своимъ дѣломъ промышлять сколько Богъ поможетъ, (и б)ьетъ челомъ онъ государю (титулъ) и отцу его (титулъ), чтобъ они государи пожа(ловали его), тѣхъ людей своихъ дву человѣкъ съ попомъ (Ѳилипомъ от)пустить ему поволили; а всѣхъ людей (четы)ре человѣкъ взять ему съ собою не мочно, потому что (ему п)роходить тайными обычаи, какъ убогие люди.... оберегаясь отъ неприятелей и засылки отъ ту.... отъ князя Ниверненско; і Дмитрей бы і Григо(рей че)лобитье его отписали къ государю не замешкавъ.

(И Д)митрей и Григорей Александру говорили, что онь съ ними.... се оговорилъ и о чомъ великому государю (титулъ) и отцу его (титулъ) билъ челомъ, и они о томъ о всемъ къ царьскому величеству и отцу его государеву, святѣйшему патриарху, писали подлинно і указу ихъ государева ждутъ о томъ вскоре; а о томъ онъ Александръ, чтобъ ему людей своихъ воротить назадъ въ Литву, посямѣста имъ не говорилъ, і попа Ѳилипа царьское величество назадъ ли велитъ отпустить, или гдѣ инде велитъ быть, і что объ немъ Александре царьскаго величества указъ будетъ, тово они ещо не вѣдаютъ, а ждутъ къ себѣ царьского величества указу вскоре; і писать ныне о томъ, о чомъ онъ говоритъ, къ царьскому величеству нельзѣ, потому что по прежнимъ его рѣчемъ ждутъ къ себѣ гонца съ полнымъ царьского величества указомъ вскоре.

І Александръ билъ челомъ государю: надѣетца онъ на государьскую милость, что ему прежъ сего объявили, что у него тое воли, что его пропустить къ Архангельскому городу, не отоймутъ, і потому онъ чаетъ, что попа Ѳилипа велитъ государь къ митрополиту въ Киевъ отпустить отселе, і ево бъ царьское величество пожаловалъ, дву человѣкъ съ попомъ Ѳилипомъ отпустить поволилъ, чтобъ ихъ государьскимъ жалованьемъ дѣлу ево было спорѣе и людемъ ево земель про нево было вѣдомо, чтобъ они князю Ниверненскому не повѣрили и царемъ его у себя не учинили. І говорилъ о томъ съ челобитьемъ много, чтобъ челобитье его царьскому величеству отписать вскоре.

(I) Дмитрей и Григорей говорили ему: Нестаточное то дѣло, что ему людей своихъ черезъ Польскую и Литовскую землю отпустить. (С)амъ онъ сказываетъ, что ево поляки сыскивали и хотѣли (пои)мать, и укрывался отъ нихъ въ чернеческомъ платье, а людей (ево п)еремимаютъ тотчасъ, і пройти имъ черезъ Польшу и Лит(ву) никакъ нельзѣ, и писать имъ о томъ къ царьскому величеству нѣчево.

(I Александ)ръ билъ челомъ, чтобъ о томъ къ царьскому величеству (отписали), і будетъ царьское величество пожа(луетъ, людей) его отпустити поволитъ, і они....тайнымъ обычаемъ... мочно. Да і митрополитъ де Иевъ.... людемъ ево пройти промышляти будетъ).

26.

Отпускъ Александра Ахіи въ нѣмецкія земли черезъ Архангельскъ, а священника Филиппа—обратно въ Кіевъ.

Начало этого документа утрачено, но изъ продолженія видно, какъ происходило дѣло въ Москвѣ и во Мценскѣ.

Всего замѣчательнѣе въ немъ то, что Ахіи дано царскаго жалованья всего 150 рублей, тогда какъ, до личнаго знакомства съ нимъ москвичей, онъ получилъ на 1.000 рублей соболей, лисицъ и золотыхъ бархатовъ. Повѣривъ Іову Борецкому, Ахію считали чѣмъ то дѣйствительно могущественнымъ, если не истиннымъ султанскимъ сыномъ. Теперь, въ результатѣ всѣхъ разспросовъ и освѣдомленій о немъ, здоровый умъ царскихъ совѣтниковъ получилъ убѣжденіе, что онъ—самозванецъ, и притомъ человѣкъ, способный только эксплоатировать казну довѣрчивыхъ людей. Достойно нашего вниманія то обстоятельство, что Лодыгинъ, Нечаевъ и московскіе члены царской думы разумѣли только про себя, что такое Ахія. Ни единымъ словомъ не дали они ему почувствовать, что на него смотрятъ, какъ на обманщика. Въ этомъ отношеніи

переписка объ искателѣ цареградскаго престола представляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ русской дипломатіи.

...отписке ⁝ по помѣте государевъ указъ къ Дми(трею и Гри)горью не посланъ, потому что они Олександра съ людь(ми и попа) Ѳилипа отпустили по прежнему государеву указу.....съ костянтиномъ Сытинымъ и сами пріѣхали къ Москве вскоре, марта въ 5 день, и подали въ посольскомъ приказе діакомъ ... ка(къ) они Александра Ахію и попа Ѳилипа изо М(ценска отпустили,) и и что съ нимъ на отпуске говорили и что дали ему въ дорогу; а въ записке написано: 134 г. декабря въ 28 день, по государеву (титулъ) и отца его (титулъ) указу, велено Дмитрею Васильевичу Лодыгину да діаку Григорью Нечаеву, приѣхавъ во Мценскъ Александра Ахию по наказу и противъ письма, что прислалъ къ государю (титулъ) онъ Александръ съ посланцы своими, что роспрашивалъ его митрополитъ киевской Иовъ Борецкой роспросити подлинно о всемъ его пребыванье, да и попа Ѳилипа роспросити жъ, и рѣчи ихъ прислать къ нимъ государемъ.

I по государеву (титулы) указу Дмитрей Васильевичъ Лодыгинъ да діакъ Григорей Нечаевъ Александра Ахию роспрашивали и говорили съ нимъ въ разныхъ числехъ, і киевсково митрополита Иова Борецкого попа Ѳилипа роспрашивали жъ, а что коли Александръ въ роспросехъ сказалъ і въ розговорехъ зъ Дмитреемъ и зъ Григорьемъ говорилъ, и что сказалъ попъ Ѳилипъ, и о томъ о всемъ къ государю царю і великому князю (титулы) (отпи)сано (и р)ѣчи ихъ подлинные посланы съ мецняны...ря въ 13 день, съ Парѳеномъ Трубнико(вы)мъ....я въ 16 день, сываномъ Петрищевымъ....29 день, зъ Григорьемъ Тороповымъ... 31 день сывашкою Сямыковымъ....(по)слана книга Часословъ, что прислалъ.... (государю царю и великому княз)зю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русиі.

....подъ люди его и подъ кормъ і подъ питье (четы)ре подводы саньми.

А провожатыхъ послано мценскихъ стрель(цовъ) и казаковъ 5 человѣкъ.

Да попу жъ Ѳилипу Дмитрей і Григорей на отпуске говорили, чтобъ онъ, ѣдучи дорогою и на станѣ(хъ съ при)ставомъ своимъ

и ни съ кѣмъ про Александра, что (онъ) и какой человѣкъ и гдѣ былъ и отколе въ Московское государьство и для чево приѣхалъ, отнюдь ничево не розго(вари)валъ і никому про него ничево не росказывалъ; а будетъ приставъ его спроситъ, съ кѣмъ онъ въ Московское государьство приѣхалъ и для чево и хто полякъ, которой во Мценску остался, і онъ бы ему сказалъ, что послалъ его къ великому государю (титулъ) и къ отцу его государеву (титулъ) киевской митрополитъ Іовъ бить челомъ о милостыни, и ѣхалъ онъ исъ Киева съ тѣмъ купчиною, а какой человѣкъ тотъ купчина и для чево въ Москокское государьство приѣхалъ, тово онъ ничево нс вѣдаетъ; а больши тово ничево объ немъ съ нимъ и ни съ кѣмъ не разговаривалъ (и) тѣмъ на себя царьского величества гнѣву не навелъ.

Да ѳевраля въ 26 д. Дмитрей и Григорей вел(ѣли) Александру Ахие быть къ себѣ одному и говор(или ем)у, что онъ великому государю (титулъ) (и отцу его) государевъ (титулъ).... билъ челомъ і съ ними говорилъ, чтобъ....пожаловали его Александра....отпустить на Архангельской городъ, а отъ Ар(ханг҃ельск)ого города моремъ въ немецкие государьства, і они о томъ писали къ царьскому величеству, и царьского величества указъ объ немъ позамѣшкался затѣмъ, что зашла ихъ царьская радость, а ныне къ нимъ царьского величества указъ пришелъ, а велено ево Алеандра отпустить ізо Мценска къ Архангельскому городу и съ людьми его, а для чести и всякого береженья, чтобъ ему бесчестье ни отъ кого не было, велено съ нимъ до Архангельского города ѣхать тому жъ приставу его Данилу Пузикову и кормъ и питье давать ему довольно, і онъ бы ѣхалъ въ путь свой безо всякого опасенья. А на платье (и) на всякой его расходъ, любо ему что понадобитца купить на себя и на людей его, прислано къ нему царьского величества и отца его государева (титулъ) жалованья 150 рублевъ денегъ, і онъ бы то взялъ. И, сказавъ ему государевъ указъ, государево жалованье деньги отдалъ (ему).

І Александръ Ахия, выслушавъ государевъ указъ і (взявъ) государево жалованье, говорилъ: на ихъ государеве жалованье, что они государи пожаловали его, челомъ бьетъ и ѣхать отселе готовъ съ радостью; только онъ царьскому величеству бьетъ челомъ о

томъ, о чемъ онъ и прежъ сего его царьскому величеству билъ челомъ, ч(то ны)не съ нимъ три человѣка, і столько ему съ собою людей не н(ад)обно, и послать бы ему людей сво(ихъ) .... Конца не достаетъ).

(И) февраля 23 д. въ государевой (титулъ) грамоте, (за) приписью думного діака Івана Грамотина, писано къ Дмитрею Васильевичю и къ Григорью съ Костянтиномъ Сытинымъ: указалъ государь Александру Ахие съ людьми изо Мценска ѣхать къ Архангельскому городу, а въ приставехъ де у нихъ быть Денису Пузикову; а попа Өилипа съ людьми указалъ государь перевести изъ Мценска къ Николе Зара(й)ескому на время, а сказати, что государь велѣлъ его взять къ Москве, и отпустить его изо Мценска съ Костянтиномъ Сытинымъ напередъ Александра Ахия тотчасъ; а Александра отпустить после его спустя дни два или три. А на кормъ Александру съ людьми прислано съ Костянтиномъ Сытинымъ къ прежнему въ прибавку 100 рублевъ. Да къ Олександру жъ прислано государева жалованья, что ему дать на платье і на всякую покупку съ людьми его 150 рублей. А попу Өилипу и людемъ его давати на кормъ приставу его Костянтину Сытину на два мѣсяца, попу по гривне, (а) людемъ его по 1 де(ньг)е человѣку на день, а питье до Николы Зарайского. А какъ Александра отпустить, і въ тѣ бъ поры было стройно и людно, чтобъ (бе)злюдствомъ не оказатца, і проводять его за городъ....

.....Дмитрей Васильевичъ и Григорей Васильевичъ и Григорей велѣли (у себя б)ыть попу Өилипу и сказали ему, что онъ съ нимъ.... отпустить его митрополитъ Іовъ Б(орецкій) .... царьскому величеству пожаловати .... І великій государь (титулъ) и отецъ его государевъ (титулъ) (велѣли его по)па Өилипа отпустить къ себѣ государемъ .... (дл)я того присланъ во Мценскъ Костян(тинъ Сытинъ), і онъ бы ѣхалъ къ Москве. А сказавъ ему, (отпустили е)го съ Костянтиномъ Өевраля въ 24 д. .... А на кормъ попу съ людьми Костян(тину)... съ тѣхъ денегъ, что Дмитрею и Григорею (при)слано 20 рублевъ на кормъ Александру Ахию къ тѣмъ деньгамъ, что посланы зъ Даниломъ (Пузи)ковымъ въ прибавку фев-

раля въ 24 дн. (а)прѣля по 25 число на два мѣсяца 12 руб(левъ).

Да на поповы жъ на две лошади кормъ сверхъ то(го) дано на десять дней денегъ 4 гривны, по грошу лошадь на ... а данъ на лошади кормъ до государева указу, пото(му) что въ государеве грамоте о лошадехъ именно не оп(иса)но, а по путивльской росписи даванъ на лошадь имъ кормъ особно ихъ корму.

Да питья въ дорогу дано съ кабака полведра виномъ, 5 вѣдръ меду; а велено ему давать питья попу по шти чарокъ, людемъ по четыре чарки человѣку ви(н)а .... всѣмъ по ведру меду на день до государева указу, потому что попу Ѳилипу въ Путивле і въ дороге (ко) Мценску питье давано съ Александромъ Ахиею воп(че); а какъ ему впередъ питье давать і конскій кормъ давать, і о томъ велено ему (въ у)казе писать къ государю царю и великому...

На этомъ словѣ рукопись прерывается.

XIX.

РАЗСКАЗЪ ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ

о совмѣстной жизни съ козаками донскими.

1626.

Одно изъ недоразумѣній украинскихъ историковъ составляетъ отособленіе ими запорожскихъ козаковъ отъ донскихъ. Представляемый документъ показываетъ, что тѣ и другіе составляли, можно сказать, нераздѣльное товарищество. Въ 1626 году, запорожскій полковникъ Алексѣй Шафранъ, ѣдучи съ тремя козаками съ Дону въ Кіевъ, заблудился въ придонецкихъ пустыняхъ и прибился къ городу Волуйкѣ. Тамошнему воеводѣ показался онъ человѣвомъ подозрительнымъ и былъ отправленъ вмѣстѣ съ его то-

варищами въ Москву. Въ Москвѣ взглянули на него такъ же недовѣрчиво, и онъ, для того, чтобъ совершенно разсѣять возникшія на его счетъ сомнѣнія, разсказалъ подробно о пребываніи своемъ среди донскихъ козаковъ, объ отношеніяхъ донцовъ къ запорожцамъ, объ ихъ совмѣстныхъ промыслахъ на морѣ въ качествѣ пиратовъ и о своемъ пилигримствѣ въ Кіевъ. Въ его разсказѣ козакъ является тѣмъ самимъ на Дону, чѣмъ былъ онъ на Днѣпрѣ,—искателемъ добычи, которой часть посвящалъ въ жертву своему Божеству, избравшему, по старой русской памяти, сѣдалищемъ славы своей городъ Кіевъ. Кромѣ этихъ двухъ потребностей примитивнаго быта, въ козакахъ, по разсказу Шафрана, не видать никакихъ другихъ заботъ или стремленій. Они были довольны широтою принадлежавшихъ имъ фактически пустынь, въ которыхъ козацкая жизнь не встрѣчала никакого противодѣйствія.

Что касается до нравственной стороны этой жизни, то настоящій разсказъ разувѣряетъ насъ въ томъ значеніи, которое мы пытались иногда придавать козацкимъ вторженіямъ въ мусульманскія владѣнія. Козаку, очутившемуся среди православной Москвы, слѣдовало бы говорить, что онъ хаживалъ на море для того, чтобы воевать враговъ святаго креста, или для освобожденія христіянъ изъ турецкой неволи; а онъ просто говоритъ: ходили на море *для добычи*. Алексѣй Шафранъ самъ провелъ шесть лѣтъ на турецкихъ галерахъ, и могъ бы, кажется, воспламениться желаніемъ облегчать участь плѣнныхъ христіянъ; но онъ знаетъ одну добычу. Этотъ запорожскій полковникъ остается совершенно чуждъ благочестивому подвигу своихъ товарищей полковниковъ, которые, въ 1624 году, распечатали кіевскія церкви. Общаго у него съ ними только добыча, которую онъ искалъ на морѣ, а они — въ мѣщанскихъ дворахъ да въ карманахъ у богуславскихъ и корсунскихъ жидовъ.

Миновалъ одинъ только годъ съ транзакціи на Медвѣжьихъ Лозахъ, гдѣ Конецпольскій ставилъ козакамъ въ вину, что они вмѣшиваются для грабежа въ церковныя дѣла, „не давая спуску даже собственнымъ церквамъ и духовнымъ людямъ“.

Положимъ, что ляхъ, какъ у насъ принято думать, непремѣнно клеветалъ на козаковъ. Но если козаки были проникнуты рели-

гіознымъ энтузіазмомъ въ 1624 году, то почему запорожскій полковникъ, въ 1626-мъ, является только добычникомъ? Алексѣй Шафранъ имѣлъ возможность расположить москвичей въ свою пользу, представляя свое хожденіе на море дѣломъ христіянскимъ. И было о чемъ хлопотать ему: онъ былъ сосланъ по подозрѣнію въ Сибирь, и выпутался изъ постигшей его бѣды только черезъ два года. Но Шафранъ, по видимому, даже и не зналъ, что существовали сношенія между царскою думою и кіевскими архіереями, которые въ лицѣ пріятелей своихъ, склоняли все Запорожское Войско къ подданству православному царю.

Возьмемъ для параллели другое свидѣтельство. Что козаки отдавали часть своей добычи на украшеніе православныхъ церквей, это видно изъ того, что Алексѣю Шафрану ввѣрено было ими 10 фунтовъ серебра на окладъ къ образу и на кадильницу. Естественно было бы добычничанье козацкое современнымъ писателямъ духовнымъ изображать въ томъ видѣ, въ какомъ изображаютъ оное наши писатели свѣтскіе. Но вотъ Кальнофойскій, описывая случаи козацкаго раскаянія въ тяжкихъ грѣхахъ и даже случаи священныхъ видѣній среди постигавшей ихъ на морѣ бури, тѣмъ не менѣе приводитъ въ своей „Тератургимѣ“ такія слова людей, дававшихъ церковные обѣты въ моментъ опасности: gdyśmy żeglowali z Zaporoża do cesarstwa Tureckiego dla łupu, wiele miast, zamkow, miasteczek, wsi wyplądrowawszy, z łobyczą obfitą naładowawszy dobrze czołny nasze, и т. д. (стр. 223.) Или: z hetmanen swym na ten czas Sulimem, niedawno za przestępki swe przeciwko Rzeczyposp. na gardle skaranym, y z niemałą kupą woyska puscili się czołnem swym na morze... gdy tam... z turkami y tatarami o łup przyszły, и проч. (стр. 271.) Ни разу во всей книгѣ своей не намекаетъ преданный православію Кальнофойскій, чтобъ у козаковъ запорожскихъ была иная цѣль морскихъ походовъ, кромѣ добычи.

Въ одномъ случаѣ козаки дали (и выполнили) обѣтъ работать по полугоду для монаховъ Печерскаго монастыря; но и объ этихъ „оброчникахъ“ онъ выразился, что они „навиговали добычную дорогу“.

Наконецъ самъ царевичъ Александръ Ахія, долженствовавшій

возбудить въ козакахъ высшія чувства, не упоминаетъ о нихъ въ своемъ повѣствованіи вовсе, а говоритъ только о деньгахъ и въ одно слово съ Кальнофойскимъ разсказываетъ, что они ходили на турецкіе города *для добычи*.

Еслибъ у нашихъ пиратовъ было на умѣ христіянство, то они, овладѣвая турецкими кораблями, щадили бы хоть греческихъ купцовъ; ато, по дневнику королевскаго посла, православнаго пана Лаврина Пѣсочинскаго, въ 1602 году, овладѣвъ купеческимъ судномъ, запорожцы турокъ истребили, а грекамъ „явили opus misericordiae, то есть обобрали до нага и даровали жизнь".

Все это, какъ и многое другое свидѣтельствуетъ, что дѣло православія въ южной Руси находилось вовсе не въ козацкихъ рукахъ, и что Войско Запорожское служило иногда этому дѣлу, вовсе о томъ не вѣдая.

Объ этомъ не стоило бы много и распространяться, когда бы въ наше будто бы уже просвѣщенное время, у извѣстнаго рода историковъ и беллетристовъ не установился литературный культъ былому козачеству, которое они дѣлаютъ передовыми бойцами за меньшую братію, за простонародье, чего никогда съ козаками не бывало.

Люди, которымъ дано воспитывать мышленіе свое болѣе здоровою пищею, благоволятъ принять къ свѣдѣнію, какъ смотрѣли на козаковъ тѣ русскіе, которые отдѣлались отъ козачества благополучно и, вмѣсто того, чтобы пасть подъ нимъ, какъ Польша, обратили его въ безопасную, даже полезную для государства силу. Я говорю о москвичахъ. Географъ XVII вѣка Масса, составившій на мѣстѣ описаніе московскихъ смутъ по разсказамъ дружески расположенныхъ къ нему московскихъ бояръ, служитъ для насъ передаточнымъ пунктомъ усвоеннаго ими воззрѣнія на козаковъ.

„Эти козаки (говоритъ Масса)—люди различныхъ племенъ, изъ земли московской, татарской, турецкой, польской, литовской, корельской и изъ нѣмецкой.——(Въ козаки) по большей части поступаютъ люди, убѣжавшіе отъ своихъ господъ, холопы, негодяи, воры и имъ подобные. Они преимущественно поселяются въ татарскихъ степяхъ, близъ рр. Волги, Дона и Днѣпра, и переходятъ съ мѣста на мѣсто. —— За деньги, а иногда и даромъ, только

ради грабежа, эти козаки служатъ почти всѣмъ государямъ которые ихъ призываютъ". (Сказ. Массы и Геркмана о Смутн. Врем. въ Россіи, стр. 105—106.)

Перейдемъ къ разсказу Алексѣя Шафрана.

Живетъ де онъ Олеша (писали со словъ Алексѣя Шафрана царскіе дьяки) на Дону 18 лѣтъ; а иные его товарищи живутъ лѣтъ по 5 и по 6; а всѣхъ де ихъ на Дону есть съ 1000 человѣкъ; а в Запорогахъ де донскихъ казаковъ такъ же много,—мало (не) въ полы того, сколько ихъ, только живутъ переходя: они ходятъ на Донъ, а зъ Дону казаки къ намъ, и живутъ сколько гдѣ хто хочетъ. А повелось де у нихъ то зъ донскими казаки из'тари, что межъ себя сходятца и живутъ вмѣсте въ однихъ куреняхъ.

Да они же сказали: Въ нынешнемъ де лѣте ходили они на море въ осьми челнахъ, по 50 человѣкъ въ чолну, и того 400 человѣкъ; а старшина у нихъ былъ онъ Олексѣй, а съ нимъ были запороскіе черкасы и донскіе казаки смѣсно за одинъ; а пошли они зъ Дону на море въ великой постъ за четыре недѣли до велика дни, и взяли въ Турской землѣ Турского городъ Трапизонъ; и, бывъ въ Трапизоне, пришли на Азовское море, и онъ Олексѣй былъ у войска отпросился опять для добычи на море. И ходили въ дву челнахъ, а съ нимъ 100 человѣкъ донскихъ казаковъ и запорожскихъ черкасъ; и ходя по морю, въ Турской землѣ громили села и деревни. А на Донъ де они пришли тому ныне дватцать шесть денъ, и были на Дону три дни. А зъ Дону де онъ поѣхалъ былъ съ товарыщи въ Киевъ, для того что въ Киеве не бывалъ давно, а се они оброчники обложить въ Киеве въ соборной церкве образы и кадило устроить серебряно; и ихъ отпустили войскомъ и серебра съ ними на тотъ окладъ послали десоть фунтовъ. А ѣхать де было имъ степью на Торна на урочище на Самару; и они де не узнали степи, заблудились къ Волуйке, и ѣхать имъ стало въ Киевъ нельзѣ; и наѣхали де на нихъ государевы люди, которые посланы были съ Волуйки, и они ихъ воскликали и спрашивали: какіе де люди? и они сказались руские люди съ Волуйки. И они де приѣхали съ ними въ Волуйку, а съ Волуйки отпустили ихъ къ Москве, и ныне ихъ какъ государь пожалуетъ.

Не удовлетворясь этимъ показаніемъ, дьяки разспрашивали запорожцевъ своимъ обычаемъ. Они вотъ говорятъ то то и то то о своемъ пути, а вѣдомо де подлинно, и знаютъ то многіе люди, что зъ Дону въ Запороги и изъ Запорогъ на Донъ ходятъ степью, не займуя Донца на Кармию да на Мохъ, а Донца не лазятъ. А они пришли къ Волуйке, и то ужъ Донецъ лѣзли, а коли Донецъ лѣзли, и то знатно, что не въ Запороги ѣхали къ Волуйке. И они бъ сказали прямо, какими обычаи они зъ Дону поѣхали и куды было или ѣхать таки(?) прямо въ Запороги, и будетъ въ Запороги, то для чего они Донецъ лѣзли и поворотили къ Волуйке а только было имъ ѣхать въ Запороги, и имъ было Донца лѣзть и къ Волуйке заезжать не надобно: ѣхать было или тою дорогою, куды зъ Дону въ Запороги ѣздятъ, не займуючи Донца; чтобъ сказали правду, что то ихъ была мысль.

И черкасы Олексѣй съ товарыщи сказали имъ: Они зъ Дону поехали; и они атаманомъ и казакомъ Епихе съ товарыщи явились, и отпустили ихъ войско зъ Дону зъ добрымъ дѣломъ, что имъ, приехавъ въ Киевъ, оброкъ свой совершить, образъ обложить и иной обѣтъ исполнить. И какъ они зъ городковъ казачихъ пошли и перевезлись рѣчку Аксай, которая пришла съ поля и пала въ Таузлу, а Таузла въ Донъ подъ казачьи городки, и они перевезчися Оксай, пошли вверхъ по Тоузлу, и шли Тоузломъ тр дни, и, покиня Тоузло вправе, пошли степью влѣво, и пришли на Калмиюсъ; и какъ пришли на Калмиюсъ, и тутъ поле погорѣло, шляховъ незнать; и они шли тѣмъ горѣлымъ полемъ день да ночь, и нашли шляхъ, и почаяли того, что тотъ шляхъ изъ Волчьихъ Водъ, которыми возятъ липы казаки въ Калмиюсъ, которые ходятъ на море; и они тѣмъ шляхомъ, чаяли, пошли къ Волчьимъ Водамъ; а отъ Волчьихъ Водъ къ Днепру ужъ блиско, [1]) и шли тѣмъ шляхомъ три дни и три ночи, и узнали то сами, что не тоою дорогою идутъ, куды въ Запороги ходятъ, что идутъ долго, а конца дойти не умѣютъ; и они стали думать, куды имъ итти, и поворотили съ того шляха налѣво въ степь, и ѣхали

[1]) Слова „ужъ близко" перечеркнуты блѣдными чернилами.

степью день, а къ вечеру наѣхали рѣчку немалу, а того не знають, какая та рѣчка, только на ней побиты ѣзы, гдѣ рыбу ловять и становища, гдѣ люди рыбу вялять; да туто не нашли суденко маленко росколото и водою потопло; и они, то суденко задѣлавъ хворостомъ и травою, перевезлись на томъ суденкѣ на другую сторону тое рѣчки; а какъ тоѣ рѣчку зовутъ и куды ѣдутъ, того не вѣдаютъ; только ужъ то узнали, что ѣдутъ не туды, куды было имъ надобно, а ради тому, что ужъ людей доѣхали христьянские вѣры. И какъ де тое рѣчку перевезлись и отъѣхили отъ неѣ версты зъ двѣ и наѣхали шляхъ татарской новой, только передъ ними переѣхали татарочя; и они, увидя тотъ новый шляхъ, поворотили въ лѣсъ, чтобъ татаромъ въ руки не попасть, и стояли тутъ до вечера, чтобъ ихъ татаровя не подсмотрѣли; и какъ на дворѣ обвечеряло, и они пошли вверхъ по той рѣчкѣ, а та рѣчка у нихъ была вправе, и держались рѣчки для того, чтобъ имъ татаромъ не попасть; и шли подлѣ той рѣчки два дни да двѣ ночи. И, покиня тоѣ рѣчку, пошли степью три дни и три ночи ни дорогою, ни шляхомъ, на вдачу черезъ болота и черезъ лѣсъ, не розсматривая ничего; выныхъ мѣстехъ и лошади было въ болотахъ потопили, а шли не разбирая, смотря на Конь звезду; а та звезда стоитъ на полночь, чаяли, что къ ихъ землѣ, ано она къ Московскому государьству.

И пришли къ рѣчке невеликой, и перебрели её на конехъ, топко лощадемъ по колѣно, а имяни той рѣчке не знаютъ же; и тутъ они лошади кормили, и нашли тутъ петли, которые вставлены на звери, да сѣно въ стогѣхъ; и учали себѣ розмышлять, что тѣ сена и постаушки на звери руских людей. А поноровя де немного стрѣлили исъ пушки, а того не вѣдаютъ, гдѣ. Да тутъ же де отъ тѣхъ сѣнъ нашли татарскую сокму. А были тѣ татаровя подъ Волуйкою и стреляли по нихъ изъ города съ Волуйки, и только они того не вѣдали. И назавтре де того учали межъ себя говорить: плутаютъ они на степи двенатцать дней, а ѣхать не вѣдаютъ куды, и наѣхали на удачю хъ тому мѣсту, гдѣ стреляли, чтобъ имъ наѣхать городъ и людей, чтобъ и досталь не заблудить. И увидели зъ горы трехъ человѣкъ—кормятъ лошади, и они ихъ приликали къ себѣ и спрашивали: какие они люди? о они де сказались руские люди съ Войлуки (и т. д. повторенie).

А на Войлуке ихъ также знаютъ многие люди, которые бывали на Дону и ихъ роспрашивали, которыми мѣсты ѣхали и гдѣ Донецъ лѣзли, и они имъ сказывали тожъ, какъ ѣхали, а лѣзли одну реку, а того не вѣдаютъ, какую, и росказали имъ подлиинно, какъ еѣ возились, и волуйские де люди сказали, что они чаютъ тоѣ рѣчку возились Боровую, а не Донецъ, а они де того подлинно не вѣдаютъ, какъ тоѣ рѣчку зовутъ, которую они возились а хоть и будетъ и Донецъ, и они не знаютъ, потому что они не ѣзжали по Донцу внизъ, а вверхъ Донцомъ не хаживали. А знаютъ де на Дону и на Волуйке государевы люди, что они не воры, живутъ зъ государевыми людьми за одно. А вчера де они ѣхали въ городъ, и они видѣли донскихъ казаковъ, и тѣ ихъ казаки знаютъ: зимовали съ нними не одинова, а одинъ изъ нихъ; Остаѳей Колода, сказалъ имянно, что ево знаетъ казакъ Івашко Чюмакъ, а ныне онъ здѣсь, что онъ съ ними на Дону жилъ много, а дурна въ нихъ ни которого не бывало.

Да Олексѣй же Шеѳранъ сказалъ: Былъ онъ на катарге у каѳинского воеводы семь лѣтъ, а ходили де они на море зъ Дону, и ихъ взяли на море турские люди, и было ихъ у каѳинского воеводы на катарге двѣсте шестьдесятъ человѣкъ рускихъ и литовскихъ людей; и та де катарга на море зазимовала, и воевода де велѣлъ ихъ посадить въ Булуклѣехъ въ тюрму, а самъ пошелъ къ царю въ Крымъ. И они де безъ него тюрму розломали и выбежали исъ тюрмы вонъ, и сѣло ихъ на караблѣ 160 человѣкъ, и пошли на море. И зъ города по нихъ стреляли, иныхъ побили, а онъ съ тѣми людьми, которые съ ними на корабль сѣли, пришли на Донъ, и тѣхъ всѣхъ людей привелъ на Донъ и далъ всѣмъ долю. То де донскимъ атаманомъ і казакомъ всѣмъ вѣдомо.

На вопросы, предложенные донскому атаману Ѳедорору Ханеневу да донскому казаку Ивашку Гайдукову, тѣ отвѣчали:

Видѣли де они того Олексѣя Шеѳрана на Дону пынешние весны. Пришли съ моря на караблѣ съ невольники, съ рускими и литовскими людьми; а было ихъ на томъ караблѣ со 120 человѣкъ; и сказывали на Дону войску, что они были на каторге, а было ихъ на той которые человѣкъ съ 300; и та де каторга

прошлые зимы на море замерзла блиско берега хъ крымской стороне, и ихъ де съ каторги взяли и посадили въ Булыклеѣхъ въ тюрмы, розделя на две; и нынешнѣе де весны они съ тюрмы вырезались и пошли середи бела дни къ морю; и тутъ на море стоялъ блиско берегу корабль, и они де поместилися на корабль и отъ берегу отодвинули а достальнихъ людей у нихъ человѣкъ съ тритцать, которые съ ними сидѣли въ одной тюрмѣ, тутъ на морскомъ берегу побили, а они на караблѣ пришли на Донъ. А больши де того они того Олексѣя на Допу не видали. Хотя и будетъ и былъ, да имъ вѣдать про него не лучилось. На Дону люди многие, и черкасъ бываетъ много, человѣкъ до пятисотъ, а иногды и больши; а живутъ не въ одномъ мѣсте. А товарыщевъ его, которые съ нимъ приехали также не знаютъ, и на Дону ихъ не видали. А зъ Дону де они поѣхали безъ нихъ, а того не вѣдаютъ, въ Запороги ли, или нѣтъ, і войско про нихъ вѣдаетъ ли, или нѣтъ, то дѣлалось безъ нихъ. А то у нихъ ведетца: какъ зъ, Дону поѣдутъ на Днепръ, и они атаманомъ сказываютца, а на добродѣтели ихъ челомъ бьютъ. А ѣздятъ де съ Дону въ Запороги черезъ Миюсъ да на Мохъ, а подлинно не вѣдаютъ, потому что они въ Запорогахъ не бывали. А то они вѣдаютъ, что Донца не перелазятъ, какъ ѣздятъ въ Запороги и изъ Запорогъ на Донъ. А на море де они съ ними не бывали, а хоть и будетъ и хаживали, и имъ то не въ примѣту, потому что ходятъ люди многие, межъ себя не всякъ ся знаетъ. Да Ивашкожъ Гудъ сказалъ, что онъ Олексѣева товарыща Остаѳя Колоду знаетъ: зимовалъ съ нимъ на Дону вместе не ѳдну зиму, а дурна въ нихъ никакого не вѣдаютъ же, і куды они зъ Дону пошли, того не вѣдаютъ же: дѣлалось то безъ нихъ.

XX.

ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ВОЙНѢ

МЕЖДУ КОЗАКАМИ И ШЛЯХТОЮ.

1630, мартъ, іюль.

Пограничные путивльскіе воеводы доносили царю отъ 27 марта 1630 года, что кіевскій митрополитъ Іовъ Борецкій прислалъ въ Путивль іеромонаха Кіевософійскаго монастыря Іосифа протосинкела да бѣлика Андрея Борецкаго, брата своего, съ прошеніемъ о присылкѣ къ нему изъ Путивля въ Кіевъ лекаря и о царской милостынѣ монастырямъ Михайловскому, Печерскому и Межигорскому. Іовъ Борецкій писалъ: „и не могущу ми здѣ вѣдома и искусна обрѣсти врача, есть же... въ Путивли Гаврикъ вѣдомъ зѣло недуга моего, еже былъ въ плѣненіи во градѣ Киевѣ; много; худость мою пользова". О козакахъ не упоминалось въ письмѣ къ царю, но протосингелу Іосифу дано было какое то изустное порученіе.

Воеводы не преминули, какъ всегда, случая развѣдать, что дѣлается въ Литовской землѣ, и развѣдавъ, донесли великимъ государямъ Михаилу Ѳедоровичу и его отцу, московскому патріарху: что де запорожскіе козаки изъ Запорогъ выгребли(сь) въ Переяславль съ пушками, и ныне дѣ, государи, збираютца и зо всѣхъ городковъ козаки, которые гроши имали, и выписные козаки, что были выписаны, а собрався де, государи, выгонять имъ изъ Киева і изо всѣхъ городовъ послѣ Великодня поляковъ. А поляковъ дѣ, государи, въ Киеве и окола Киева въ городахъ въ Киевскомъ повѣте съ восемъ тысечей; а говорятъ дѣ, государи, поляки, чтобы въ Киеве вѣру християнскую нарушить, а учинить унею римъскую вѣру и на козаковъ итить; а иные де, государи, говорятъ, что итить имъ на ваше государство Московское войною. А сказываютъ де, государи, что козаковъ изъ Запорогъ пришло тысечъ зъ дѣсять, а къ нимъ дѣ въ Переяславль изъ городовъ переписные козаки, что было переписано и здѣлано на шесть тысечъ, да и вы

писные де козаки идутъ къ нимъ же въ зборъ, а стоять де имъ за вѣру противъ поляковъ. А что де, государи, отъ митрополита Иева отъ Борецкого ему Иосифу протосингелу къ вамъ государемъ изо устной приказъ есть, и онъ дѣ Иосиѳъ тотъ метрополичей приказъ изоустной, приѣхавъ къ Москвѣ, вамъ государемъ скажетъ на Москвѣ, а шкатулу де, государи, и листы онъ Иосифъ самъ отдастъ вамъ государемъ.

Война 1630 года отличалась отъ предыдущей и отъ послѣдующихъ войнъ 1637 и 1638 годовъ попыткою придать козацкому бунту характеръ войны за вѣру. Слухи, сообщенные царю путивльскими воеводами, были распущены широко по Украинѣ не одними козаками, но и монахами, которые могли искренно вѣрить, что коронный гетманъ Конецпольскій, человѣкъ въ высшей степени толерантный, какъ и его предшественники, Янъ Замойскій и Станиславъ Жовковскій, затѣмъ только и вооружается на козаковъ, чтобы, побивши ихъ, уничтожить православіе въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой. Вѣрили этому еще и въ наше время, забывая, что диссиденты въ Польшѣ составляли тогда могущественную партію, и что, при всемъ отвращеніи ихъ пасторовъ къ православному духовенству и на оборотъ, съ самаго обнародованія, въ 1596 году, церковной уніи, эта партія была локомотивомъ православнаго движенія на сеймахъ со стороны шляхты. Хотя бы и имя козацкое было истреблено въ Польшѣ, все равно агитаціи въ пользу греческой вѣры продолжались бы. Православіе нужно было диссидентамъ для усиленія собственной партіи. Они, въ качествѣ землевладѣльцевъ, хаживали на козаковъ войною подъ знаменами короннаго гетмана, но тѣмъ не менѣе поддерживали на сеймахъ Лаврентія Древинскаго, Адама Кеселя и другихъ аристократическихъ защитниковъ древней греческой вѣры въ русскихъ областяхъ королевства. Согласіе пановъ диссидентовъ было существенно необходимо королю, когда бъ онъ въ самомъ дѣлѣ рѣшился употребить коронное войско для водворенія папской власти во всей Рѣчи Посполитой. Только тогда и возможно было двинуть въ крестовый походъ коронное войско, призываемое на службу по опре-

дѣленію земскихъ пословъ, когда бы всѣ депутаты, и католическіе и протестанскіе, единодушно приговорили уничтожить въ королевствѣ вѣру Древинскихъ, Киселей, Четвертинскихъ и другихъ равноправныхъ съ ними пановъ. Такое рѣшеніе было немыслимо для диссидентовъ; а безъ ихъ воли не возможно было уничтоженіе православія въ Польшѣ. И вотъ кѣмъ держалась легально древняя греческая религія въ Рѣчи Посполитой, а не козаками, отъ имени которыхъ, по внушенію такихъ людей, какъ Борецкій, присылались иногда на сеймъ петиціи, имѣвшіи весьма мало вѣсу въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ. Въ глазахъ государства, Запорожское Войско было корпораціею, терпимою по мѣрѣ ея полезности, совершенно такъ, какъ въ Московскомъ государствѣ войско донское. Непосредственной войны за вѣру не было и быть не могло въ Рѣчи Посполитой. Борьба между латинскою и греческою церквями производилась оружіемъ духовнымъ, съ придачею къ нему разныхъ житейскихъ уловокъ. Обѣ воюющія стороны били на то, чтобы дѣйствительныхъ членовъ Рѣчи Посполитой привлечь въ свою вѣру или удержать въ ней. Будущность соперничавшихъ церквей въ Польшѣ прямо отъ этого зависѣла. Православные люди, не имѣя за собой князей и пановъ (какъ это высказано въ трехъ посланіяхъ нашихъ архіеревъ), искали прибѣжища въ Московскомъ государствѣ, по мѣрѣ своихъ способностей въ дипломатіи, и отсюда то пошли слухи, сбившіе съ толку не только современниковъ, но и ихъ позднее потомство, относительно того, какъ стояли вещи къ Малороссіи. Итакъ вѣсти о наступленіи коронняго войска на вѣру были одними распускаемы съ извѣстною цѣлью, а другими принимаемы простодушно. Іюля 26, монахи Прилуцкаго и Печерскаго монастырей, просившіе царя о принятіи ихъ въ Московское государство, сообщили „въ распросѣ“ путивльскимъ воеводомъ слѣдующее:

Слышали де они въ Киеве отъ литовскихъ торговыхъ людей нынѣшнего де, государь, года въ мае мѣсяцѣ, что Турской царь отъ себя прислалъ королю польскому посла, чтобъ де Польской запорозскихъ козаковъ унялъ и подъ Турского де городы и на море козакомъ ходить не велѣлъ; а только де не уйметъ козаковъ, и онъ бы де съ нимъ бился нынѣшнимъ лѣтомъ. А поляки де, государь, многіе въ зборе съ рохмистры. Лѣжатъ въ Бару и окала Бару отъ

волоского рубѣжа шѣсть десятъ верстъ. А Конецъ де Польской изъ Бару поехалъ хъ королю польскому; а въ которомъ де, государь, городе король и королевичъ, таво они не вѣдаютъ. А многие де литовские люди говорятъ, что де король польской умеръ, а сами де, они пра то доподлинно не ведаютъ.

И нынешнего де, государь, 138 года, после верховныхъ апостолъ Петра и Павла, у гетмана Конецпольского съ паны радою быть сойму тайному о томъ, каво о брать на королевства и что де ответъ дати турскому царю, и быть де во всей Польши и Литве посполитому рушенью, а для де тово посполитому рушенью быть: проситъ де пановъ рады гетманъ Конецпольской, что де онъ Конецъ Польской свою славу гетманскую и честь королевскую утратилъ: запорозскихъ де козаковъ не побилъ і вѣры крестьянской въ свою римскую не превратилъ; и чтобъ де паны рада съ нимъ съ Конецъ Польскимъ послали посполитоя рушенья на запорозскихъ козаковъ, чтобъ де козаковъ всехъ вывесть и вера бъ крестянская розорить, і во всей бы де Полше и въ Литве одна вера римскоя учинить. А козаки де, государь, запорозские все живутъ по украинымъ черкаскимъ городомъ, где хто живетъ, и спеютъ де запасы порохъ и свинецъ, и отъ себя де козаки послали хъ королю польскому посланцовъ, а о чомъ де послали, тово де они подлинно не ведаютъ. А киевской де митрополитъ Иевъ Борецкой исъ Киева збежалъ отъ поляковъ въ козацкой монастырь въ Трехтемировъ.

XXI.

СЫНЪ БОРЕЦКАГО НА СЛУЖБѢ У ЦАРЯ.

1630.

О сыновьяхъ Іова Борецкаго упоминалось и въ концѣ XXVI главы „Исторіи Возсоединенјя Руси“ и въ примѣчаніяхъ къ предшествующимъ документамъ. Здѣсь остается замѣтить, что въ духовномъ завѣщаніи своемъ Борецкій не упомянулъ ни объ одномъ сынѣ, а только о дочери и племянницѣ. (Кіевскія Еп. Вѣд. 1863, № 21.) Видно, онъ былъ огорченъ тѣмъ, что сыновья „не имѣли отцовскаго духа и не хотѣли продолжать наукъ“, какъ писалъ онъ къ Христофору Радивилу. Если это такъ, то удаленіе дѣтей отъ арены козачества показываетъ намъ, что здѣсь ему предстояло еще большее огорченіе. Да и положеніе его на постѣ непризнаннаго правительствомъ кіевскаго митрополита не соотвѣтствовало козакованью сыновей его. Принадлежа къ вооруженнымъ противникамъ правительства, какъ этого хочется львовскому лѣтописцу, сыновья Іова сдѣлали бы, пожалуй, безсильнымъ и самого князя Радивила въ его защитѣ Борецкаго передъ панскимъ правительствомъ, которой защитѣ, болѣе нежели чему либо, Іовъ Борецкій обязанъ былъ своею цѣлостью до конца жизни, послѣдовавшаго весною 1631 года. Не даромъ священникъ Филиппъ говорилъ во Мценскѣ, что Борецкій давно сидѣлъ бы въ заточеніи или былъ изведенъ инымъ способомъ, когда бъ его враги не боялись „бѣлорусскихъ людей“. (См. выше стр. 260).

Подъ именемъ бѣлорусскихъ людей нельзя разумѣть малоруссовъ вообще и еще меньше—козаквъ, уже по одному тому, что во всѣхъ документахъ настоящаго тома Матеріяловъ для Исторіи Возсоединенія Руси это имя ни разу не дано ни малоруссамъ вообще, ни козакамъ въ частности. Малоруссы называются или литовскими людьми, или черкасами, или козаками. Священнику Филиппу ничто не мѣшало назвать прямо козаковъ, говоря о страхѣ

враговъ Борецкаго,—тѣмъ больше, что онъ ѣзжалъ и къ „черкасамъ“ и къ „козакамъ“ за милостынею „на церковное строеніе и на сакъ митрополиту“.

Путивльскіе воеводы доносили:

Въ нынѣшнемъ, государь, во 138 году августа въ 9 день прислалъ въ Путивль на твое государево царево и великаго князя Михаила Ѳедоровича— —имя съ путивльцомъ— —зъ Григорьемъ Гладкимъ киевскій митрополитъ Иевъ Борецкий сына своего Ондрѣя Борецкого да племянника своего Павла, да съ ними жъ прислалъ на твое жъ государево имя запорожскаго черкашенина Ивана Никитина. И мы холопи твои тому митрополичью сыну Ондрѣю Борецкому и племяннику ево Павлу Князитскому велѣли быть къ себѣ въ съѣзжею избу и ихъ распрашивали, а въ распросе онѣ намъ холопемъ твоимъ сказали: что прислалъ дѣ ихъ исъ Киева киевский митрополитъ Иевъ Борѣцкой на твое государево имя, а про вести онѣ намъ холопемъ твоимъ сказали: которые дѣ были вѣсти, и тѣ де вѣсти отецъ ево Ондрѣевъ митрополитъ киевской Иевъ Борецкой писалъ въ листехъ своихъ къ тебѣ государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русиі и къ отцу твоему великому государю святѣйшему патриарху Ѳиларету Никитичю московскому і всеа Русиі, и тѣ де листы митрополитъ киевский Иевъ послалъ съ путивльцомъ Григорьемъ Гладкимъ.— — Да онѣ жъ сказали: что де польские люди въ зборе противъ крымскихъ людей, а крымскихъ людей чаютъ приходу на польскую границу. А отъ запорозскихъ де, государь, черкасъ посланы хъ королю посланцы, и тѣ де черкаские посланцы отъ короля къ нимъ черкасомъ не бывали, и говорятъ де, государь, черкасы: будетъ де опять на нихъ придутъ польские люди войною, а ихъ де мочи не будетъ противъ поляковъ стоять; и онѣ де хотятъ бить челомъ тебѣ государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русиі, чтобы ты государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ имъ въ своемъ государстве повеленье...

Въ Москвѣ спрашивали сына Іова Борецкого Андрея: не передалъ ли чего изустно отецъ? но тотъ отвѣчалъ, что, кромѣ писаннаго въ листѣ, не передалъ на словахъ ничего.

А племянникъ митрополичь Павелъ Княжинский сказалъ: отецъ де ево былъ служилой человѣкъ, шляхтичъ Перемышльского повѣту, а мать ево митрополиту Иеву Борецкому родная сестра, и жилъ де онъ Павелъ у дяди своего у митрополита у Иева Борецкого.

А казакъ запорожской Иванко Микитинъ сказался: жилъ де онъ въ Киеве у митрополита Иева онъ, а въ Запорогахъ де онъ мало живалъ, а отпустилъ де ево митрополитъ съ сыномъ своимъ и съ племянникомъ къ Москве на государево имя.

1631, генв. 7 архіепископъ суздальскій Іосифъ Курцевичъ писалъ къ Іову Борецкому, что сынъ его и племянникъ щедро пожалованы и обласканы царемъ и его отцемъ, а я ихъ (продолжаетъ Курцевичъ), для духовные любви святѣйшества твоего, имѣю ихъ у себя на крѣпкомъ водзу, да и самая ихъ шляхецкая натура и поступки ко всякому милости и любве побужаетъ...

Далѣе онъ пишетъ:

Униженно а покорне прошу святительство твое о грибки тысячей съ пять или зъ десятокъ. Милостию Божиею и государскимъ премилосерд(нымъ) жалованьемъ ни въ чемже скуденъ, а ништо тако не смакуетъ, якъ грибки.

Курцевичъ писалъ къ матери, упрекая, что ея холодность загнала его и въ иночество; звалъ къ себѣ, горько жаловался, что она „по чужихъ кутахъ живетъ", и проч. Объ этомъ говоритъ онъ въ письмѣ къ Борецкому слѣдующее·

— —на Москвѣ умыслъне ожидалемъ рождшей мя, а теперъ зрозумѣлемъ съ писания преосвященства вашего, же лутше за тымъ, который отвергся православные отеческие вѣры, ганяетъ ся и все усердие въ него влагаетъ, нежели за мною. Въ томъ вины моей не обрѣтаю; свидѣтель Богъ.— —

XXII.

ДОГОВОРЪ КОНЕЦПОЛЬСКАГО

СЪ КОЗАКАМИ

въ іюнѣ 1630 года.

Два раза уже козаки мѣрялись всѣми своими силами съ королевско-панскимъ войскомъ. И на Солоницѣ (1596) и на Медвѣжьихъ Лозахъ (1625) они были побѣждены превосходствомъ военнаго искусства коронныхъ гетмановъ. Зять Жовковскаго, Станиславъ Конецпольскій, не уступалъ ему, какъ видно, въ энергіи и мужествѣ. Онъ же при томъ былъ знаменитый колонизаторъ украинскихъ пустынь; для него имѣло особенную важность усмиреніе козаковъ, мѣшавшихъ процвѣтанію сельскаго хозяйства.

Извѣстія о козакошляхетской войнѣ 1630 года весьма неполны у насъ и сбивчивы; но лѣтописцы наши почему то особенно любятъ эту войну и приписываютъ предводителю козаковъ Тарасу, прозванному ими Трясиломъ, полное торжество надъ Конецпольскимъ. Поддѣльная Лѣтопись Конискаго, съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ распространяется о козацкихъ подвигахъ подъ Переяславлемъ, и ночь, въ которую, по ея сказанію, поляки были поражены на голову, называетъ Тарасовою ночью. Львовская Лѣтопись, оканчивающаяся 1649 годомъ, также пустила въ ходъ нѣсколько сочиненныхъ молвою фактовъ. Она, между прочимъ, разсказываетъ, будто бы старшій сынъ Іова Борецкаго, Стефанъ, палъ среди козаковъ въ битвѣ съ поляками. Помѣщаемые въ слѣдъ за симъ „вѣсти" царскаго развѣдчика Григорія Гладкаго, сидѣвшаго въ осадѣ вмѣстѣ съ козаками въ Переславлѣ и проѣхавшаго по окончаніи войны къ Іову Борецкому, молчатъ о падшемъ на войнѣ сынѣ его. Зная обстоятельность царскихъ развѣдчиковъ, никакъ не можетъ допустить, чтобы участіе митрополитова сына въ козацкой войнѣ и его гибель были сочтены ими предметами, не заслуживающими упоминанія. Падшій по лѣтописи на войнѣ Стефанъ Борецкій пристроенъ былъ въ 1629

году отцомъ ко двору князя Христофора Радивила. Другой сынъ Борецкаго, Андрей, въ августѣ 1630 года отправленъ имъ въ Москву „на годударство имя". (См. выше, стр. 145.) Это былъ юноша, до того удаленный отъ козацкихъ треволненій, что, когда его разспрашивали въ Москвѣ о событіяхъ въ Украинѣ, онъ не могъ сообщить ничего сверхъ написаннаго его отцемъ къ царю; а то обстоятельство, что онъ (по свидѣтельству Іосифа Курцевича) былъ особенно обласканъ Филаретомъ Никитичемъ Романовымъ, показываетъ въ немъ человѣка, воспитаннаго не среди козаковъ, а среди иноковъ.

Представляемый здѣсь документъ составляетъ одинъ изъ свѣточей, мерцающихъ во мракѣ лѣтописанія Украины. Въ немъ идетъ дѣло о *влостяхъ*, какъ назывались имѣнія, пренадлежавшія панамъ. Козаки „вышли на власти" еще въ 1625 году, и тѣмъ нарушили, такъ сказать, демаркаціонную линію между землями королевскими, въ которыхъ они могли гнѣздиться съ вольнаго и невольнаго согласія королевскихъ урядниковъ, и землями панскими, гдѣ каждый долженъ былъ сложить съ себя званіе козака и называться панскимъ подданнымъ. Мы привыкли воображать себѣ козацкую Украину какою то отдѣльною областью, въ которой личная свобода была отвоевана отъ панскихъ посягательствъ на закрѣпощеніе чернорабочаго человѣка. Отдѣльности никакой не было, а существовали въ Украинѣ мало доступныя для хозяйственной культуры мѣстности за Поволочью, Бѣлою Церковью, Корсунемъ, Каневомъ,—за той чертой, до которой и во времена кіевскихъ князей доходила земля, безопасная отъ набѣговъ степной дичи. Эти пустынныя пространства, по которымъ кочевали козаки, съ *русскаго* берега Днѣпра перекинулись и на *татарскій* берегъ, въ землю половецкую, къ Переяславу, Нѣжину Прилукамъ, Лубнамъ. То были королевщины, которыми владѣли отъ части городскія общины, отъ части королевскіе старосты и державцы, отъ части монастыри, или же—такъ называемая Вишневещина, родъ удѣльнаго владѣнія князей Вишневецкихъ, дававшихъ мѣсто и козацкому элементу, по мѣрѣ надобности въ немъ, или по мѣрѣ невозможности подчинить его началамъ культурнымъ. Козакъ былъ здѣсь то самое, что и въ

московскихъ украинахъ, — человѣкъ полуосѣдлый или просто кочующій по городамъ и поселкамъ. Но, какъ государственное хозяйство польской Рѣчи Посполитой не имѣло московской централизаціи, то обычай здѣсь обращался въ право, и козаки, собираясь въ купы, соотвѣтственныя шляхетскимъ конфедераціямъ, шумѣли о своихъ давнихъ правахъ, „наданныхъ" имъ будто бы прежними королями, но нигдѣ не засвидѣтельствованныхъ документально. Этого нельзя не было дѣлать козакамъ украинъ московскихъ, и потому они постоянно проживали среди „хохлачей", промышляя съ ними и по ту и по сю сторону польскотурецкаго рубежа. Такъ точно и польскіе козаки, въ случаѣ кровавой ссоры съ панами, удалялись въ донскія пустыни и проживали тамъ по многу лѣтъ, какъ у себя дома. И тамъ и здѣсь козачество боролось по мѣрѣ своихъ силъ съ гражданственностію, пока на конецъ въ Польшѣ подавило силу гражданственности, а въ Москвѣ—подчинилось ей. Имѣя это въ виду, мы должны воображать себѣ демаркаціонную линію между козацкимъ краемъ и панскими влостями не иначе, какъ въ смыслѣ культурномъ, хозяйственномъ, экономическомъ. Гдѣ проживали козаки, тамъ было невозможно правильное хозяйство. Гдѣ паны правильно хозяйничали, тамъ не могла быть терпима козацкая номадная жизнь. Отъ этого козачество, процвѣтавшее во времена князя Рожинскаго на Днѣстрѣ и еще при Наливайкѣ гнѣздившееся въ Брацлавлѣ, послѣ солоницкаго побоища подвинулось къ Днѣпру, а мѣста первыхъ подвиговъ Косинскаго, Лободы и Наливайка уступили панскимъ хозяйствамъ. Только подъ хоругвями коронныхъ гетмановъ появлялись козаки у Бара, Винницы, Брацлова, Каменца, или на берегахъ Днѣстра. Распущенные по домамъ, они шли въ древнія печенѣжскія да половецкия займища и жили тамъ своимъ непрогрессивнымъ бытомъ до тѣхъ поръ, пока ихъ накоплялась такая масса, что они смѣло вторгались въ предѣлы землевладѣльческой культуры.

Такъ было въ 1625 и 1630 годахъ. Въ 1625 году Конецпольскій вытѣснилъ ихъ въ пустыя мѣста, гналъ до Кременчука, и на урочищѣ Медвѣжьи Лозы принудилъ отказаться отъ своихъ притязаній. Въ числѣ шести тысячъ человѣкъ, подначальныхъ коронымъ властямъ, козаки могли быть терпимы Рѣчью Посполитою и слу-

жили ей удобнымъ по дешевизнѣ содержанія войскомъ для охраненія границъ. Но козакамъ, имѣвшимъ въ своихъ кадрахъ озлобленную или обѣднѣвшую шляхту, хотѣлось разрушить существовавшій въ Польшѣ порядокъ вещей. Козаки, привлекая въ свои купы все своевольное въ Рѣчи Посполитой, стремились къ идеалу, достигнутому крымскими татарами, у которыхъ каждый былъ козакъ, кто не хотѣлъ пахать земли или заниматься промыслами и торговлею. Болѣе развитая граждански часть польскорусскаго общества принуждена была снова указать имъ границы, соотвѣтствовавшія государственному строю Рѣчи Посполитой или лучше сказать—польскому государственному хозяйству.

Въ числѣ условій, предписанныхъ побѣдителями на Медвѣжьихъ Лозахъ, было избраніе козацкаго *старшаго* по указанію короннаго гетмана. Старшимъ надъ козаками поставленъ былъ Грицько Савичъ Чорный. Но положеніе такихъ избранниковъ было непрочное. Заключенный побѣжденными козаками договоръ съ правительствомъ не имѣлъ своей силы на Запорожьѣ, куда свободно пріѣзжалъ полякъ, московскій сѣверянинъ, донецъ, армянинъ, грекъ, турокъ и всякой иной національности человѣкъ, какъ на нейтральную почву, и все это голодное, дерзкое озлобленное, о томъ только и думало, какъ бы поживиться на счетъ людей работящихъ и промышленныхъ. Украинскіе козаки, приведенные дома въ согласіе съ требованіями государственной жизни, отъ общенія съ запорожскими бурлаками снова набирались духа отрицанія, или же уступали ихъ террору, и въ такихъ случаяхъ договоръ, утвержденный ихъ клятвою, терялъ для нихъ обязательное значеніе. Сравнительно только немногіе оставались на сторонѣ правительства и вмѣстѣ съ нимъ старались отразить козацкую голоту.

Такъ именно случилось послѣ военной транзакціи на Медвѣжьихъ Лозахъ. Нѣкто Тарасъ Ѳедоровичъ явился за Порогами во главѣ тѣхъ, которые воображали, что можно во вѣки жить партизанскою войною да грабежемъ, объявилъ договоръ съ Конецпольскимъ недѣйствительнымъ, вывелъ козаковъ на влости, схватилъ и казнилъ Грицька Савича-Чорнаго, а мирныхъ жителей заставилъ кормить и содержать сорокатысячную козацкую орду. Это былъ пер-

вый актъ его патріотической дѣятельности. Вторымъ актомъ было снаряженіе козаковъ, на счетъ королевскихъ и панскихъ подданныхъ, въ морской походъ и грабежъ черноморскихъ побережьевъ.

Если была возможность для пановъ сносить хозяйничанье козаковъ у себя въ имѣніяхъ, то никакъ не должны были опи терпѣть, чтобы козаки своими экскурсіями навлекали на нихъ убыточную и опасную турецкую войну. Надобно было обуздать козаковъ такимъ образомъ, чтобы турки успокоились на счетъ повторенія экскурсіи. И вотъ русскіе землевладѣльцы присоединяютъ свои ополченія къ войску короннаго гетмана и идутъ въ Украину съ цѣлью ограничить число козаковъ, разогнать ихъ мятежныя купы, сжечь ихъ походныя лодки. Козаки принимаютъ противъ этого свои мѣры: они распространяютъ въ народѣ слухъ, что ляхи идутъ на козаковъ для того, чтобы, уменьшивъ и обезсиливъ ихъ, обратить православные церкви и монастыри въ уніятскіе. Слѣдствіемъ этого было такое положеніе дѣлъ, что одинъ и тотъ же монастырь, съ своими хозяйственными заведеніями, подвергался сперва нашествію козаковъ, какъ защитниковъ православія, а потомъ въ него вторгались коронныя и панскія хоругви, какъ преслѣдователи бунтовщиковъ. Монахи не знали, какъ имъ быть съ своими защитниками, и какъ оправдаться въ неприкосновенности къ козацкому бунту передъ коронными властями. Въ такомъ именно положеніи, по разсказу Кальнофойскаго („Тератургима", стр. 318), находился самъ Петръ Могила, въ качествѣ архимандрита Печерскаго монастыря.

Въ договорѣ своемъ съ козаками Конецпольскій упрекаетъ ихъ, что они „однихъ насильно принудили (къ бунту), другихъ подъ предлогомъ ламанья вѣры, которой никто не трогалъ, привлекли (въ свои купы)". Эти отрывочныя слова, вполнѣ понятныя тѣмъ, къ кому были обращены, говорятъ намъ, что козакамъ было такъ же необходимо прикрываться религіознымъ движеніемъ, какъ духовенству и мѣщанамъ—твердить о козацкой ревности къ дѣлу вѣры. Во всякомъ случаѣ, представляемый документъ показываетъ, что козакамъ ихъ агитація не удалась, и этимъ объясняется, почему въ послѣдующихъ козакошляхетскихъ войнахъ 1637 и 1638 годовъ вопросъ о вѣрѣ изчезаетъ, и выступаетъ одно толь-

ко стремленіе жить въ панскихъ имѣніяхъ на счетъ людей, не принадлежащихъ къ козацкому войску.

Документъ этотъ интересенъ еще и въ томъ отношеніи, что опровергаетъ торжество надъ коронным войскомъ, приписываемое лѣтописями козакамъ, вѣроятно, на основаніи ихъ собственныхъ разсказовъ. Конецпольскій относится въ немъ къ Запорожскому Войску тономъ побѣдителя. Онъ говоритъ, что пощадилъ бунтовщиковъ только ради ихъ товарищей, которые остались вѣрны королю и сражались противъ нихъ подъ его знаменемъ. Всю вину бунта взваливалъ онъ на Тараса Ѳедоровича, но имѣлъ свои причины не настаивать лично на выдачѣ демагога, хотя, какъ сказано въ договорѣ, козаки не сопротивлялись этому требованію. Они только представляли, что предводитель ихъ исполнялъ то, чего хотѣло войско. Какъ вѣрные королю козаки, такъ и тѣ, которые были приведены къ покорности вооруженною силою, усердно просили короннаго гетмана оставить Тараса Ѳедоровича у нихъ въ рукахъ до королевскаго отвѣта на ихъ о немъ ходатайство. Каково бы ни было рѣшеніе короля, они обязывались немедленно привести его въ исполненіе, и коронный гетманъ снизошелъ къ ихъ покорной просьбѣ.

Договоръ, заключенный Конецпольскимъ въ 1625 году, подтвержденъ настоящимъ актомъ во всей его силѣ. Послѣдовало формальное примиреніе между козаками, сражавшимися въ противоположныхъ лагеряхъ, съ тѣмъ чтобы не поминать другъ другу зломъ за политическое столкновеніе. *Старшимъ* сдѣланъ на сей разъ какой то Тимонъ Михаловичъ, очевидно шляхтичъ. Перечисленные въ документѣ имена депутатовъ правительственной партіи въ козацкомъ войскѣ не оставляютъ сомнѣнія въ ихъ шляхетскомъ происхожденіи. Этимъ, какъ и другими обстоятельствами козацкаго вопроса, опровергаются тѣ изслѣдователи, которые козаковъ представляли вооруженными делегатами русскаго крестьянства, домогавшагося у шляхты личной свободы. Изъ какого бы класса ни происходилъ козакъ, онъ прежде всего отрицалъ свою солидарность съ тѣмъ классомъ. Еслибъ этого не было, то не для чего было бы человѣку дѣлаться и козакомъ. Козацкій элементъ былъ отрицаніемъ всего, что стѣсняло человѣка въ его дикихъ инстинк-

тахъ: отрицаніемъ начала семейнаго; отрицаніемъ начала общественнаго; отрицаніемъ начала государственнаго.. Это былъ элементъ, по преимуществу разрушительный и ни въ какомъ отношеніи не созидательный. Одна только мечтательная тенденціозность, вопреки исторической послѣдовательности явленій, возвела у насъ козака въ передовые борцы за темныя массы, и изъ тормаза гражданственности превратила его въ двигателя страны своей къ какому то высшему строю.

PACTA ST. KONIECPOLSKIEGO Z KOZAKI ZAPOR.

Acz nie ladaiako iest urazony Maiestat J° KMci Pana naszego Młci° y wszytka Rzepta od woyska Zaporoskiego, przez Tarasa na włosci wywiedzionego, ktory przeciwiaiac sie woley Je°KMci y wyrazney Commissiey Kurakowskiey, Czarnego Hricka Sawicza, Woysku Zap. za Starszego danego od Je°KMci, nie tylko za starszego nie przyieli, ale go niespodziewanie zbiezawszy y poimawszy, okrutnie zamordowali. Cisz przesłego roku, wypadszy na morze Czarne, wielkie w Panstwach Tureckich poczynieli szkody——Cisz iednych gwaltem przymusili, drugich praetextem lamania wiary, w ktorey siei krzywda zadna nikomu sie nie dziala, zwabili, na Choragwie Je°KMc na stanowiskach bedacych nastepowali——Iednak——dali się bydcz winnemi, czestokroc, tak przez listy, iako i posly swoie o milosierdzie prószac unizenie supplikowali. Do tego——niezycac, aby inne woyska Zaporoskiego, ktorych nie mala część statecznie w wierze swey w posluszenstwie przy Woysku Je°KMci trwala, y ktore tak wiele razy na przysluge Je°KMci y Rzptey na dobrą slawę zarobilo, ginac mialo——wszytkim teraznieyszą odpuszczam winę, takim iednak sposobem. Poniewaz wszyscy sie bydcz winnemi mianuią y wszyscy odpuszczenia winni takowe krwie rozlanie y takie ktore odniesli szkody za sluszne karanie przyimuiąc, proszą; iednák, isz się pokazuie Taras Fedorowic, ktory był na ten czas glową ich, między wszytkiemi nawinnieyszym, y za ktorego powodem y imieniem té wszytkie zbrodnie dziac się poczely, nie wzbraniali się owego, iednaiąc sobie laskę Je°KMci, wydac; lecz, maiąc iescze w milosierdziu J°KMci nadzieie zupelną, ze iako onym te wine przes mię odpuscza, tak y

temu, ktory to czynic musial, co Woysko chciało, młciwie odpusci, prosili aby do dalszey Je^oKMci woley w ręku ich w segwestrze był zatrzymany. Czegom im, za gorącym oboyga Woyski prozbami, pozwolil, z tym dokladem, ze iako pretko w mierze wola Je^oKMci przydzie, oney zaraz we wszytkim skutecznie zaraz czynic maią dosic, na co się obbigowali. Commissia Kurakowska aby we wszytkich Punctach nienaruszeuie trwala y we wszytkim się iey dosyc dzialo——tych ktorzy teraz, mimo zakazy Je^oKMci y mimo wolą starszych, na morze posli, surowo karac, Pryncipalow Je^oKMci wydac, czołny popalic declarowali się. Tych z Woyska Je^oKMci Zap. ktorzy wiary y cznoty swey statecznie przy Woysku stoiąc Je^oKMci dotrzymali y na ktorych zaslugi respectuiąc roznym milosierdzie pokazuie się, aby w poszanowauiu mieli y, zapomniawszy teraz zobopolnych krzywd, w zgodzie y milosci, iako y przed tym, spolnie na łaske, Je^oKMci za rabiaiąc, zyli——takę przysiege oddali.

My Lewko Butr z Kaniowa, Lewko Prabnowski Kalennik z Czerkas, Hambura z Korszunia, Soroka Iwan z Zolnina, Fedor Prala z Czerkas, Kułacha Iwan z Kaniowa, na porownanie z towarzistwem naszym wybrani Towarzystwa Woyska Zap. Je^oKMci, pod Regimentem Antoua Butsa na ten czas będocemu, imieniem wszytkich przysięgamy——bedąc z Towarzysfwem swym w rozroznieniu na ten czas ziednoczeni, wszytkte urazy nasze Towarzystwu przy Je^oKMci będącemu odpusciwszy, iako y przed tym, bez wszelakiey nagany y bratersko zawsze na slawę y przyslugę Je^oKMci robieli, y teraz——niiakich przymowek y przykrosci mędzy sobą czynic niemamy. A na kogo by się co takiego słusznie pokazało——aby kozdy taki na gardle bez folgi był karany.

Ci zas, co przy Woysku Je^oKMci byli, w tenze sposob przez wybranych od siebie Wasyla Sokołka z Czerkas, Konstantego Wołka z Czerkas, Alexandra Switnickiego z Czerkas, Papkowskego z Korszsunia, Mikołaia Mannilenka z Steblowa, Stanisława Jabłonskego z Lubien, Fiłona z Pereasławia, Hawryła Kałusczenka z Pereasławia, Zachariasza z Tacholina, Iwana Turowca z Korszunia, Fedora Babiczenka z Steblowa, przysięgli w ten sposob.

——A isz niektorych z Woyska Zap. dobrze zasłuzonych za nieposłuszenstwo tey przeszłey zimy z Regestru wypisano, a mniey spo-

sobnych na to mieysce włozono,—odpusciwszy im rozne winy imieniem Je^{o}KMci, w liczbe kozakow, iako y przed tym, bierze się. A iesliby smiercią uplenilo się co liczby tey kurakowskiey naznaczoney, przy braniu pieniędzy zeslą się tacy, ktorzy znioszy się z Starszemi Woyska Zap., na mieysce zmarłych sposobnych do woyny wpiszą. Teraz iednak zaden co w regestrze nie iest nie ma się do Woyska Je^{o}KMci, w Regestrze y słuzbie będączego, wiązac y wszyscy ci, ktorych się tak wielka gromada skupiła, nazad się do domow swych rozeysc się powinni, ktorym od Woyska Je^{o}KMci bespieczenstwo obiecuie.

Pana Tymosza Michalowica maiąc oswiadozoną cnote, męstwo y w sprawach Rycerskich biegłoscz, wszytkiemu Woysku Zap. imieniem Je^{o}KM za starszego podaię.

Присяга старшаго:

——Tym ktorzy w słuzbie Je^{o}KMci niebędą na Zaporoze chodzic bronic będę; na zadne kupy ani na ochotnika, ani z regestru wypisanych wołac y kupic przes woli Je^{e}KMci nie będę, y owszem takich karac——obowięzuie się.

Присяга всего войска.

——czolny wszytkie morskie popalic; niebędących w słuzbie Rzptey, tak na Zaporoze iako y na włosci do siebie bez woli Je^{o}KMci nie łącyc.——

Na co tedy wszytko, dla lepszey pewnosci, to pismo, ktore się Woysku Zap. daie, podpisuię przy zwyczayney Je^{o}Mci P. Hetmana ręką swą pieczęci. To zas, co się od Woyska Zapor. bierze, przy woyskowey pieczęci podpisuią, imieniem Starszego Woyska Je^{o}KMci Zap. P. Tymosza Michalowicza, Jan Bączynski, Michał Minkowski, y Pisarzs Woyskowy, co dła wieczney pamięci tak do Metryki iako y do Xiąg Kiiowskich, wwiedziono bydcz ma.

Dzialo się w Obozie pod Pereaslawem die 8 (?) Iuniy A^{o}Dni 1630.

XXIII.

ВѢСТИ ПУТИВЛЬЦА ГЛАДКАГО

о козакошляхетской войнѣ 1630 года.

Мы обладаемъ теперь тремя свидѣтельствами о войнѣ, которой молва современниковъ и фантазія нашего вѣка придали невѣрный характеръ и несоотвѣтственное значеніе: первое представляетъ Львовская Лѣтопись, писанная однимъ изъ червоннорусскихъ священниковъ, странствовавшихъ въ эпоху самой войны по украинскимъ монастырямъ; другое находимъ въ договорѣ Конецпольскаго съ козаками; третье извлечено изъ современныхъ сношеній московскаго царя съ его пограничными воеводами.

Путивлецъ, боярскій сынъ Григорій Гладкій, былъ, такъ сказать, присяжный развѣдчикъ всего, что интересовало Москву въ Польскомъ государствѣ. Главнымъ источникомъ добываемыхъ имъ вѣстей служилъ кіевскій митрополитъ Іовъ Борецкій. Настоящій документъ показываетъ, что знаменитый іерархъ былъ постоянно au courant всего, что происходило на пространствѣ между днѣпровскими Порогами и Варшавою. У него были въ распоряженіи люди, которыхъ онъ посылалъ въ глубину королевства для освѣдомленія о положеніи дѣлъ въ правительственной средѣ. При немъ постоянно находились запорожскіе козаки въ качествѣ разсыльныхъ, а можетъ быть и тѣлохранителей, какъ это водилось тогда даже и у такихъ лицъ, которыя вели войны съ козаками. Одного запорожца, Ивана Микитенка, постоянно проживавшаго у него въ монастырѣ, онъ отправилъ съ своимъ сыномъ на службу къ московскому царю. (См. выше стр. 300.) Наконецъ, Іовъ Борецкій, присутствовалъ иногда въ козацкихъ радахъ, какъ объ этомъ упоминаетъ Григорій Гладкій.

Слѣдовало бы ожидать отъ Борецкаго какой нибудь агитаціи въ пользу войны козаковъ съ короннымъ войскомъ, которое и современный лѣтописецъ, и народная молва дѣлали орудіемъ „яровитаго католика" Сигизмунда III по отношенію къ засѣвшей въ Украинѣ схизмѣ. И кому бы, какъ не царскому развѣдчику, ука-

зать въ своемъ донесеніи на эту черту дѣятельности Борецкаго? Скажу болѣе: кому бы, какъ не Борецкому, стремившемуся со всѣми единомышленниками своими къ центру русскаго міра, Москвѣ, подохочивать козаковъ къ возстанію противъ короля, о которомъ онъ въ своей челобитной къ царю (см. выше стр. 135) писалъ, что онъ царствуетъ надъ русью только попущеніемъ Божіимъ? Къ удивленію нашему, ничего подобнаго въ дѣятельности Іова изъ самыхъ секретныхъ и постороннихъ ему сообщеній мы не усматриваемъ.

Но удивленіе наше тотъ часъ прекращается, лишь только мы вспомнимъ о характерѣ православія, которое, въ достойныхъ представителяхъ своихъ, не допускало и мысли, чтобы церковь могла быть поддержана кровавымъ оружіемъ. Въ этой особенности заключается неизмѣримое превосходство его передъ католичествомъ. „Совѣтованіе о Благочестіи" можно назвать знаменемъ, на которомъ было написано: „Симъ побѣдиши". Это коллективное твореніе лучшихъ православныхъ людей, это высоко-христіанское произведеніе нашихъ геніевъ сердца, было противопоставлено ими папскимъ булламъ, которыя побуждали короля къ истребительнымъ дѣйствіямъ въ Кіевской землѣ и проклинали тѣхъ, „кто удержитъ свой мечъ отъ крови". (Ист. Возс. Р. т. III, Стр. 71.) Въ немъ поставлялось правиломъ для духовныхъ защитниковъ церкви: „возбуждать и приготовлять къ святому мученичеству, какъ самихъ себя, воспоминая слова Христовы: пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы, такъ и сердца народа, и чтобы съ радостію переносили расхищеніе и разграбленіе своихъ имуществъ, и терпѣли бы, какъ за вины, притѣсненія отъ властей, а также и оковы, наконецъ, охотно, мученически принимали всякую смерть, по примѣру Господа".

Подобная инструкція, составленная совѣтователями о благочестіи, была немыслима для папы. Онъ воображалъ *себя* на мѣстѣ православныхъ іерарховъ среди готоваго къ бою и грабежу козачества. Онъ писалъ съ увѣренностію, что греческая схизма „хитро прокралась въ козацкія рады и вооружилась силами храбрѣйшихъ воиновъ на защиту дѣла Сатаны". Прямодушіе требуетъ сказать, что мы, въ свою очередь, мы, занимавшіеся исторіею борьбы

православія съ уніею,—воображая *себя* на мѣстѣ Іова Борецкаго, въ ревности своей къ отеческой вѣрѣ, низводили лучшаго изъ представителей южной руси до уровня католическихъ апостоловъ, послѣдователей раба Малха. Іовъ Борецкій, воспитанный преданіями православія, стоялъ выше *нашего* идеала. Онъ всю надежду относительно вѣры возлагалъ на такіе духовные подвиги, какими православная вѣра утвердилась и на Востокѣ и въ самой родинѣ его, на Днѣпрѣ и Днѣстрѣ. „Совѣтованіе о Благочестіи", это зеркало апостольскаго духа его, заключено слѣдующими словами: „Такими поступками, и выдумки, которыя на насъ изобрѣтаютъ, и тираннія, и унія будутъ уничтожены, лишь бы все это исполнять не словами, а самимъ дѣломъ".

Имѣя это въ виду, мы согласимъ по видимому несогласимое въ свидѣтельствахъ современниковъ и даже очевидцевъ украинскаго междоусобія 1630 года. Іюля 26 монахи Прилуцкаго и Печерскаго монастырей говорили путивльскимъ воеводамъ: что кіевскій митрополитъ Іовъ Борецкій бѣжалъ изъ Кіева отъ поляковъ въ козацкій Трахтомировскій монастырь, такъ какъ польскіе паны готовятся къ посполитому рушенію на козаковъ, чтобъ всѣхъ ихъ уничтожить, а христіянскую вѣру разорить и во всей Польшѣ и Литвѣ учинить одну римскую вѣру (см. выше стр. 297). Августа 4 (см. ниже, стр. 316) путивлецъ Гладкій доносилъ тѣмъ же воеводамъ: что прибывши съ братомъ Іова Борецкаго, Андреемъ, въ Кіевъ послѣ мира, заключеннаго козаками съ Конецпольскимъ, не засталъ онъ Іова Борецкаго въ Кіевѣ: „съѣхалъ де онъ до ихъ пріѣзду въ Черкасы". Ѣдетъ Гладкій съ Андреемъ Борецкимъ въ Черкасы къ митрополиту; застаютъ въ Черкасахъ козацкую раду; въ радѣ присутствуетъ и митрополитъ. Упомянувъ объ этомъ, царскій вѣстовщикъ не сказалъ больше ни слова о присутствіи Іова Борецкаго въ козацкомъ собраніи. Если бы греческая схизма, какъ писалъ папа, хитро прокралась въ козацкія рады для того, чтобы вооружиться силами храбрѣйшихъ воиновъ, то Григорію Гладкому было бы о чемъ донести путивльскимъ воеводамъ. Молчаніе его въ самомъ интересномъ для насъ (съ извѣстной точки зрѣнія) мѣстѣ показываетъ, что Іовъ Борецкій былъ среди козаковъ такимъ же тихимъ слушателемъ ихъ

толковъ, какимъ былъ преподобный Антоній среди варяговъ, которые тоже были храбрѣйшіе воины, и которыхъ уединенный инокъ умѣлъ покорять своему высшему взгляду на вещи. Для милостыни на церковное строеніе ѣздилъ Іовъ Борецкій въ козацкія собранія, сказано въ другомъ современномъ извѣстіи, и это было въ его положеніи совершенно естественно. Кромѣ того, ему въ Кіевѣ угрожала еще большая опасность, чѣмъ Петру Могилѣ (см. въ III т. Ист. Возс. Р. стр. 102, примѣчаніе). Не впервые долженъ былъ онъ вспомнить реченное: „укрыйтеся въ малѣ, дондеже мимо идетъ гнѣвъ“, какъ писалъ онъ къ царю шесть лѣтъ тому назадъ (см. выше стр. 136), и если проектировалъ въ „Совѣтованіи о Благочестіи“ учредить епископскую каѳедру въ Черкасахъ, то ужъ никакъ не для предводительства козацкими купами. Іерархи наши не только не благословляли козацкихъ предводителей на борьбу съ коронным войскомъ, напротивъ посылали къ нимъ игуменовъ съ увѣщаніемъ распустить козаковъ по домамъ. При извѣстіи о первыхъ побѣдахъ Хмельницкаго, высшее духовенство православное бѣжало изъ Кіева, такъ же какъ и католическое. Сильвестръ Коссовъ подчинился диктатурѣ Хмѣльницкаго и вступилъ съ нимъ въ совѣщанія, очевидно, избирая меньшее изъ золъ. Это явствуетъ изъ „Синопсиса“ Иннокентія Гизеля, въ которомъ поименованы князья варяги, князья литвины, польскіе короли и даже кіевскіе воеводы, въ томъ числѣ католики Жовковскій, Замойскій, Тишкевичъ, но пройдены молчаніемъ всѣ козацкіе гетманы, какъ будто ихъ и не бывало. Іовъ Борецкій служилъ царю московскому своими сообщеніями, готовъ былъ перейти подъ его руку со всею Малою Россіею; онъ направлялъ козацкое оружіе на враговъ св. креста; но чтобы употребить его для междоусобной брани, для этого надобно было бы ему быть римскимъ католикомъ.

Въ устахъ Григорія Гладкаго, сопутствовавшаго брату митрополита, козацкій вопросъ 1630 года является очищеннымъ отъ вымысловъ молвы, которую монахи ловили и передавали въ Москву безъ всякой повѣрки. Этотъ вѣстовщикъ, сидѣвшій въ переяславской осадѣ, донесъ пограничнымъ воеводамъ, что Конецпольскій приходилъ на козаковъ войною за ихъ непослушаніе, за морскіе походы и за то, что они убили поставленнаго имъ гетмана

Григорія Чорнаго. По возвращеніи изъ Черкасъ въ Кіевъ, тотъ же вѣстовщикъ встрѣчается съ разными „литовскими людьми", и они сообщаютъ ему, что „большой умыселъ у поляковъ на черкасъ, чтобы имъ черкасъ побить и церкви разорить". Но онъ получилъ на отъѣздѣ отъ Іова Борецкаго тринадцать писемъ въ Москву, и ни въ его письмахъ, ни въ какихъ либо изъ дошедшихъ до насъ его сообщеній,козаки не стоятъ между короннымъ войскомъ и православными церквями.

Обратимъ теперь вниманіе на составъ и характеръ козацкаго войска, сражавшагося противъ Конецпольскаго въ 1630 году. „Лучшіе люди" изъ числа козаковъ дѣйствовали за одно съ короннымъ войскомъ и составляли вмѣстѣ съ нимъ 8.000 воиновъ. Противъ этихъ восьми тысячъ сражалось 37.000 своевольныхъ козаковъ. По разсказу Гладкаго, сидѣвшаго съ ними въ осадѣ, козаки побивали поляковъ во многихъ бояхъ, а въ послѣднемъ бою взяли у Конецпольскаго нарядъ, побили множество поляковъ, отняли у польскаго войска переправы на Днѣпрѣ и сожгли паромы на переправахъ. Все это слышитъ сидящій въ осадѣ путивлецъ; потомъ объявляютъ ему, что Конецпольскій съ козаками помирился, но условія мира остаются ему совершенно неизвѣстны. Между тѣмъ побѣдители принимаютъ изъ руки побѣжденнаго новаго гетмана на мѣсто того, котораго они убили, какъ врага общихъ интересовъ, а ихъ предводитель очутился во власти короля. Очевидно, что толпа взбунтованной добычниками черни шумѣла о своихъ подвигахъ для ободренія своихъ сообщниковъ, а ея коноводы приняли мѣры, чтобъ царскій вѣстовщикъ не зналъ, во первыхъ, того, какъ ничтожна ихъ сила противъ хорошо вооруженнаго, опытнаго въ бояхъ польско-нѣмецко-козацкаго войска, а во вторыхъ того, что договоромъ эти 37.000 козацкой голоты остались ни при чемъ, такъ какъ побѣдитель призналъ козаками всего 6.000 человѣкъ. Іовъ Борецкій былъ въ радѣ. Но изъ кого состояла рада? Она состояла именно изъ тѣхъ, которые сражались подъ знаменами Конецпольскаго и взялись исключить изъ своего состава голоту, ухватившуюся за вѣру, какъ за надежное знамя бунта. Въ черкасской радѣ по этому самому не могло быть рѣчи о вѣрѣ; цѣль ея состояла въ перебраковкѣ козацкаго войска.

Митрополитъ имѣлъ въ ней значеніе только сдерживателя грубыхъ дракъ, которыми обыкновенно сопрокождались козацкія вѣча, и потому Гладкому нечего было сообщить о немъ въ Путивлѣ. Такъ разрушается иллюзія дикаго украинскаго патріотизма, создавшаго и разукрасившаго Тарасову Ночь. Такъ разрушается и созданіе еще болѣе дикаго православничанья, которое ученымъ якобы образомъ низводило Іова Борецкаго до уровня грубаго демагога.

Но вотъ реляція путивльца Гладкаго:

Государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русиі холопи твои Ондрюшка Литвиновъ Мосальской, Игнашка Уваровъ челомъ бьютъ.

Нынешнего, государь, 138 года августа въ 4 день пріѣхалъ въ Путивль изъ Литовской земли исъ Киева путивлецъ сынъ боярской Григорей Гладкой, а въ роспросе намъ холопемъ твоимъ сказалъ, что въ нынешнемъ, государь, во 138 году, предъ Вознесеньевымъ днемъ, послали дѣ ево Григорья исъ Путивля воеводы Михайла Бутурлинъ да Володимеръ Ляпуновъ въ Литовскую землю въ Киевъ къ митрополиту киевскому къ Иеву Борѣцкому зъ братомъ ево съ Ондрѣемъ Борѣцкимъ; и какъ дѣ онъ Григорей исъ Путивля поѣхалъ въ Киевъ, а гетманъ де Конѣцъ Польской съ польскими людьми перешолъ на сю сторону Днепра преже ихъ и сталъ обозомъ подъ Переясловлемъ, и ему де Григорью отъ польскихъ людей проѣхать было въ Киевъ къ митрополиту въ тѣ поры нѣмошно, и онъ дѣ Григорей съ митрополичемъ братомъ съ Ондрѣемъ проѣхали къ черкасомъ въ Переясловль къ гетману и ко всему войску запорозскому. И сидѣли дѣ онѣ въ Переясловли, съ черкасы въ осадѣ отъ польскихъ людѣй три недѣли, и у польскихъ де, государь, людей съ черкасы въ тѣ три недѣли бои бывали многие, и на техъ де боехъ черкасы поляковъ побивали, а на последнемъ дѣ, государь, бою черкасы у гетмана Конецъ Польского въ обозе нарядъ взяли, и многихъ поляковъ въ обозе побили, и перевозы по Днепру отнели, и поромы по перевозомъ пожгли. И после де тово бою гетманъ Конецъ Польской съ черкасы помирился.

А приходилъ дѣ онъ генманъ Конецъ Польской на нихъ черкасъ войною за ихъ непослушанья, что оне черкасы самоволь-

ствомъ ходятъ изъ Запорогъ моремъ подъ Турского городы войною, а которого дѣ онъ преже тово гетмана Гришку Чорного далъ имъ во все войска на гетманство, и оне де черкасы тово даново гетмана Гришку войскамъ убили.

И помиряся дѣ онъ гетманъ Конецъ Польской съ черкасы, и выбралъ имъ изъ нихъ же черкасъ иново гетмана, каневца Тимоху Арандаренка, и пошолъ въ Польшу. А о чомъ де у нихъ на миру договоръ былъ, про то онъ не вѣдаетъ. А было дѣ, государь, съ нимъ гетманомъ польскихъ и немецкихъ людѣй и черкасъ лутчихъ людей, которые отъ черкасъ пристали къ нимъ полякомъ восемъ тысечь, а черкасъ дѣ въ зборе противъ ево гетмана было тритцать семъ тысечь.

И какъ дѣ, государь, гетманъ пошолъ отъ Переясловля въ Польшу, а черкаской дѣ гетманъ Тимоха поѣхалъ исъ Переясловля въ городъ Черкасы, и онъ дѣ Григорей после тово съ митропалитскимъ братомъ съ Ондрѣемъ поехали въ Киевъ. І въ Киеве дѣ онѣ митропалита Иева Борѣцкого не заѣхали: съехалъ дѣ онъ до ихъ приезду въ Черкасы. И онъ дѣ Григорей съ темъ же митропаличимъ братомъ съ Ондрѣемъ поѣхали исъ Киева въ городъ Черкасы къ нему митропалиту къ Иеву Борѣцкому. И какъ дѣ, государь, приѣхоли онѣ въ Черкасы, і въ Черкасехъ дѣ у гетмана черкаского съ черкасы была рада, а митропалитъ дѣ киевской Иевъ Борецкой въ той раде былъ. А рада дѣ, государь, у черкасъ была о томъ, что приходили дѣ на нихъ гетманъ Конецъ Польской и многие дѣ ихъ черкаские городы повоевалъ и жонъ ихъ и дѣтей пожогъ, и животы ихъ поималъ, и онѣ дѣ для того съ тое рады, выбравъ дву человѣкъ черкасъ, послали хъ королю, а пяти человѣхъ выбравъ, послали съ ними жъ въ Польшу провѣдыватъ вестей, что у поляковъ после тово бою на нихъ черкасъ какое умышленье будетъ.

А поляки дѣ, государь, после того бою, пришедъ въ Польшу, стали около Львова и около Бару для приходу крымъскихъ людѣй, что дѣ въ ихъ польскую землю пришли войною крымъские люди. А черкасы дѣ после бою жъ разошлись по городомъ.

И после дѣ, государь, той черкаской рады митропалитъ киевской Иевъ Борецкой приѣхолъ въ Киевъ, а онъ де Григорей приѣхолъ

съ нимо же въ Киевъ; и держалъ дѣ его Григорья митропалитъ въ Киеве для тово, что ево отпустить было не съ чимъ: вѣстей никакихъ не было. И будучи, онъ Григорей въ Киевѣ, слышелъ отъ литовскихъ людѣй, что де турской царь прислалъ въ Польскую землю хъ королю посланца своего, а о чомъ дѣ прислалъ, про то онъ нѣ ведаетъ.

Да онъ же Григорѣй сказалъ: слышелъ дѣ онъ въ Киеве отъ многихъ литовскихъ людѣй, что де въ польской земли по многимъ городомъ разосланы листы, для тово чтобы паны рада съ езжались въ Оршаву на соймъ выбирать короля на королевство, а король дѣ лежитъ въ рослабленье. И паны дѣ радные лутчие люди все хотятъ на королевство выбрать королѣвича Владислава, а духовной чинъ хотятъ на королевство выбрать меншого королевича Козимера.

И для дѣ, государь, тово сойму митрополитъ киевской Иевъ Борецкой послалъ исъ Киева въ Оршаву для провѣдыванья всякихъ вестѣй и ково Польшею оберутъ на королевство королемъ, и что дѣ онъ съ сойму провѣдаетъ вестѣй, и ково оберутъ королемъ, и онъ дѣ митрополитъ съ тѣмъ пришлетъ въ Путивль брата своего Ондрѣя; и съ тѣмъ дѣ братомъ ево присланы будутъ въ Путивль посланцы отъ гетмана черкаского и ото всего Войска Запорожского бить челомъ тебѣ государю и о своихъ нужахъ.

Да онъ же Григорей сказалъ намъ холопемъ твоимъ: Говорятъ дѣ литовские люди, что большой де умыслъ у поляковъ на черкасъ, чтобы имъ черкасъ побить и церкви разорить.

А какъ дѣ, государь, отпущаючи ево Григорья исъ Киева митрополитъ киевской Иевъ Борѣцкой, и онъ дѣ далъ ему Григорью тринатцать листовъ, и тѣ листы онъ Григорей, приѣхавъ въ Путивль, отдалъ намъ холопемъ твоимъ: два листа, за глухими печатьми, подписаны къ тебѣ государю царю і великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русиі и къ отцу твоему великому государю светейшему патриарху Ѳиларѣту Никитичю московскому і всеа Русиі; одинъ дѣ листъ киевского митрополита Иева Борецкого, а другой листъ печерского монастыря архимарита Петра Могилы, да два листа, одинъ за отворчетою печатью, писанъ по польски, а другой листъ безъ печати писанъ поль-

скимъ же письмомъ. И въ Путивле, государь, польского письма прочесть нѣкому, а сказалъ онъ Григорей намъ холопемъ твоимъ, что сказывалъ дѣ ему Григорью про тѣ листы митрополитъ Іевъ Борецкой, что тѣ листы присланы исъ Польши для сойму. Да дѣвять, государь, листовъ посыльныхъ, за глухими печатьми; три листа подписаны грѣческимъ письмомъ. А сказалъ онъ же Григорей: одинъ листъ къ селунскому митрополиту Поисею, а другой къ верейскому митрополиту Авѣркею, а трѣтей къ Василью Горжбоку; да три листа подписаны суздальскому архиепископу Іосиѳу, а листъ подписанъ Переславля Залеского Никитцкого монастыря игумену Ѳѳанасью, да листъ подписанъ игумену Генадию, да листъ подписанъ же ко Іосиѳу протосингилу. И мы холопи твои тѣ все тринатцать листовъ запечатовъ послали, къ тебѣ государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіі съ сею отпискою вмѣсте съ нимъ же Григорьемъ Гладкимъ, а велѣли ему отписку и листы подать въ посольскомъ приказе твоимъ государевымъ діакомъ, думному Еѳиму Тѣлепневу да Максиму Матюшкину.

Въ отвѣтъ на это донесеніе, отъ царя пришелъ наказъ, что когда братъ Іова Борецкаго пріѣдетъ въ Путивль, не должны воеводы ни о чемъ его разспрашивать, а тотъ часъ отправить съ товарищами въ Москву. Если съ нимъ пріѣдутъ запорожскіе черкасы изъ Литвы, и ихъ такъ точно, давъ имъ кормъ и подводы, отправить въ Москву. Воеводы доносили:

И нынѣшнего, государь, 139 году сентября въ 11 день писали къ намъ холопемъ твоимъ въ Путивль съ путивльской заставы отъ Желѣзныхъ Колецъ головы путивльцы Ѳедоръ Оладьинъ да Івашко Борсуковъ, что пріѣхалъ къ нимъ къ той заставе путивлецъ Василей Новиковъ, а въ роспросе имъ заставнымъ головамъ тотъ путивлецъ Василей сказалъ: что былъ дѣ онъ въ Литовской земли въ Киеве у киевского митрополита у Іева Борецкого, и митрополитъ дѣ киевской Іевъ Борецкой, ему Василью сказывалъ: Отъ турского дѣ царя паша съ турскими и съ крымскими людьми стоитъ въ Волоской земли, а много (ль) дѣ съ нимъ пашею людей, тово онъ ему Василью не сказалъ. А идетъ дѣ онъ паша турского царя на Польскую и на Литовскую землю войною.

И въ прошломъ дѣ, государь, во 138 году, въ Петровъ постъ, король польской послалъ къ турскому царю пана Песецкого о мирномъ договоре въ послехъ, чтобъ де турской царь своихъ людей не посылалъ на ево Польскую и Литовскую землю войною; а онъ дѣ польской король хотелъ запорожскихъ черкасъ убавить, а учинить ихъ по прежнему шесть тысечь, и тѣхъ дѣ хотелъ унять, на моря подъ Турского городы ходить не велѣлъ.

И будетъ дѣ Турской съ польскимъ королемъ помирятца, и митрополитъ дѣ ему Василью сказывалъ: польскимъ дѣ и литовскимъ людемъ одноконѣчно итти на твою гостдареву землю войною, а съ кемъ имянемъ и многимъ ли людемъ, и вскоре ль итти, и тово де ему Василью митрополитъ не сказалъ.

Да онъ же Василей Новиковъ сказалъ: какъ дѣ онъ исъ Киева поѣхалъ въ Путивль, и на отпуске де митрополитъ киевской Иевъ Борѣцкой ему Василью сказалъ: какъ дѣ онъ митрополитъ допряма про всякие вѣсти провѣдаетъ, и онъ митрополитъ хотелъ съ тѣмъ отъ себѣ прислати къ тебѣ государю къ Москве брата своего родного Ондрѣя Борѣцкого. А листовъ онъ Василей у себя отъ митрополита къ тебѣ государю и къ отцу твоему великому государю святейшему патриарху Ѳиларѣту Никитичю московскому і всеа Русиі никакихъ не сказалъ.

Да онъ же Василей сказалъ: слышалъ дѣ онъ отъ митрополита: гетманъ дѣ Конецъ Польской съ поляки стоитъ на Оринином поли отъ Волокой границы противъ турскихъ людѣй, а много ль дѣ съ нимъ поляковъ, тово ему не сказалъ. А запорожские де козаки съ гетманомъ своимъ съ Тимошкамъ стоятъ за Днепромъ же въ Бѣлой Церкви, и въ Котельне, и въ Белиловки, и въ иныхъ литовскихъ городехъ отъ волоского жъ рубежа. И гетманъ де Конѣцъ Польской запорожскихъ черкасъ зоветъ къ себѣ въ табуръ, и они дѣ черкасы къ нему нѣ идутъ, а блюдутца отъ поляковъ оману, чтобъ ихъ поляки не побили; и онѣ де черкасы хотятъ съ ними битца.

Да онъ же дѣ Василей сказалъ: что въ Киевскомъ дѣ уезде около Печерского монастыря въ Спаскомъ конце на люди мороровое повѣтрее учинилось. Передъ Оспожиными заговены мерли

въ тѣхъ мѣстехъ немногие люди, а во Ржищиве дѣ и въ Стайкахъ за Днепромъ многие люди вымерли.— —

XXIV.

ДОНЕСЕНІЕ КОЗАКА БУТА.

О ТУРЕЦКО-ТАТАРСКИХЪ СИЛАХЪ.

1630, авзуста 22.

Въ донесеніи путивльца Василія Новикова (стр. 320) говорится: что козаки, уже перебракованные согласно договору съ Конецпольскимъ, не хотятъ идти, по его приглашенію, къ нему въ таборъ; что они боятся какого то обмана отъ поляковъ и готовятся къ войнѣ съ поляками. Между тѣмъ въ нижеслѣдующей запискѣ, очевидно полученной изъ козацкаго коша и, какъ надобно думать, врученной Іовомъ Борецкимъ тому же Новикову, козацкое войско является послушнымъ коронному гетману и исполняющимъ свою обязанность. Собираться ему въ польскій таборъ было не для чего, потому что козацкое дѣло состояло въ занятіи сторожевыхъ позицій, въ виду наступающаго издали непріятеля, котораго намѣренія не извѣстны, какъ это и представлено въ запискѣ. Къ табору же короннаго гетмана козаки примкнули бы и безъ приглашенія, когда бы непріятель приблизился и надобно было бы выдерживать напоръ его. Но въ 1630 году этого не случилось.

Року 1630 мѣсяца августа 22 дня. Рада была за Масловымъ ставомъ у Ювского(?) ставу, до которое рады гетманъ козацкий Тимофей Михайловичъ зъ Канева казалъ покликати Бута, который вышолъ зъ орды. Пытаный отъ гетмана, сказалъ, жемъ теперъ утѣкъ съ подъ Змаила. Южъ на волоскомъ березе тамъ войска

турские въ полю лежатъ, до которого войска цесаръ прислалъ башу, и заразъ баша Кантимира казалъ стяти, и потымъ къ оному баши и до войска катергъ пришло три, на которыхъ привезено зовсѣмъ дѣлъ оправныхъ седмъ десять, и подъ оные дѣла послалъ по Кантимировы стада. До того тежъ повѣдѣлъ, ижъ катергъ подъ Очаковъ пришло зъ людомъ пятдесятъ бѣломорскихъ. Томъ, пане гетмане, видѣлъ и то повѣдаю.

Заразъ зъ рады въ недѣлю 25 августа, за росказанямъ гетмана коронного Конецпольского, Войско Запорозское пошло на волость осмъ полковъ. Гетманъ запорозский зъ гарматою станулъ въ Бѣлой Церкви. Иные полки по мѣстахъ ажъ до волоскихъ границъ на Чорномъ шляку татарскомъ залегли. А войско польское подъ Каменецъ на Оринино поле стягается.

Сеймики септеврія 25 дня были, на которые король присылалъ, абы позволили на обраня нового короля, на што жаденъ за живота его позволити не хотѣлъ. И посломъ своимъ на великомъ сеймѣ позволяти не велѣли. Друга жъ, абы поборы на заплату войску заслужоного и на затягъ новый позволили, на што альбо на чтыри поборы, альбо на едно подымное. А больше нѣчого воевоедство Киевское своимъ посломъ отъ себе позволити (не) велѣло.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

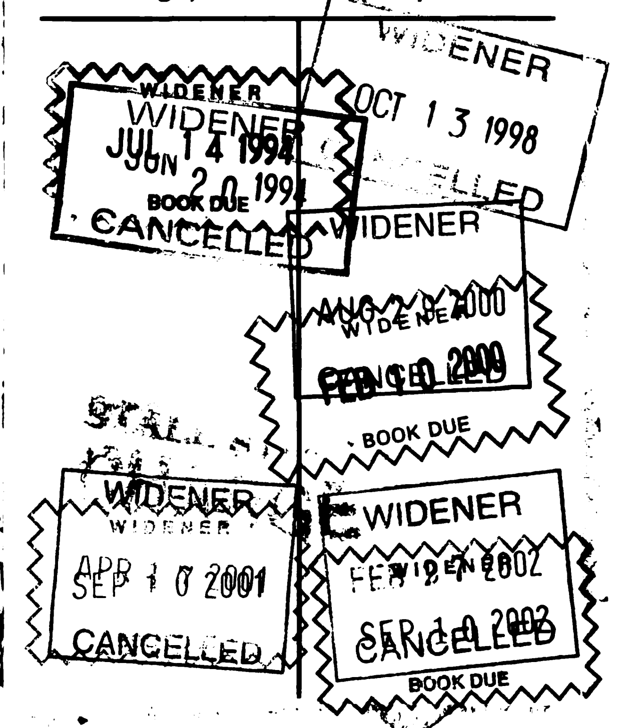
Матеріяловъ для исторіи русскаго возсоединенія заготовлено у издателя уже на нѣсколько томовъ, и I-му тому предполагалъ онъ дать объемъ побольше; но книга и безъ того запоздала выходомъ, а между тѣмъ слѣдующіе матеріялы изъ эпохи 1620-хъ переходятъ въ эпоху 1630-хъ годовъ, существенно, по своему характеру, отличную отъ предыдущей. Это заставило издателя закончить I-й томъ на 21-мъ печатномъ листѣ. Дальнѣйшіе томы „Матеріяловъ для Исторіи Возсоединенія Руси" будутъ объемистѣе.

ПОПРАВКИ:

1. Въ III-мъ томѣ „Исторіи Возсоединенія Руси", на страницѣ 237, вмѣсто словъ: передъ самою переяславскою войною, слѣдовало бы напечатать: послѣ переяславской войны.—Въ примѣчаніи къ стран. 2, вмѣсто докум. XV, слѣдовало бы напечатать докум. XVIII, а въ прим. къ стр. 5, вмѣсто докум. XIII,—докум. XIV.

2. Въ I-мъ томѣ „Матеріяловъ для Исторіи Возсоединенія Руси" послѣдніе документы слѣдовало бы напечатать въ такомъ порядкѣ: XXI. Договоръ Конецпольскаго.—XXII. Вѣсти путивльца Гладкаго.—XXIII. Сынъ Борецкаго на службѣ у царя.—XXIV. Донесеніе козака Бута.

І-й томъ „Матеріяловъ для Исторіи Возсоединенія Руси“
составляетъ
приложеніе къ III-му тому „Исторіи Возсоединенія Руси“,
но продается и отдѣльно.
Во всякомъ случаѣ цѣна ему 2 р.


WIDENER
JUL 1 4 1994
CANCELLED
WIDENER
JUN 2 0 1994
BOOK DUE
WIDENER
OCT 1 3 1998
CANCELLED
WIDENER
AUG 2 9 2000
CANCELLED
WIDENER
FEB 1 0 2000
BOOK DUE
WIDENER
APR 1 0 2001
CANCELLED
WIDENER
SEP 1 0 2001
WIDENER
FEB 2 7 2002
CANCELLED
WIDENER
SEP 1 0 2003
BOOK DUE